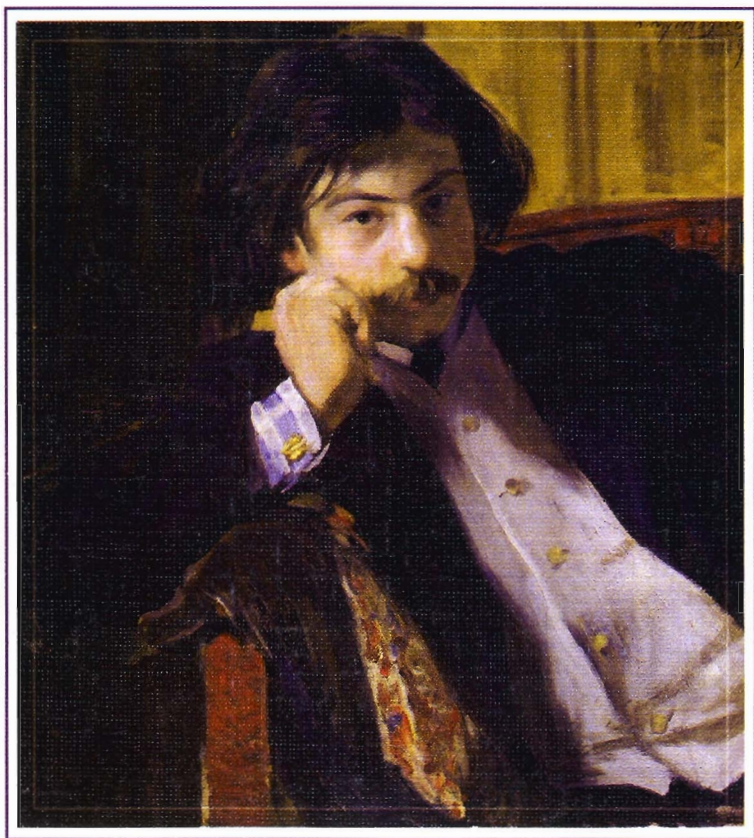

ЯНКО ЛАВРИН
И
РОССИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ЯНКО ЛАВРИН И РОССИЯ

Ответственный редактор
Ю. А. Созина

Серия "Slavica et Rossica"

Москва 2011

Серия "Slavica et Rossica"

Редколлегия: *И. А. Герчикова*, кандидат филологических наук,
Ю. А. Созина, кандидат филологических наук (отв. ред.),
Т. И. Чепелевская, кандидат филологических наук,
И. В. Чуркина, доктор исторических наук.

Рецензенты: *И. С. Леонов*, кандидат филологических наук,
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук.

Янко Лаврин и Россия

Книга посвящена жизни и творчеству Я. Лаврина (1887–1986), словенца, проводшего десять ярких и плодотворных лет в России, принимавшего активное участие в культурной жизни дореволюционного Петербурга, многое сделавшего для развития литературных связей между славянами. Его творческое наследие разнообразно: помимо авторской работы он издавал журнал «Славянский мир» и альманах «Велес», занимался переводами, был военным корреспондентом. В 1916 г. вышла его книга «В стране вечной войны. Албанские эскизы».

В настоящем издании представлены разные стороны культурной и литературной деятельности Лаврина. Книгу составляют труды ученых из России, Словении, Великобритании, США и Швеции, которые затрагивают деятельность Лаврина в различные периоды его жизни, в том числе и в Великобритании, где он преподаёт русскую литературу и пишет книги, посвященные Пушкину, Гоголю, Достоевскому и многим другим. На них, переведившихся на разные языки и многократно переиздававшихся, выросли поколения зарубежных русистов. Помимо работ о Лаврине в сборник вошли неизвестные письма, воспоминания, а также некоторые ранние работы самого Лаврина, представляющие культурно-историческую ценность.

ISBN 978-5-7576-0227-1

© ИСЛ РАН, 2011

От редколлегии

В основу настоящего коллективного труда легли материалы круглого стола, посвящённого словенскому филологу, названному в своё время «Нестором английской русистики» (А. Сказа), писателю, переводчику Янко Лаврину (10 февраля 1887 г., Крупа близ Семича – 13 августа 1986 г., Лондон). Научная встреча состоялась 11 ноября 2008 г. в Москве и была организована Центром истории славянских литератур Института славяноведения РАН¹. Следует отметить, что изначально идея круглого стола принадлежала американским коллегам-учёным Реймонду Х. Миллеру и Тимоти Погачару из Общества словенистических исследований (Society for Slovene Studies), которые почти одновременно – в конце ноября 2008 г. – в Филадельфии провели заседание, посвященное Янко Лаврину, в рамках 40-ого Национального съезда Американской ассоциации по развитию славистических исследований (American Association for the Advancement of Slavic Studies), и их начинание с энтузиазмом поддерживали российские исследователи. Оба мероприятия были посвящены столетию прибытия словенского литератора в Россию, которая на протяжении всей его долгой жизни занимала достойное место в его художественном и научном творчестве.

Собрание в Москве приветствовали представители посольства Словении. Вступительное и заключительное слово произнесла руководитель Центра истории славянских литератур Л. Н. Будагова, отметившая то, что связь Я. Лаврина с Россией, где он прожил почти десять лет, не ограничилась этим периодом, во время которого он сформировался как квалифицированный славист и русист. Покинув Россию, обосновавшись в Великобритании, расширив круг своих интересов, он не расстался с русской литературой, глубоко исследуя и увлечённо популяризируя её всю свою жизнь. С докладами выступили сотрудница Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета О. В. Косик («Янко Лаврин как издатель «Славянского мира»»), литературовед, длительное время проработавший в Институте мировой литературы РАН, в настоящее время сотрудник Российского государственного архива литературы и искусства А. Е. Парнис («В. Хлебников и возрождение славянской идеи (по переписке с профессором Я. Лавриным)»), исследователь из Словении В. И. Барановский

---

¹ Круглый стол «Янко Лаврин и Россия» проводился в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Славянский мир в глазах России» (№ 08-04-00076а, рук. Л. Н. Будагова).

(«Янко Лаврин и группа “Безкровное убийство”»¹ – в соавторстве с И. Б. Хлебниковой), словенисты, представители Института славяноведения РАН Т. И. Чепелевская («Художественный образ Балкан в очерках и корреспонденциях рубежа XIX–XX веков (Е. Витте, Е. Марков, А. Амфитеатров, Я. Лаврин и др.)») и Ю. А. Созина («Образ писателя в книге Я. Лаврина “Лев Толстой сам о себе” (К 180-летию русского писателя)»). Как в докладах, так и в развернувшейся затем дискуссии много говорилось не только о преданности Я. Лаврина русской литературе, но и об обратной связи – о том, как ценят этого учёного у нас в стране. Круглый стол завершился демонстрацией документального фильма «Янко Лаврин: весь словенский, весь русский, весь английский, весь космополит» (ТВ Словении, сценарист и режиссёр А. Н. Драган, 2006/2007).

Представленные на научной встрече в Москве материалы высветили важность и исключительность вклада Лаврина в культурную жизнь дореволюционной России, в углубление русско-славянских литературных и культурных связей, в развитие современной зарубежной славистики и компаративистики, а также вызвали искренний интерес аудитории к человеку, столь много сделавшему для России, но известному лишь узкому кругу специалистов, а для широкой публики долгие годы остававшемуся за «железным занавесом», который разделял Россию и Запад. Примечателен тот факт, что портрет Я. Лаврина, принадлежащий перу выдающегося русского художника Б. М. Кустодиева (1909)², долгое время был значительно более известен, чем сама личность, за ним скрывающаяся. Волей-неволей настоящая книга призвана восстановить справедливость. Представленная в публикуемых материалах панорама друзей и коллег Лаврина выявляет широту его личности – не только как деятеля, но и как человека.

В связи с научной командировкой в ноябрьских мероприятиях не смогла участвовать одна из первых исследователей российского наследия словенского филолога – И. В. Чуркина, но в книге представлена её статья о журнале «Славянский мир», в котором роль главного редактора, переводчика и автора выполнял Я. Лаврин. Свой вклад в создание книги внесли и американские учёные, которых представляет искусствовед И. Г. Стаханова.

¹ Здесь и далее название группы традиционно даётся в старой орфографии.

² Портрет представлен на обложке настоящей книги.

Стремясь показать феномен личности Янко Лаврина не только с точки зрения современной российской науки, но и с позиций его соотечественников, словенцев, и коллег из Великобритании, бывшей ему домом на протяжении почти семи десятилетий, редколлегия обратилась с просьбой об участии в проекте к некоторым зарубежным исследователям. Так, в сборник вошли статьи академика Словенской академии наук и искусств Д. Моравеца, исследовавшего словенские публикации Янко Лаврина, и д-ра, проф. М. В. Джоунса, русиста, который в своей книге «Славянский мир» (2009), посвящённой истории славянского отделения в Ноттингемском университете, написал большую статью о Янко Лаврине как о человеке, стоявшем у истоков университетской славистики. Шведскому исследователю М. Юнгтрену, преподающему русскую литературу в Гётеборгском университете, посчастливилось взять интервью у девяностодевятилетнего Янко Лаврина, незадолго до его кончины, благодаря чему представленные им материалы содержат в себе важные дополнительные подробности российского периода жизни знаменитого филолога. При работе с предоставленными авторами материалами редколлегия старалась унифицировать некоторые характеристики, имена и названия и, на сколько это было возможно, уменьшить количество повторений одних и тех же фактов, однако в определённых случаях повторы оказались необходимыми. В остальном же авторам была предоставлена свобода научного самовыражения.

В книге впервые вводятся в научный оборот уникальные материалы: письма, воспоминания, – и публикуются некоторые малоизвестные работы самого Лаврина, представляющие несомненную культурно-историческую ценность. Многие идеи исследователя – о путях развития культур, о цивилизационных процессах и закономерностях и др. – в наши дни все ещё представляются актуальными. (Так, о теме Косова, «чёрного кладбища» сербской истории, поднятой Я. Лавриным в книге «В стране вечной войны. Албанские эскизы», 1916, пишет Т. И. Чепелевская.) В настоящей книге его воззрения представлены в динамике. Находясь в постоянном поиске, Лаврин не боялся менять свою позицию, вернее сказать – уточнять идеи, расширять научный горизонт. Будучи неакадемическим учёным, что им самим не раз с гордостью подчёркивалось, он создал особый литературоведческий метод воссоздания духовной и интеллектуальной сущности писателя – через

проникновение в его произведения, воссоздание жизненного пути, исследование основных идей эпохи, в которой тот творил, а также через смелые сравнения с другими выдающимися представителями времени, именно благодаря этому его труды повлияли на развитие компаративистики.

Редколлегия выражает искреннюю признательность тем, кто поддержал настоящий проект и сделал возможной его реализацию: всем авторам публикуемых исследований и материалов, рецензентам Н. Н. Стариковой и И. С. Леонову, упомянутым выше Л. Н. Будаговой и А. Е. Парнису (последнему, в частности, за возможность ознакомиться с его личной перепиской с Я. Лавриным), американским коллегам Т. Погачару и Р. Х. Миллеру, словенским литературоведам А. Сказе, А. Корон и М. Крагелю, сотрудникам ИСл РАН историкам А. Л. Шемякину и С. И. Данченко, а также дирекции института во главе с К. В. Никифоровым; особую благодарность редколлегия выражает супругам И. Б. Хлебниковой и В. И. Барановскому за облегчение работы с источниками.

Случилось так, что наша книга выходит в свет спустя четверть века, как ушёл из жизни человек-эпоха Янко Лаврин, но посвятить её мы хотим 125-летию со дня его рождения, которое научный мир будет отмечать в следующем – 2012 – году.

I. О жизни и творчестве Янко Лаврина

Ю. А. Созина

Восприятие работ Янко Лаврина в современной России

Художественное и научное наследие, оставленное нам Янко Лавриным, обширно и разнообразно. Интересы этого замечательно-го литератора – журналиста, учёного, писателя, переводчика – были весьма широкими и отнюдь не замыкались на России, её литературе и культуре. Однако именно Россия стала основным направлением его деятельности. Учёба в России, работа в русских периодических журналах, участие в литературной жизни дореволюционного Петербурга, а с 1918 г. преподавание русского языка и литературы в Ноттингемском колледже (с 1948 г. – университете) и многочисленные книги-исследования, переиздававшиеся на разных языках в течение всей жизни автора и посвящённые А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому и многим другим. В этих трудах учёный заставлял по-иному прислушаться к внутреннему голосу русских писателей, своеобразно интерпретируя их творения, отказываясь от расхожих формулировок и устоявшихся мифов.

Творчество Янко Лаврина (или, как его на русский манер иногда называют, Янко Ивановича Лаврина), начиная с самых ранних работ, находило отклик среди российской интеллигенции. Вместе с тем различные сферы его деятельности, будь то журналистика, переводческая деятельность или научные исследования, воспринимались в России (кроме, конечно, узкого круга специалистов) в едва ощутимой зависимости друг от друга. Это относилось и к началу карьеры – к 1910-м гг., когда мало кто мог себе представить масштабы его деятельности.

В России Лаврин известен прежде всего как словенский писатель, принимавший активное участие в культурной жизни дореволюционного Петербурга. Например, он часто упоминается в связи с деятельностью литературно-художественной группы футуристической ориентации «Безкровное убийство», существовавшей в 1914–1918 гг. в Петрограде, и издаваемым ею одноимённым

журналом¹, в котором изначально было заложено анархично-карнавальное начало: «всё преувеличивалось, извращалось» (как писала О. И. Лешкова²). Именно Я. Лаврин стал предметом насмешек в специальном «Албанском» выпуске, который так понравился И. М. Зданевичу (1894–1975), что тот буквально за несколько дней написал и поставил «заумную» пьесу «Янко круль албанскай» (изд. в Тифлисе, 1918)³. Премьера состоялась 3(16) декабря 1916 г. в мастерской художника и педагога М. Д. Бернштейна (1875–1944). В связи с этим весьма часто, хотя и не совсем обоснованно вспоминают и книгу Я. Лаврина «В стране вечной войны. Албанские эскизы», 1916: якобы в пьесе выпячивалась и осмеивалась позиция автора как полная предрассудков, панславистских идей и мегаломании. Однако это мнение оказалось поверхностным. Это доказывают современные работы Т. И. Чепелевской, исследовавшей книгу Я. Лаврина в первую очередь как важное историческое и культурологическое свидетельство⁴, и изыскания И. Б. Хлебниковой и В. И. Барановского, уверенных в том, что И. Зданевич – во всяком случае, до создания своей пьесы – этой книги не читал⁵.

К петербургскому периоду жизни Я. Лаврина относятся также его знаменитый портрет кисти Б. М. Кустодиева (1878–1927), часто упоминается его же эскиз (1909) обложки для книги писателя «Хаос», по всей вероятности, так и не опубликованной. В России никогда не забывали об участии Я. Лаврина не только в создании знаменитого в свое время журнала «Славянский мир», но и других изданий (например, благодаря усилиям Я. Лаврина и С. М. Городецкого (1884–1967) выпел один выпуск «Первого альманаха русских и инославянских писателей» – «Велес»⁶).

¹ Рукописный гектографированный журнал «Безкровное убийство» выпускался весьма малым тиражом для узкого круга участников и друзей.

² РГАЛИ (Рос. гос. арх. лит. и искусства). Ф. 794, Оп. 1. Ед. хр. 182.

³ См.: Зданевич И. М. (Ильезд). Философия футуриста: Романы и заумные драмы / предисл. Р. Гейро, подгот. текста и коммент. Р. Гейро и С. Кудрявцева, сост. и общ. ред. С. Кудрявцева. М., 2008. С. 475–501.

⁴ См.: Чепелевская Т. И. Опыт национальной и личностной идентификации: на материалах книги Я. Лаврина «В стране вечной войны (албанские эскизы)», Петроград, 1916 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008. С. 245–255. (– См. также её статью в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

⁵ См. их работы, опубл. в настоящем изд.

⁶ Велес. Первый альманах русских и инославянских писателей, под редакцией Сергея Городецкого и Янко Лаврина. Петроград, 1912–1913.

Для любителей российской словесности оказались важны и воспоминания Янко Лаврина о Велимире Хлебникове (1885–1922) в период сотрудничества того с газетой «Славянин» и в связи с разрабатываемой им поэтикой «славянской взаимности»¹. Эти воспоминания частично были опубликованы в 1985 г. в журнале «Литературное обозрение»² А. Е. Парнисом, российским исследователем творчества В. Хлебникова. На протяжении 15 лет он переписывался с Я. Лавриным, благодаря чему, в научный оборот было введено одно из произведений Хлебникова, ранее считавшееся анонимным, – рассказ «Закалённое сердце»³.

Для россиян Лаврин интересен и как «английский» (выделено нами. – Ю. С.) славист. Его работы действительно оказали заметное влияние на восприятие русской литературы в англоязычном мире. Так, в 1964 г. А. Л. Григорьев книгой Я. Лаврина «Введение к русскому роману»⁴ иллюстрирует «отрицательное отношение к критическому реализму» романа «Воскресение» Л. Н. Толстого в работах «большинства современных буржуазных

¹ Например, см.: *Кацис Л., Одесский М.* Поэтика «славянской взаимности» в творчестве В. В. Хлебникова и В. В. Маяковского // Солнечное сплетение. Иерусалим, 2000. № 12–13. С. 201–232; *Баран Х.* К проблеме идеологии Хлебникова: мифотворчество и мистификация // Россия. – Russia. Вып. 3(11): Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX века. М., 1999. С. 261–279; и др.

² *Лаврин Я.* [Воспоминания о Хлебникове] / публ. и коммент. А. Е. Парниса // Литературное обозрение. М., 1985. № 12. С. 97–98.

³ А. Е. Парнис является автором целого ряда работ, связанных с Я. Лавриным. Благодаря письму исследователя автору от 30 марта 2010 г. приводим полный их список: *Парнис А. Е.* Неизвестный рассказ Хлебникова // Russian Literature Triquarterly. By Ardis. Ann Arbor. 1976. P. 468–475; *Его же.* Неизвестный рассказ В. Хлебникова // Сборник за славистику. Нови Сад, 1977. № 12. С. 145–151; *Его же.* Лаврин Янко // Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1978. Стб. 409–410; *Его же.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова. Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура. Ленинград, 1978. С. 223–251; *Его же.* Хлебников: в поисках нового пространства и о преодолении Европы // Балканские чтения – 2. Симпозиум по структуре текста / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1992. С. 137–143; *Parnis A.* Chlebnikov: W poszukiwaniu nowej przestrzeni i o przezwyciezeniu Europy // Studia Literaria polono-slavica. Warszawa, 1993. № 1. S. 169–173; *Парнис А. Е.* О двух разных подходах к одному информанту (К реконструкции диалога) // Литература как миропонимание. Literature as a world view: Festschrift in honour of Magnus Ljunggren. Gothenburg Slavic Studies 2 / University of Gothenburg. Göteborg, 2009. S. 265–280.

⁴ *Lavrin J.* An Introduction to the Russian Novel / 2nd edition. London, 1942. – Указано 2-ое изд. книги, впоследствии выдержавшей ещё несколько переизд.

литературоведов», подчеркивая, что «английский русист» порицает роман за «извращённое пуританство» и за отступление от той инстинктивной биологической жизни, являющейся, по его мнению, истинной сферой Толстого, высшим проявлением его «иррациональной гениальности»¹. Примечательно, что в монографии Лаврина о Толстом таких категорических клише нет, да и быть не могло, хотя исследователь действительно считает, что процесс так называемого нравственного воскресения Нехлюдова, используемый автором для выражения собственных идей, «выглядит малоубедительным и оставляет читателя безучастным»².

В статье о «советологе» Лаврине в 9-ом (дополнительном) томе Краткой литературной энциклопедии (1978) А. Е. Парнис, называет Лаврина видным исследователем истории литературы, главным образом русской, и уже подчёркивает его словенское происхождение. Авторы же коллективной статьи «Переводы и изучение Лермонтова за рубежом» в «Лермонтовской энциклопедии», вышедшей в 1981 г., – Л. М. Аринштейн и Ю. Д. Левин – отмечают книгу «Лермонтов» (Лондон, 1959), где «английский славист» исследует «байронизм и художественный метод Лермонтова, а также его влияние на последующую русскую литературу»³.

Уже в современной России, в 1999 г., появилось первое русское издание монографии Янко Лаврина, посвященной Л. Н. Толстому⁴. Характерна коротенькая заметка об авторе российских издателей. Во избежание недоразумений процитируем её целиком, так как она более чем наглядно свидетельствует о незаслуженно малой известности наследия словенского исследователя: «Янко Лаврин (1887–1986). Профессор славистики в Ноттингемском университете с начала 20-х годов. Автор многочисленных работ о Гоголе, Лермонтове, Гончарове, Достоевском и Толстом, а также исследований по истории русской литературы и русского романа. В 1973 году вышла его “Панорама русской литературы”».

¹ Григорьев А. Л. Роман «Воскресение» за рубежом // Толстой Л. Н. Воскресение / АН СССР; [изд. подгот. Н. К. Гудзий, Е. А. Маймин]. М., 1964. С. 552–573.

² Лаврин Я. Лев Толстой сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и илл.) [Лев Толстой сам о себе в изложении Янко Лаврина] / Пер. с нем. О. Мичковского. Челябинск–Пермь, 1999. С. 174.

³ Лермонтовская энциклопедия / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.». М., 1981. С. 387–409.

⁴ Лаврин Я. Лев Толстой сам свидетельствующий о себе ... 464 с. – Об этой книге Лаврина см. подробно в нашей статье «Образ писателя в книге Я. Лаврина “Лев Толстой сам о себе”» в настоящем изд.

Вместе с тем, хочется ещё раз особо подчеркнуть, что, как ни значительны упомянутые труды Лаврина, его деятельность ими далеко не ограничивается.

В специальных научных исследованиях словенской истории, культуры и литературы Янко Лаврин упоминается главным образом в связи с первыми переводами на русский язык произведений крупнейшего словенского писателя рубежа XIX–XX вв. Ивана Цанкара¹.

При этом долгое время имя Лаврина как переводчика и издателя не идентифицировалось с работами, подписанными другим именем – Лев Савин. Вместе с тем, советская наука высоко оценивала его деятельность. Савина считали прогрессивным «талантливым русским критиком», сделавшим «чрезвычайно много для популяризации в России творчества новейших югославянских писателей»². Положительно оценивались его симпатии к реализму, особо указывалось на умеренность его убеждений.

Разрешить эту загадку удалось О. В. Мудровой (ныне Косик), которая в ходе своих исследований русской периодической печати начала XX в. пришла к выводу, что Лев Савин – это псевдоним. В процессе поисков молодая в то время исследовательница вступила в переписку с профессором Янко Лавриным и получила подтверждение своим догадкам³. Итогом её работы стала вышедшая в 1981 г. первая в России серьёзная статья о журналистской и издательской деятельности Я. Лаврина как одного из сторонников идеи культурной взаимности славян⁴.

В сохранившихся у А. Е. Парниса письмах от Я. Лаврина также есть указания на то, что тот довольно часто пользовался псевдонимами⁵. Известно, что свои переводы и статьи он мог

¹ См. работы Ю. Д. Беляевой, И. В. Чуркиной, М. Л. Бершадской, Т. И. Чепелевской, А. Г. Бодровой.

² Беляева Ю. Д. Литература народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. С. 223, 237.

³ См. статью О. В. Косик и публикацию девяти писем Лаврина к ней в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

⁴ Мудрова О. В. Журнал «Славянский мир» (1908–1911) и вопросы культуры югославян // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1981. № 1. С. 34–42. – Впоследствии эти материалы вошли и в её диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Сербская культура в русской периодической печати начала XX века (1900–1914)» (1982; под научным руководством д.ф.н., проф. Б. И. Есина).

⁵ В письме от 12 ноября 1977 г. Лаврин пишет: «Пока я жил в России, я писал и печатал довольно большое количество вещей под разными псевдонимами, многие из которых я уже забыл. Лев Савин был только одним из них»;

помещать под инициалами «И. Г. Л.», «Л.», «Л. С.». Идентифицировать другие псевдонимы Лаврина представляется в настоящее время сложной исследовательской задачей.

В 1989 г. публикуется работа И. В. Чуркиной, обратившейся к личности Я. Лаврина, к оценке его деятельности в журнале «Славянский мир» и его последующим публикациям. Исследовательница во многом уточняет и углубляет знания о словенском литераторе, а также раскрывает его общественную позицию: «Янко Лаврин <...> считал, что сторонники новой славянской идеи не должны противопоставлять славянские народы неславянским. Они должны стоять на позициях “взаимного уважения, взаимного знания и знакомства, взаимной справедливости и прежде всего равенства для всех без исключения”. Врагом для славян должен являться не чужой, а тот, кто несправедлив. Конечная цель для сторонников новой славянской идеи – слияние всех людей в единое человечество, которое должно развиваться на основе христианской морали»¹.

Янко Лаврин сам называл себя человеком мира, но всегда оставался словенцем, славянином. Россия дала ему очень много для развития его как личности и как учёного, и он оставался верным ей до конца своих дней. Вместе с тем в России до сих пор не было попыток представить деятельность Янко Лаврина во всём её многообразии и масштабности. Важным шагом на пути к этому стал круглый стол «Янко Лаврин и Россия», проведённый в ноябре 2008 г. в Институте славяноведения РАН. Оценить вклад Я. Лаврина в российскую культуру и роль России в его жизни и творчестве призван и настоящий сборник.

– а 5 октября 1985 г. повторяет: «В те времена я был довольно активным литератором под разными псевдонимами, большинство которых я уже забыл».

¹ Чуркина И. В. Янко Лаврин в России // На рубеже веков (Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX – начала XX в.) / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989. С. 87–96. (См. также её статью в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

Янко Лаврин и «славянская идея»: воспоминания о России*

История жизни уроженца Словении Янко Лаврина весьма важна в повествовании об утопических десятиях годах XX века, о десятилетиях, буквально бурлившем идеями и политическими течениями и вскоре взорвавшимся мировой войной и революциями. Благодаря своей молодости, энергии, жадности до впечатлений, крайней экстравертности, необычайной подвижности, восприимчивости к новым мыслям, а также страсти к путешествиям Лаврин стал уникальным свидетелем целой эпохи.

Однажды мой друг Александр Парнис предложил мне взять у него интервью. Он переписывался с этим удивительным человеком, обнаружил с его подачи неизвестный рассказ Велимира Хлебникова, но не имел возможности задать ему многих вопросов лично¹. Весной 1986 г., незадолго до смерти Лаврина, я приехал в Лондон и услышал историю о том, что ему пришлось пережить. Всё, что он говорил, сохранилось в моих записях². По большей части его память была ещё ясной, проблемы возникали лишь с точными датировками, что, однако, можно было восполнить архивными материалами. После бурных 1910-х гг. жизнь Лаврина вошла в более спокойное русло: он стал профессором русской литературы в Ноттингеме.

Лаврин был рождён подданным Габсбургской империи. Местом рождения стала едва насчитывавшая десяток домов деревня Крупа в словенской Белой Крайне. После окончания обучения в Сушаке близ Риеки, спасаясь от военной службы в кайзеровской армии, он сразу, уже в 1907 г., «сбежал» в Россию. Однако «побег» был вызван главным образом тем, что им завладела переживавшая возрождение с наступлением нового века «славянская идея», а также мечты об освобождении от венского гнета, о славянской культурной общности. Неославизм радикального толка

* Посвящается 70-летию А. Е. Парниса.

¹ См.: Парнис А. Е. О двух разных подходах ...

² По горячим следам было опубликовано интервью в шведской газете «Экспрессен» («Expressen») 25 мая 1986 г. под рубрикой «И Толстой был с нами» («Och Tolstoj var med oss»). Материалы вошли также в статью «Удивительные десятилетия в жизни Янко Лаврина» для журнала «Русское культурное обозрение»: *Ljunggren M. Janko Lavrins fantastiska 1910-tal // Rysk Kulturrevy. 1986. № 4. S. 9–16.*

отнодье не был вариантом старой русской великодержавной фантазии о царской власти во главе славянских подданных. Духовной путеводной звездой Лаврина был Достоевский, и юноша стремился в Россию. В этом заключался некий парадокс, некая двусмысленность. Находясь под сильным впечатлением от таких патриотически настроенных словенских писателей, как Антон Ашкерц и Иван Цанкар, Лаврин мечтал о том, чтобы самому стать писателем. Близким ему было и их увлечение русской литературой. Ашкерц переводил русскую поэзию, Цанкар как прозаик всё больше писал в духе Достоевского. Наряду с идеей о христианско-славянской общности, в Достоевском Лаврина привлекало психологическое мастерство писателя. Молодой словенец решил обосноваться именно в Петербурге и попытаться овладеть русским языком как родным. Он ненавидел габсбургскую правящую верхушку, терпеть не мог немецкий язык и видел себя участником создания славянского фронта против кайзеровской империи.

В Петербурге двадцатилетний Лаврин довольно скоро нашёл единомышленников. Он стал изучать славянскую лингвистику и археологию, но учёба продвигалась не слишком успешно. Вскоре, в 1908 г., в Праге состоялся Всеславянский съезд, на котором была сформулирована «неославянская программа», за ним последовали съезды в Петербурге (1909) и Софии (1910).

Лаврин познакомился с влиятельными представителями неославянского движения, ставшими наставниками рано осиротевшему юноше. Наиболее сильное впечатление произвёл на него чешский лидер движения, философ и политик Томаш Масарик, устремления которого имели схожую направленность с интересами Лаврина: это были русская духовность, Достоевский и Толстой, различные проявления славянофильства. Западный славянин, он был таким же воинствующим антигерманцем, как и Лаврин. Среди других представителей движения можно назвать невролога и психиатра В. М. Бехтерева, лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ. Лаврин уже вынашивал далеко идущие планы о всеславянском культурном журнале на русском языке. Бехтерев участвовал в поисках средств для него. Журнал получил название «Славянский мир».

Как раз в момент выхода первого номера журнала стало известно об аннексии Габсбургами Боснии и Герцеговины 6 октября 1908 г. Русская интеллигенция выступила за угнетённых южнославянских братьев. Спустя два месяца активный протест против происшедшего выразил сам Лев Толстой. Первый номер

«Славянского мира» вышел как нельзя кстати. По большей части он был написан самим Лавриным под различными псевдонимами. В качестве редактора он называл себя Иваном Лавриным, поставив себе целью стать русским общественным деятелем и писателем. В одной из статей он объяснял, что русский язык, не претендуя на превосходство, прекрасно подходит на роль всеславянского¹. Его идея заключалась в том, чтобы во имя общего дела мобилизовать на русском языке крупнейших славянских писателей современности². В номере было представлено творчество целого ряда писателей, в том числе роман Цанкара в переводе Лаврина, произведения болгарина Ивана Вазова и поляка Яна Каспровича. Лавриным был также написан очерк о Цанкаре как об образце для подражания, писателе, который, будучи весьма восприимчивым к русской литературе, смог воплотить идею славянского единства.

Вскоре вышел второй номер журнала (1909, № 2), в котором впервые на русском были представлены стихотворения Ашкерца и вновь проза Цанкара. Одновременно Лаврин основал небольшую книжную серию, в рамках которой была выпущена антология славянских писателей с участием Цанкара и, в частности, польской писательницы Марии Конопницкой. Постепенно он фактически стал переводить с пяти разных языков: словенского, польского, чешского, словацкого и белорусского. В круг его общения к тому времени уже входили не только русские писатели, но и художники. В первую очередь он стал близким другом Бориса Кустодиева, который был автором обложек к славянскому сборнику, к одному из номеров «Славянского мира» и к неизданному сборнику рассказов самого Янко Лаврина. Нетрудно понять, что в Кустодиеве он нашёл родственную душу. Искусство Кустодиева отличается, думается, именно русский колорит, сочное чувство национальной самобытности. Художник вступил тогда в один из самых интенсивных портретных периодов, и по просьбе друга Лаврин позировал ему (1909)³. Вскоре Лаврин стал своим человеком и в русской колонии художников в Куоккале под Петербургом, центральной фигурой которой был Илья Репин.

Летом 1909 г. в Петербурге состоялся 2-й Славянский съезд. В ответственной роли секретаря съезда Лаврин наладил новые

¹ Л. Русский язык и славяне // Славянский мир. СПб., 1908. № 1. (Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

² Подробнее об этом см. статью И. В. Чуркиной в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

³ Портрет хранится в Государственном Русском музее.

важные контакты. Масарик взял на себя задачу вовлечь в движение Толстого. Вскоре, 11–12 апреля 1910 г., он посетил Толстого в Ясной Поляне¹ и оттуда написал Лаврину письмо, которое заканчивалось словами «Лев Николаевич шлёт вам свои приветствия». Это означало, что Толстому рассказали о деятельности Лаврина, что он ознакомился со «Славянским миром» и поддерживает дело. Однако чувства Лаврина к Толстому были противоречивыми. Он восхищался его творчеством, но не мог понять его религиозного учения. Лаврин стремился (как он сказал мне спустя семьдесят шесть лет) не назад, к тому состоянию общества, когда человек был частью крестьянской общины и занимался ручным трудом, а вперёд, к лучшему миру.

Летом 1910 г. в Софии состоялся очередной Славянский съезд. В работе съезда приняли участие Бехтерев и Масарик. Свои впечатления от съезда, а также планы создания всеславянского общества учёных и писателей Бехтерев изложил в виде статьи для «Славянского мира»². Постепенно такое общество возникло, и Лаврин стал его секретарём. Союз поставил перед собой цель способствовать сотрудничеству между славянами, работающими в сфере науки и литературы. Кроме того, Бехтерев поделился с читателями «Славянского мира» своими личными воспоминаниями о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., об ужасающих сценах сражения под Плевной³.

Тем временем была выпущена новая брошюра – перевод Лаврина «Южнославянских песен и баллад»⁴. В течение года вышло девять номеров журнала «Славянский мир», в которых были опубликованы произведения Ашкерца, Цанкара, болгарина Пенчо Славейкова, серба Милутина Ускоковича, хорвата Сильвие Краньчевича, чехов Яна Неруды, Йозефа Сватоплука Махара и А. Ирасека, словака Гвездослава, своей соотечественницы Софьи Еловшек⁵, белоруса Максима Богдановича, хорвата Рикарда Каталинич-Еретова и, особо отметим, введение к поэме Франце

¹ См.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. Т. 2: 1891–1910. М., 1960. С. 757.

² Бехтерев В. М. Софийский съезд и вопросы славянского сближения // Славянский мир. 1910. № 10–11.

³ Бехтерев В. М. Воспоминания из поездки в Болгарию и воспоминания о событиях Освободительной войны 1877–1878 г. // Славянский мир. 1911. № 4–5.

⁴ Южнославянские песни и баллады. СПб., 1910.

⁵ Имеется ввиду Зофка Кведер (Еловшек – по первому мужу). – Примеч. ред.

Прешерна «Крещение при Савице», ставшей воплощением словенского национального эпоса (1910, № 3). Публикация предварялась статьей Лаврентия Лесковца «О словенцах и их первом поэте Прешерне». Автором значительной части переводов был Лаврин.

Лаврин жил в мире литературы. Его мировоззрение и взгляд на человека оформились главным образом под влиянием Достоевского, поэтому он особо сблизился с русскими символистами, ориентированными на наследие знаменитого писателя. «Славянский мир» перестал выходить в 1911 г. Последний объёмный номер (1911, № 4–5) состоял из новых переводов Цанкара, а также произведений Ашкерца, болгарина Любена Каравелова, поляков Адама Асныка, Яна Каспровича и чеха Яна Неруды. В номер вошла публикация об Украине с эпиграфом из Масарика. Кроме того, уже в первом номере этого года была напечатана принадлежащая перу Лаврина очень важная в принципиальном отношении передовая статья «Славянская идея и мы», обозначившая неприятие автором как распространившегося к тому времени русского национализма, так и панславизма XIX века, который учитывал лишь русские имперские амбиции. Лаврин отстаивал важность наличия плюрализма, при котором знакомство с каждым из славянских языков должно было происходить на его собственных условиях и с учётом его прав. Тем не менее он сохранял веру в славянскую «расу»¹.

«Славянский мир» должно было сменить издание славянского литературного альманаха, которое Лаврин планировал предпринять вместе с Сергеем Городецким, в первых своих книгах заявившим о своём интересе к славянской мифологии. Альманах, который был призван стать полем общения русских символистов с современными им славянскими коллегами близкой направленности, получил название «Велес» – в честь южнославянского бога, особо покровительствовавшего искусствам. Однако было ясно, что русский символизм переживает глубокий кризис и ему на смену идут молодые мятежники – футуристы. Любопытный Лаврин скоро освоился и в их среде. В футуристах его привлекало, в частности, их стремление к синтезу литературы и искусства. Вместе со своим другом, поэтом Николаем Белоцветовым, он посещал петербургское кафе-кабаре «Бродячая собака», общаясь там с футуристами.

Лаврин также увлекался горными походами. Летом 1912 г. он путешествовал по Кавказу и в компании своего петербургского

¹ Славянский мир. 1911, № 1. (Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

друга, художника Михаила Ле-Дантю, навестил выросших в Тифлисе братьев Илью и Кирилла Зданевичей. Ле-Дантю входил в группу художников-лучистов во главе с Михаилом Ларионовым и Натальей Гончаровой¹. Весной 1912 г. он заинтересовался грузинским художником-самоучкой Нико Пиросманашвили, писавшим свои работы в стиле примитивизма. В это время молодые авангардисты проявляли интерес к «примитивному» народному искусству, особенно к такого рода вывескам, которыми Пиросманашвили снабдил трактиры и винные погребки². Ле-Дантю и братья Зданевичи начали планомерно собирать сохранившиеся полотна художника, а летом 1912 г. Ле-Дантю в этом помогал Лаврин. На состоявшейся в марте 1913 г. московской выставке лучистов «Мишень» висевшие рядом с работами лучистов четыре вывески Пиросманашвили привлекли к себе огромное внимание³.

Неутомимый Лаврин успевал и многое другое. В том же году он посетил Славянский съезд, проходивший в Праге под председательством Масарика. Кроме того, он, хотя и был дезертиром, тайно побывал в Любляне, где, наконец, лично познакомился с Цанкаром и наладил более тесный контакт с «препородовцами»⁴, в программу которых входило создание особой южнославянской национальной общности, своего рода югославского государства. Лаврин явственно ощутил брожение всего региона. В октябре 1912 г. разразилась Первая Балканская война, в феврале 1913 г. за ней последовала Вторая.

Именно в это время Янко Лаврин знакомится с Велимиром Хлебниковым. Однажды, когда он ехал на поезде, в купе внезапно вошёл в сопровождении своего друга Давида Бурлюка ещё совсем молодой Владимир Маяковский⁵. По воспоминаниям Лаврина, Маяковский, словно в трансе, бормотал под нос свои последние стихи. Казалось, он был полностью отрешён от внешнего мира. Но постепенно они разговорились, а когда Маяковский узнал, что

¹ Лучизм – направление в русской живописи 1910-х гг., абстрактное искусство. – *Примеч. ред.*

² Подобным образом Пиросманашвили нередко расплачивался за свои пьяные эскапады.

³ В наши дни работы художника признаны национальным достоянием Грузии.

⁴ «Preporod» («Возрождение») – движение свободомыслящей молодёжи, стремящейся к независимому югославянскому государству. – *Примеч. ред.*

⁵ Через несколько дней, в конце декабря 1912 г., в Москве вышел первый футуристический сборник «Поцёчина общественному вкусу» с одноимённым программным манифестом.

Лаврин – выходец с Балкан и активный сторонник «славянской идеи», то они с Бурлюком в один голос заявили, что Лаврин должен встретиться с Хлебниковым. Прощаясь, они вручили Лаврину московский адрес Хлебникова и краткое рекомендательное письмо.

Лаврин появился в жизни Хлебникова очень вовремя. Последний мечтал о воссоздании славянского праязыка и уже несколько лет был углублён в изучение фольклора и мифологической сокровищницы южных славян. Осенью 1908 г. от имени петербургских студентов Хлебников написал воззвание в защиту порабождённых славянских братьев. Особым предметом его возрастающего интереса стала черногорская нация с её героической историей и живой мифологией. Начиная с 1909 г., он вынашивал планы поездки в Черногорию; когда же этот маленький горный народ мужественно выступил против турок, его идеи неожиданно получили новую пищу.

Лаврин нашёл Хлебникова в крайне убогой съёмной комнатухе. Похоже, он голодал, стихи не приносили ему практически никакого дохода, хотя были единственным источником заработка. Лаврин пригласил его приехать в Петербург. В то же время он попытался помочь Хлебникову с публикацией его стихов в новом журнале «Аргус», основанном двумя англичанами, Кеннардом и Талботом, желавшими улучшить русско-английские культурные связи. Однако редактор Василий Регинин даже не пожелал с ними ознакомиться. Когда война на Балканах в феврале 1913 г. вступила во вторую фазу, Лаврин принял участие в издании новой газеты «Славянин», которая должна была выходить два раза в месяц и служить, как было заявлено в предисловии от редакции, духовному, политическому и экономическому единению славян. Наряду со своими собственными первыми произведениями на русском языке, которым на тот момент он владел едва ли не лучше, чем словенским, Лаврину удалось опубликовать в газете четыре прозаических текста Хлебникова. По сути дела, это стало своего рода дебютом Хлебникова за пределами футуристического контекста и первой реальной возможностью для него получить достойный гонорар.

Публикации Хлебникова в «Славянине» были плодом общения с Лавриным, а также результатом изучения его богатой южнославянской библиотеки. Рассказ «Закалённое сердце» был напечатан под криптонимом «В-кій» в апрельском номере газеты (1913, № 17), как раз в то самое время, когда черногорцы осадили Скутари в Албании и были близки к победе в решающем сражении

войны¹. Остальные тексты Хлебникова носили скорее политический характер и были, в частности, направлены против Габсбургской империи, немецкого милитаризма и насильственной ассимиляции австрийских славян.

В «Закалённом сердце» Хлебникову удалось достоверно изобразить жизнь черногорцев, хотя он никогда и не был в их стране. Этому предшествовала тщательная подготовка. Уже задолго до встречи с Лавриным он ознакомился с многотомным трудом русского слависта Павла Ровинского об истории и культуре Черногории². В этом исследовании его больше всего поразил глоссарий, который свидетельствовал о том, что черногорский вариант языка существенно отличается от сербского. Хлебников же был своего рода магом слова. Он верил в особую связь слова и дела, и ему пришла в голову мысль, что яркий черногорский диалект, принадлежащий народу, сумевшему на протяжении пяти веков сохранить независимость и свои древние обычаи, тесно связан с праславянским языком. Вместе с Лавриным он читал черногорские баллады, собирал черногорские пословицы и магические заклинания. Но интенсивнее всего Хлебников штудировал южнославянские словари Лаврина: он стремился обогатить русский язык живыми церковнославянизмами и тем самым обнаружить общие славянские корни, – стремление, которое Лаврин, естественно, горячо поддерживал.

Лаврин рассказал мне, что достаточно было одной выразительной черногорской глоссы, чтобы ввести Хлебникова в экстаз³. Казалось, он читал словари, как иные читают романы. А ещё Лаврина изумляла противоречивость личности поэта. Согласно Лаврину, «он возбуждался от Черногории, как ребёнок или очень наивный юнец. Несмотря на свой поэтический талант, во многих отношениях он производил впечатление “недоумка”, – именно это делало его личность столь примечательной. Он сам мучился от своих противоречий, и только талант помогал ему их преодолевать».

¹ Лаврин помог А. Е. Парнису провести атрибуцию «Закалённого сердца» (действие которого происходит в Черногории) и ввести его в научный оборот. См.: *Парнис А. Е.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова.

² Речь идёт о первых двух томах: *Ровинский П. А.* Черногория в её прошлом и настоящем. В 3-х тт. СПб., 1888, 1897, 1915. – *Примеч. ред.*

³ См. воспоминания Лаврина, касающиеся впечатления от глагола «запопити» и опубликованные в: *Парнис А. Е.* «Пророческая душа». В. Хлебников в воспоминаниях современников. К 100-летию со дня рождения поэта // Лит. обозрение. 1985. № 12. С. 97, а также: *Парнис А. Е.* О двух разных подходах ... С. 275.

В биографических очерках о Хлебникове и в комментариях к его произведениям обычно указывают, что он закончил свою поэму «Мария Вечора», связанную с так называемой трагедией в замке Майерлинг, в 1912 г. Это не совсем верно. В январе–феврале 1913 г. он всё ещё работал над её новой редакцией в квартире Лаврина. Он узнал, что Мари Вецера – баронесса, вместе с которой кронпринц Рудольф Австрийский добровольно ушёл из жизни, – была не только гречанкой, но имела и славянских предков. Это вдохновило его посвятить ей поэму и самовольно назвать её на славянский лад Марией Вечорой. Он прочёл свою поэму Лаврину. Она заканчивалась тем, что Рудольф в последний раз видит глаза своей подруги – «два темных озёра», которые рифмовались с «Марией Вечорой». Конечно, эта строчка содержала грубую грамматическую ошибку: «озёра» вместо «óзера». Хлебников охотно позволял себе нарушать правила грамматики, но здесь Лаврин оказал сопротивление, и под его воздействием Хлебников в конце концов изменил заключительную строфу поэмы.

В то же самое время увидел свет первый выпуск «Велеса» (1912–1913). Издание получилось весьма содержательным. В него вошли новые стихи Вячеслава Иванова, Фёдора Сологуба, Сергея Городецкого и недавно дебютировавшего Николая Клюева, новая проза Алексея Ремизова и Андрея Белого, стихи Каспровича в переводе Городецкого, а также произведения Ивана Цанкара, хорвата Динко Шимуновича, чеха Юлиуса Зейера, польского романтика Зыгмунта Красиньского и ещё одного знакомого Лаврина – болгарского художника и поэта Сирака Скитника, который приехал в Петербург почти одновременно с ним самим, чтобы учиться у Льва Бакста. В качестве места издания был указан не «Петербург», а «Петроград». Сам Лаврин перестал быть Иваном, опять превратившись в Янко.

С марта 1913 г. Лаврин больше не имел возможности давать приют Хлебникову. Предстояли новые поездки. От консервативной газеты «Новое время» неожиданно поступило предложение стать её международным корреспондентом. Главный редактор газеты и друг А. П. Чехова, А. С. Суворин, умер за год до этого. Его сын и преемник Михаил Суворин, друг Лаврина, получил большую самостоятельность, отсюда и заманчивое предложение. Лаврин не мог от него отказаться. Впоследствии он говорил в своё оправдание, что ему пообещали освободить его от репортажей о политике царской России. Можно рассматривать его поступок

как уступку духу времени. Во всяком случае это дало ему твёрдый заработок и фантастические возможности передвигаться по всей Европе. На этот раз он поехал в Норвегию – наверняка, не без мысли о горных походах, но в первую очередь, чтобы освоить родной язык ещё одного своего любимого писателя, Гснрика Ибсена. В начале июня 1913 г. вместе с Андреем Белым и Николаем Белоцветовым он находился в Хельсинки, где слушал лекции Рудольфа Штейнера о будущем Европы и народной душе России. Лаврина, находившегося в постоянном поиске религиозного измерения в жизни (так, недостатком Ибсена он считал полное отсутствие у того религиозного импульса), на какое-то время увлекла антропософская «духовно-научная» доктрина, на базе которой Штейнер всего за пару месяцев до этого основал своё общество. Однако его не удовлетворило услышанное: антропософское учение показалось ему недостаточно ясным.

На тот момент положение Лаврина в России было совершенно уникальным. Он был единственным человеком, которому удавалось совмещать столь разнородные интересы и быть вовлечённым в самые разные отношения. С одной стороны, он являлся сотрудником «Нового времени», с другой же – был связан с наиболее радикальными ниспровергателями литературных и художественных норм. Именно в это время братья Зданевичи – с раскрашенными щеками – создают своё кубистическое «всёчество» по следам лучизма и в знак окончательного восстания против всего, что считалось формой и нормой. Одно шло вразрез с другим. Однако Лаврин превосходно переносил турбулентность, а когда нуждался в передышке, уезжал на Кавказ или куда-нибудь ещё. Один раз он даже добрался до Сахары.

Весну 1914 г. Лаврин провёл в Париже. Он жил на Монпарнасе и проводил вечера в обществе интернационального коллектива художников в кафе «Ротонда» и «Клозери де Лиля». В июне он отправился на поезде в Пиренеи. Во время испанских странствий до него дошла весть о выстреле в Сараеве, а через месяц началась война. Известие о разразившейся войне его не удивило: он знал, что напряжению на Балканах рано или поздно понадобится выход. К тому же Хлебников был более чем точен в своих пророчествах, давно предсказав разрушительную войну между славянами и германцами.

В августе 1914 г. Лаврин находился в Италии, где планировал оставаться всю осень, но, как только представилась возможность,

тут же вернулся в Россию. Он прибыл в «родной город», который теперь, – словно кто-то услышал их с Городецким, – стал Петроградом. Вскоре, в начале 1915 г., ими был выпущен новый общеславянский сборник под названием «Перун» в честь славянского бога грома. В сборнике вновь произошла встреча южных славян с русскими, однако на этот раз в более скромном масштабе: первую сторону представляли Цанкар, серб Сима Цорович и хорват Бранислав Нушич, тогда как Белоцветов наряду с Городецким и самим Лавриным являлись представителями другой¹. Вся выручка за сборник пошла сербскому Красному Кресту.

Лаврин не смешивал интересы и дружбу. Не было и речи о том, чтобы допустить футуристских ниспровергателей в славянские сборники, даже если Хлебников и вполне подходил для них. К этому времени и без того крайние взгляды братьев Зданевичей, Ле-Дантю и Ольги Лешковой стали ещё радикальнее. Они создали группу «Безкровное убийство» и под этим названием в годы Первой мировой войны издали с десятков, частью рукописных, частью напечатанных на гектографе, номеров своего журнала в пять-шесть страниц. Журнал провозглашал «эстетику незначительного» и практиковал редкую для авангардистов самоиронию, своего рода игривый абсурдизм в словах и образах².

В 1915 г. от Михаила Суворина поступает новое предложение. Он хочет послать Лаврина в качестве военного репортера на Балканы, полагая, что Лаврин обладает исключительными способностями для освещения хода войны в южнославянском регионе. Не колеблясь, Лаврин принимает предложение и в октябре присоединяется к сербской армии в качестве корреспондента. Он получает задание как можно жестче критиковать кайзеровскую Германию – оправдать возложенные на него ожидания не составляло ему никакого труда. На его долю выпали невероятные испытания и приключения. В Черногории он получил аудиенцию у короля Николы, который, чтобы выразить свои прорусские симпатии, даже наградил Лаврина национальным орденом. В Албании

¹ Перун. Литературный сборник при соучастии южнославянских писателей. Петроград, 1915. – Белоцветов в это же время выпустил созданную под сильным впечатлением от бесед с Лавриным книгу: *Белоцветов Н. Религия творческой воли. Четыре лекции о культуре будущего*, читанные в Русском антропософическом обществе в 1915 г. Петроград, 1915. 163 с.

² Подробнее об этом в статье В. И. Барановского и И. Б. Хлебниковой в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

ему удалось взять интервью у самопровозглашенного правителя Эссад-паши, который выделил ему эскорт из четырёх солдат, сопровождавших его через самые опасные районы страны. В Сербии в офицерской палатке он наткнулся на странное существо в потёртой партизанской форме, которое пожелало поведать ему о своих религиозно окрашенных ночных видениях: это был Милан Циганович, человек, вложивший пистолет в руку Гаврило Принципа и чью выдачу Австро-Венгрия требовала в своём ультиматуме сербам перед началом войны. Всё это послужило материалом для целой серии публикаций, получивших широкий резонанс, а позже и для вышедшей у Суворина осенью 1916 г. книги, в которой отразились впечатления Лаврина от Черногории и Албании. В книге, озаглавленной «В стране вечной войны. Албанские эскизы», рассказывается о храбрости черногорцев, о старом Скутари, об Эссад-паше и о драматической поездке по «дороге смерти» под эскортом солдат. Лаврин был превосходным журналистом, обладавшим безошибочным чутьём использования техники крешендо. В конце 1916 г. он на время вернулся «домой», чтобы принять участие в публикации своей книги.

Пропасть между награждённым орденом военным репортёром и абсурдистской новой эстетикой «Безкровного убийства» стала слишком широкой. Ипостаси Лаврина уже едва сочетались друг с другом. В одном из номеров журнала, напечатанном на гектографе, Ле-Дантю и Лешкова в сатирических картинках с сопроводительным текстом иронизировали над его военными впечатлениями. Это так воодушевило Илью Зданевича, что он написал на эту тему весёлую футуристскую пародическую, как он назвал, «дра» с главным героем Янко. Называвшаяся «Янко крУль албАн-скай», она была написана на *зауми*; в сущности, это был один из наиболее радикальных языковых экспериментов, проводившихся на русском языке, и сегодня он окружён авангардистским ореолом легенды. Постановка пьесы состоялась 3(16) декабря 1916 г. в одной из художественных мастерских Петрограда, в главной роли выступил сам Зданевич. Его «дра» впервые опубликовали только в 1918 г. в Тифлисе, поскольку её выход в столице запретил цензор, А. Римский-Корсаков. Нехитрый сюжет заключался в том, что «албанская» бандитская шайка решила насильственно посадить перепуганного Янко на вакантный королевский трон страны. Янко

пытается слезть с трона, но его для верности приклеивают к нему¹. Пьеса оказалась необычайно пророческой – за три месяца до февральской революции она описывала смену власти. По мнению Владимира Маркова, кульминацией пьесы являются монологи Янко, сочинённые на языке, близком к детскому лепету и полном «жалобных» столкновений гласных. Песни «албанцев» состоят главным образом из русских букв в алфавитном порядке, произносимых с разными интонациями; время от времени звуко-буквенные тирады прерываются натужным пыхтением – намек на дефекацию. Запрет цензора, судя по всему, можно было предугадать².

Во время очередной поездки на Балканы осенью 1917 г. Лаврин вместе с сербскими солдатами переживает тяготы отступления. Когда через Корфу ему удалось попасть в Лондон, где он оказался без багажа (тот пропал в дороге) и без знакомых, стало известно о большевистском перевороте в России. Лаврин понимает, что возвращение в страну, ставшую для него второй родиной, может произойти нескоро. Практически сразу же он начинает интенсивно изучать английский язык. А вскоре, по своему обыкновению, он завязывает новое знакомство, которое оказывается необычайно плодотворным.

Лаврин знакомится с Альфредом Ричардом Ориджем, легендарным редактором престижного еженедельника «Нью Эйдж». Его идеологические установки были ещё более широкими и туманными, чем у Лаврина. В прошлом Оридж был связан с социалистическим Фабианским обществом и с теософским обществом «Золотая заря». Он был одновременно авангардистом, членом гильдии социалистов, розенкрейцером и нищеанцем, сторонником Елены Блаватской и Зигмунда Фрейда. Как ему удавалось совмещать свои несколько экзотичные идеи о сверхчеловеке и далеко

¹ Подробно о премьере см. письма О. Лешковой к М. Ле-Дантю от 8 и 13 декабря 1916 г., публикуемые в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

² *Markov V. Russian Futurism. London, 1969. С. 351–352.* – См. также: *Марцадури М. Создание и первая постановка драмы «Янко круль албанский» И. М. Зданевича // Русский литературный авангард: материалы и исследования / под ред. М. Марцадури, Д. Рицци, М. Евзлина. Тренто, 1990. С. 21–32; Одесский М. Пьеса Ильи Зданевича Янко круль албанский и балканский вопрос // Russian Literature. Amsterdam, 2010. № LXVII–III/IV. Р. 485–494; Сигей С. Большая игра два раза // *Ibid.* Р. 495–540. – А. Е. Парнис отмечает, что изобретённый Зданевичем «язык подонков» с конца 1990-х – начала 2000 гг. стал распространяться в русскоязычном Интернете и таким путём проник в постмодернистскую литературу: *Парнис А. Е. О двух разных подходах ... С. 271.**

идушие мечты, пронизанные идеей коллективизма, остаётся загадкой. Примечательно, что на этом пёстром идейном фундаменте Ориджу удалось создать модернистское еженедельное издание высочайшего класса, в котором он, обладая безошибочным чутьём нового, впервые напечатал и стихи Эзры Паунда, и новеллы Кэтрин Мэнсфилд. Всё должно было объединиться в высшее единство, сознанию человека предстояло расшириться до экзальтированных высот новых социальных форм. Это означало, что Оридж также стремился к синтезу Востока и Запада, направив свой взор в сторону России, что, собственно, вполне было в духе царящих в Англии настроений. Особенно высоко он ценил Достоевского и способствовал тому, чтобы «Бесов» и «Братьев Карамазовых» наконец перевели; он же убедил Джона Миддлтона Марри написать первую английскую монографию о Достоевском¹. Оридж немедленно заказал Лаврину работу о том же Достоевском. Она была написана в несколько месяцев (Оридж помогал с переводом) и опубликована в десяти частях с января по март 1918 г. в «Нью Эйдж»². В ней Лаврин, обращаясь к Достоевскому, анализирует, среди прочего, свой личный опыт политической драмы России.

По словам Лаврина в его следующей статье, глубина связи Достоевского с происходящей в начале XX века мировой катастрофой до конца ещё не понята. Писатель предвидел то, что должно было случиться. Он показал, что в основе мечты человечества о соединении и братстве должен лежать духовный импульс. И в этом отношении Достоевский принадлежал, как утверждает Лаврин, будущему в такой мере, о которой современность даже не подозревает³. Это были пророческие слова. На тот момент сам Янко Лаврин симпатизировал попыткам Андрея Белого и других символистов придать революционному материализму духовное направление, сохранив национальное «скифское» своеобразие. В беседе со мной Лаврин представил свою версию смерти Ле-Дантю: тот якобы был убит большевиками и брошен под поезд как раз после того, как во время политического разногласия воинственно защищал необходимость наличия духовного начала во всех революционных переворотах.

¹ Об А. Р. Оридже см.: Owen A. The Place of Enchantment. British Occultism and the Culture of the Modern. Chicago–London, 2004. P. 25, 132–137, 231–234.

² Lavrin J. Dostoyevsky and Certain of his Problems // The New Age. London, 1918. January 17 – March 21. – Работа вышла отдельным изд. в переработанном виде: Idem. Dostoyevsky and His Creation: A Psycho-Critical Study. London, 1920.

³ Lavrin J. The Dostoyevsky Problem // The New Age. 1918. April 11. P. 465–466.

Вскоре пути Ориджа и Лаврина разошлись, причём довольно резко. Оридж, с его тягой к восточной мистике, самозабвенно увлёкся кавказским гуру Георгием Гурджиевым, открывшим школу расширения сознания в замке недалеко от Парижа. Среди английской интеллигенции тогда царил культ России: Д. Г. Лоуренс переводил Льва Шестова, Вирджиния Вульф проявляла интерес к Л. Н. Толстому, а автор меланхолических новелл Кэтрин Мэнсфилд всё больше отождествляла себя с А. П. Чеховым. Как и её идеал, она страдала тяжёлым лёгочным заболеванием, называла себя Катей, носила красный сарафан и все свои надежды связывала с обещаниями Гурджиева вывести современного человека из полубессознательного сна. Лаврин посетил замок в Фонтенбло; ему показалось, что он увидел перед собой шарлатана, который, по его словам, «буквально вцепился мне в волосы, чтобы меня завлечь». Лаврин бежит из замка, Оридж исчезает в оккультном тумане, болезнь сводит в могилу Мэнсфилд.

В связи с войной и октябрьским переворотом общеславянский проект прекратил своё существование. Габсбургская империя пала, вскоре образовались независимые Югославия и Чехословакия, президентом последней стал друг Лаврина, Масарик. Лаврин решил начать новую писательскую карьеру на своём третьем – английском – языке, его новая серия статей осенью 1918 г. была посвящена Ибсену. Затем он получает место преподавателя в Ноттингеме и, в конце концов, выбирает путь исследователя. Лаврин, так сказать, остепеняется, женится на художнице, делает университетскую карьеру, а нам оставляет историю русской литературы и ряд монографий. Фантастическая десятилетняя глава в жизни Янко Лаврина была завершена.

Журнал «Славянский мир» Янко Лаврина

Где-то в середине 60-х гг. XX в. я впервые попала в Люблянскую на месяц в качестве командированной. Это была не первая моя поездка в Словению: до этого я несколько раз присутствовала на семинарах словенского языка, литературы и культуры, где большую часть времени у меня отнимали языковые занятия и слушание лекций. Только вечерами удавалось брать в гостиницу книги и журналы из библиотеки Отдела филологии философского факультета Люблянского университета, за что я навсегда останусь благодарной её милым библиотечарам.

В период командировки я свободно располагала своим временем, и это дало мне возможность встретиться с рядом словенских историков и проконсультироваться с ними по интересующим меня вопросам. Много мне дали беседы с Ф. Цвиттером, В. Меликом, Б. Графенауером, М. Бритовишем. Но особенно большое внимание мне уделили два историка, коммунисты с довоенным стажем – Душан Кермавнер и Франце (или, как он себя называл, Владимир Павлович) Клопчич. Кермавнер привёл меня в Славянскую библиотеку, директором которой был его соратник по партии Добровольц. Франце Добровольц встретил меня очень благожелательно, он приносил мне книги и подшивки журналов и газет по моей теме «Русско-словенские отношения в XIX в.». Обычно я работала в небольшой комнате, рядом с его кабинетом. Однажды Добровольц позвал меня в свой кабинет и представил пожилому человеку, находившемуся в нём: «Это профессор русского языка и литературы в одном из английских университетов Янко Лаврин». Я впервые услышала это имя, и оно мне ничего не говорило. Профессор Лаврин поразил меня, во-первых, своим очень маленьким ростом (он был мне по плечо, хотя мой рост составлял 156 см), а во-вторых – прекрасным русским языком, без малейшего акцента и без присутствия так называемых слов-сорняков и вульгаризмов. Это был язык русской интеллигенции начала XX в., язык, ещё не замусоренный словами, хлынувшими в него с улицы. Так в 1960-е гг. говорили очень немногие в России, например, мой учитель видный русский славист Сергей Александрович Никитин. Наша беседа длилась очень недолго: конечно, в то время я не могла быть достойным собеседником такого эрудита. Но я запомнила одну фразу, поразившую меня в то время. «Я никогда не уехал бы из России, – сказал Лаврин, – но я не был согласен с политикой Сталина». А через несколько десятилетий, ознакомившись с его биографией, я ещё отчетливее поняла,

насколько она не соответствовала действительности: ведь Лаврин уехал на сербский фронт из России в 1916 г. и больше в неё уже не возвращался. Мне кажется, что он не хотел ввести меня в заблуждение, но просто старался оправдать себя в собственных глазах. Ведь всю свою жизнь он посвятил России. Он не только преподавал русский язык и читал лекции о русской литературе, но и написал десятки книг о её писателях и поэтах. Те несколько лет, которые Лаврин провёл в России, дали ему заряд на всю остальную жизнь. Любопытно, что, никогда не придерживаясь социалистических взглядов, в социалистической Словении он оказался ближе всего к коммунистам довоенного поколения, и именно они меня познакомили с ним. Может его объединяла с ними любовь к России?

***

Словенская эмиграция в России имеет существенные отличия от словенской эмиграции в других странах. Во-первых, в Россию по преимуществу уезжала словенская интеллигенция. Известна только одна колония словенских крестьян из Венецианской Словении, находившаяся на Северном Кавказе недалеко от Владикавказа. Во-вторых, как правило, словенские эмигранты отправлялись в Россию в значительной степени по идеологическим мотивам.

В дореволюционную Россию ехали люди, придерживавшиеся русофильских взглядов. Это не означало, что у словенских эмигрантов полностью отсутствовали материальные побуждения, — для многих они имели существенное значение, ибо переезд в Россию обеспечивал неплохой постоянный заработок. Но всё же без политического сочувствия к России они бы туда не поехали.

Янко Лаврин, историк литературы, журналист и эссеист, родился в 1887 г. в Белой Крайне, а умер в 1986 г. в Лондоне. Окончив гимназию в 1907 г., он отправился за границу. Побывал в России, скандинавских странах, Франции. Затем Лаврин снова вернулся в Россию, где и развернул свою деятельность. Здесь он примкнул к неослави́стам.

Неослави́стское движение в России, как и в других славянских землях, началось в 1908 г. Для России этот факт был весьма примечателен: интерес к славянскому вопросу распространялся в её обществе обычно тогда, когда Россия находилась в сложном положении, например, проигрывала войны. Славянофильское движение оформилось в ней после неудачной Крымской войны, а неослави́стское — после поражения в войне с Японией, после русской революции 1905–1906 гг., а главное — после аннексии

Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Последнее событие всколыхнуло весь славянский мир.

Неослависты объединяли в своих рядах довольно широкий круг русской интеллигенции: например, главу октябристов А. И. Гучкова, лидера либерально настроенных кадетов П. Н. Миллюкова, демократического слависта А. Л. Погодина. Они решительно отделяли себя от славянофилов, заявляя, что их целью является организация культурного и экономического сотрудничества славянских народов на основе равенства, свободы и братства.

Янко Лаврин примкнул к левому крылу неославистов. Он стал издателем и соредактором журнала «Славянский мир», который выходил в Петербурге с перерывами с 1908 по 1911 гг. Для журнала писали видные учёные: приват-доцент Петербургского университета А. И. Яцимирский, профессор Харьковского университета А. Л. Погодин, профессор Петербургского университета П. А. Лавров, основоположник русской психоневрологии академик В. М. Бехтерев и др. В нём принимали активное участие представители славянской эмиграции в России: Л. Пиштелич, Н. Костеж, Л. Лесковец, М. Дилианов, А. Младенович, М. Гржибовский. С журналом сотрудничали лучшие российские переводчики: Н. Н. Бахтин (псевдоним — Н. Н. Нович), А. Н. Сиротинин, С. В. Штейн, для него писал статьи критик и литературовед В. Н. Кораблёв. В «Славянском мире» были напечатаны статьи по вопросам славянской культуры, переводы крупнейших славянских писателей: словенцев Ивана Цанкара и Антона Ашкерца, сербов Бронислава Нушича и Радослава Домановича, хорватов Августа Шеноа и Рикарда Каталинич-Еретова, чехов Ярослава Врхлицкого и Юлиуса Зейера и многих других. В журнале нет статей, подписанных Лавриным. Однако российская исследовательница О. В. Мудрова определила, что он публиковался под псевдонимами Лев Савин, Л.С. и Л.¹

В первом номере «Славянского мира» редакция подчёркивала, что она будет знакомить русских читателей с лучшими произведениями современных славянских писателей, с важнейшими культурными событиями в славянских странах. Журнал будет служить и идейным целям, «подбор вещей будет всегда такой, чтобы и идейная сторона их была глубока и что-либо давала ищущим». «Мы будем касаться, — заявляла редакция, — наиболее

¹ Мудрова О. В. Журнал «Славянский мир» ... С. 41–42.

прогрессивных сторон жизни, наиболее культурных начинаний, освещая их с научно-объективной, вполне беспристрастной точки зрения. В политическом отношении мы беспартийны»¹.

Главным идеологом «Славянского мира» являлся Лаврин. В первом номере была опубликована его статья «Русский язык и славяне». В ней Лаврин писал, что славянство могло бы стать огромной культурной силой, но вместо этого «тянется красной нитью, заполняя целые века, взаимная ненависть, рознь и братская вражда». Вражда сохранилась и в настоящее время: между русскими и поляками, между болгарами и сербами, между хорватами и сербами и т. д. Славяне потратили много сил и энергии в борьбе с внешними исконными врагами – татарами, турками, немцами, Римом. До сих пор славяне являлись по преимуществу той пищей, которой кормились разные политические спруты, например, Австрия. Однако теперь они поняли, что улучшить их положение может только прекращение распрей внутри них самих, их объединение «в совместной работе для лучшего будущего, которое должно принадлежать им». Лаврин подчёркивал, что утопические идеи о слиянии в единое политическое целое прошли, «но зато тем сильнее обозначается стремление к объединению культурному». Культурное объединение славян требует единого дипломатического языка для них. Большинство славян, считал Лаврин, инстинктивно тянется к русскому языку, языку Тургенева, Толстого и Достоевского. «Чувствуется, – продолжал он, – что язык, на котором говорит 2/3 всех славян, язык, понимаемый от Балкан до Ледовитого океана, от Австрии и Германии до границ Китая, язык, давший миру одну из лучших литератур, больше всех имеет право сделаться языком взаимных сношений всех славян»². Правда, спустя три года Лаврин в статье «Славянская идея и мы» отказался от этой точки зрения и пришёл к заключению, что для межславянского общения необходим нейтральный язык³. Но какой именно – он не уточнял. Такова была позиция Лаврина в самом начале издания «Славянского мира». Как можно видеть, его взгляды в известной степени повторяли воззрения русского славянофила второй волны В. И. Ламанского, который также ратовал за принятие русского языка в качестве общеславянского. На то, что Лаврин

¹ От редакции // Славянский мир. 1908. № 1. С. 1. (Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

² Славянский мир. 1908. № 1. С. 43–45. (Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

³ Славянский мир. 1911. № 1. С. 4. (Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

был знаком с трудами Ламанского, косвенно указывает факт применения словенским писателем термина «словинцы» (вместо — словенцы), введённого в русскую научную литературу знаменитым славянофилом.

Вместе с тем на создании общеславянского языка Лаврин не останавливался. В статье «Славянская идея и мы» он нарисовал картину конечного преобразования мира, весьма напоминающую современные идеи глобализации. В начале статьи Лаврин вновь отверг сходство взглядов «Славянского мира» с предшествующими панславистскими идеями. В статье прямо говорилось, что славянской идее навешивают отрицательные ярлыки «панславизм» и «москвофильство». Журнал «Славянский мир» не приемлет ни агрессивного панславизма, ни реакционного славянофильства. Хотя неославизм освободился от крайностей вышеупомянутых течений, но и он не удовлетворяет сторонников новой славянской идеи. Последние не противопоставляют славян неславянам. Их цель «не разделять человечество на враждебные и непримиримые лагеря, а объединять наиболее родственные части человечества по линии их наибольшего родства и взаимного понимания». Это объединение должно происходить на основе «взаимного уважения, взаимного знания и знакомства, взаимной справедливости и прежде всего равенства для всех без исключения». Исходный путь развития исторического прогресса, утверждалось в статье, — человек, завершающий человечество. Нации, группы наций — переходные этапы на пути к единому человечеству. Нации являются изменяющейся величиной, они без ущерба могут объединиться в более крупные группировки. Поскольку самое ценное достояние нации — язык, то и объединение наций в группировки должно происходить на основе близости языков объединяющихся наций. Потом уже эти языковые группы создадут единое человечество. Как же представлял себе будущее человечество Лаврин? Он подчёркивал, что оно должно базироваться на христианской морали, не принимая во внимания различий между христианскими церквями¹. Однако в другой своей обширной статье «Культурное движение южных славян в XIX в.», рассуждая о сербской и хорватской культурах, Лаврин явно отдавал предпочтение последней. Сербь и болгарь, по его мнению, питались дряхлой византийской культурой, источник которой иссяк с завоеванием Константинополя турками, а хорваты опирались на

¹ Славянский мир. 1911. № 1. С. 1–7.

духовное достояние передового Запада. В борьбе католичества и православия он видел борьбу этих двух культур¹.

На такое понимание направления развития человечества, несомненно, оказали влияние взгляды, имевшие хождение в некоторых кругах российской интеллигенции. Спустя два года после прекращения выхода «Славянского мира», в 1913 г., Лаврин отошёл от них. В статье «Славянский вопрос и художественно-литературное сближение» он резко выступил против «всечеловечества» некоторых русских интеллигентов, придя к выводу, что именно идеи «всечеловечества» «больше всего мешают русскому видеть самого себя». «Русский интеллигент, – продолжал Лаврин, – культурный евнух: в своём лакейском ухаживании за Европой он настолько обезличил себя, что потерял всякую органическую, живую связь со своим народом». Теперь Лаврин уже твёрдо стоял на национальных позициях. Он утверждал, что «каждая нация, каждая раса может внести в сокровищницу общеевропейских ценностей новые ценности, – только оставаясь сама собою, исходя из своей самобытности, из своей индивидуальности и развивая её, а не из подражания, из жизни на чужой счёт, которая всегда приводит к культурному паразитизму, культурной беспомощности, лени и лакейству...»

В этой же статье Лаврин затронул вопрос о культуре и цивилизации. Он считал, что культура не может быть интернациональной, интернациональной может быть только цивилизация. Лаврин боялся смешения культуры с цивилизацией, ибо в этом случае цивилизация «съест» культуру, что приведёт к «новому, самому ужасному варварству – варварству цивилизованному». И конечно, это должно отрицательно сказаться на культурном развитии человечества, поскольку «творчество таланта может быть космополитичным, творчество гения всегда национально».

Почему же буквально за два года так поменялись взгляды Лаврина? Причиной этого, по моему мнению, являлись события, развернувшиеся в 1912 г. на Балканах. К осени этого года там был создан Балканский союз, в который вошли Сербия, Черногория, Болгария, Греция. В его формировании определённую роль сыграла российская дипломатия. Целью Балканского союза было вытеснение турок с Балкан и раздел освобождённых земель между союзниками. В октябре 1912 г. Балканский союз объявил войну Турции, которая окончилась полной его победой над турками

¹ Славянский мир. 1910. № 3. С. 17. (Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

и освобождением от их власти практически всех балканских земель: Новопазарского санджака, Косово и Метохии, Македонии, Албании. Последняя 28 ноября 1912 г. провозгласила свою независимость.

В самом начале своей статьи Лаврин прямо говорит об этом: «Образование сильного южнославянского союза выдвинуло на первый план новые политические и культурные задачи и интересы». И далее он объяснял русским интеллигентам-космополитам, резко выступавшим против патриотизма и национализма, что русский патриотизм, наступательно-казённый, зоологический, по своей сути совершенно не тот, каким является славянский патриотизм. Славянский патриотизм – патриотизм оборонительный и, следовательно, революционный. Национализм славян не имеет своей целью поглощение других народностей, его цель – собственное самоопределение и самоутверждение во имя гуманности и справедливости¹.

Таким образом к началу Первой мировой войны взгляды Лаврина на национализм, патриотизм и «всечеловечество» (или космополитизм) претерпели значительные изменения.

Помимо статей, определявших его идейные искания, Лаврин опубликовал в «Славянском мире» несколько статей по истории славянской литературы. Наибольший интерес в этом отношении представляет работа Лаврина «Культурное движение славян в XIX в.», посвящённая эпохе Возрождения у славянских народов. Подчёркивая, что «почти до начала XIX века австрийские и балканские славяне находились в глубоком историческом сне», он писал, что на возникновение и дальнейшее развитие славянского Возрождения большое влияние оказали французская революция, идеи европейского Просвещения, романтизм и отчасти «немецкие певцы свободы». Славянское Возрождение стало возможным благодаря росту национального самосознания славян, наряду с которым росло и укреплялось их племенное самосознание. Последнему способствовали гуманные взгляды Гердера на славян, победы Александра I над французами, освободительное движение сербов в начале XIX в.

Роль зачинателей славянского Возрождения Лаврин отдавал чехам, которые первые выступили за права своего языка. Среди деятелей чешского Возрождения Лаврин особенно отмечал Добровского, Юнгманна, Палацкого, Челаковского, (словаков) Шафарики и Коллара, которых он считал главными основателями

¹ Лаврин Я. Славянский вопрос и художественно-литературное сближение // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. (Публ. в настоящем изд. – Примеч. ред.)

и проповедниками славянской идеи. У сербов он подробно остановился на деятельности Доситея Обрадовича, которого он назвал сербским Ломоносовым, и Вука Караджича. Восхищение Лаврина вызывала и хорватская литература Дубровника, которая развивалась под влиянием итальянского Ренессанса и в XVI–XVII вв. достигла своей вершины.

Особенно пристальное внимание Лаврина привлек иллиризм, идеология хорватского Возрождения, базировавшаяся на концепции чешско-словацкого просветителя Яна Коллара о существовании четырёх главных ветвей славянского народа (польской, чехославянской, русской, иллирской). На основании этой концепции видный хорватский национальный деятель Людевит Гай создал теорию об этническом, языковом и культурном единстве южных славян, якобы являющихся потомками древних обитателей Балкан – иллирийцев. Он считал необходимым принять единый литературный язык для всех южных славян-иллиров, а именно штокавское наречие сербо-хорватского языка, хотя уже имелась литература на кайкавском наречии жителей собственно Хорватии. Лаврин высоко оценивал этот шаг Гая и его сподвижников: «Во имя объединения хорваты пожертвовали своим наречием, и эта жертва была началом великолепнейшего расцвета хорватской литературы и новой культурной жизни». Лаврин был убеждён, что «иллиризм – это самый светлый, самый идеальный, самый интересный период в культурной жизни не только хорватов, но и южных славян вообще». Правда, он отмечал, что словенцы и сербы относились к иллиризму значительно прохладнее, чем хорваты, хотя часть их участвовала в иллирском движении. В иллирском движении Лаврин видел зарю нового ясного дня для южных славян, «но эту зарю закрыла огромная туча, которая незаметно всё время надвигалась. Это был несчастный 1848 год». Любопытно, что демократически настроенный Лаврин провозглашал революцию 1848 г. несчастьем для южных славян. Он объяснял это тем, что Австрия, чтобы спастись от венгров, воспользовалась хорватами, а затем ответила им чёрной неблагодарностью, обрушив на них всю силу реакции, а затем отдав их на съедение венграм. Как тонкий и глубокий исследователь в крахе иллирского движения Лаврин винил не только Австрию и венгров. Главную причину этого он видел в антагонизме двух культур, под влиянием которых находились южные славяне: византийской или православной (сербы, болгары) и западной, романо-германской или католической

(хорваты и словенцы). И хотя сербы и хорваты говорят на одном языке, «но две нации, вышедшие из разной культурно-исторической среды, не могут понять друг друга». Явное предпочтение Лаврин отдавал западной культуре, как более передовой, откуда шли «просветительские идеи свободы». Византия, по его мнению, и до нашествия турок была культурно-парализованной, разлагающейся страной. Борьбу двух религий – католической и православной – Лаврин рассматривал как борьбу двух культур, которая может прекратиться после их слияния в одну новую¹.

Кроме указанных статей, посвящённых целым этапам развития славянской культуры, Лаврин опубликовал ряд очерков об отдельных деятелях славянских народов: словенских писателях И. Цанкаре и А. Ашкерце, хорватских писателях С. Краньчевиче, Р. Каталиниче-Еретове. Ашкерца Лаврин считал лучшим современным словенским поэтом. «Ашкерц у словенцев, – указывал он, – первый борец за свободные идеи, проповедник социальной и индивидуальной свободы, неустрашимый как в стихах, так и в жизни». Вместе с тем, представляя читателю сборник Ашкерца «Акрополь и пирамиды», Лаврин с сожалением констатировал, что его новые стихи потеряли несколько в своей художественности из-за тенденциозности². С особым почтением Лаврин представил русскому читателю Цанкара. Статья о нём была написана Лавриным по ранним произведениям писателя. «Иван Цанкар, – подчеркивал Лаврин, – сын маленькой нации, но он не её типичный представитель, – он самый сильный её протест, и в этом его главное значение». Лаврин был убеждён, что появление Цанкара знаменует собой начало новой эры в словенской литературе. «Почти вся новейшая словенская литература – это Иван Цанкар. В данный период он представляет собою самого колкого и едкого сатирика, немилосердного и жестокого разоблачителя, лучшего стилиста, самого тонкого психолога и глубокого мыслителя». Цанкар, по словам Лаврина, осмеивает бессмысленную, филистерскую жизнь словенского мещанства, срывает маски с лицемеров, которые под флагом религии и патриотизма высасывают кровь из народа. Иван Цанкар, отмечал Лаврин, «душа мятежная и беспокойная, желающая полёта, тоскующая по более высоким формам

¹ Славянский мир. 1910. № 1. С. 1–4; № 2. С. 1–3. (Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

² Савин Л. Anton Aškerc. Akropolis in piramide // Славянский мир. 1910. № 1. С. 35–36. (Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

жизни»¹. Статья Лаврина о Цанкаре была высоко оценена отечественными литературоведами, например, Ю. Д. Беляевой. Любовь к великому словенскому писателю выразилась и в том, что в «Славянском мире» были опубликованы переводы ряда его произведений: «В доме Марии Заступницы»², «Ада», «Король Мальхус», «Весенней ночью» и др.

Относительно статей Лаврина по литературе, я вполне согласна с оценкой, данной им О. В. Мудровой. «Для этого автора, — пишет она, — характерно глубокое знание истории и культуры славянских стран, процессов, происходящих в их литературах; анализ даётся в его статьях в сопоставлении с предшественниками и современниками исследуемого писателя». И далее: «Поразительной, на первый взгляд, кажется способность автора понять и почувствовать жизнь одного из маленьких славянских народов изнутри, с точки зрения передового интеллигента, озабоченного судьбами своей страны и своей нации»³.

Лаврин не являлся единственным автором статей, помещённых в «Славянском мире». Как уже указывалось, на его страницах выступали психоневролог В. В. Бехтерев и славист А. Л. Погодин. Бехтерев в 1908 г. принял участие в славянском съезде в Праге. Там он выступил с предложением организовать Центральный научный славянский комитет. Сам он ещё до съезда создал Научный славянский комитет при основанном им Психоневрологическом институте. В «Славянском мире» Бехтерев стал активно публиковаться с 1910 г. В этом году он присутствовал на съезде славянских врачей в Софии, на котором произнёс горячую речь, напечатанную затем в журнале. Подчеркнув, что немецкие, французские и прочие учёные давно уже вступили на путь научного сближения, Бехтерев приветствовал тот факт, что к этому стали стремиться и славяне. По его мнению, съезд славянских учёных поможет подняться славянской науке. Подобного рода съезды «обозначают зарю научного славянского сближения и зарю культурного сближения всех славянских народов на началах свободы, равенства и братства». Вспоминая войну за освобождение Болгарии, в которой он участвовал

¹ Савин Л. Портреты славянских писателей: Иван Цанкар // Славянский мир. 1908. № 1. С. 31–34.

² Роман известен также под названием «Обитель Марии Заступницы», в лит. обработке М. И. Рыжовой см. в книге: Цанкар И. Обитель Марии Заступницы: Роман, рассказы. М., 2003. С. 5–87. — Примеч. ред.

³ Мудрова О. В. Указ. соч. С. 38, 39.

лично со своими товарищами, Бехтерев отмечал, что она «была яркой вспышкой здорового освободительного стремления в России, тем более благородного, что объектом его было освобождение других родственных нам народов из югославян – болгар и сербов». Тогда был лозунг: «Вперёд, за свободу славянства!», – а теперь: «Вперёд, за общую культурную работу славянства». Научные славянские съезды помогут уладить общеславянские местные распри. Каждый славянин должен работать не только для своей родины, но и для всего славянства, ибо «древнее союзное славянство, представлявшее отдельные самостоятельные области, жившее общему духовною культурною жизнью, есть мать всех славянских народов»¹. В докладе на Софийском съезде Бехтерев призывал славян к культурно-экономическому и научно-литературному сближению, которое даст славянам материальные успехи, «общее согласование мысли и творчества». Именно культурная рознь привела славян к их культурной отсталости. Славяне ещё не понимают общности своих интересов. «Нужно, – продолжал Бехтерев, – чтобы в славянской среде для урегулирования взаимных интересов везде и всюду действовала не сила, а право и справедливость». Он предлагал укреплять взаимные связи славян «на почве культурной свободы, истинного братства и равенства национальных интересов». А для этого повсюду необходимо создавать общества научного и культурного единения славян, которые будут устраивать доклады, лекции по вопросам славянства, способствовать возникновению славянских кружков среди молодежи². В статье об итогах съезда в Софии Бехтерев развернул программу культурного сотрудничества между славянами. Он полагал необходимым основать славянскую ассоциацию научных Академий, открыть все славянские университеты для студентов всех славянских стран при свободном их перемещении из одного университета в другой; организовать обмен профессорами между славянскими университетами. Бехтерев поддержал предложение словенского либерального издателя А. Габрщека, сделанное им ещё на съезде в Праге, об организации торговли славянскими книгами³.

¹ Приветственное слово Софийскому съезду врачей. Проф., акад. В. Бехтерев // Славянский мир. 1910. № 9. С. 1–4.

² Акад. Бехтерев. Вопросы славянского научно-литературного единения // Славянский мир. 1911. № 1. С. 7–12.

³ Акад. В. Бехтерев. Софийский съезд и вопросы славянского сближения // Славянский мир. 1910. № 10/11. С. 8–20.

Если славянство осуществит это, оно сможет внести «наибольший вклад в сокровищницу человеческой мысли, оно возвысит свой нравственный авторитет среди цивилизованных народов и скажет то “новое слово”, которое ждут от него народы Запада». Это новое слово призвано умиротворить враждующие народы, дать им силу бороться с милитаризмом, укрепит общечеловеческие идеалы служения истине и добру¹.

Таким образом, Бехтерев давал программу научного сотрудничества между славянами. Его идеи не выходили за рамки чисто гуманитарных проблем, не касались политических и экономических вопросов. В этом отношении Бехтерев был гораздо ближе к Лаврину, чем Погодин, также являвшийся участником и Пражского, и Софийского съездов.

А. Л. Погодин впервые выступил на страницах «Славянского мира» в начале 1910 г. со статьей «Новые веяния». Уже в ней он рассматривал славянский вопрос с политических позиций. Погодин подчёркивал, что проведение Россией славянской политики означает «правильное понимание текущих политических задач России на Ближнем Востоке». С удовлетворением он отмечал появление в русском обществе симпатий к славянам, которые выразились в возникновении славянских кружков среди студентов, в оованиях чешским и польским учёным на съезде психиатров в Петербурге, в интересе русских художников к выступлению чешского профессора и поэта Таборского и т. д. «Новые веяния чувствуются в атмосфере нашей общественности», – заключал Погодин, добавляя, что для их закрепления необходима «серьёзная и упорная работа убеждённых людей»².

В следующей статье, посвящённой студенческим кружкам, Погодин констатировал всё более широкое распространение славянской идеи среди молодежи. Усилилось общение между сербскими, болгарскими, русскими и польскими студентами, к славянской идее подключились русские и польские прогрессивные деятели. Возникшие славянские студенческие кружки должны объединить свою деятельность, завести свои читальни, создавать курсы по изучению славянских языков, готовить новый съезд славянских студентов. «Объединение русских студенческих славянских

¹ *Акад. Бехтерев. Вопросы славянского научно-литературного единения. С. 11.*

² *Славянский мир. 1910. № 3. С. 1–3.*

кружков, их живое общение с другими славянскими студенческими обществами и, наконец, съезд – вот очередные задачи времени»¹.

Поддерживая студенческое славянское движение и возлагая на него определённые надежды, Погодин очень скоро разочаровался в неославизме. Признав, что сначала приезды в Петербург в 1908–1909 гг. Крамаржа, лидера неославизма в чешских землях, вызвало воодушевление русского общества, Погодин отметил, что затем интерес к Крамаржу упал, ибо стало понятно, что неославизм привержен политике успокоения, а не реформ. Истинная сущность неославизма стала ясна после Софийского съезда. Крамарж выдвигает старые идеи славянской взаимности Коллара, доказавшие свою непригодность. По мнению Погодина, «вне известной политической солидарности славянские народы не может сблизить ничто», ибо цель славянской взаимности политическая, а не культурная. Именно в отрицании совместных политических целей славян Погодин видел причину краха неославизма². На Софийском съезде, кроме некоторых известных учёных, не было русских прогрессивных деятелей, и Погодин приходил к выводу: «Когда же Россия станет настоящим правовым конституционным государством, её притягательная сила для всего славянства будет так велика, что не потребуется никакой бутафории»³.

Политическую сущность славянской идеи видел и молодой корреспондент «Славянского мира» польский студент Мечислав Гржибовский. В статье «Пангерманизм в России и в Царстве Польском» он писал об опасности усиления напора пангерманизма на славянский мир. На примере России и Польши он показывал, как немецкая колониальная экспансия угрожает их безопасности. Россия же этого не понимает, она с готовностью открывает немецкие школы и запрещает польские. Немцы проводят съезды немецких гимнастов, а польскую гимнастическую организацию «Сокол» русская администрация закрывает. Русские власти покровительствуют немецким колонистам – Балтийское побережье уже в их руках, скоро к ним перейдёт и побережье Черного моря⁴.

Как можно видеть, круг корреспондентов «Славянского мира» достаточно различался по своим взглядам на славянский вопрос. Их

¹ Проф. А. Погодин. Студенческие славянские кружки // Славянский мир. № 5–6. С. 1–3.

² Проф. А. Погодин. Софийский съезд // Славянский мир. 1910. № 7–8. С. 4–7.

³ Там же. № 9. С. 19.

⁴ Славянский мир. 1910. № 3. С. 3–7; № 4. С. 3–6; № 9. С. 19–25.

объединяли демократические позиции, гораздо более левые, чем у славянофилов и неославистов. «Славянский мир» выражал взгляды демократически настроенной интеллигенции и студенчества.

Уже в первой редакционной статье «Славянского мира» указывалось, что русская читающая публика совершенно не знакома со славянскими литературами. Поэтому журнал считал необходимым печатать «переводы произведений избранных, преимущественно современных, авторов всех славянских национальностей (чехов, поляков, словаков, сербов, хорватов, словенцев и болгар)»¹. Эту задачу «Славянский мир» выдвигал в качестве главной. Такая постановка вопроса была закономерна, – Лаврин считал основой единения славян культурную работу. «Славянское искусство, – писал он, – это та почва, на которой должны быть сделаны первые серьёзные шаги к взаимному ознакомлению, пониманию и к примирению – во имя великого светлого будущего»².

В «Славянском мире» публиковались весьма профессиональные статьи, посвященные отдельным славянским литераторам. О словацком поэте Юлиуше Словацком написал статью Н. Костеж, о польской писательнице Марии Конопницкой и о сербском просветителе Доситее Обрадовиче – авторы, скрывавшиеся за инициалами «А. Я.» и «Л. П.» соответственно, об истории украинского возрождения – И. Бочковский. Публиковались в «Славянском мире» и статьи о русских писателях Ю. М. Лермонтове, Л. Н. Толстом, Л. Андрееве.

Заслуга журнала «Славянский мир» в развитии русской общественной мысли, в знакомстве русского читателя с литературой славянских народов достаточно заметна. Он был не только рупором демократического крыла неославистов, но и посредником между русской культурой и культурой славянских народов.

После закрытия «Славянского мира» Лаврин стал активно сотрудничать в журнале «Баян». В нём он опубликовал некролог Ашкерцу и обширное исследование о чешской литературе от Яна Гуса до современных писателей Святоплука Чеха, Яна Неруды и др. Ашкерца Лаврин снова характеризовал как одного из лучших славянских поэтов, принадлежавшего к кругу словенских литераторов, формировавшихся «под руководством большим критическим чутьём одаренного Франа Левстика и поэта, беллетриста

¹ От редакции // Славянский мир. 1908. № 1. С. 1.

² Лаврин Я. Славянский вопрос ... С. 137.

и литературного критика Иосифа Стритара». К этому кругу Лаврин относил Й. Юрчича, И. Тавчара, Я. Керсника¹. Чешских писателей Лаврин характеризовал с искренней симпатией, пытаясь показать роль каждого из них в развитии чешской литературы, особенности их творческой манеры. В этой статье Лаврин снова высказал своё понимание национального и общечеловеческого в искусстве. «Вне национальности, — писал он, — могут существовать лишь школы, но живого искусства вне национальности, вне расы — нет... Величайший гений — это воплощенный синтез души и духа своей расы, типичнейший её представитель, а не представитель той или иной школы, того или другого литературного течения»². Практически он снова повторил ту свою мысль, которую развивал ещё в «Славянском мире» о том, что «настоящего, самобытного искусства вне нации, вне родины не существует»³.

После прекращения издания «Славянского мира» Лаврин вместе с поэтом С. М. Городецким выпустил в 1913 г. альманах «Велес» с произведениями русских и других славянских авторов, а в 1915 г. — принял участие в сборнике «Перун». В 1915–1916 гг. Лаврин был членом литературно-артистического кружка в Петербурге. Но главной для него в период Первой мировой войны стала журналистская деятельность на фронтах. Его привлекали прежде всего военные действия на Балканах, откуда он писал корреспонденции в русские и английские газеты. В 1916 г. в Петрограде вышла его книга «В стране вечной войны. Албанские эскизы». Словенский национальный деятель Богумил Вошняк, убеждённый югославист, сторонник Антанты, в июле 1917 г. встретился с Лавриным на острове Корфу, где в то время находились сербское правительство во главе с его премьером Н. Пашичем и Югославский комитет, созданный югославскими политическими эмигрантами из Австро-Венгрии. Лаврин организовал на острове в начале июля демонстрацию по случаю начавшегося наступления русской армии (закончившегося провалом). «Лаврин — истинный словенец, — записал в своем дневнике Вошняк, — организовал большую демонстрацию по поводу русского наступления. Такого не бывало на Корфу, вероятно, со времён Одиссея. Масса людей собралась

¹ Я. Л. Антон Ашкерц // Баян. СПб., 1912. № 6. С. 340, 341. (Публ. в настоящем изд. — *Примеч. ред.*)

² Лаврин Я. Чешская литература // Баян. 1912. № 7. С. 416–438.

³ Савин Л. Портреты славянских писателей: Иван Цанкар // Славянский мир. 1911. № 2–3. С. 21. (Публ. в настоящем изд. — *Примеч. ред.*)

около Англетерра и дома Пашича, где премьер, Югославский комитет были встречены бурными приветствиями, Трумбич воскликнул громким молодецким голосом: “Да здравствует Сербия, объединённая со всеми сербами, хорватами и словенцами!”¹ Как можно видеть, война изменила взгляды Лаврина на сотрудничество славянских народов: он уже не считал главным в нём чисто культурное сближение, но выступал и за политический союз славян, прежде всего – югославянских народов.

В 1916 г. Лаврин навсегда оставил Россию, перебравшись после своей поездки на Корфу в Англию. Там он преподавал русскую литературу в университете Ноттингема в 1918–1953 гг. Им было издано несколько книг, посвящённых русским писателям: А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Н. В. Гоголю, И. А. Гончарову, Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому, В. В. Маяковскому и др. Любовь к русскому языку и культуре он сохранил до конца жизни, являясь их активным пропагандистом за рубежом.

---

¹ *Vošnjak B. Dnevnik iz prve svetovne vojne. Ljubljana, 1994. S. 203.*

Художественно-литературная группа «Безкровное убийство»¹ и Янко Лаврин как основной персонаж одноимённого журнала

Для обозначения статуса «Безкровного убийства» в настоящее время используются несколько определений, а именно: кружок, студийный кружок, группа... Наиболее нейтральным нам представляется понятие группа. Хотя, возможно, вслед за участниками этого объединения следовало бы определять его как издательство, потому что, во-первых, слово неоднократно встречается в документах «Безкровного убийства», а во-вторых – потому что результатом их деятельности, кроме организации двух вечеров 3 декабря 1916 г. и 7 января 1917 г., было издание гектографированного журнала с одноимённым названием.

Группа «Безкровное убийство» сложилась в кругу близких по эстетическим взглядам и устремлениям молодых людей, связанных дружескими узами и взаимной симпатией. Журнал появился как естественное стремление экстравертной творческой молодежи к самовыражению и самопознанию – часто в форме гротеска, шутки, карнавального действия, насмешки над окружающей действительностью и над самими собой.

Журнал «Безкровное убийство» органично вписывался в культурную жизнь того времени. Такого типа рукописные альбомные и журнальные издания, предназначенные для узкого круга читателей, были весьма популярны и стали неотъемлемой частью бытовой культуры российского образованного общества в XIX и начале XX столетия. Журнал отличался обновлённой эстетикой и стилистикой, проявившихся как в изобразительном ряде, так и в повествовательном, что соответствовало историческим особенностям времени и авангардным устремлениям его создателей.

Хотя журнал «Безкровное убийство» создавался для узкого приятельского круга, а не с целью широкой манифестации художественных взглядов своих создателей (что как раз было типичным для большинства авангардных изданий того периода), он остался в истории российского авангарда и с 1980-х гг. стал предметом

---

¹ Хотя согласно Орфографической реформе 1917–1918 гг. название группы следовало бы писать по-другому, в посвященных её деятельности работах большинства исследователей сохраняется старое написание.

изучения специалистами как на родине, так и за её пределами, такими как: Н. Гурьянова, М. Марцадури, А. Марочкина и др.¹ В их исследованиях «Безкровное убийство» рассматривается в числе заметных явлений русского авангарда 1907–1910 гг. Действительно, группа заняла особое место в истории русской дореволюционной культуры. Различные аспекты её деятельности привлекают всё новых исследователей. Поэтому значимой представляется попытка избавиться от ряда неточностей, не имеющих под собой фактической основы, но укоренившихся в изданиях, упоминающих «Безкровное убийство», в том числе справочных.

«Безкровное убийство» было абсолютно неформализованным образованием. Говоря о составе группы, следует избегать смешения круга творческого общения Михаила Васильевича Ле-Дантю, неформального лидера «Безкровного убийства», и собственно участников группы. Круг общения Ле-Дантю начал складываться ещё в период его учебы в Петербургской Академии художеств в 1909–1911 гг., затем расширялся в результате его участия в выставках «Союза молодёжи», а также «Ослиный хвост», «Мишень» и «№ 4», благодаря совместной деятельности с М. Ларионовым и Н. Гончаровой и т. д. В частности, он был одним из одиннадцати художников, подписавших Манифест группы художников «Лучисты и будущники». Интересуясь теоретическими проблемами развития современного искусства, Ле-Дантю выдвигает концепцию «всёчества» – усвоения и переработки всех стилей мировой живописи. Весной 1915 г. в Петрограде состоялась его первая персональная выставка². В круг общения Ле-Дантю входило большое число представителей различных направлений русского литературного и художественного авангарда (в том числе А. Кручёных, В. Хлебников, В. Маяковский и др.). Многие из них появлялись и в квартире «молодой и необыкновенно остроумной» Ольги Ивановны Лешковой, которая была душой «весёлых литературных собраний, на которых было много смеха и много хороших друзей»³...

¹ Гурьянова Н. «Безкровное убийство» // Искусство. М., 1989. № 10; Марцадури М. Создание и первая постановка драмы ...; Марочкина А. Н. «Бескровное убийство». Ранний период творчества Веры Ермолаевой / Оттиск. Imprint № 1. СПб., 2001; Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932. Т. 1: Боевое десятилетие. СПб., 1996; Шруба М. Дополнения к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов» // НЛЮ. М., 2006. № 77.

² Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях / авт.-сост. А. Д. Сарабьянов, текст Н. А. Гурьяновой и А. Д. Сарабьянова. М., 1992. С. 24, 146.

³ См. письмо Я. Лаврина к О. В. Мудровой от 4 января 1981 г. (Публ. в настоящем изд. – Примеч. ред.)

Группа «Безкровное убийство» являлась значительно более узким, «домашним» кругом близких по духу друзей Ле-Дантю и Лешковой, которые являлись главной движущей силой создания журнала, ориентированного именно на этот узкий круг, да и многое в нём могло быть понятно лишь посвящённым. Этот ближайший круг начал складываться в 1911–1912 гг. Наряду с Ле-Дантю и Лешковой в него входили: художница Вера Михайловна Ермолаева, художник Николай Федорович Лапшин, словенский литератор и журналист Янко Лаврин, художница Екатерина Ивановна Турова, художник Николай Петрович Янкин.

Собственно, отдельные выпуски журнала посвящались лично участникам группы, прежде всего тем, как отмечала Лешкова, кто активно способствовал появлению выпусков своими рисунками или текстами¹. Поэтому достаточно легко определить число активных участников «Безкровного убийства» – своеобразный состав неформальной «редакции» журнала, или, по выражению Гурьяновой, «его сотрудников»².

Наряду с ними в тексте и рисунках журнала (всего в двух номерах) могли присутствовать близкие знакомые «редакции». М. Марцадури называет их читателями: «те, кто ограничивались только его чтением»³. К ним можно отнести изображённых в выпуске «О возврате на лоно» (рис. 13) и названных Лешковой Монну Розу, художника В. А. Кузнецова, Е. И. Гуржиенко, обещавшую написать вальс «Коровья меланхолия», а также М. А. Кузнецову, композитора В. Ф. Лидтке, археолога Н. А. Иванова – «ряд лиц, настоятельно требовавших ежемесячно выхода “Безкр. Уб.”, но не давших “Безкр. Уб.” никаких материалов»⁴. Очевидно, сюда следует добавить и карикатуриста К. Н. Фридберга, также изображённого в выпуске. В продолжение этому, можно задаться вопросом: включать ли в число активных участников «Безкровного убийства» художника и педагога М. Д. Бернштейна, присутствующего как персонаж в журнале (например, в «О возврате на лоно») и предоставившего свою студию для проведения вечеров «Безкровного убийства»? А также пробующую себя в литературе Ольгу Григорьевну

¹ См. заявление в выпуске «О возврате на лоно»: РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 193.

² Гурьянова Н. Указ. соч. С. 54.

³ Марцадури М. Письма О. И. Лешковой к И. М. Зданевичу // Русский литературный авангард. С. 37.

⁴ РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 193.

Левинсон и поэта Николая Николаевича Белоцветова, изображения которых мы находим в нескольких выпусках?¹

В ряде публикаций в число участников «Безкровного убийства» включается Илья Зданевич², а иногда даже оба брата Зданевичи – и Илья, и Кирилл³. Включение Кирилла просто ошибка, вопрос с Ильёй более сложен и неоднозначен. Как близкий друг Ле-Дантю он был хорошо знаком с участниками «Безкровного убийства», однако не принимал участия в подготовке ни одного выпуска журнала. Впервые он увидел журнал, а именно его «Албанский» выпуск, посвященный Янко Лаврину, 30 ноября 1916 г. По словам Лешковой, журнал произвёл на него огромное впечатление, и он заявил, что «с наслаждением примкнёт к сотрудничеству в этом журнале»⁴.

Попавший в руки И. Зданевича выпуск не просто произвёл впечатление, но и вдохновил его на создание всего за полтора дня первой заумной драмы – «Янко круль албанскай». Уже 3 декабря И. Зданевич, с присущей ему невероятной энергией и к великому удивлению Лешковой, давал представление своей пьесы в мастерской Бернштейна. На премьере автор выступил с небольшой речью уже как представитель «Безкровного убийства» и заявил о том, что «организуется замечательное, самое передовое артистическое предприятие под названием “Безкровное убийство”».

По общему мнению, вечер был блестяще организован. Программа вечера, привлечение всех присутствующих к участию в пьесе в качестве актёров, общая атмосфера праздника, уже позабытая за два военных года, а также и удивительное для того времени количество «горячительных» напитков и разнообразной еды, – всё произвело неизгладимое впечатление на присутствующих и имело широкий отклик в артистических и художественных кругах Петрограда⁵. Позже И. Зданевич участвовал и в организации

¹ Марцадури ошибочно именует Левинсон Монной Розой Левинсондой (по её «журнальной фамилии»), а Белоцветова Колей Бархатным (по его прозвищу). Подробнее об этом см.: *Бернштейн Д.* Про страницу из жевержеевского альбома, или о Катерине Ивановне Туровой и «Хлебникове» // Терентьевский сборник 1996. М., 1996. С. 199–200.

² *Марцадури М.* Создание и первая постановка драмы ... С. 23; *Бернштейн Д.* Указ. соч. С. 187.

³ *Шруба М.* Указ. соч.

⁴ Письмо Лешковой к Ле-Дантю от 08 декабря 1916 г. (Публ. в настоящем изд.)

⁵ Письма Лешковой к Ле-Дантю от 08 и 13 декабря 1916 г. (Публ. в настоящем изд.)

вечера «Безкровного убийства» 7 января 1917 г., также имевшего огромный успех.

На обоих вечерах присутствовал художник В. Лебедев, отразивший их настроение в рисунке «Маскарад» (рис. 5) для обложки «Нового Сатирикона» от 19 января 1917 г. Представляется, что в первую очередь успех этих вечеров способствовал тому, что содержание выпусков «Безкровного убийства» заинтересовало популярный еженедельный журнал. Однако лестное предложение «Нового Сатирикона» о предоставлении двух страниц в каждом номере под публикацию материалов «Безкровного убийства», не могло быть принято, поскольку художники были на фронтах, писателей и поэтов в составе «Безкровного убийства» тогда не было, «предложение И. М. Зданевича <...> войти в состав сотрудников «Безкр. Уб.» поступило в самом конце карьеры этого журнала, но и он в это время был корреспондентом на Кавказском фронте»¹. В объяснительной записке 1935 г. Лешкова даже не упоминает о возможности участия в публикациях постоянно находящейся в Петрограде Ермолаевой. Неизвестно, обсуждался ли этот вопрос участниками «Безкровного убийства» в 1916 г. вообще. Возможно, Лешкова не решилась подробно говорить и писать об этом в мае 1935 г., поскольку в декабре 1934 г. Ермолаева была арестована, а в феврале 1935 сослана в лагерь.

Благодаря пропагандистскому дару и многогранному таланту И. Зданевича, журнал «Безкровное убийство» и сама группа получила колоссальную рекламу. Зданевич широко обсуждал планы по открытию артистического кабаре «Безкровное убийство» (как альтернативы знаменитого подвала «Приют комедиантов») и даже театра, выпуску новых номеров журнала, посвященных М. Ларионову и Н. Гончаровой, а также грузинским событиям из собственной жизни. Было даже намерение организовать собственное «настоящее» издательство «Безкровное убийство» с типографией. Однако все эти грандиозные планы по расширению «Безкровного убийства» и превращению его «в настоящий официальный орган левых течений искусства»² не были реализованы как по объективным обстоятельствам (Февральская революция), так и по субъективным причинам (гибель главного сотрудника –

¹ См. объяснительную записку Лешковой о возникновении и деятельности «Безкровного убийства» от 23 мая 1935 г.: РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 182.

² Там же.

Ле-Дантю). Кроме постановки пьесы на тему «Албанского» номера, ни один из этих проектов не был осуществлён, однако в сознании современников и в их памяти Илья Зданевич оказался крепко связанным с группой.

Некоторые современные исследователи творчества И. Зданевича и вовсе говорят об оригинальности в выборе прототипов, идее и сюжетной линии его первой заумной драмы, даже не упоминая «Албанского» выпуска «Бескровного убийства»¹. Однако авторство текста «Албанского» номера целиком принадлежит Лешковой, Зданевич же (при её молчаливом согласии) использовал часть её текста в качестве сюжета и сценария для своей заумной драмы, ставшей «забавной инсценировкой эпизода албанского царствования Янки с введением нескольких добавочных ролей»². Зданевич посвятил свою драму Лешковой, о чём она сама упоминает в записке, кроме того, посвящение Лешковой присутствует и в тифлисском издании пьесы³. Таким образом, говоря об участии И. Зданевича в группе «Бескровное убийство», следует иметь в виду даты: декабрь 1916 – январь 1917 г.

Разнотечения и неточности в современной специальной литературе можно найти и по другим вопросам, в частности – о трактовке названия и о времени существования группы.

Так, Марцадури полагает, что «название “Бескровное убийство” по всей вероятности намекало на судьбу искусства, ставшего болтовней, сплетней, шуткой, игрой»⁴. Гейро, а за ним и Шруба смысловое значение названия группы трактуют следующим образом: «Жертвой “убийства”, о котором шла речь, было искусство, ставшее предметом постоянных насмешек»⁵. Эта трактовка, вероятно, основана на словах И. Зданевича из его доклада «На дне рождения», зачитанного в Париже 12 мая 1922 г.: «Я решил теперь на бескровное убийство всего – всей жизни, литературы, Сологубов, русского языка, России. Мошенничать нельзя было больше. Я написал и поставил “Янку круля албанского”...»⁶. Однако

¹ Как, напр., Р. Гейро в предисловии к последнему изданию произведений Зданевича: *Зданевич И. М. (Ильязд)*. Философия футуриста. С. 11–12.

² Письмо Лешковой к Ле-Дантю от 08 декабря 1916 г.

³ *Зданевич И. М. (Ильязд)*. Указ. соч. С. 481.

⁴ *Марцадури М.* Создание и первая постановка драмы ... С. 23.

⁵ *Geyraud R.* Promenade autour de Ledentu le Phare // *Iliazd. Ledentu le Phare*. Paris, 1995. P. 95; *Шруба М.* Указ. соч.

⁶ *Зданевич И. М. (Ильязд)*. Указ. соч. С. 694.

реминисценции Зданевича могли и не совпадать с позицией авторов журнала, участников группы «Безкровное убийство». Согласно объяснительной записке Лешковой, изначально они не ставили глобальных целей, хотя подобная трактовка хорошо «ложится» на авангардистский, футуристический имидж группы и сегодняшнее понимание того места, которое она занимала в художественно-литературной жизни Петрограда. Из пояснений Лешковой – автора практически всех текстов журнала – относительно истории возникновения журнала и из «Программы и условий сотрудничества в Издательстве “Безкровное убийство”»¹ вытекает, что в названии группы была заложена идея придумывания небылицы о вполне конкретном человеке. Насмехаясь над ним, иронизируя и гротескно преувеличивая его качества, превращая плюсы в минусы и наоборот, карнавализуя повседневную банальность бытия, они своеобразно уничтожали его репутацию, совершая при этом своего рода бескровное убийство. Следует иметь в виду, что журнал создавался в эпоху, «когда элемент эпатажа в произведении искусства являлся своего рода необходимым “прибавочным элементом”»², и хотя группа и не акцентировала социальных тем или идеологических вопросов («Пожалуй, это был единственный в России того времени бесцензурный журнал, избавленный от социальной нагрузки и полностью посвященный “частному” человеку», – как пишет Гурьянова), однако «события окружающего мира» – будь то нехватка или дороговизна продуктов в военное время в Петрограде или же борьба противоборствующих блоков европейских государств за контроль над новообразованной Албанией – «разумеется, отражалась на темах и трактовках разных явлений», как замечает Лешкова, но непременно своим собственным «перевернутым» способом: «всё преувеличивалось и извращалось»³. Таким образом «убивались» привычные, социально приемлемые и одобряемые нормы повседневности.

Существует ещё одна версия происхождения названия: «Возможно, имя группы не было изобретено её членами, а было заимствовано из криминальной хроники. В 1909 г. в Петербурге стало известно о скандальном преступлении, получившем название “бескровного убийства”. Дочь генерал-майора Вера фон Вик

¹ РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 15.

² Гурьянова Н. Указ. соч. С. 54.

³ РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 182.

в порыве ревности облила кислотой свою соперницу <...> В 1914 г. были изданы записки фон Вик, рассказывающие ужасную историю её жизни. Возможно, это стало известно будущим «бескровным убийцам» и было взято как имя группы»¹.

Стоит вспомнить и примечание к «Программе и условиях сотрудничества в Издательстве «Бескровное убийство»», гласящее, что «применение немцами удушливых газов есть ничто иное как низкий плагиат», поскольку «Бескровное убийство» возникло задолго до войны»². В самой формулировке, в сочетании трагического и смешного заложено то, что сегодня воспринимается привычно, приемлемо, даже традиционно – и обычно называется чёрным юмором. «Бескровное убийство» и в этом смысле было среди первопроходцев.

Остается открытым вопрос о времени возникновения группы.

М. Шруба, опираясь на мнение Р. Гейро, относит образование этой «литературно-художественной группы футуристической ориентации» к 1914 г.³ Н. Гурьянова в «Хронике русского авангарда» среди событий 1915 г. указывает: «Конец года. Художники и литераторы М. Ле-Дантю, О. Лешкова, Н. Лапшин, В. Ермолаева, Я. Лаврин организовали в Петрограде новый рукописный бесцензурный журнал «Бескровное убийство»»⁴. А. Крусанов как начало издания рукописного журнала «Бескровное убийство» обозначает осень 1915 г.⁵ При этом оба автора не говорят о периоде формирования собственно группы. В «Программе и условиях сотрудничества в Издательстве «Бескровное убийство»» говорится так: «задолго до войны».

Углубление в эту тему неизбежно ставит перед нами вопрос о Янко Лаврине и его роли в возникновении и функционировании группы, что и в публикациях самой группы, и в архивных документах связано напрямую.

Вспоминая в 1935 г. историю возникновения «Бескровного убийства» Лешкова отмечает: «...чтобы скомпрометировать сербского журналиста Янку Лаврина и отравить ему жизнь был сочинён

¹ Марочкина А. Н. Вера Ермолаева: Новые факты творческой биографии // Русский авангард 1910–1920-х годов и проблема экспрессионизма. М., 2003. С. 366–367.

² РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 15.

³ Шруба М. Указ. соч.

⁴ Неизвестный русский авангард ... С. 24.

⁵ Крусанов А. В. Указ. соч. С. 260.

и прекрасно иллюстрирован сборник стихов «Лахудра»¹. В «Албанском» выпуске журнала (1916) об этом пишется более юмористически, но не менее определённо. Утверждается, что издательство, «собственно говоря, обязано ему даже своим возникновением», поскольку «несколько лет тому назад» Янко «довело своим поведением группу лиц до безысходной необходимости посвятить ему нашумевший в своё время сборник стихов «Лахудра», ставший первым выпуском расцветшего впоследствии, с его легкой руки, нашего Издательства»². Сборник «Лахудра», к сожалению, скорее всего, не сохранился³. Однако можно сделать некоторые предположения относительно его содержания. Как и почему простонародное слово «лахудра», обозначающее, как правило, неприбранную, неряшливую женщину, могло быть связано с молодым и уже перед войной популярным в петербургских литературных кругах журналистом?

Среди знакомых Лаврина было широко известно, что Янко отнюдь не являлся образцом аккуратности в бытовых вопросах. Например, в одном из писем он признавался, что в очередной раз съезжая с квартиры, забыл там одолженную им у Ле-Дантю шубу, поскольку хранил он её по своему обыкновению под оттоманкой (!)⁴. В том же письме он иронизирует над своей «истинно лавринской аккуратностью» и оправдывается словами, что «мне стало страшно совестно за свою сверхлавринскую безалаберность». Поэтому определение «лахудра» вполне могло быть использовано приятелями для характеристики его привычек, а содержание сборника – морально, то есть бескровно, убивать его «приличную» репутацию. При создании сборника могла возникнуть и идея о названии будущего издательского проекта, продолжавшегося несколько лет. Несомненно одно: посвященный Янко Лаврину сборник «Лахудра» стал отправной точкой для появления последующих выпусков издательства.

¹ РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 182.

² Там же. Ед. хр. 190.

³ Сборник не был включён Лешковой в перечень сохранившихся к 1935 г. материалов издательства «Бескровное убийство»; отсутствует он и в перечне архивных материалов фондов Ле-Дантю и Лешковой в РГАЛИ; на него нет никаких ссылок и в исследованиях, посвящённых группе.

⁴ Письмо Я. Лаврина к М. В. Ле-Дантю от 15 мая 1912 г. – Публ. впервые в настоящем изд.

Важным для установления времени начала деятельности группы «Безкровное убийство» является время знакомства Лаврина с Ле-Дантю, датированное Марцадури 1914 г.¹ Однако, судя по архивным материалам, это произошло существенно раньше, а именно в 1909–1911 гг. Это подтверждается ответом матери Ле-Дантю на просьбу Лешковой внести уточнения в биографию сына: «С Ян. Лавр. Миша познакомился ещё в Академии, через одного ученика Академии, не помню только кого именно, или Васильева² (горбатого) или болгарина»³ (известно, что Петербургскую академию художеств Ле-Дантю оставил в январе 1912 г.). Письмо Лаврина к Ле-Дантю от 15 мая 1912 г. свидетельствует о высоком уровне доверия в отношениях друзей. Как свою хорошую знакомую упоминает Лаврин «Ольгу Ивановну Лешкову, весёлую и остроумную приятельницу художника Ле-Дантю» в своих воспоминаниях о Велимире Хлебникове, касающихся пребывания поэта в Петербурге и его жизни на квартире Лаврина в качестве гостя в начале 1913 г.⁴

Таким образом, время возникновения группы «Безкровное убийство», а также одноименного издательства правильнее будет отнести не к лету 1914 г., как это делает Гейро⁵, а к 1911–1913 гг.

Фактически издательская деятельность «Безкровного убийства» началась из-за Янко Лаврина. «Янко было любимцем всей компании и в то же время хронической мишенью для нападок», — пишет Лешкова и тут же поясняет: «О нём всегда было принято говорить и писать в среднем роде, т. к. его имя оканчивалось на -о и Янко ни за что не хотело его “перевести” или изменить, хотя страшно негодовало за этот “средний род”»⁶.

Однако Лаврин не был ни автором текстов для «Безкровного убийства», ни иллюстратором, а ведь именно по этому принципу выбирались главные «герои» выпусков «Безкровного убийства». Естественно возникает вопрос, почему ему были посвящены три публикации «Безкровного убийства»: иллюстрированная повестка-приглашение на собрание группы на квартире Лаврина, несохранившийся сборник «Лахудра» и «Албанский» выпуск журнала,

¹ Марцадури М. Письма О. И. Лешковой к И. М. Зданевичу. С. 62.

² Среди учеников Академии художеств того времени был лишь один Васильев — Дмитрий Андреевич. — *Примеч. ред.*

³ РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 14.

⁴ См.: Лаврин Я. [Воспоминания о Хлебникове]. С. 98.

⁵ Geyraud R. Op. cit. P. 95.

⁶ РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 190.

которые оценивались Лешковой как наиболее удачные творения группы¹. Последний «вышел самым толстым и самым богатым как по количеству, так и по качеству рисунков», поскольку «все художники пожелали его иллюстрировать; пришлось сделать нечто вроде конкурса и выбрать лучшие рисунки»².

В работах, посвящённых группе «Безкровное убийство», Янко Лаврин, как правило, упоминается мимоходом, исключительно как повод проявить остроумие, часто с ошибочной национальной принадлежностью (с легкой руки Лешковой, назвавшей его в 1935 г. сербским журналистом). Создаётся весьма легковесное, если не одиозное, впечатление о человеке «с предрассудками, панславянскими идеями и мегаломанией»³, и нет ни одной попытки определить, почему участники «Безкровного убийства» проявляли к Лаврину такое внимание.

Отличие от других участников группы (исключением можно считать лишь Ле-Дантю, который довольно рано проявил себя как художник, приняв участие в ряде весьма заметных выставок, и как теоретик современного искусства) Янко Лаврин уже до начала Первой мировой войны, то есть в свои 27 лет, был заметной фигурой не только в российской журналистике и публицистике, но и в петербургской общественной жизни, и в целом являлся вполне сложившейся и самостоятельной личностью.

По национальности словенец, родом из Белой Крайны⁴, поданный Австро-Венгрии, Янко Лаврин отправился в Россию для получения университетского образования сразу же после окончания гимназии в 1907 г.⁵. К этому времени он уже имел за плечами некоторый литературный и жизненный опыт. Ещё в дошкольном возрасте оставшись без родителей, он воспитывался у родственников. Среднее образование он получил в Новом Месте (Словения) и гимназии Сушака близ Риеки (Хорватия). Литературным творчеством начал заниматься довольно рано. Начиная с 1905 г.,

¹ Повестка-приглашение и «Албанский» выпуск впервые целиком публ. в настоящем изд.

² РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 190.

³ Шруба М. Указ. соч.

⁴ Следует отметить, что в Белой Крайне проживают и потомки сербских переселенцев. В XVI веке в район Жуженберга прибыли славяне, бежавшие с Балкан от турок. Они получили особые льготы, подчинялись непосредственно императору и за это были обязаны защищать границы. — *Примеч. ред.*

⁵ Некоторые авторы указывают 1908 г. Подробнее об этом см. в «Хронологии жизни Янко Лаврина в России» в настоящем изд.

ещё будучи гимназистом, он публиковался в пражском журнале «Домачи приятель»¹.

По приезде в Россию Лаврин необъяснимо быстро, с поистине удивительной активностью включается в литературную жизнь Петербурга. С 1908 по 1911 гг. он является издателем журнала «Славянский мир», его редактором и активным автором. До начала Первой мировой войны Янко Лаврин деятельно сотрудничает с газетами «Славянин», «Баян», «Аргус», позднее участвует в сборниках «Перун» (1915) и «Молодая Русь» (1916). Среди его публикаций рассказы, путевые зарисовки, а также серьёзные статьи по проблемам культурного развития славян, критические статьи о современных славянских литературах и переводы. Журналистская деятельность Лаврина весьма активна и разнообразна, посвящена в основном «целям взаимного ознакомления славян и их культурного сближения», и при этом он публикуется как под своим именем, так и под псевдонимами². В 1912–1913 гг. Лаврин и поэт Сергей Городецкий в качестве соредакторов готовят к печати Первый альманах русских и инославянских писателей «Велес», получивший большую известность и вызвавший общественный отклик. Вместе с тем Янко Лаврин проявляет себя на общественном поприще и становится одним из заметных деятелей в области славянского вопроса, который в этот период приобрёл большую популярность в России среди различных слоёв общества. Наряду с российскими авторитетами того времени, блестящими именами русской науки и политики – академиками В. М. Бехтеревым и М. М. Ковалевским, профессорами П. А. Лавровым, М. П. Чубинским и Д. И. Семизом, а также членом 4-й Государственной Думы А. М. Александровым – в 1912 г. Янко Лаврин становится одним из семи учредителей «Общества славянского научного единения» (Устав общества был утвержден Министерством внутренних дел 13 июня 1912 г.). В изданном обществом сборнике он выступает в качестве автора одной из проблемных статей по вопросу о путях и перспективах развития славянских культур и их роли в развитии европейской культуры – «Славянский вопрос и художественно-литературное сближение»³.

¹ Подробнее об этом см. статью Д. Моравца в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

² Подробнее об этом см.: *Мудрова О. В.* Журнал «Славянский мир» ... С. 34–43. (Также см. её работу в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

³ Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

Следует подчеркнуть, что взгляды Лаврина по вопросу славянского единения, панславизма и славянофильства специально до сих пор не исследовались, хотя и затрагивались в некоторых работах¹. Однако в последнее время появилась неприятная тенденция повторять некоторые необоснованные определения о характере его деятельности из публикации в публикацию, как, например, мимоходом оброненная Марцадури фраза, что якобы Янко Лаврин был «ярким панславянофилом» (?)².

В связи с этим следует подчеркнуть, что Лаврин вне всякого сомнения отрицательно относился к возможности политического единства славян «уже потому, что исторические и политические традиции славянских народностей слишком различны, внешние трения слишком велики», а по вопросу их культурного развития поддерживал «полное культурное и национальное самоопределение» любого славянского народа и высказывал мысли о том, что каждый из славянских народов должен самостоятельно развивать свою собственную культуру, традиции и язык, но при этом непременно прилагать все усилия для взаимного ознакомления с культурой, историей, литературой друг друга³.

Во время своего пребывания в России Лаврин легко и естественно общается с представителями различных общественных кругов, в том числе с зарубежными общественными и политическими деятелями – Т. Масариком и Э. Бенешем; с представителями высшей русской аристократии – принцем Ольденбургским и князем Урусовым; о нём становится известным Льву Толстому, который передаёт ему в письме через Т. Масарика привет. Один из известнейших русских художников, член Академии художеств Б. М. Кустодиев пишет в 1909 г. великолепный портрет Янко Лаврина маслом (ныне в собрании Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге). Он же в 1908 г. делает обложку для первого номера журнала «Славянский мир», издаваемого Лавриным, а в 1910 г. – обложку для первой книги «Библиотеки избранных славянских писателей», задуманной Лавриным как приложение к «Славянскому миру».

Лаврин становится своим человеком в среде российского литературного и художественного авангарда. Он знакомится практически

¹ См. например: *Чуркина И. В.* Янко Лаврин в России. (На этот вопрос отвечает её же работа в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

² *Марцадури М.* Создание и первая постановка драмы ... С. 24.

³ *Лаврин Я.* Славянский вопрос ... С. 132.

со всеми его видными представителями, среди которых В. Маяковский, Д. Бурлюк, А. Белый, С. Бобров, М. Ларионов, оба брата Зданевичи и др., и общается с ними без оглядки на их довольно запутанные взаимоотношения. Так, Лаврин даёт приют в своей квартире приехавшему в Петербург В. Хлебникову¹ и сводит его с издательскими кругами². Возможно, Лаврин мог в некоторой степени содействовать публикации манифеста футуристов «Почему мы раскрашиваемся» (авторы Михаил Ларионов и Илья Зданевич) с обширным фотографическим материалом в весьма и весьма далеком от данной проблематики журнале «Аргус», с которым Лаврин сотрудничал³. Лаврин был знаком и с А. Ахматовой, Н. Гумилевым, Ф. Сологубом, О. Мандельштамом; впоследствии поддерживал знакомство с В. Розановым в Лондоне и А. Ремизовым в Париже⁴.

Кроме того, Лаврин продолжает учиться. Он посещает интересные его университетские курсы лекций в Петербурге, в Праге, в парижской Сорбонне, в университетах Христиании (ныне — Осло) и Гельсингфорса (Хельсинки).

Лаврин много и с удовольствием путешествует по различным уголкам России, пользуясь приглашениями своих многочисленных друзей. Особенно его привлекает Кавказ, Закавказье и Предкавказье. Он объездил практически и всю Европу: Италия, Франция, Дания, Пиренейский полуостров, страны Скандинавии, Балканы, французская Северная Африка и т. д. Своё пристрастие к путешествиям Лаврин оценивал так: «Природа моя — это природа “десятого брата”, который бродит по всему свету, постоянно встречаясь с опасностью превратиться в своего рода словенского Пера Гюнта»⁵.

¹ М. Ларионов в письме к М. Ле-Дантю в начале 1913 г. «просит разъяснить его близкому знакомому филологу Янко Лаврину неуместность вести “дела” с Хлебниковым. «Вы ему только скажите, что это компания все-таки Бурлюк и Бубновый валет. — Пора с этой компанией бороться». — Цит. по: *Стригалёв А. А.*: Кем, когда и как была открыта живопись Н. А. Пиромасанишвили // *Панорама искусств*. Выпуск 12. М.: Сов. художник, 1989. С. 314.

² Подробнее см.: *Парнис А. Е.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова. С. 230; *Его же.* Хлебников: В поисках ... ; *Лаврин Я.* [Воспоминания о Хлебникове].

³ *Аргус*. СПб., 1913. № 12. С. 114–118.

⁴ См.: *Jones M. V.* Славянский Мир / *Slavianskii mir: The Story of Slavonic Studies at The University of Nottingham in the Twentieth Century*. Ilkeston—Derbyshire, 2009. P. 25. (Также см. его статью в настоящем изд. — *Примеч. ред.*)

⁵ *Lavrin J.* Pisma v domovino / uredil in pojasnil D. Moravec. Ljubljana, 2004. S. 187.

Зачастую эти путешествия становятся настоящими авантюрами. Так, например, Лаврин всегда избегал заезжать в Австро-Венгрию, которую покинул, не отслужив воинской повинности, за что мог быть арестован как дезертир. Тем не менее, осенью 1913 г. он всё-таки рискует. Возвращаясь в Россию после путешествия по Европе, он нелегально переходит итало-австрийскую границу и появляется в Триесте, затем приезжает в Люблян. Не имея виз, с паспортом на чужое имя Лаврин ухитряется появиться и в Белграде, откуда с новым, теперь уже сербским паспортом возвращается в Россию. Пользуясь возможностью, он заезжает в Македонию и вновь нелегально появляется в Австро-Венгрии, на этот раз в Загребе. Во время этой поездки по региону, где только что закончилась Вторая Балканская война, Лаврин совмещает два дела. С одной стороны, он выступает как представитель книготорговой фирмы М. В. Аверьянова и вполне удачно ведёт бизнес – устанавливает контакты с книготорговцами в Словении, Хорватии и Сербии для организации доставки и продажи в этих регионах русских книг. А с другой стороны, Лаврин встречается с представителями словенских, хорватских и сербских молодежных организаций, ратующих за распад Австро-Венгерской империи и создание самостоятельного государства южных славян, и старается по возможности глубже вникнуть в их программы¹.

Многочисленность и разнообразие путешествий, не говоря уж об их рискованности, поражают его русских приятелей, да и сам он впоследствии чистосердечно признал их «приключенческими авантюрами» или «авантюрными приключениями»².

При всём этом Лаврин должен был содержать себя сам. Этим он разительно отличался от большинства других участников «Безкровного убийства», у которых была поддержка родителей или же даже сравнительно большие личные капиталы, как, например, у Ермолаевой и Лапшина. С целью заработка Лаврин в начале своей жизни в России занимался репетиторством в семьях как учитель иностранных языков (немецкого и французского) и как воспитатель (гувернер)³. Позднее он зарабатывал на жизнь в основном редакционной и издательской деятельностью, довольно

¹ Подробнее о путешествии см. в «Хронологии жизни Янко Лаврина в России».

² См. письмо Лаврина к Кристине Бренк от 9 июля 1984 г. // *Lavrin J. Pisma y domovino*. S. 234.

³ См.: *Lavrin J. Med osem in osemdeset* (Iz zapisnice kozmopolita). Ljubljana, 1987. S. 79; *Pleterski J. Pogovor s profesorjem Jankom Lavrinom* // *Melikov zbornik*. Ljubljana, 2001. S. 185.

многочисленными журнальными и газетными публикациями, переводами (как под своим именем, так и под псевдонимами) и даже написанием пьес для других «авторов» на заказ¹.

С началом Первой мировой войны жизнь Лаврина ещё больше походит на приключенческий роман. Осенью 1914 г. он по поручению российского Генштаба отправляется в Европу с политическими поручениями. Лаврин посещает Рим и Венецию, устанавливает контакты с представителями движений за независимость югославянских народов Австро-Венгрии, а затем привозит в Россию меморандум на имя Великого князя Николая Николаевича².

В начале 1915 г. Лаврин в качестве военного корреспондента одной из самых популярных российских газет того периода «Новое время» направляется на сербский фронт, где ему почти сразу, в течение недели, удаётся добиться встречи и получить интервью у премьер-министра Николы Пашича. Опубликованное 3(16) марта 1915 г., интервью проясняло позицию Сербского правительства в войне и потому имело широкий отклик в мире, оно было перепечатано в союзнической прессе³. Пашича интересовало всё, что касалось положения дел в России, – подробный анализ ситуации (в том числе и в отношении возможной революции в России), а также откровенность ответов обеспечили Лаврину доверие со стороны главы сербского правительства. С тех пор «двери у Пашича были всегда открыты» Лаврину⁴, чем тот воспользовался, взяв ещё несколько интервью (только в течение 1915 г. в «Новом времени» были опубликованы 4 объёмных интервью с Пашичем, одно из них даже с участием престолонаследника Александра, а также интервью с сербским министром внутренних дел Йовановичем).

Перенеся вместе с разгромленной сербской армией все трудности трагического отступления осенью–зимой 1915 г., Лаврин через Салоники и Корсику прибывает в Париж. Здесь он встречается и беседует с Эдуардом Бенешем. Далее он отправляется в Лондон, где вновь встречается с членами теперь уже сформированного и действующего Югославского комитета – его председателем А. Трумбичем, И. Мештровичем и др. Кроме австрийских эмигрантов-славян в Лондоне Лаврин встречался с некоторыми

¹ См. письмо Лаврина к Ле-Дантю от 15 мая 1912 г.

² Подробнее об этом см. в «Хронологии жизни Янко Лаврина в России».

³ Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

⁴ *Pleterski J. Op. cit. S. 186.*

представителями около правительственных кругов союзников, интересующимися положением на Балканах¹.

Существует информация, что прославянская деятельность Лаврина и его старания в пользу Антанты не были оставлены без внимания Австро-Венгрией. В Габсбургской монархии был выпущен ордер на его арест и даже объявлена награда за его голову².

Вернувшись через Берген и Стокгольм в феврале 1916 г. в Петроград, Лаврин по предложению М. А. Суворина пишет книгу «В стране вечной войны. Албанские эскизы». То, что в книге описано как одно путешествие, в действительности являлось результатом двух его поездок по региону. Первая поездка, как видно из перерывов в его корреспонденциях, состоялась с конца августа до конца сентября 1915 г. в период относительного затишья на фронтах. Лаврин успел посетить Косово, Черногорию и собственно Албанию, собрать в этом нестабильном регионе и представить в художественно-литературной форме этнографические данные, а также сведения, касающиеся тогдашней чрезвычайно запутанной и неоднозначной политической ситуации. В заключительной части книги (трёх последних главах) он описывает события с октября по конец декабря 1915 г., когда ему на собственном опыте довелось испытать все тяготы отступления сербской армии и мирного населения через Косово и Албанию к морю³.

Книга долго ждала решения военной цензуры, что не удивительно, поскольку в ней чрезвычайно правдиво показана действительная ситуация катастрофического разгрома, в которой оказалась союзная России Сербия, понесенные ею потери и плачевное состояние её армии. По современным сведениям «военные потери составили 55 000 солдат и офицеров, не считая пленных и беженцев, отступавших вместе с армией»⁴. Всё же книга была разрешена к печати 25 августа 1916 г. Интересно, что одновременно с «Албанскими эскизами» издательством «Новое время» были проанонсированы как готовящиеся к печати ещё две книги Лаврина: «Бродячая жизнь. Арабески» и «По Испании. Путевые очерки». Однако они так и не были опубликованы.

В первой половине осени 1916 г. Лаврин находился в Петрограде и, вероятно, дождался выхода своей книги, поскольку

¹ Ibid. С. 187.

² Pleterski J. Op. cit. S. 188; Lavrin J. Pisma v domovino. S. 234.

³ О книге Я. Лаврина в работе Т. И. Чепелевской в настоящем изд. — *Примеч. ред.*

⁴ Чепелевская Т. И. Опыт национальной и личностной идентификации ... С. 253.

экземпляр (возможно, сигнальный) с автографом автора указан Лешковой в перечне материалов по «Безкровному убийству» в РГАЛИ под номером 12. Следовательно, книга «В стране вечной войны» была напечатана не раньше 25 августа, но и не позднее второй половины октября 1916 г., а отнюдь не «между весной и летом 1916 г.», как указывает Марцадури¹. В столице Лаврин оставался приблизительно до середины октября 1916 г., после чего вновь отправился на балканский театр военных действий в качестве собственного корреспондента «Нового времени»². Ему не было суждено увидеть успех инспирированного его жизнью и его страстями «Албанского» выпуска «Безкровного убийства» – напугавшую пьесу И. Зданевича «Янко круль албанской», премьера которой состоялась только 3 декабря того же года. Узнал он об этом только из письма Лешковой, которая «написала Янке на Корфу чистосердечно, как мы с Ильей рекламируем его и насаждаем его популярность»³.

Лаврин уезжал из России навсегда, но ещё сам не знал об этом.

Даже такой краткий экскурс в почти десятилетний (1907–1916) российский период жизни Янко Лаврина с его удивительной интенсивностью, разносторонностью, контактами с представителями науки, политики, литературы, искусства как в России, так и за рубежом, с его фантастической любознательностью и стремлением познать окружающий мир, как нам представляется, уже прекрасно объясняет, почему Янко Лаврин стал одним из главных персонажей «Безкровного убийства».

Трудно сказать, понимали ли до конца всю многогранность натуры Лаврина его друзья по «Безкровному убийству». Или же за его светскостью, разнообразием интересов и устремлений, способностью быть принятым в любом обществе, контактностью, шармантностью, популярностью среди женщин с многочисленными скоротечными романами, за его умением слиться с богемной жизнью и получать от неё удовольствие они видели лишь верхушку айсберга и не давали себе труда задуматься о реальной многогранности натуры своего приятеля. Они – как типичные представители богемной или около богемной жизни предвоенного и затем военного Петербурга – жили только своим миром и вряд ли понимали большую часть устремлений Лаврина (исключение, возможно,

¹ Марцадури М. Создание и первая постановка драмы ... С. 24.

² Подробнее об этом см. в «Хронологии жизни Янко Лаврина в России».

³ Письмо Лешковой Ле-Дантю. № 27: РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 16(2).

составлял лишь Ле-Дантю, которого связывала с Лавриным более тесная дружба). Что такое восприятие Лаврина было возможно, заставляет предположить, в частности, фраза Лешковой в письме к Ле-Дантю от 20 декабря 1916 г.: «От Янки получила очень нежное послание из Рима, где оно застряло. Пишет, что в Португалию оно не поедет, т. к. очень переутомлено. Чем? Флиртом разве что...»¹. То есть работа Лаврина военным корреспондентом, равно как и его поездки с поручениями союзников по военной Европе представлялись забавными, не слишком опасными авантюрными приключениями. Не удивительно было бы, если и трагическая балканская эпопея (разгром сербской армии, трагедия беженцев, смерть огромного числа мирного населения во время отступления из Сербии через Албанию к морю), могла представляться участниками «Безкровного убийства» очередной авантюрой Янко.

В «Албанском» выпуске нашли своё отражение характерные особенности многосторонней личности Янко Лаврина, а также его богатая событиями жизнь, которые показаны на уровне понимания их его друзьями по «Безкровному убийству» и, что особенно важно, в парадигме этой группы – с её неперенной гиперболизацией, гротеском, иронией, шуткой.

Нельзя согласаться с кочующими почти двадцать лет из одного издания в другое и уже закрепившимися в справочной литературе мнениями о том, что в «Албанском» выпуске пародировалась и «высмеивалась» книга Я. Лаврина «В стране вечной войны. Албанские эскизы» (Пг, 1916) с её предрассудками, панславянскими идеями и мегаломанией автора»².

Утверждение Марцадури, что «именно книга Лаврина явилась поводом для событий, приведших к написанию драмы Зданевича»³, вряд ли соответствует истине, так как книга и «Албанский» выпуск появились практически одновременно, а, возможно, книга даже позже (если пробные экземпляры и могли выйти раньше, во всяком случае – только после 25 августа 1916 г.). Следовательно, и Лешкова, и авторы рисунков к «Албанскому» выпуску своё вдохновение черпали, вероятнее всего, из устных рассказов Лаврина о своём пребывании на Балканах, в том числе и в Албании. При внимательном прочтении книги Лаврина

¹ РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 16.

² Шруба М. Указ. соч.; Марцадури М. Создание и первая постановка драмы ... С. 23–32; Никольская Т. Л. Авангард и окрестности. СПб., 2002. С. 62–63; и др.

³ Марцадури М. Создание и первая постановка драмы ... С. 24.

и «Албанского» выпуска и их сравнительном анализе трудно понять, на чём могли бы основываться подобные умозаключения.

Вероятно, основной причиной таких некорректных оценок могло послужить то, что до самого недавнего времени – вплоть до появления работ Т. И. Чепелевской – книга Лаврина оставалась забытой, не рассматривалась как ценный источник по истории Первой мировой войны и не была предметом научного изучения ни для историков, ни литературоведов, ни представителей других смежных наук.

Книга написана в форме путевых заметок, с позиций путешественника из «цивилизованной» части Европы, открывающего для себя и читателя этот пёстрый в этническом отношении уголок Балкан. Автор в первых девяти главах книги ведёт нас через Косово поле, его бедные албанские селения, описывает восприятие Косового поля сербами, приводит читателя в православный монастырь, который сохранился в недавних войнах благодаря стараниям и мудрости живущих там русских монахов, описывает будни черногорского военного отряда, с которым проходит часть пути, быт и нравы различных албанских народностей в труднодоступных горный районах Албании, Скадарское озеро и сам Скадар, с поверхностной «европейскостью» его центральных улиц, столицу Албании Дураццо, наконец, представляет нам Эссад-пашу – тогдашнего фактического главу Албании, сталкивая ходящие о нём слухи с тем, что увидел сам при личной встрече. В девятой главе автор, как бы желая ещё больше поразить читателя, описывает нам своё присутствие в секте «танцующих дервишей»... Повсюду в повествование вкрапляются легенды, притчи и сказания живущих там народов.

Этнографический характер первых глав книги, в которых описываются быт, нравы и обычаи сербов, черногорцев и в особенности воинственного албанского населения, их взаимоотношения, сформировавшиеся в условиях непрестанных войн за этот клочок земли, экзотика этих описаний всё же вряд ли могут быть определены как «предрассудки» и ещё меньше как «панславизм».

Три последние главы книги реалистически описывают всю трагедию отступающих под ударами немецких, австрийских и болгарских сил (братьев-славян!) сербских войск и мирного населения. Автор сам прошёл этот путь с середины октября по конец декабря 1915 г., видел беженцев, раненых солдат и офицеров, военнопленных, умирающих на земле от холода и голода. Лаврин ничего не

героизирует, описывает события без пафоса и без излишнего внимания к льющейся крови и трагичности происходящего, но говорит об этом как человек, попавший в почти безысходную ситуацию и стремящийся выжить. Он фиксирует события как летописец, возможно, поэтому всё, что он видит, воспринимается ещё более остро. Такое явное несоответствие между катастрофичностью происходящего и обыденностью описания этой «дороги смерти» позволяет читателю (тем более современному) глубже понять и прочувствовать страшную гуманитарную катастрофу, захватившую сотни тысяч людей, вне зависимости от их национальности и принадлежности к одной из воюющих сторон, и лучше воспринять свободную от идеологических шор позицию автора.

Книга Лаврина, к сожалению, не была предметом научного изучения ни в Советской России, ни на родине автора. К ней обратилась, как уже было упомянуто, российская исследовательница Т. И. Чепелевская, которая впервые (через 92 года после публикации) рассматривает труд Лаврина с научной точки зрения. Выводы учёной убедительны, она впервые представляет книгу не как курьёз, но как важный источник «для историка, получающего сведения о событиях тех лет в удаленном уголке Балкан; для этнографа, изучающего обычаи и обряды малых народов Европы; для культуролога, стремящегося увидеть следы взаимодействия культурных потоков... Не менее важна эта книга <...> и для “обычного” читателя: она демонстрирует непосредственный взгляд на события и способность талантливого писателя создавать удивительный по глубине воздействия эффект присутствия»¹.

Внимательное прочтение «Албанского» выпуска позволяет увидеть, что он представляет собой ни что иное, как «систематическое жизнеописание Янки», что и заявлено в на первой странице номера².

На четырех полных страницах формата А-3 и ещё трёх, занятых текстом на треть (как подписи к рисункам меньшего формата), рассказывается, как Янко Лаврин стал источником вдохновения для своих приятелей и толчком для возникновения «Безкровного убийства». А затем шаг за шагом раскрываются и обыгрываются такие его качества, как страсть к путешествиям и постоянная смена квартир, стремление к всестороннему образованию и получение

¹ Чепелевская Т. И. Опыт национальной и личностной идентификации ... С. 252–253.

² РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 190. (Публ. в настоящем изд.)

его в различных странах, романтические приключения, успех у женщин и легкомысленное непостоянство, лингвистические способности и знание множества языков, уклонение от воинской повинности в Австро-Венгрии, необыкновенная несобранность и неряшливость в быту, страсть к коллекционированию и весьма своеобразная игра на музыкальных инструментах, практичность и способность не теряться в сложных ситуациях, неудержимая любовь к сладостям, весьма своеобразно понимаемое меценатство в смысле пополнения своих коллекций с минимальными расходами, интерес к вопросам религии и духа, масонство, углубление в теоретические вопросы развития культуры и цивилизации, общественная деятельность, работа в около правительственной газете и связи с правительственными кругами, стремление к определённой респектабельности и страсть к приключениям... (Может быть, именно такое разнообразие интересов и действительное участие Лаврина в различных проектах, мало кому представимое и в наши дни, стало источником для характеристики Лаврина некоторыми исследователями как страдающего мегаломанией?)

Собственно «албанский» эпизод «Албанского» выпуска – царствование Янко – это гротескное, абсолютно в духе «Безкровного убийства» преломление реально имевших место политических событий вокруг поисков монарха для новообразованного Албанского государства и вокруг краткосрочного царствования реального принца Вида. Эти получившие отклик в прессе события, а также фактический эпизод из журналистской жизни Лаврина, которого судьба занесла в «дикие» в восприятии тогдашней (да и сегодняшней, пожалуй) Европы края, и стали основой, прекрасным поводом для шуток и насмешек, для развёртывания карнавально окрашенного жизнеописания Янко Лаврина и его многогранной личности так, как её воспринимали его приятели по «Безкровному убийству», всегда ищущие для своих выпусков нечто «экзотическое и ударное»¹.

Таким образом, книга Лаврина «В стране вечной войны. Албанские эскизы» не могла быть «предметом насмешек» «Албанского» выпуска «Безкровного убийства». Общими для них являются лишь название страны и то обстоятельство, что Янко там побывал, а также некоторые красноречивые бытовые детали (как, например, проблема блох). Даже «албанские» подданные короля

¹ Письмо Лешковой к Ле-Дантю от 8 декабря 1916 г.

Янко в изображении «Безкровного убийства» – это мирные и добродушные жители, никак не похожие на воинственных албанцев из книги Лаврина.

Для адекватной оценки ситуации необходимо видеть и уметь различать Янко Лаврина как реальное лицо (в различных его ипостасях) и как выдуманного – в большей или меньшей степени отличного от оригинала – героя художественных произведений созданных разными авторами:

Янко Лаврин как реальная многогранная личность;

Янко Лаврин как журналист, побывавший на Балканах и в том числе Албании;

Янко Лаврин как активный участник других сфер (не только журналистской) общественной деятельности;

Янко Лаврин как участник группы «Безкровное убийство»;

Янко Лаврин как персонаж «Албанского» выпуска «Безкровное убийство»;

и, наконец, Янко Лаврин как «Янко» из пьесы Ильи Зданевича «Янко круль албанскай».

Что касается утверждения, что именно Янко Лаврин был «излюбленной» мишенью для насмешек в группе «Безкровное убийство», что действительно может ввести в заблуждение, то это следует воспринимать только с учётом полной картины отношений внутри «Безкровного убийства». Возможными мишенями были все участники группы. Так, Ле-Дантю стал героем выпуска «Островов Фиджи», где был представлен людоедом, выкормленным «отборным мясом католических и лютеранских миссионеров» и организовавшим в Петрограде производство колбасы из людей. Лапшин – офицером «Дикой дивизии» в «Дагестанском» выпуске, якобы укравший серебряные ложки в редакции и шубу у Монны Розы Левинсонды... То есть каждый персонаж очередного выпуска «Безкровного убийства» был предметом насмешек, участником абсолютно неправдоподобных, абсурдных приключений. «Мы дружески показывали всех членов кружка в карикатурном виде», – писал позднее Лаврин¹.

Однако бесспорно то, что первенство по степени уделяемого внимания принадлежало Янко Лаврину, – ни один из персонажей «Безкровного убийства» не удостоился такого подробного и полного описания, как он. Именно текст «Албанского» выпуска явился

¹ См. письмо Лаврина к Мудровой от 4 января 1981 г.

своеобразной «музой» для широко известной заумной драмы И. Зданевича и был охарактеризован самими участниками «Безкровного убийства» и позднейшими исследователями как самый интересный номер этой группы.

Вероятно, причиной стала та абсолютно нерядовая, наполненная разнообразными интересами, устремлениями и событиями, полная неожиданных поворотов жизнь, которую вёл Янко Лаврин в те неполные 10 лет, проведённые им в России.

Касательно окончания существования группы «Безкровное убийство» также есть разногласия: до гибели Ле-Дантю в 1917 г.¹; к началу 1917 г.²; до 1918 г.³, – здесь играют роль и субъективный, и объективный факторы.

Поскольку «Безкровное убийство» сформировалась вокруг Ле-Дантю и Лешковой и этот любовно-творческий тандем являлся движущей силой неформальной и неформализованной группы и её издательства, то их деятельность не могла продолжаться после смерти Ле-Дантю, погибшего 25 августа 1917 г. в железнодорожной катастрофе военного эшелона в прифронтовой полосе близ г. Проскурова. Однако существует точка зрения, что «группа “Безкровного убийства”, руководимая энергичной и активной Верой Ермолаевой, продолжала существовать. Летом 1918 г. она основала артель художников “Сегодня”»⁴. Сразу встают два вопроса: 1) На каком основании можно рассматривать одно из многочисленных возникших после революции объединений как продолжение группы «Безкровное убийство»? 2) Существовали ли вообще в 1917 г. объективные условия для продолжения деятельности группы «Безкровное убийство» в привычном виде?

Как упоминалось, 7 января 1917 г. состоялся второй весьма успешный вечер «Безкровного убийства», в организации которого принял участие И. Зданевич. Но потом не было ни привычных журнальных выпусков, ни вечеров. Уже в следующем месяце коренным образом изменилась политическая ситуация: Февральская революция, новое правительство, новые условия для организации художественных групп, новые перспективы и возможности для участия в художественной жизни страны, – всё это, очевидно, захватило и участников «Безкровного убийства». Большинство

¹ Гурьянова Н. Указ. соч. С. 55.

² Неизвестный русский авангард ... С. 24.

³ Geyraud R. Op. cit. P. 97; Шруба М. Указ. соч.

⁴ Марцадури М. Письма О. И. Лешковой к И. М. Зданевичу. С. 49.

«старых» участников и «примкнувший к ним» в декабре 1916 г. И. Зданевич, судя по документам, сразу окунулись в новую атмосферу митингового демократизма и борьбы за влияние во вновь создаваемых художественных объединениях. Имена В. М. Ермолаевой, Н. Ф. Лапшина, Е. И. Туровой, И. М. Зданевича, М. В. ЛеДантю легко найти среди не просто участников, но и учредителей новых, создаваемых в самые первые дни революции и уже в начале марта официально объявленных в прессе художественных группировок: «Свобода искусству», «Искусство, революция», «На революцию» и т. д., которые летом 1917 г. вошли как «левый блок» в «Союз деятелей искусств» и внутри этого объединения продолжали активную борьбу за «левое» искусство¹.

Однако эти новообразования по своим целям, образу действий и возможностям были достаточно далеки от «Безкровного убийства», – как и артель художников «Сегодня», куда вошли некоторые из участников группы (Ермолаева, Турова и Лапшин)... Поэтому рассматривать именно это объединение как продолжение группы «Безкровное убийство» вряд ли обоснованно. Сомнительным представляется и то, что Ермолаева могла взять на себя функции (пусть даже неформальные) руководителя группы. Если бы её положение среди участников группы было таковым, как его представляет Марцадури, то ещё на рубеже 1916–1917 гг. «Безкровное убийство» вряд ли бы отказалось от участия в «Новом Сатириконе», ссылаясь на отсутствие движущих творческих сил.

Исходя из сложившейся в 1917 г. в России и её художественных кругах ситуации, представляется мало вероятным, чтобы привычная, скорее домашняя деятельность «Безкровного убийства» могла продолжаться в тех совершенно новых условиях практически неограниченных возможностей, открывшихся для художественной интеллигенции весной 1917 г. Вероятно, именно события февраля–марта 1917 г. явились тем естественным рубежом, который сам по себе, объективно сделал не востребуемыми привычные камерные формы деятельности «Безкровного убийства» и тем самым его «бескровно убил»².

¹ См.: Золотой век художественных объединений России и СССР. 1820–1932. СПб., 1992.

² Результаты исследования вошли также в нашу статью: Baranovskiy V., Khlebnikova I. Janko Lavrin in njegove povezave z ruskimi likovnimi umetniki v letih 1908–1917 // Acta Historiae Artis Slovenica. Ljubljana, 2009. L. 14. S. 107–133.

Албанцы в «Албанских эскизах» Я. Лаврина (по материалам книги «В стране вечной войны», 1916)

На рубеже XIX–XX вв. в русской литературе можно отметить необычайный всплеск документальной прозы. Особое внимание авторов очерков, корреспонденций, путевых записок, – среди которых были как начинающие литераторы, военные, путешественники, корреспонденты русских периодических изданий, так и известные писатели, – привлекали Балканы. Русская общественность, читатели разных социальных слоёв с пристальным вниманием следили за событиями в странах этого региона, который, начиная с русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вызывал искренний интерес и сочувствие к жизни населяющих его народов, в первую очередь, славянских¹.

В путевых очерках и корреспонденциях 1870–1880-х гг. в центре внимания их авторов оказывается событийный ряд предвоенной поры и, разумеется, обширный материал о самой русско-турецкой войне (произведения К. А. Скальковского, Н. В. Максимова, Г. А. Де-Воллана, А. Н. Хвостова и др.).

Позднее, на рубеже веков, русские путешественники и корреспонденты различных периодических изданий расширяют горизонты своего внимания, осваивая новые для себя уголки Балкан. Заметно изменяется и угол зрения авторов: их всё больше интересуют приметы повседневной жизни простых людей, исторические события и места, отношение к образованию и религии, и, конечно, то новое, что привнесла в развитии национального характера жителей этого региона война, а также стремительно изменяющаяся общественно-политическая ситуация.

В ряде материалов, особенно это относится к работам учёных-славистов, поднимаются вопросы о немецком влиянии в Сербии (путевые очерки А. И. Степовича²), подчеркивается сложный характер взаимоотношений населяющих регион народов. Так, П. А. Кулаковский в своей работе «Сербия в последние годы» называет Балканы «вулканической почвой»³.

¹ Богатый материал для исследования данной темы собран в кн.: Русские о Сербии и сербах / Сост., подгот. к изд., введ., заключительная статья А. Л. Шемякина; коммент. А. А. Силкина, А. Л. Шемякина. М., 2006.

² Степович А. И. Отрывки из путевых заметок по славянским странам. Белград // Киевское слово. 1890. 17 янв. № 866. – См. также: Русские о Сербии и сербах. С. 289–292.

³ Русский вестник. 1883. Кн. 3. – См. также: Русские о Сербии и сербах. С. 270–277.

В 1903 г. свои впечатления о посещении Далмации, Герцеговины, Боснии и Сербии публикует Елизавета Ивановна Витте, писательница, автор популярных брошюр о югославянских народах¹. Уже сложившуюся традиционную схему подобных очерков автор расширяет за счёт особого внимания к женскому вопросу: положению женщин в семье, женскому образованию, ремёслам, издавна связанным с женским трудом.

В некоторых корреспонденциях и очерках конца XIX – начала XX вв. ощутимо превалирование анализа над фактографическим описанием, авторы переходят к более глубоким сравнениям, параллелям, делятся с читателем своими мыслями о судьбах славянских народов. Так, уже в начале объемной книги Е. Л. Маркова «Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки» (СПб., 1903) рефреном звучит сравнение Сербии с Малороссией². Не менее аналитична книга А. А. Башмакова «Через Черногорию в страну диких гегов³» (1913), в которую вошли очерки, ранее печатавшиеся в виде «Писем Вещего Олега⁴ из славянских земель» в газете «Россия» (1908) и «Славянских известиях» (1909)⁵. Эта книга,

¹ *Витте Е. И.* Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босна и Сербия. Лето 1902 г. Киев, 1903. – См. также: Русские о Сербии и сербах. С. 415–439. – Е. И. Витте была не первой женщиной, которая оставила документальные свидетельства о своём посещении Балкан. В 1870 г. в нескольких номерах журнала «Вестник Европы» печатались обширные путевые заметки М. Ф. Карловой «Турецкая провинция и её сельская и городская жизнь – Путешествие по Македонии и Албании», см.: Вестник Европы. 1870. Кн. 6. Ч. I–VI. С. 721–754; Кн. 7. Ч. VII–XII. С. 150–191. – См. также: *Жугра А. В.* Албания в русской науке и культуре: Справ.-библиогр. изд. СПб., 2007. С. 170–181.

² См.: Русские о Сербии и сербах. С. 293–368.

³ Так называли жителей северных районов Албании.

⁴ Под этим именем А. А. Башмаков издает в 1912 г. сборник стихотворений «Славянские струны», которые, учитывая их злободневность, можно охарактеризовать как поэтическое воплощение идейных взглядов на славянство и судьбу славянских народов в русском обществе того времени: *Вещий Олег*. Славянские струны. СПб., 1912.

⁵ Они включали материалы, собранные автором во время его путешествия по Северной Албании с целью выяснения возможности сооружения железной дороги, которая бы могла соединить Сербию с Адриатикой. Объясняя причины своего участия в таком опасном путешествии, автор книги писал:

Как русский человек, безусловно признающий, что защита славянских интересов есть, в таких случаях, в то же время и проведение интересов моей родины, я решился исследовать этот вопрос на месте и сделать всё, что может сделать публицист и мыслитель, для защиты в данном деле священных интересов гибнущего Славянства.

– См.: *Башмаков А. А.* Через Черногорию в страну диких гегов. СПб., 1913. С. I–II.

как и работы А. В. Амфитеатрова «Страна раздора. Балканские впечатления» 1903, Спб.)¹ и «Славянское горе» (1909), наполненные яркими описаниями, запоминающимися портретами и вдумчивыми рассуждениями, отражающими взгляды их авторов, следует, на наш взгляд, отнести к жанру документальной художественной прозы. К этой группе можно добавить и книгу очерков словенского писателя Янко Лаврина (1887–1986) «В стране вечной войны. Албанские эскизы» (1916). В них отчётливо проявилась общая черта: мир Балкан, который описывают Башмаков, Амфитеатров, Лаврин, полярен: родному, близкому миру сербских и черногорских крестьян и воинов противопоставлен закрытый мир албанских поселений. При этом – каждый по-своему – авторы стараются раскрыть читателю своё видение происходящего. Особенно интересно, по нашему мнению, сочинение Лаврина, который выступает как очевидец и летописец драматических событий начала XX в. с позиций человека европейской культуры.

Книга Лаврина «В стране вечной войны. Албанские эскизы», пройдя военную цензуру, была опубликована в Петрограде в 1916 г. Она относится к так называемому «русскому» периоду жизни и творчества писателя. Экземпляр книги, вернее её фотокопию писатель получил из Москвы (от российской исследовательницы О. Мудровой) уже спустя много лет, живя в Великобритании. В письме одному из своих друзей, словенскому учёному и музыковеду Драготину Цветко от 9 декабря 1983 г. Лаврин пишет: «...я поддерживаю тесные литературные контакты даже с Московским университетом, откуда недавно мне прислали в качестве подарка прекрасную копию одной моей русской книги, которая вышла в Петрограде в 1917 г.² – перед самой революцией. Книга полна моими балканскими впечатлениями (ведь я был русским военным корреспондентом в сербской армии) и вполне интересна по содержанию. Её копию я на той же неделе послал в Словенскую академию наук [и искусств]. Предполагаю, что она уже дошла до адресата как своеобразный курьёз»³.

¹ Чепелевская Т. И. А. В. Амфитеатров и его хроника «горячих точек» конца XIX – начала XX вв. (В моих скитаниях. Балканские впечатления, 1903 г.) // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 422–430.

² Возможно, книга вышла действительно в 1917 г., но в выходных данных значится: «Дозволено военною цензурою 25 августа 1916 г. Типография Иванковского. Пtg., Ср. Подьяческая, 5».

³ Lavrin J. Pisma v domovino. Ljubljana, 2004. S. 121. – Примечательно, что к воспоминаниям о событиях Первой мировой войны Я. Лаврин возвращается

Книга Лаврина включает его путевые очерки, заметки, относящиеся к событиям предвоенного и военного периода, времени окончания Балканских войн (1912–1913 гг.), а также трагические эпизоды периода Первой мировой войны: отступление сербской армии через Косово, Албанию в направлении Корфу в 1915 г.¹

Значимые для истории Балкан того периода (и для воссоздания важного этапа жизни самого автора) впечатления уже стали предметом нашего изучения в плане освещения темы «человек в истории и народ в истории», а также темы личностной и национальной самоидентификации словенского писателя². В настоящей работе предпринята попытка воссоздания образа албанцев: их быта, условий сосуществования с другими народами, населяющими эти территории, выявления особенностей национального характера народа, который, по оценке Лаврина, представляет собой «одну из самых старых рас на Балканах»³.

Интерес к данной теме проявляли и другие авторы документальной прозы рубежа XIX–XX вв., однако изначальное внимание к проблемам славянства ставило в центр повествования прежде всего сюжеты, касающиеся славянских народов. Об их соседях говорилось чаще в плане развития оппозиции свой / чужой и, как правило, в негативном ракурсе. Правда, уже А. В. Амфитеатров,

---

в 1978 г., когда по заказу одного английского издания («Архив») пишет свои воспоминания о войне: «Немного странно, – признаётся Лаврин в письме из Лондона в Люблянну своему другу Божидару Борко от 25 апреля 1978 г., – вспоминать то, что происходило 65 лет назад – в совершенно другом мире и атмосфере. Но мои воспоминания, по крайней мере, самые интересные, возможно, будут нелишними». – См.: Ibid. S. 68.

¹ Имеются в виду события, которые последовали после начала совместного германо-австрийского наступления в Сербии, вопрос о котором был решён в конце июня 1915 г.; в сентябре 1915 г. к державам Тройственного союза присоединилась Болгария, и в следующем месяце на Сербию с разных сторон обрушились значительно превосходящие в живой силе и технике армии Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. Несмотря на героическое сопротивление, сербская армия была вынуждена с боями отступить через горы Черногории и Албании к Адриатическому побережью; при этом военные потери сербов составили 55 тыс. солдат и офицеров, не считая огромных потерь среди пленных и беженцев, отступавших вместе с армией. – См. об этом подробнее: *Писарев Ю. А.* Крестный путь Сербии // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 189–193.

² См. об этом: *Чепелевская Т. И.* Опыт национальной и личностной идентификации ... С. 245–255.

³ *Лаврин Я.* В стране вечной войны. Албанские эскизы. Петроград, 1916. С. 33. – Далее цитаты даются по этому изд. с указанием страниц в скобках.

описывая некоторые стороны жизни албанцев, ближайших соседей славян на Балканах, пытается вскрыть причины формирования их национального характера. По тому же пути идёт и Лаврин. Он старается быть предельно внимательным к происходящему, индифферентным, порой словно стремится намеренно продемонстрировать свой несколько отстранённый, «европейский» взгляд на события, но внутренняя потребность выявить самые разные стороны жизни народов этого региона через оппозицию свой / чужой проявляется постоянно.

Первая часть книги включает очерки, посвященные путешествию Лаврина в 1913 г. по Старой Сербии¹, а ныне территории Албании, региону, жизнь смешанного сербско-албанского населения которого отличало сложное переплетение этнических, национальных, конфессиональных особенностей. Уже была провозглашена (28 ноября 1912 г.) Национальным собранием во Влере (Валоне) независимость Албании и образовано временное правительство во главе с Исмаилом Кемали, уже балканскими союзниками был подписан договор с Турцией (30 мая 1913 г.), по которому Порта отказывалась от всех своих прав на Албанию в пользу великих держав; позже, 29 июля 1913 г., Лондонская конференция признала государственную независимость Албании, провозглашенную Национальным собранием во Влере². Однако до мира, который, казалось, должен был воцариться здесь, было по-прежнему далеко.

¹ Понятие «Старая Сербия» возникло в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг. (точнее – в 1809 г.), когда в состав Сербии не вошли шесть нахий – Лесковацкая, Приштинская, Призренская, Новопазарская, Сеницкая, Старовлашская и ещё несколько каз в районе Скопье. В Средние века эти земли составляли ядро сербской государственности. «В XIX в. историко-географическая область Старая Сербия – это регион, в основном совпадающий с Косовским вилайетом в его границах с 1878 по 1912 гг., население которого отличало сложное переплетение этнических, национальных, конфессиональных особенностей. Не случайно здесь тесно переплелись и даже столкнулись албанские, сербские и болгарские национальные интересы» (Тимофеев А. Ю. К вопросу об историографии понятия «Старая Сербия» // Славяноведение. 2006. № 3. С. 103–114). В начале XX в. межэтнические и межконфессиональные отношения на этих территориях резко обострились.

² Статья 1-я решения конференции гласила: «Из Албании образуется автономное, суверенное и наследственное, по праву первородства, княжество под гарантией шести держав». Этим решением формально независимое албанское государство фактически ставилось под протекторат великих держав. – См.: Ариш Г. Л. Возрождение Албанского государства // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 45–46.

И после Лондонской конференции обсуждение вопроса о границах Албании приводило к острым столкновениям (на севере – с Сербией и Черногорией, на юге – с Грецией), не раз грозившим перерасти в военный конфликт. В центре споров оказалась судьба Скутари (Шкодер, Скадар). В результате взаимных уступок город остался в пределах Албании, но был подвергнут оккупации, которая продолжалась около семи лет. От Албании же в пользу Черногории и Сербии отходили Косово и плато Дукагин (область, где преобладало албанское население). Но помимо этого сербские войска заняли ряд территорий к северу от «стратегической границы» в Албании, проходившей по долине реки Дрин¹. В ответ было поднято восстание: 20 сентября 1913 г. албанские вооружённые отряды численностью до 10 тыс. человек, которыми руководили известные албанские вожди², пересекли намеченную ранее Лондонскими соглашениями послов великих держав сербо-албанскую границу; при этом военные действия охватили как районы собственно Албании, находившиеся в то время под контролем сербских войск, так и территории Косово и Западной Македонии, которые были присоединены к Сербии³.

Этот небольшой экскурс в историю позволяет представить внешние рамки событий, о которых повествует Лаврин, в задачи которого входило лишь создание картины мирной жизни населения этих территорий, где на каждом шагу можно было увидеть приметы сложного сосуществования албанцев и сербов.

Уже в первой главе («Косово поле») автор даёт яркое описание этому значимому для каждого серба месту: «преддверие Албании – историческое Косово поле. Кладбище, где было похоронено в 1389 году сербское царство заодно с царём Лазарем и его войском, павшим в неравном бою с турками...» (с. 4) Он образно называет его «чёрным кладбищем», «землёй обетованной, символом мести и воскресения» (с. 5), приводит строфы из эпических песен

¹ В данном случае власти Сербии опирались на секретную декларацию от 19 мая 1913 г., приложенную к союзному договору, которую заключили Сербия и Греция и согласно которой Албания была поделена на сферы влияния. – *Арш Г.Л.* Указ. соч. С. 49–50.

² Иса Болетини, Байрам Цурри, Риза Бей, Элез Юсуф и Къясим Лика. Эссад-паша Топтани (1863–1920) был единственным из албанских вождей, который отказался примкнуть к военной коалиции; он заблаговременно проинформировал о развитии событий и своей собственной позиции власти Белграда. См. подробнее: *Искендеров П. А.* Сербы и албанцы: исторический опыт взаимодействия // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* С. 28.

³ Там же.

косовского цикла, рассказы косовских сербов, которые «до сих пор любят объяснять путникам малейшие подробности этой битвы». При этом Лаврин замечает, что призывы «Освободить Косово! Отомстить за Косово!» – были девизом «сербских воинов во время последней балканской кампании (то есть Балканские войны 1912–1913 гг. – Т. Ч.). И этот клич сделал их тогда непобедимыми...» (с. 7).

Вместе с тем, Лаврин замечает и следы турецкого владычества на этих территориях: сохранённые святыни (мавзолей султана Мурата и старинные надгробные камни на могилах турок, павших в косовском сражении), албанские селения в окрестностях Приштины, где живут албанцы племени шкипетаров, переселившиеся сюда из голой Люмы и Малиссии (с. 9).

Уже с первых страниц повествования у читателя постепенно начинает формироваться образ иного мира, по сравнению с миром старой сербской истории. Косовские города, в которых, как замечает автор, албанцы

успели сделаться господствующим населением <...>, носят поэтому во всём чисто албанский отпечаток: нигде на Ближнем Востоке не найдёте более неряшливых, зловонных домов и улиц. Так как в доброе турецкое время угрожала постоянная опасность грабежа и убийства, то многие дома превратились в форменные крепости, окружённые глухими стенами. Идя по улице, вы часто видите не дома, а только высокие грязные ограды <...> Всё свидетельствует о суровой, дикой и жалкой жизни (с. 9).

При создании образа этого мира Лаврину помогает включение оппозиции внешнее / внутреннее, живое / неживое. Так, описывая типичный албанский город Джяковицы, он создаёт своеобразные контрастные ряды: не город – «разбойничье гнездо», не дома – «хаос грязных вертепов и одноэтажных илистых клоповников», не для людей – для троглодитов, не дом – а «точно нахмуренная “кула” (башня. – Т. Ч.) с маленькими отверстиями для ружей вместо окон, и это придаёт городу ещё более суровый вид», улицы – не для прохожих, а прежде всего для помоев и для нечистот (с. 16). Затем автор переходит к описанию одного из типичных албанских жилищ:

Они из грубого камня, высокие, трехэтажные, крытые черепицей и обнесённые толстыми стенами. Каждая из них представляет неприступную крепость... Маленькие оконца (обыкновенно только со ставнями без стёкол) имеет лишь третий этаж. В первом же и во втором этажах красуются вместо окон «пушкарницы», т. е. отверстия для ружей (с. 18).

Автору с большим трудом удаётся оказаться внутри одного из таких домов:

...я был поражён их прочностью и примитивностью. В первом этаже находится скот, во втором съестные припасы, и лишь в третьем живут люди – живут грязно, без малейшего стремления к чистоте и уюту. Теперь вообразите целую кучу таких квадратных кул-крепостей и получите албанское селение... Человеку, попавшему впервые в подобную обстановку, становится жутко и страшно, тем более, что нигде не видать живой души... (с. 18–19).

Ту же картину закрытого, без признаков жизни мира он описывает после посещения вместе с отрядом черногорского генерала Вешовича арнаутского селения Юники (для усмирения восставших племён):

Собственно не селение, а хаотическая куча из пятидесяти трехэтажных кул-крепостей с «пушкарницами» во всех этажах. На улице никого нет. Точно всё вымерло (с. 29).

Да и каждое албанское селение здесь, в Малиссии, признаёт Лаврин, «старается обособиться от всего окружающего и образовать свой замкнутый, совершенно отдельный мир...» (с. 34).

Своеобразным контрастом этому закрытому и враждебному миру служит в книге сербский монастырь. Этот сакральный локус имеет здесь свои особенности. Так, описывая в главе «В русском монастыре в Албании» знаменитые Высокие Дечаны¹, Лаврин подчёркивает, что «церковь, все постройки, сад опоясаны, точно средневековый замок, общей толстой стеной», и констатирует: «Сочетание крепости с монастырём <...> Оно здесь не лишнее...» (с.19).

Лаврин с явным удовольствием обращается к описанию событий повседневной жизни косовских сербов, например, сербского праздника Славы² в монастыре Грачаница, с теплотой также

¹ Я. Лаврин в этой главе (с. 15–25) знакомит читателя с историей создания дечанской церкви, обращается к временам основания монастыря «святым сербским королём» Стефаном Дечанским, отцом царя Душана Сильного, описывает трагические страницы истории, объясняя, почему в 1902 г. монастырь после тяжелой осады арнаутами был передан русским монахам с Афона, рассказывает о нынешней жизни монастыря и его обитателей: «Въезжаем в ворота. Игумен, отец Варсонофий – человек с интеллигентным, скорее барским, чем монашеским лицом – приветствует меня по-русски. Он же знакомит меня и с прочими монахами. Их около двадцати и все они русские: «донские», московские, орловские, есть даже сибиряки. Повсюду русская речь, русское добродушие. Точно попал в уголок России. Даже служащие при монастыре арнауты, не говоря уже о сербах, успели привыкнуть к языку Пушкина, и некоторые с успехом стараются объясняться по-русски...» (с. 19).

² Праздник в честь святого – покровителя семьи, рода, села, церкви, монастыря и т. д.

пишет о радушном приёме в монастыре Дечаны. Для Лаврина сербы в свете оппозиции свой / чужой, скорее, иные, другие, но очень близкие по духу. Вместе с тем, понимая, как важно представить читателю и образ жизни албанцев, он стремится быть предельно внимательным к деталям и объективным в передаче исторических фактов. При этом он, ссылаясь на мнение уже бывавших здесь учёных и путешественников, приводит данные о живущих в северной Албании 27 различных, беспрестанно враждующих между собой фисах, то есть племенах; сообщает об особенностях их внутреннего строя – разделении на баряки и задруги; говорит о системе собственности, определяющей жизнь местных албанцев, касается вопроса о положении албанских женщин¹.

Лаврин стремится дать внешний портрет мужчин и женщин, старается запечатлеть детали национальной одежды. Первое впечатление от встречи писателя с албанцами во время первой остановки в Приштине ещё достаточно общее:

...попадают на встречу то группы промокших солдат, то худощавые албанцы в рваных «елеках» (*куртка с очень короткими рукавами и обыкновенно с башлыком), узких чакширах (брюках) и белых шерстяных шапочках, едва прикрывающих макушки голов (с. 5).

В главе «По Малиссии с черногорскими войсками» Лаврин разворачивает этот внешний портрет далее:

Они высокого роста, с длинными руками, с суровыми лицами и с ловкими, кошачьими движениями. Мужчины бреют головы до макушек, оставляя сзади длинные чубы, женщины подстригают волосы по краям. Они в этих местах довольно миловидны, даже красивы. Носят короткие колоколообразные юбки из черной шерстяной материи с необыкновенно широкими металлическими поясами (с. 34).

В другом месте, увидев работающих на сенокосе албанских женщин, писатель замечает, что они «в белых шарварах и в ярко-красных чулках с вышивками» (с. 29).

¹ Опираясь на почерпнутые во время своих путешествий сведения, автор касается отношения к женщине в албанской среде: она здесь считается низшим существом, подобным рабе... Албанец считает для себя позором даже вести разговоры о женщинах и о женских делах. Жестоко наказывается женская измена, причём её убивают родные, чтобы кровью смыть позор. Но не менее жестокое наказание ждёт соблазнённую девушку, незаконного ребенка и самого соблазнителя, с которым расправляются по закону кровной мести. Автор отмечает и сохранявшуюся у албанцев экзогамия, и строгие законы вступления в брак, когда «всё решает воля и каприз родителя». Именно в этом он видит причины того, что албанцу «ненавистна настоящая любовь к женщине», заменой чему служит, например, у его северной Албании любовь к мальчикам (с. 34, 35).

Чаще всего в описаниях преобладает указание на высокий рост, худощавую фигуру, с особым акцентом на выражении глаз («стройный албанец с лицом хищной птицы», с. 108; «...гибкий, как кошка <...> Особенно неприятны его хищные, звериные глаза, которыми он то и дело загадочно поблёскивает...», с. 109). Особенно мрачно и враждебно смотрят албанцы на черногорских солдат отряда генерала Вешовича, «точно на непрошенных гостей, дерзко вторгшихся в их “патриархальность”» (с. 34). Этот взгляд («маленькие звериные глаза, глядящие исподлобья», с. 40) автор подмечает очень часто¹.

Постепенно описание портрета дополняется новыми деталями; однако через внешнее Лаврин стремится понять внутреннее, проникнуть в суть национального типа.

Воинствующий характер албанцев подчёркивается им неоднократно. Так, в главе «В русском монастыре в Албании», говоря об обитателях типичного албанского городка Джяковицы, Лаврин отмечает: «...достаточно сказать, что без сопровождения вооруженного с головы до пят солдата было рискованно, особенно вечером, удалиться на десять шагов от т. н. центральной части города» (с. 16).

В той же главе Лаврин рассуждает о страшной привычке – убивать во время ссоры, из обиды, из кровной мести, с целью грабежа, а часто и без всякой цели. С грустной иронией он называет эту привычку, которая «тесно срослась со всей албанской жизнью», своеобразным «искусством», которое дошло до крайней виртуозности. Отчасти стало даже психической потребностью» (с. 16). Особое тяготение к убийству Лаврин отмечает у жителей северной Албании, где

кроважидные инстинкты до того развились за счёт других, более благородных инстинктов, что в некоторых местах албанцы превратились прямо-таки в расу преступников, не только не понимающих своих преступлений,

---

¹ Эту необычайную суровость и даже воинственность албанцев, сквозящую в каждом взгляде, отмечали и другие авторы очерков и заметок о путешествиях по Балканам в XIX в. Их «воинственный вид» выделял А. М. Спиридов в небольшой работе «Краткое обозрение народов Славянского племени, обитающих в Европейской части Турецкой империи», напечатанной в журнале «Северный архив» за 1825 г. (№ 14). М. Ф. Карлова, автор заметок «Турецкая провинция и её сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании», пишет о гордости албанцев, достоинстве, с которым они держатся, но также добавляет: «В особенности же характеризует этих албанцев необыкновенно суровый взгляд, так и видно, что народ разбойнический». См.: *Жужра А. В.* Указ. соч. С. 168, 178.

но даже гордящихся и хвастающих ими. Албанец, не убивший на своём веку нескольких человек, не считает самого себя человеком...¹

Набор черт, характерных для национального характера албанцев, пополняется и при описании истории существования и выживания сербского монастыря Дечаны, защитникам которого не раз приходилось отражать многочисленные набеги «свирепых арнаутов», «жадных до наживы албанцев», «разбойников» (с. 22).

На основании рассказов случайных попутчиков и собственных впечатлений автор формулирует своеобразный кодекс чести жителей северной Албании, первый параграф которого «заключается в том, что кража и воровство вне пределов своего «фиса» считаются не проступком, а доблестью, так как обогащают достояние собственного племени» (с. 32). Вторым правилом этого кодекса считается закон кровной вражды. Именно кровная месть, глубоко укоренившаяся в албанских нравах и являющаяся, по наблюдению Лаврина, «главным двигателем всех поступков и проступков албанца», приводит автора к грустному выводу: «В общем, в этих краях веет не то что средневековым, а прямо-таки доисторическим периодом <...> Всего удивительнее то, что этот самый отсталый, самый дикий и примитивный народ в Европе представляет одну из самых старых рас на Балканах». Так звучит голос европейца, человека XX в., с горечью оценивающего происходящее в регионе (с. 33).

Однако автор старается не ограничиваться лишь перечислением примеров кровной вражды, этой «священной обязанности мщения» у албанцев. В главе «У малиссорского племени мертуров» он детально описывает произошедшую на его глазах церемонию замирения кровных врагов – «заключение бесы», важного для всего албанского села события. Весьма значимая и почётная роль при его проведении отводится местному ходже и избранным посредникам

¹ В доказательство он приводит несколько свидетельств из известной книги английских путешественниц Дж. М. Маккензи и А. П. Ирби «Путешествие по славянским областям Европейской Турции» (имеется в виду путешествие 1861–1864 гг.), которые не раз побывали в этих местах в период турецкого владычества, см.: *Mackenzie G. M., Irby A. P. The Slavonic of Turkey-in-Europe. London–New York, 1866, reprinted New York, 1971.* – Возможно, Я. Лаврину была также известна публикация в белградском журнале «Вила» 1866 г.: *Mackenzie G. M., Irby A. P. Јужнословенске земље у Аустрији и европској Турској. Вила, II. Бр. 22. 24, 25 (29. мај, 12. и 19. јун 1866), – или русский перевод книги: Путешествие по славянским областям Европейской Турции Маккензи и Эрби / предисл. Гладстона. В 2-х т. СПб., 1878.*

между примиряющимися сторонами (они определяют размер выплаты за лишние убийства, а также проводят всю церемонию):

...желающий помириться албанец должен при заключении бесы отдать себя, а часто также и своих детей, в полное распоряжение врага, который может до последнего момента раздумать и отомстить <...> Со связанными руками он должен предстать пред врагом сначала совершенно один, подвергаясь разным унижительным процедурам. Но после заключения бесы оба бывших врага заключают также и побратимство, и кровная вражда переходит в кровное родство... (с. 46)

Данный пример дает автору повод обратиться к вопросу о возможном взаимовлиянии народов, живущих на этих землях, прежде всего сербов и албанцев. Одной из общих для них черт он считает закон гостеприимства, правда, объясняет албанское гостеприимство не внутренним радушием, а, скорее, суеверием и приводит следующий интересный случай из народного предания:

Мать троих сыновей, которые отправились на празднество, приютила гостя, который признался, что спасается бегством от кровавой мести: в ссоре он убил человека и теперь мстители преследуют его. Албанка накормила его и дала ночлег. Когда вернулись её сыновья и рассказали о смерти брата, она поняла, что убийца её сына находится в её доме. «Но он ведь гость, а гостя нельзя обидеть ни под каким видом» <...> Боясь, как бы разъярённые два сына всё же, вопреки всем правилам, не расправились с убийцей в доме, она им не сказала ни слова о странном госте и обоих послала под каким-то предлогом к соседям. Убедившись, что они ушли, старуха вернулась в комнату и сказала гостю: «Ты убил сегодня моего сына, но в доме я тебе мстить не смею <...> Я тебя накормила, напоила <...>. Теперь уходи, чтобы тебя мои сыновья здесь не застали, и будь проклят!..» (с. 41–42).

Другим обычаем, который албанцы-католики переняли от вытесненных ими сербов (что доказывал и описанный выше случай замирения кровных врагов), по мысли писателя, стало побратимство (по-албански – побратиния) или «братство по Богу». Этот обычай ставит побратима не только выше друга, но и выше родного брата и обязывает «в случае, если у албанца убили одновременно брата и побратима, мстить в первую очередь за побратима. Удивительным кажется Лаврину и празднование Славы, которое в его представлении албанцы переняли у сербов:

В связи с этим у них иногда целое племя имеет общего покровителя. Которого «славят» не только христиане, но и мусульмане, принадлежащие к тому же фису. Из христианских святых пользуются почему-то особым кредитом у мусульман св. Николай и св. Георгий... (с. 40–41).

Следует отметить, что вопросы религиозных отношений в этом сложном регионе привлекают особое внимание словенского писателя. Свои знания по этому вопросу, почерпнутые из разных источников (письменных и устных), он дополняет личными впечатлениями. Например, во время посещения сербского монастыря Дечаны автор приводит свидетельства веротерпимости албанцев, которые вместе с черногорскими солдатами и офицерами посещают православный храм во время службы¹. Он замечает, что подобное отношение к религии имеет свои корни, поскольку до завоевания турками албанцы были христианами, но затем некоторые из них переселились в южную Италию, оставшиеся же стали переходить в мусульманство – «обыкновенно из чисто материальных соображений». Чтобы показать степень терпимости к другой вере у этого народа, автор пишет: «Нередко встречаете в одном и том же племени, даже в одном и том же семействе, христианскую и мусульманскую религии вместе. Мусульмане с почтением относятся к “пророку Исе” (Иисусу), а христиане с не меньшим почтением к пророку Мохамеду (Мухаммеду. – Т. Ч.). Кое-где они даже совместно празднуют как христианские, так и мусульманские праздники» (с. 23). Однако, касаясь вопроса об отношении к христианским святыням, Лаврин замечает, что «карнауты-мусульмане почитают их главным образом из суеверия и страха. Кроме вурдалаков и “джинов”, албанец ничего так не боится, как христианских святых...» (с. 24)².

В книге Лаврина содержится подробное описание впервые увиденной им албанской католической церкви:

Это обыкновенная кула с несколькими отделениями. В одном отделении сама церковь – низенькая, убогая, без всяких украшений. На алтаре две свечи, несколько бумажных икон и засаленные ризы <...> В следующем отделении, за стеной, находится хлев, а в хлеву стадо коз, корова и телёнок

¹ Точно так же молятся в албанском католическом храме черногорские офицеры во время экспедиции к племени мертуров (с. 50).

² О том, что вне городов, среди крестьян, особенно в горных районах Албании «значительная веротерпимость и явления криптохристианства (скрытого, тайного христианства. – Т. Ч.) дожили до середины XX в.», пишет российская исследовательница Ю. В. Иванова. «Отсюда, – как отмечает учёный, – и та лёгкость перехода из одного вероисповедания в другое, которая ещё в конце XIX в. так поражала русских дипломатов, работавших в разных городах этой части Османской империи». См.: *Иванова Ю. В. Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX – начала XX века. 1. Зимние праздники. М., 1973. С. 299–300.*

<...> телёнок элегически мычит и высовывает свою мокрую мордочку, точно прося выпустить его на свет божий <...> Третье же отделение (во II этаже) превращено в казарму для черногорского сторожевого отряда. Но албанский стиль выдержан и здесь до конца: сквозь крышу и потолок протекает вода; сквозь стены свободно дуют, соперничая друг с другом, все четыре ветра; «окошки» же не имеют ни ставней, ни стекол... (с. 49)

Лаврин не оставляет без внимания и детали недавнего турецкого господства: в Малиссии рядом с развалинами старинной сербской церкви он видит заброшенное албанское католическое кладбище, где на крестах красуются деревянные кукушки. Эти фигуры он также принимает за следы сербского влияния: «Дело в том, что кукушка является символом горя у сербов. (У них сохранилось даже специальное выражение “куковать”, т. е. причитать на могилах)», — замечает он (с. 40)¹.

Свое отношение к исламу, третьей религии, которую исповедовало в то время до 70 % албанцев, писатель выразил во время посещения секты «руффай», подробно описав и беседу с шейхом (главой секты), и иступленное вращение «танцующих дервишей» (глава «Эльбасан. Среди албанских факиров»):

...мои европейские нервы не выдержали. Я выбежал из молельни <...> Я долго не мог прийти в себя. Но несмотря на всю патологию этого странного «богослужения», я впервые почувствовал стихийную силу и дух исламизма, рожденного в голой пустыне. Мне стал понятнее былой фанатизм мусульманских армий, распространявших когда-то огнём и мечом закон Корана... (с. 87).

Яркой отличительной чертой книги Лаврина являются прекрасные описания суровой природы северной Албании, которую автор часто сравнивает с природой Кавказа или диких Альп.

¹ Кукушка — «одна из наиболее мифологизированных птиц с ярко выраженной женской символикой, связанная с горем, разлукой, смертью и миром мёртвых»; в народной традиции многих славянских народов ярко выраженная у кукушки символика смерти «проявляется не только в гаданиях по кукованию, но и в целом ряде примет и поверий» (Гура А. В. Кукушка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 36, 38). Эту же связь отмечает Ю. В. Иванова, говоря об особенностях некоторых весенних обрядов у албанцев: «кукушка в албанских народных преданиях и поверьях связана с миром мёртвых, является посредником в общении между мёртвыми и живыми». В день св. Георгия (23 апреля) в некоторых областях Албании, главным образом на севере, суеверные люди прислушивались к крику кукушки, стараясь предугадать будущее. См.: Иванова Ю. В. Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 7.

Сравнение с холодными вершинами Кавказа он повторяет и при описании Скадарского озера («Среди чудовищных, совершенно голых скал оно производит впечатление высокогорного озера где-нибудь на холодных вершинах Кавказа», с. 58), и при воссоздании картин отступления сербкой армии 1915 г. («Подобного не видал я даже на Кавказе. Вся местность здесь похожа на грандиозный горячечный бред из причудливо спутанных горных хребтов, фантастичных линий, форм и красок и снежных вершин, сливающихся с облаками» (с. 105). Романтическая долина Васят в горах Люмы напоминает ему Осетию: «та же почти голая, давящая своей угрюмой грандиозностью величаво раскинувшаяся первобытная природа» (с. 112).

Вместе с тем автор расширяет это сравнение, перенося его в плоскость оппозиции Балканы / Европа, которую он вписывает в рамки более общей: природа (натура) / культура. Благодаря этому раскрывается его взгляд на современную цивилизацию:

Местность с каждым шагом интереснее. Хаотически нагромождённые горы, скалы и леса и ясное небо <...> К тому же ничто не напоминает Европы с её шумной возней, фабричной копотью, конторами и прости-туированной культурой. Всё это осталось позади. Всё это было когда-то, давным-давно, а теперь оно далеко, слава Богу!

После вечной шумихи в пыльных городах, человеку вначале непривычно и даже неловко в такой первобытной обстановке. Но понемногу он точно преображается: вся «культура», закупорившая его душу, затормозившая и закрывшая ему мир божий, каков он есть, ступёвывается, отпадает, как нечто ненужное, жалкое и смешное.

Со всего кругом как бы спадает маска, и несказанно близкой и родной становится земля. Родными становятся леса и горы, и небо, и животные, и травы. В воздухе так и чудится смутный зов великого Пана, попавшего ещё 2000 лет тому назад в отставку... (с. 42–43).

Но всё же, как показывает писатель, постепенно цивилизация захватывает и эту часть Балкан. Описание Скадара – глава «Скадар (Скутари)», – в то время столицы северной Албании, Лаврин насыщает историческими комментариями, сюжетами народных легенд и песен (одна из них – «Песнь о построении Скадара»), изобилуют детали, позволяющие автору назвать его «почти европейским городом». Здесь внешняя европеизация соседствует с настоящим востоком. С одной стороны, «есть почти европейские улицы, дома, гостиницы и магазины; вы можете встретить даже арнаута в котелке, но и только» (с. 61). С другой –

восток как будто здесь в загоне. Но это только на первый взгляд. Если хотите подышать им на славу, то идите в т. н. старый город под цитаделью. Неряшливость, грязь и вонь сразу убеждают вас в том, что здесь настоящий восток... (с. 61)

Всё это дает основание автору книги назвать местную культуру «культурой поневоле» (с. 61), а сам город охарактеризовать как «Албания в Европе. Или Европа в Албании» (с. 67).

Несоответствие между европейским видом издали и чисто восточной безалаберностью внутри отмечается автором и при осмотре города Дураццо (Дуррес; с. 71), куда он прибывает для встречи с Эссад-пашой¹ (глава «Моя встреча с Эссад-пашой»). Получив уникальную возможность взять интервью, Лаврин стремится как можно подробнее представить читателю нового правителя, о котором в Европе уже сложилось мнение как о диктаторе Албании. Помимо предварительной характеристики своего высокопоставленного собеседника (пользуясь «домашними, албанскими средствами», то есть деньгами и террором, он сумел, внести в Албанию какие-то зачатки организации и дисциплины; любитель восточной духовной музыки) и сделав несколько ироничных замечаний в адрес охраны дворца Эссад-паши («вместо легиона свирепых телохранителей у входа стоят только два заспанных албанца в турецкой форме и с ружьями австрийского образца», с. 75), писатель коротко передаёт основные темы беседы: впечатления «русского журналиста» об Албании, мнение Эссад-паши о положении в мире, о наступлении Германии на Сербию и о возможном присоединении к ней Болгарии, а также о позиции России в отношении Сербии. Как выясняется по ходу разговора, Эссад-паша

¹ Эссад-паша Топтани, крупный феодальный собственник, военный министр и министр внутренних дел в правительстве возведённого на албанский престол великими державами князя Вильгельма Вида. К моменту встречи, о которой повествует Я. Лаврин, он в мае 1914 г. был обвинён Видом в государственной измене и подготовке восстания мусульман против христианского князя, смещён со своего поста, арестован в Дурресе и был вынужден покинуть страну и перебраться в Италию (при содействии итальянского дипломатического представителя в Дурессе). Но уже в сентябре 1914 г. Эссад-паша возвращается в страну и во главе собственной армии и при поддержке движения «Исламское сопротивление Албании», занимает Тирану, а 5 октября того же года провозглашает себя премьер-министром «Княжества Албания-Дуррес». Он будет занимать этот пост и сохранять контроль над обширными районами Центральной Албании до 1916 г., когда переберётся в Сербию, заявив о желании помогать Королевству, а также Греции в войне с Австро-Венгрией. См.: *Искендеров П. А. Указ. соч. С. 33–34.*

видит в Сербии скорее союзника, чем врага албанцев, оценивая возможное развитие событий начавшейся мировой войны.

Однако основное внимание Лаврин уделяет созданию внешнего портрета правителя Албании: «высокий, краснощекий и уса-тый мужчина в феске и в штатском платье», говорящий тихим, «как бы застенчивым голосом» (с. 76), который не укладывается в образ кровожадного правителя, «способного до завтрака повесить 36 человек» (с. 76). Далее писатель пытается дать психологический портрет Эссад-паши, понимая, что читателям будут интересны мельчайшие подробности:

На улице можно бы его принять за энергичного, разбогатевшего «своими трудами» коммерсанта средней руки <...> Он чрезвычайно приветлив, но своей приветливостью производит всё же какое-то двойственное впечатление: тихий и ласковый голос не соответствует как-то его высокой фигуре и примитивному, очень непородистому, упрямому лицу, на котором выдаются энергичный нос и холодные, немного косые глаза, свидетельствующие о большой смекалке. Но с другой стороны, во всей его фигуре есть какое-то неуклюжее добродушие. Настоящее ли, поддельное ли – Аллах его разберёт. Движения у него не совсем уверенные, точно он всё время боится как-нибудь нечаянно уронить своё достоинство. Европейский костюм сидит на нём мешковато. Эссад как будто это знает и как будто чуть-чуть стесняется. От этого он кажется ещё добродушнее <...> Одним словом – в нём нет ровно ничего необыкновенного, романтического и «страшного». Его внешность совершенно расходится с его репутацией и наоборот <...> На меня он произвёл впечатление человека, попавшего не в свою обстановку, взявшего на себя очень ответственную роль, но в то же время желающего во что бы то ни стало подчеркнуть и убедить кого-то, что именно это его настоящая роль и есть <...> Убедить, может быть, прежде всего самого себя <...> Впрочем, в тех условиях и в тех возможностях, какие были ему даны, он до сих пор справлялся со своей ролью довольно сносно, конечно, принимая опять-таки во внимание местные средства... (с. 76–77).

Писатель добавляет к описанию и его манеру общения:

Говорил он <...> очень складно. Во время разговора старается степенно жестикулировать. Но степенность ему трудно дается. То он наклонится чересчур вперед, то слишком резко откинется назад, то сделает комичный жест рукою. Вообще, он замечательно походил на свою столицу: издали как будто Европа, но вблизи все та же Албания... (с. 79).

Портрет Эссад-паши становится существенным дополнительным штрихом к создаваемому автором книги национальному портрету албанцев, к которому по ходу повествования добавляются всё новые подробности. Правда, во второй части книги, повествующей об отступлении сербской армии и толп беженцев через

Албанию, он вставляет лишь отдельные зарисовки, понимая невозможность полной объективности в ситуации военного хаоса. Лаврин даже оправдывает поведение «кровожадных, вороватых и неприветливых» местных жителей, замечая что «рассчитывать на сочувствие албанского населения было наивно, а ещё наивнее надеяться на съестные припасы в этих местах» (с. 104). А сравнивая северных албанцев с южными, эпирскими («которые не только не обманывают, а часто стараются даже облегчить положение беженцев», с. 123), он приходит к выводу, что выстроить целостный национальный портрет албанцев практически невозможно. И, словно в оправдание, приводит слова генерала Вешовича, который в ответ на слова автора, что албанцы не столь дики, как кажется, и им не чужды чувства признательности и благодарности, замечает:

О, не верьте оптическому обману! Вы их ещё не знаете <...> Их души похожи на апрельское небо: никогда нельзя ручаться за погоду <...> Теперь вас радушно угощают, а через полчаса они же способны укокошить вас без малейшей жалости <...> С ними нужны совершенно особые приёмы, да и то трудно <...> Не только политики, но и психологи сломают на албанцах зубы... (с. 57)

Книга Янко Лаврина представляет собой удивительный по глубине восприятия событий начала XX в. в одной из самых «горячих» точек Европы того времени художественный документ. При этом писатель не довольствуется ролью простого наблюдателя, он стремится проникнуть в суть происходящего и донести свои мысли и впечатления до читателей. Его путевые очерки, несомненно, помогают нам представить и понять систему ценностей, основы мировосприятия албанцев, одного из народов Балкан, с которым соседям-славянам приходилось сосуществовать в далёком прошлом и, конечно, придётся сосуществовать в будущем. И в этом заключена актуальность и ценность описания «страны вечной войны»: его наблюдения и замечания, сведения о «малых» и крупных событиях в Балканском регионе на рубеже XIX–XX вв. станут важным дополнением к тем вновь открытым архивным документам по истории международных отношений на Балканах, которые стали достоянием науки на рубеже XX–XXI вв.

Лаврин в Британии (1917–1986)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я был назначен на должность заведующего славянским отделением в 1980 г., я осознал, что знаю всех моих предшественников – профессоров или заведующих отделением – лично, за исключением Янко Лаврина, бывшего на этой должности с 1918 по 1952 гг., с перерывом на время Второй мировой войны. Конечно, я знал его книги (как и многим на Западе, они пригодились мне ещё как студенту), а также я слышал, что он мог очаровывать аудиторию. Кроме того, я читал его воспоминания, касающиеся пребывания в Ноттингеме и написанные для журнала «*Slavonica*»¹ в 1977 г. к 60-летию журнала. Я понял, что теперь Лаврину уже за девяносто, и сразу же написал ему письмо, где представился и попросил о встрече. Уже на следующий день он связался со мной по телефону и пригласил в квартиру в Лондоне, где он жил с женой Норой, – Лоэр Аддисон Гарденс 28.

Лаврины оказались очаровательной и дружной пожилой супружеской парой, оба ещё весьма активные, несмотря на прожитые годы. Янко был рад вспомнить прошлое, но, к сожалению, иногда уже не мог точно вспомнить времени и места. Нора была профессиональным художником и иллюстратором. Неоднократно она отправляла мне открытки, которые сама создала на своей графической доске и на которых были изображены Аддисон Гарденс с краешком их квартиры. В просторной, старомодной квартире, наполненной особой атмосферой, они будут угощать нас кофе и банановым кремом в вазочках, а Янко будет потчевать нас своими воспоминаниями.

Ноттингемский университет, где он так давно работал, помнил о нём. В качестве благодарности за щедрые дары Лаврина, университетская библиотека запланировала выставку в честь его

---

¹ *Lavrin J. Difficult Beginnings // Slavonica. Nottingham: Department of Slavonic Studies, University of Nottingham, 1977. Vol. 6. No. 1. P. 12–14.* – Речь идёт о журнале «*Slavonica*», издававшемся студентами славянского отделения Ноттингемского университета в течение многих лет. Он никогда не был связан с современным академическим журналом, издающимся в университете Манчестера, который уже позже взял себе то же имя.

столетнего юбилея в 1987 г.; в знак признания его вклада в изучение Достоевского Гарт Терри и я как соредакторы «Новых очерков о Достоевском»¹, опубликованных в 1983 г., посвятили этот труд ему; Моника Партридж, бывшая заведующая отделением и протеже Лаврина, организовала публикацию написанной и иллюстрированной Норой книги о Д. Г. Лоуренсе, которая должна была выйти в 1986 г. в «Астре Пресс»²; и, наконец, незадолго до смерти Лаврина в 1986 г. университет, хотя и с опозданием, рассмотрел возможность присуждения ему степени почетного доктора. К сожалению, предложение о присуждении почетной степени появилось слишком поздно, – это могло бы действительно порадовать профессора, – выставка же превратилась в мемориальную. Постепенно сам Янко и их с Норой старший сын, Джон, тоже художник, собрали и упорядочили ценные материалы по переписке, и я начал изучать архив Лаврина, собирать сведения для биографии и периодически публиковать статьи о его наследии³.

Лаврин прибыл в Лондон летом 1917 г.

Его младший сын, покойный Дэвид Лаврин⁴, многое рассказал о жизни отца в России, о его путешествиях по стране и за рубежом с самыми разными целями. В качестве военного корреспондента Я. Лаврин оказался на Балканах. Австрийцы объявили его в розыск и назначили цену за его голову. Зимой 1915–1916 гг. он пережил все тяготы отступления сербской армии через горы в Албанию. Свои переживания Лаврин описал в книге «В стране вечной войны. Албанские эскизы», которая была опубликована в 1916 г.⁵

В 1978 г. Петер Лиддл описал военный опыт Лаврина. И сам Лаврин составил рассказ на основе собственных воспоминаний.

¹ New Essays on Dostoyevsky / Ed. by M. V. Jones, G. M. Terry. New York, 1983.

² Lavrin N. D. H. Lawrence, Nottingham Connections. Nottingham, 1986.

³ Jones M. V. La tradition de la littérature comparée dans la slavistique britannique du XX siècle (le cas de Janko Lavrine) // Etudes russes – Mélanges offerts au Professeur Louis Allain / Ed. by I. Fougeron. Lille, 1996. P. 37–43; Jones M. V. Janko Lavrin, promoter of modernism and the avant-garde – a footnote // Literarische Avantgarde. Festshrift für Rudolf Neuhäuser / Ed. by G. Horst-Jürgen. Heidelberg, 2001. P. 73–80.

⁴ Дэвид Лаврин, выдающийся учёный, скончался в 2008 г. Старший сын Лаврина, Джон, всё ещё живёт в Уэльсе. Я очень обязан им обоим за их помощь в моих исследованиях, которые представлены в настоящей статье, являющейся переработкой материалов из моей книги «Славянский мир»: Jones M. V. Славянский мир ...

⁵ Подробнее см. статью Т. И. Чепелевской в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

Копии обоих документов в настоящее время находятся в библиотеке «Бразертон» Лидского университета, а копия второго, с правкой автора, находится в архиве Лаврина в Ноттингемском университете¹. Помимо описания изнурительного отступления, со всеми страданиями и зверствами, и оценки развивающейся политической и военной обстановки, Лаврин рассказывает о своих встречах с известными лицами, имевшими отношение к военным действиям, в том числе с сербским политическим лидером Николой Пашичем, русским монахом, ранее участвовавшим в покушении Каракозова на Александра II, Эссад-пашой, временным правителем Албании, черногорским генералом Вешовичем и Миланом Цигановичем, наставником Гаврило Принципа, чья пуля-убийца в Сараево послужила толчком к событиям, приведшим к вспыхнувшей в 1914 г. войне.

Новости из России расстроили Лаврина, здоровье его было сильно подорвано в результате пережитого в Албании отступления, газета «Новое время», где он работал, перестала публиковаться, и он потерял источник дохода. Лаврин решает остаться в Англии и искать там работу. Английский язык он всего за шесть месяцев добавил к своему лингвистическому багажу.

ПРИБЫТИЕ В АНГЛИЮ

За короткое время Лаврин наладил ценные контакты в лондонских литературных и научных кругах – так же, как в своё время по прибытии в Санкт-Петербург почти десять лет назад. Он брался за случайные литературные работы и преподавание и познакомился с редактором еженедельника «Нью Эйдж»² А. Р. Ориджем, который предложил ему стать одним из его сотрудников. По мнению Дэвида Лаврина, именно Оридж сподвиг его отца на чтение лекций на русском языке в Ноттингеме. Сам Лаврин говорил, что профессор сэра Бернард Парес, основатель Школы славянских и восточно-европейских исследований, посоветовал ему заняться этим³. Возможно, они оба приняли участие. В любом случае, это стало поворотным пунктом в его долгой жизни.

¹ Доступ к документам в Лидсе ограничен в соответствии с авт. правами.

² «The New Age: A Weekly Review of Politics, Literature, and Art» – «Новый век: еженедельное обозрение политики, литературы и искусства». – *Примеч. ред.*

³ *Lavrin J. Difficult Beginnings*. P. 12.

Университетский колледж Ноттингема, как и большинство британских гражданских университетов, был основан во второй половине XIX в. и первоначально размещался в викторианском готическом здании недалеко от центра города. В 1881 г. его открыл принц Леопольд, герцог Ольбани. В 1928 г. колледж переехал на нынешнее место – на окраину города, где 10 ноября был открыт королем Георгом V новый большой корпус в стиле неоклассицизма (Трент-Билдинг). Только в 1948 г., после Второй мировой войны, это учебное заведение будет выдвинуто на получение Королевской хартии и станет независимым университетом. Сейчас это один из ведущих мировых университетов с шестью кампусами в Великобритании, Малайзии и Китае, однако тогда, в 1917 г., это было скромное провинциальное учреждение для обучения местных студентов. Курс русского языка был учрежден в 1915 г. в надежде на перспективу развития торговых связей с Россией после успешного завершения войны, но в 1917 – многие фактические и потенциальные студенты были на фронте. Первый преподаватель русского, Василий (Базил) Слепченко, ушёл в отставку в 1918 г., и именно на его место подал прошение Лаврин.

Обширность контактов Лаврина и скорость, с которой он входил в английскую жизнь, можно осознать благодаря его заявлению в Университетский колледж от 6 сентября 1918 г. Он пишет, что услышал от М. Трофимова, преподавателя русского языка в Королевском колледже Лондона, и г-на Раффи, преподавателя того же колледжа, что появилась вакансия¹. Далее он сообщает, что получал высшее образование в Петрограде, в Археологическом институте, что свыше двух лет был главным редактором «Славянского мира», в течение которых написал и перевёл ряд книг, что в течение шести лет был сотрудником «Нового времени», в котором опубликовал несколько статей, посвящённых славянской политике и литературе, что был командирован в качестве специального русского корреспондента «Нового Времени» в сербскую армию, которую сопровождал во время её отступления через Албанию, а также о том, что его статьи были опубликованы

¹ А. Раффи читал русские лекции в Школе славянских и восточноевропейских исследований в составе Лондонского университета с 1915 по 1944 г., М. В. Трофимов же этим занимался только с 1915 по 1918 гг. См.: *Roberts I. W. History of the School of Slavonic and East European Studies // School of Slavonic and East European Studies. London, 1991. P. 122, 123.*

отдельной книгой в Петрограде двумя годами ранее, что на пути в Петроград прошлым летом он прервал свою командировку в Лондоне – из-за установления большевистского режима, – что в течение года, пока находился в Лондоне, опубликовал ряд статей в «Нью Эйдж» по философии и литературе, в том числе серию статей о Достоевском, принятую «Аллен&Анвин» к публикации отдельной книгой, и что читал лекции на русском языке в сербском духовном училище, во временных лекториях в Дорчестере. В отношении владения им иностранными языками, он, как это ни удивительно, пропускает словенский, заявляя, что в совершенстве знает русский, сербский («на котором я написал несколько трудов»), польский, чешский, английский, французский, итальянский и немецкий. «Конечно, – добавляет он, – я классический учёный». Также он сообщает, что ему 30 лет, в браке он не состоит и освобождён от военной службы.

В этом заявлении есть и уверенность в себе, и жизненная энергия, и подлинные достижения, но, чтобы представить себя в более выгодном свете, Лаврин подаёт определенные факты довольно расплывчато. Нигде, например, не указана его национальность, и не сказано, от какой именно военной службы он освобождён. Он обходит вопросы в связи с отсутствием у него академической квалификации, говоря, что он «получал высшее образование в Петрограде». Обязательно ли было касаться этих вопросов или ссылаться на публикации (его «несколько работ» на сербском, например), мы не знаем. Но, даже если опустить подобные вещи, его биография была очень впечатляющей, и он получил должность. Согласно протоколу Совета Университетского колледжа от 24 сентября 1918 г., было принято решение о том, что «г-н Я. Лаврин назначается преподавателем русского языка с зарплатой в £ 150 с 15-процентной военной надбавкой»¹.

¹ Зарплата представляется довольно скромной, даже по стандартам того времени. См.: The Report of the Board of Education for 1916–1917. London, 1918. P. 77, – где сказано: «В Королевском колледже, Лондон <...> зарплата профессора русского языка была поддержана грантом £ 600 в год от L.C.C.». – Конечно, возможно, что не все эти средства шли непосредственно служащему. Существует дополнительная информация о классах Лаврина в Ноттингеме, с непостоянным числом студентов, лекций и публикаций в официальных университетских изданиях в межвоенный период. Моё внимание на эти факты обратил Джеймс Макл, которому я за это благодарен.

ПЕРЕЕЗД В НОТТИНГЕМ И УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КОЛЛЕДЖ МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Неизвестно, где жил Лаврин, когда впервые прибыл в Ноттингем. Согласно интервью с Джеральдом Смитом, он переехал в деревушку Хатэрн недалеко от города Лафборо, откуда он мог добираться в Ноттингем (и в Лондон) на поезде, но ему там не нравилось, поскольку он находил снобизм английской деревни ещё более вызывающим, чем снобизм города¹. Сначала он нашёл лишь горстку студентов, достаточно смелых, чтобы взяться за русский, ведь из подходящих книг в библиотеке была только устаревшая русская грамматика. Однако при поддержке профессора Уикли (возглавлявшего отделение современных языков) и Гранжера (заместителя ректора) он намеревался обратиться в Лондон за помощью. Так или иначе, после войны к его группам присоединились вернувшиеся солдаты, кроме того, ряд его публичных лекций неожиданно оказались успешными. Он пригласил коллег из Лондона прочесть лекции, в том числе самого Пареса и Д. С. Мирского, преподававшего в Школе славянских и восточно-европейских исследований в 1922–1932 гг. Лаврин приступил также к сбору русских книг для библиотеки колледжа, куда вошло несколько зарубежных раритетных изданий, которые до сих пор хранятся в библиотечных фондах.

Каким-то образом, в 1921 г., в свои 34 года, Лаврин сумел убедить руководство колледжа дать ему звание профессора², вероятно, постольку, поскольку без этого статуса его никогда бы всерьёз не восприняли в Европе, где у него были главные академические контакты.

Однако едва ли можно сказать, что Лаврину нравилась погода Ноттингема, да и вообще эта область Англии, похоже, что он старался проводить как можно больше времени в Лондоне, где он продолжал вращаться в научных, художественных, издательских и литературных кругах. Сохранившаяся переписка за многие годы не только свидетельствует о длительных контактах с соотечественниками, но и содержит письма от Эдвина Мюира,

¹ Интервью с Джеральдом Смитом находится в Лидском русском архиве (Лидский университет).

² См. годовой отчет Университетского Совета колледжа: *Annual Report of the University College Council / University College. Nottingham, 1921. P. 35.*

Эдит Ситвелл¹, Сачеверелла Ситвелла, Герберта Рида, Генри Миллера, Альфреда Лесли Рауза и многих других ведущих фигур английской литературной сцены.

Лаврин, как рассказывает его сын Джон, относил себя самого не столько к «блумсберийской группе», сколько к «фицройцам». Фицровия была небольшим районом Лондона к северу от Оксфорд-стрит, её центром первоначально являлась таверна «Фицрой» на Шарлотта-стрит, и в то время она была кварталом художников и писателей, соперничавшим только с Челси. Дилан Томас, Уильям Эмпсон и Джордж Оруэлл были в числе тех, кто часто посещал его, хотя неизвестно, был ли Лаврин знаком с ними лично. В любом случае, по прибытии в Лондон, он должен был проложить кратчайший путь к своим первым литературным, художественным и научным контактам. По некоторым свидетельствам, он стал одним из первых членов Международного ПЕН-клуба, основанного в Лондоне в 1921 г. благодаря идее Кэтрин Эми Доусон-Скотт и его первого руководителя романиста Джона Голсуорси. В неполном списке его участников, приведенном в биографии Доусон-Скотт², нет имени Лаврина, но это может просто означать, что никто ещё его не воспринимал достаточно серьёзно. Лаврин вряд ли мог позволить, чтобы его положение оставалось таким слишком долго. Как известно, он принял участие в создании ПЕН-центра в Любляне. Намного позже, в 1965 г., благодаря его усилиям на Бледе состоялся ПЕН-конгресс, в котором приняли участие многие всемирно известные писатели, включая Артура Миллера³.

Именно в Лондоне в 1928 г. Лаврин познакомился с молодой художницей Норой Фрай из знаменитой квакерской семьи. Нора записала, что они встретились в Мидл-Темпле на вечеринке молодого писателя Уилфреда Хиндла из «Таймс» и были друг другу представлены. Хиндл предложил ей присоединиться к группе, планирующей поездку в горы в Словению. Вокруг профессора русского языка, Янко Лаврина, который должен был возглавить группу, собралась толпа. Нора, однако, отказалась присоединиться к группе по финансовым причинам, но Янко её уговорил. Это был

¹ Эдит и её брат Осберт Ситвеллы жили в усадьбе XVI в. Ренишоу, в двух милях к северу от Стейвли в Дербишире, где, предположительно, Лаврин их посетил.

² *Watts M. Mrs Sappho. The Life of C.A. Dawson Scott, Mother of International PEN.* London, 1987. – Имена английских и зарубежных участников приводятся на с. 208–209.

³ *Korespondenca med Jankom Lavrinom in Antonom Slodnjakom (1951–1983)* / ur. D. Moravec. Ljubljana, 2002. S. XVIII.

романтический вихрь. В Словении они решили пожениться и, оставив группу, продолжали путешествие сами по себе. Нора вела дневник зарисовок их жизни в медовый месяц, этот дневник хранится в Ашмолейском музее, а недавно был опубликован в Словении¹.

По возвращении в Ноттингем, они переехали в большой дом в районе Мапперли. Устав из года в год жить в меблированных комнатах, Лаврин купил недавно построенный дом из красного кирпича, побелил его и назвал виллой «Савва». Нора дает яркое, с юмором описание их переезда, рассказывает о том, как она нашла забаррикадированную книгами Янко кухню и как он организовал их регулярное питание у соседки, миссис Браун, которая передавала им еду через дырку в изгороди².

Возможно, такая группа для путешествия по Словении, которую предложил организовать Лаврин, была не первой. В 1927 г. появился сатирический роман плодовитого журналиста, романиста, любителя разнообразных путешествий Стивена Грэхэма под названием «Летняя музыка», в котором главный герой – профессор Спандин, «продукт австрийской цивилизации, получивший образование в Загребе и Вене», который стал бы замечательным журналистом, если бы не было войны, писавший о литературе, политике и национальных обычаях на нескольких различных языках, взятый в плен армией Брусилова в 1916 г. и после освобождения зарабатывавший на жизнь в Москве журналистикой. Прибыв в Англию, он получил «внутри страны» университетскую кафедру в 1922 г. – и так далее, и так далее. Хотя конкретные подробности немного отличаются от фактической биографии Лаврина, нет никаких сомнений в том, что Спандин – это едва завуалированная карикатура на него.

Поскольку обстоятельства легко узнаваемы, вероятно, и разговоры были взяты из реальной жизни. «Его импульсы выдают его волю, и воля выливается в действие», – написал Грэхэм. «Случайно увидев гору, он в ту же минуту должен был выкрикнуть: “Ах, давайте на неё поднимемся, давайте пойдем прямо к вершине”, – но никогда не осиливал и четверти пути на любую гору». Или:

...В литературных салонах, где находился Спандин, всегда что-то взрывалось. Если кто-то упоминал кубизм, Спандин вдруг показывал

¹ *Lavrin N. Slovenija. Poletje 1928. Ilustrirani dnevnik s poročnega potovanja Nore in Janka Lavrina. Ljubljana, 2004.*

² Теперь уже кажется невозможным определить местонахождение Виллы «Савва», которая, к сожалению, не сохранила этого имени, должна была получить порядковый номер. Сохранились эскизы дома, сделанные Норой, но все со стороны сада.

кубизм в извержении, кубизм на некоторое время становился вулканом, извергающим горячую лаву идей континентального масштаба. Как можно себе представить, Спандин был увлекающим за собой, блистательным оратором, подлинным космополитом. Его речь изобиловала фразами, увлечёнными из культур всех сортов <...> Это перескакивание мыслей, это порхание в изложении, даже если и приводили в недоумение тех, кто привык к скучной степенности размышления, оказывались весьма притягательными. В большой разношерстной компании другие собеседники лишь старались прекратить разговор, чтобы слушать то, что говорит Спандин. Он обладал даром объединять, и мог легкомысленное чаепитие превратить в прослушивание собственной лекции¹.

Нет смысла задерживаться здесь на сюжете романа, следует только сказать, что он выстроен на различных приключениях и недоразумениях, которые возникают по мере того, как Спандин хаотично везёт группу по Европе по пути в Далмацию, в частности – то место, которое он выбрал для отдыха группы, кишит мухами, да и вообще всё превращается в сплошное бедствие. «Его абсолютная непрактичность, – пишет Грэхэм, – не может сравниться ни с чем, – это человек, на которого Вы не должны полагаться ни чтобы сесть на автобус или в такси, ни чтобы найти книгу или добраться до места, ни чтобы выбрать гостиницу»².

Лаврин, очевидно, был весьма расстроен романом, так как не мог не увидеть явного сходства между собой и вымышленным профессором Спандиным. Он никогда не простил Грэхэма за эту карикатуру, хотя его знакомый, скульптор Марин Студин (который также изображен в романе под именем Ресич), якобы отнесся к этому с юмором и сказал, что портреты были на самом деле близки к жизни. Насколько этот эпизод отравил отношения Лаврина с Грэхэмом не ясно, но, определенно, в последующие годы Лаврин был очень низкого мнения о Грэхэме, о чём свидетельствует написанный от руки портрет, хранящийся в частной коллекции Джона Лаврина.

Очевидно, что всю свою жизнь Лаврин неизменно вызывал любовь и восхищение, и представляется, что он представлял собой

¹ *Graham S. Midsummer Music. New York, 1927. P. 13–18.*

² *Graham S. Midsummer Music. P. 67.* – Во время войны Грэхэм был наблюдателем Славянского эффира в Би-би-си, таким образом, он неминуемо опять контактировал с Лавриным в это время (о службе Лаврина в Би-би-си во время войны см. ниже), поэтому весьма примечательным кажется факт, что в своей автобиографии (*Graham S. Part of a Wonderful Scene. London, 1964*) он ни разу о нём не упоминает.

нечто большее, чем повод для насмешек и пародий. Такое отношение легко понять, зная сдержанность англичан, многие среди них прославились как эксцентрики, но Лаврин также превзошёл более эксцентричных славян, о чём убедительно свидетельствует его появление на страницах «Безкровного убийства» и в заумной пьесе Зданевича «Янко круль албанскай»¹.

Помимо всех этих приключений, он ещё, конечно же, преподавал студентам в Университетском колледже Ноттингема. Лаврину было нелегко, когда он принимал дела после Слепченко в 1917 г. Его предшественник был полон энтузиазма по отношению к своему предмету, даже когда молодых мужчин стали призывать в армию, группы неизбежно сокращались, а их количество начало снижаться перед концом войны. В это время было мало действительно хороших учебников и учебных материалов по русскому языку, – в течение многих лет книжные обозреватели продолжают жаловаться, что нет хорошего словаря, даже когда, в конце концов, выходит «Русско-английский словарь» Л. Сигала через много лет, в 1948 г., его издание было описано как «упущенная возможность». Вместе с тем Д. Бондар из Манчестера продолжал печатать издание за изданием свою «Упрощённую методику русского языка», за что многие учителя должны были быть благодарны. Однако вряд ли это можно считать воодушевляющим примером. Успех должен, безусловно, зависеть от живой личности учителя и энергично занимающихся студентов.

Так и оказалась на деле. Годовые отчёты в Университетском колледже 1920-х гг. с немного изменёнными формулировками свидетельствуют об этом из года в год. В 1920 г.: «По итальянскому, португальскому, русскому и сербскому языкам, классы сравнительно небольшие, но состоят из серьёзных студентов». В 1921 г. – классы были маленькими, но состояли из старательных студентов. В 1922 г. сербского не было, но маленькие русские классы были «хорошего уровня». Отчет 1923 г. гласил: «В течение учебного года, к сожалению, было очень мало энтузиазма по отношению к этому языку. По началу трудности отталкивали студентов, но те, кто был упорен, составили очень хорошие маленькие классы». В начале этого года в протоколе Совета колледжа было записано:

¹ См.: *Marzaduri M.* Creazione e prima rappresentazione del drama Janko krul' albanskaj di I. M. Zdanovic // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре / ред. L. Magarotto и др. Bern, 1991. С. 153–163, – а также: *Jones M. V.* Славянский мир ... Р. 25–27.

«Ректор сообщил, что количество учащихся в русских классах постепенно снижается и что он виделся с профессором Лавриным, который предложил преподавать два семестра только в нынешнем учебном году и сократить его зарплату на треть. ПОСТАНОВИЛИ: по этому вопросу в текущем году изменений не вводить». Сообщения не меняются из года в год: маленькие классы, но хорошие и полные энтузиазма студенты, изучающие русский язык. В протоколах Совета никак не отражается, что продолжение преподавания этого предмета находилось под вопросом.

Напротив, годовые отчеты содержат несколько позитивных замечаний. «Инициированные» Лавриным публичные лекции по русской литературе получают соответствующую аудиторию и весьма высоко оцениваются. Продолжают выходить его публикации: книги о Толстом и Гоголе, История русской литературы, а также более дюжины статей в течение всего нескольких лет. В 1926 г. один из студентов готовится к защите кандидатской диссертации (PhD) в Лондонском Университете, а другой читает лекции «на высшем уровне в Гражданской службе». Единовременный грант Министерства финансов в 1926 г. позволил библиотеке «образовать ядро настоящей университетской библиотеки в отделении современных языков».

К профессору Эрнесту Уикли, своему непосредственному начальнику, Лаврин, как известно, относился с большим уважением, видя в нём высшее проявление английского джентльмена¹. Это был тот самый профессор Уикли, чья жена, Фрида фон Рихтхофен сбежала с романистом из Иствуда Д. Г. Лоуренсом². Лаврины знали также Джесси Чемберс (для мальчиков – тётушка Джесси), прообраз Мириам в романе Лоуренса «Сыновья и любовники» (1913), которой Лоуренс был когда-то увлечён. Нора написала её портрет, который находится в Ноттингеме. Но в Ноттингеме, как представляется, было в то время очень мало возможностей для интеллектуального развития.

1928 г. стал своего рода этапным: брак с Норой, медовый месяц, открытие нового большого здания Трент в Университетском

¹ Из личной беседы с Джоном Лавриным (2006).

² Профессор Эрнест Уикли главным образом получил негативные отзывы среди исследователей Лоуренса. Представленное с наибольшей симпатией и сбалансированное представление о нём см. в: *Worthen J. Cold Hearts and Coronets: Lawrence, the Weekleys and the von Richthofens. Nottingham, 1995.*

парке¹ королем Георгом V, затем в следующем году открытие столь же большого нового дома Совета на Ноттингемской Рыночной площади. В 1932–1933 гг. ситуация, похоже, изменилась.

Лаврины жили в то время в доме 10 на Бродгейт в Бистоне («мерзкий Бистон», как называл его Лаврин), от которого пешком можно было добраться до Трент-Билдинг в новом кампусе Университетского колледжа, когда они решили приобрести живописный конца XV в. дом (Молтман Хилл Хауз) в Смардене, недалеко от Эшфорда в Кенте, своего рода коттедж на выходные дни. Теперь отсюда Лаврин мог ездить как в Ноттингем, так и в Лондон, хотя, судя по большому количеству писем между Янко и Норой, хранящихся у их сына Джона, фактически Янко проводил очень мало времени в Смардене. 1932 г. также был годом, когда Лондонская университетская Школа славянских и восточно-европейских исследований отсоединилась от Королевского колледжа и стала независимым институтом в рамках Лондонского университета, а Лаврин был назначен почётным преподавателем в Школе.

Но неожиданно и в Ноттингеме ситуация стала улучшаться. Сохранившееся письмо Янко к Норе от 20 января 1933 г., в частности, свидетельствует:

Я чувствую себя явно лучше, и вчера я прочитал лекцию в Большом театре в Университетском колледже, устроенную Космополитическим дискуссионным обществом. Можешь себе представить? – Полный зал <...> совершенно переполнен людьми, так что довольно многим пришлось стоять на протяжении всей лекции и дискуссии. Большая аудитория всегда радовала меня, поэтому я прочёл чертовски хорошую лекцию о кризисе современной культуры. Она действительно была настолько успешной, что разные вопросы и обсуждение продолжались ещё полтора часа. Это значит, что я провёл за кафедрой два с половиной часа, и зал оставался полным до самого конца. Это был совершенно восхитительный и оригинальный опыт – оригинальный, потому что вместе с развитой, молодой «интеллигенцией» сюда пришли все местные коммунисты и «рабочий класс». Я никогда не подозревал, что был так популярен среди них. К счастью, они были очень внимательны, и все их вопросы

¹ Прежде комната Лаврина находилась в здании Университетского колледжа на Шекспир-стрит. Теперь это здание принадлежит Ноттингемскому Трент университету. С 1928 г. его комната располагалась бы в здании Трент в Университетском парке. В 1950 г. университет приобрёл частный дом под названием «Сады» позади здания Трент, и отделение славянских языков переехало туда. Достоверно неизвестно, случился ли переезд на новое место до или после ухода Лаврина в 1952 г.

были разумны. Кроме того, в них определенно чувствуется много жизненной силы и добрая воля. Всё к лучшему! В конце они попросили меня снова прочесть серию лекций, что я с удовольствием сделаю. Я в тысячу раз больше предпочитаю их рвение, чем мертвящую пассивность в обычной университетской аудитории.

Тем не менее, я не должен становиться болтуном и хвастуном. Я только упомянул об этом, потому что в этом отношении, конечно, здесь – в Ноттингеме – больше жизни, чем я когда-либо подозревал. Я немного устал после лекции, но сегодня я почти в полном порядке.

Другая приятная новость: моё отделение (русский язык и литература) собираются сделать полностью независимым от Уикли, или кого-либо ещё, кроме университетского Сената, – это даст мне больше свободы во всём. Моя литературная работа тоже продвигается весьма удовлетворительно¹.

Таким образом, именно 1932 г. является годом, когда было основано отделение русского языка как таковое, и Ноттингем впервые предложил основной курс русского языка с возможностью получения степени бакалавра. В том же письме Лаврин говорит о перспективах выхода из финансовых затруднений, усугубившихся, несомненно, с покупкой дома в Смардене.

Труды по литературе у Лаврина, безусловно, двигались весьма удовлетворительно.

В Ноттингеме он написал серию важных книг и статей по русской литературе и компаративистике, – некоторые из них позже были переведены на ряд других языков, – и продолжил свою деятельность по популяризации европейского модернизма в литературных обзорах. Книга о Достоевском, которую он упомянул в своем письме-прошении в Ноттингем, была опубликована в 1920 г., за ней последовала серия прекрасно воспринятых книг о других писателях и литературных движениях.

Он обрёл свой собственный голос. Словом, определяющим его стиль, может стать слово «психо-критический», а его темой стала европейская литература модернизма. Результатом стали такие исследования, как «Достоевский и его творчество: психо-критическое исследование» (1920), «Ибсен и его творчество: психо-критическое исследование» (1922), «Ницше и современное сознание» (1922); «Толстой: психо-критическое исследование» (1924), «Достоевский и современное искусство» (1926), «Достоевский и Пруст» (1927), «Кнут Гамсун» (1930); «Аспекты модернизма от Уайльда до Пиранделло» (1935).

¹ Письмо находится в архиве Лаврина.

В то время Лаврин писал о многих литераторах, среди них – Оскар Уайльд, Анатоль Франс, Д'Аннунцио, Рембо, Блок, Розанов, Вейнингер, Д. Г. Лоуренс, Рильке, Цанкар, Есенин, Пиранделло, Кафка, Маяковский и, конечно, другие русские классики¹. Он писал о словенской литературе и переводил со словенского, но его интерес к великим европейским модернистам и к современным темам уже определился – как психоаналитическая тенденция в его критических работах.

Благодаря имевшей место ранее встрече с Ориджем Лаврин активно редактировал и писал для литературных периодических изданий.

Первым из них, как мы уже отмечали, был еженедельник «Нью Эйдж», основанный в 1907 г. Джорджем Бернардом Шоу. С 1908 по 1922 гг., согласно Уоллесу Мартину, он станет «ареной культурных и политических дебатов, не имевших аналогов в современном мире»². В числе дебатов, на которые ссылается Уоллес, одним из самых оживленных был спор между Оранджем и Рэндоллом о субъекте психоанализа. Рэндолл отстаивал Эрнеста Джонса и его знаменитый фрейдистский анализ шекспировского «Гамлета». Орандж признавал основные принципы психоанализа, но сомневался в том, могут ли они успешно применяться в литературе. Все это происходило в 1912 г.

Несколько лет спустя было несколько психоаналитиков, писавших для журнала, и Лаврин сам подвергся критике со своей работой о Достоевском, в которой он пытался показать ценность психологического подхода по отношению к русскому романисту. Выражение «русский романист» использовано здесь намеренно, поскольку Лаврин не делал четкого различия между автором и его произведениями, а наоборот – смешивал с завидной самоуверенностью, которую оправдывал, ссылаясь на собственную уверенность в необходимости «интегрального» подхода к изучению литературы. В то же время он всегда был внимателен к связи Достоевского с более широкой традицией европейского романа и прослеживал его влияние на других писателей, например, Ницше, Бурже, Гауптмана, Д'Аннунцио, Жиды и немецких экспрессионистов.

¹ См., например: *Lavrin J. Aspects of Modernism: from Wilde to Pirandello*. London, 1935.

² См.: *Wallace M. 'The New Age' under Orage: Chapters in English Cultural History*. Manchester–New York, 1967. P. 1.

Пересмотренное и исправленное издание его работы (под названием «Достоевский: исследование») вышло в 1943 г. Книга содержит дискуссию о влиянии Достоевского на английскую литературу, где Лаврин высказывает несколько замечаний общего характера о «модернистах», которые находились под влиянием русского писателя, в том числе он прямо упоминает романы Дж. Конрада «Глазами Запада» и Хью Уолпола «Темный лес» и «Тайный город». Также он напоминает своему читателю, что Достоевский был достаточно важен для Д. Г. Лоуренса, который был к нему ближе, чем другие английские писатели его поколения¹.

В книге Лаврина о Достоевском сочетаются две основные тенденции современной ему английской литературной критики: психоанализ и культ русской литературы. Сотрудничая в еженедельнике, воплотившем в себе эти две тенденции, Лаврин оказался причастным к их развитию, здесь стали непосредственно соседствовать такие имена, как Достоевский и Фрейд, Ницше и Кафка, Ибсен и Ницше. Должно быть, Лаврин был тут в своей стихии. Ведь само слово «интеллигенция» появилось в английском впервые в 1913 г. на страницах еженедельника «Нью Эйдж» для обозначения своих читателей.

Подобно «Славянскому миру», «Нью Эйдж» в политическом плане склонялся к левой направленности, но его главной задачей по отношению к своим читателям было знакомить их с явлениями в современной европейской модернистской литературе и философской мысли и в то же время оказывать организующее влияние на новое поколение английских писателей. Среди постоянных авторов еженедельника были Эзра Лумис Паунд, Кэтрин Мэнсфилд, Герберт Рид, Эйльмер Мод (биограф и переводчик Толстого) и Эдвин Мюир (переводчик романов Кафки).

«Нью Эйдж» выходил до 1920 г. Позже, в 1934 г., совместно с Эдвином Мюиром Лаврин основал новый литературный журнал «Юропиен Куатерли»², который просуществовал совсем недолго, но, как считают, был весьма влиятельным. В течение двух лет в журнале публиковались, среди прочего, эссе о современном романе, архитектуре и искусстве, о гитлеризме и большевизме, статьи о Д. Г. Лоуренсе (Джесси Чемберс, под криптонимом «Е. Т.»), о Т. С. Элиоте и О. А. Г. Шпенглере, а также переводы Достоевского, Блока и Кьеркегора.

¹ *Lavrin J. Dostoevsky. A study.* London, 1943. P. 37.

² «The European Quarterly» – «Европейский ежеквартальник». – *Примеч. пер.*

Лаврин сам написал о Розанове, Вейнингере и Д. Г. Лоуренсе, Рембо и Сергее Есенине. Но этот журнал не смог продолжить своё существование по коммерческим причинам и должен был закрыться в 1935 г. Возможно, это было, как теперь скажут, преобразованием.

В 1931 г. романист Уильям Джерхарди, в то время самый знаменитый, из молодого поколения англичан, писал, что «в наше время каждый молодой писатель стремится объединить самые разнообразные и изысканные стилистические элементы». Среди прочего, он упоминает о влиянии Бертрана Рассела, Бернарда Шоу, Уэллса, Пруста, Лоуренса, Чехова, Гёте, Вордсворта, Шекспира, Достоевского, Толстого, Тургенева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Вольтера, Джонсона, Флобера...¹

Джерхарди сам родился в Санкт-Петербурге в 1895 г., а поэтому можно было бы заподозрить его в предрасположенности к русской литературе. Вместе с тем его энтузиазм разделяют многие его современники. Издательство «Хогарт Пресс», руководимое Леонардом и Вирджинией Вулфами совместно с Котельянским, Мюрри и Лоуренсом и специализирующееся на русской литературе, начало работать уже в 1916 г., незадолго до прибытия Лаврина в Англию, и в 1920 г. стало коммерчески жизнеспособным. На протяжении 1920-х гг. Лоуренс подготовил свои переводы Шестова, Бунина, Достоевского и Горького, а культ Достоевского, который возобновился с Первой мировой войной, превратился в страсть к русской литературе в целом². Таким образом в период своего сотрудничества с «Нью Эйдж» Лаврин был на самом передовом крае развития английской литературной культуры. Но в середине 30-х гг. сражения уже прекратились.

Нам известно о двух (метких, но, на наш взгляд, вводящих в заблуждение) суждениях о литературно-критической работе Лаврина. Первое о том, что он писал свои книги, не проводя сколько-нибудь оригинального исследования и без прямого обращения к первоисточникам. Второе, ещё менее доброжелательное, о том,

¹ *Gerhardie W. Memoirs of a Polyglot. London, 1990. P. 164–165.* – Впервые было изд. в 1931 г.

² См.: «Самый простой комментарий современной английской беллетристики едва ли сможет избежать упоминания о русском влиянии, а раз уж русские упомянуты, то есть риск почувствовать, что писать о том, что любая беллетристика сохранила их, – это пустая трата времени». – *Woolf V. The Common Reader. New York, 1948. P. 216.*

что он был не больше, чем журналистом с академическими претензиями, впитывающим идеи других людей и выдающим их за свои собственные. Первое было передано мне в частной беседе одним из его бывших коллег, которые видели его в работе, а второе принадлежало профессору Элизабет Хилл из Кембриджа, которая отметила в своей автобиографии, описывая круг лондонских знакомых, среди которых был Стивен Грэхэм и Дмитрий Митринович:

...Янко Лаврин, словенский журналист с академическими претензиями. Я узнала позже, что Валери (Купер) была его страстью. Он произвел на неё большое впечатление своими блистательными тирадами о Достоевском, о котором он писал. Однако это длилось лишь до тех пор, пока она не встретила Митриновича, который случайно сел рядом с ними в метро. Когда он начал говорить, Валери вдруг поняла, что свои глубокомысленные замечания и мысли о гении Достоевского Лаврин заимствовал у него, и что книга была в реальности идеями Д. М. Лаврин хоть когда-нибудь признавал, что обязан плодотворному уму Д. М.? Фактически мы все – должники Д. М.¹

Восприятие Лаврина как «журналиста с академическими претензиями» было, вероятно, весьма широко распространено в академических кругах. Ему едва ли отдают должное в истории славистики и, конечно, в этом обвинении есть доля истины. Лаврин никогда не подвергал себя строгостям академической подготовки и довольно редко давал ссылки на цитаты или упоминал работы других учёных, но он действовал в обстановке, где идеи были валютой общественного обмена. Более того, если он действительно был вдохновлен Митриновичем, то маловероятно, что к тому времени, когда он сделал эти идеи своими собственными, он ещё осознавал их первоисточник. Фактом является то, что основные идеи его книги 1920-го г. о Достоевском были уже сформулированы ко времени его ходатайства в Ноттингем в 1918 г., поэтому можно допустить, что Элизабет Хилл была к нему несправедлива. Во всяком случае, как известно, он относился к ней с большим уважением, нежели к Митриновичу, которого он считал не более, чем поэром и шарлатаном².

Относительно другого обвинения примечательно собственное признание Лаврина, высказанное им в интервью с Джералдом Смитом, о том, как он писал свои книги. Начинает он с описания, как д-р Роуз, редактор серии под названием «Шестипенсовая библиотека Бена», вместе с Д. С. Мирским убедили его написать короткую историю российской литературы³.

Итак, я отправился в Париж, сел и приблизительно через семь или восемь недель закончил целую книгу. Я думаю, что перепутал

¹ Hill E. In the Mind's Eye / Ed. by J. S. Smith. Sussex, 1999. P. 138.

² Из личной беседы с Джоном Лавриным (2006).

³ Lavrin J. Russian Literature. London, 1927.

лишь несколько дат, я думаю, но во всяком случае это была одна из вещей, за которые я был очень благодарен Мирскому¹.

И снова, о своей книге о Толстом:

Он (Мирский. – *М. Дж.*) очень заинтересовался моей <...> английской книгой о Толстом, потому что это был новый подход к Толстому, и у меня было несколько очень интересных писем, одно из них от Эйлмера Мода, <...> весьма восторженное письмо, знаете ли. И Мирский был очень рад, хотя, думаю, я написал её очень быстро. Моим обычным методом было, когда появлялась идея, записать её как можно скорее и дать вылежаться приблизительно год. Через год я возвращался к ней, как если бы это была книга другого человека или идея другого человека и так далее, я возвращался к ней, воспринимая всё более или менее критически... Это был мой метод. Однако в тот раз, представьте себе, книга о Толстом была взята немедленно, я думаю – ах, да, это было «Метуэн», «Метуэн» издало её первым, – и они – нет, это было «Коллинз», извините, – написали мне: «Вы должны послать нам свою книгу о Толстом сразу же, мы не можем ждать, – почему, я не знаю, что там случилось, но она им была нужна. И она вышла прежде, чем была действительно закончена, – я завершил её позже, во время Второй мировой войны².

Из этого описания можно видеть, почему академические учёные зачастую были весьма сдержанны, давая рекомендации Лаврину, а также можно оценить нетривиальность и привлекательность его манеры письма, сохранившиеся и по сей день. Его начитанность, способность хранить такое огромное количество информации в памяти, содержать её в порядке и подвергать оценке и критике в контексте современной европейской культуры вообще удивительны. Даже спустя столько времени, когда новые исследования заставили нас изменить многие воззрения, казавшиеся во времена Лаврина оригинальными и не вызывали возражений, весьма часто удивляешься сейчас его способности брать верную ноту, выразить суть несколькими ёмкими словами, то, что другие, пришедшие уже позже, разрабатывали во всех подробностях. И, как свидетельствовали многие, было доказано, что метод Лаврина в тот период гораздо больше отвечал потребностям дня, чем общепринятая наука о литературе.

Кроме проживания в Лондоне, Ноттингеме и Смардене, Лаврины выезжали за границу в межвоенные годы так часто, насколько позволяли их финансы, особенно в Югославию (где у них была квартира в Пиране), а также и в другие части Европы. Нора занималась

¹ Интервью с Джеральдом Смитом. С. 1.

² Там же. С. 6–7.

своей карьерой художницы и, конечно, родила двух сыновей — Джона в 1930 г. и Дэвида в 1932 г. По случаю рождения Дэвида, один из родственников в Крупе подарил Лаврину дом и сад.

Хотя успешное преподавание в следующем году временно улучшило настроение Лаврина, положение дел не улучшилось. В 1934 г. он писал Норе из Ноттингема: «Моя дорогая! Лишь несколько обычных строк, чтобы послать тебе мою любовь из этого туманного места вместе с моими извинениями, что пока нахожусь вдали от вас всех. Мое вчерашнее пребывание в Лондоне было весьма богато событиями». И он продолжает описывать столкновение с итальянским писателем Пиранделло и приглашение ПЕН-клубом в Испанию. Он не думает о том, позволит ли их финансовое положение эту поездку помимо поездки в Россию. К сожалению, никакого описания путешествия в Россию в 1934 г., видимо, не сохранилось. В июле 1936 г. мы находим его почти в безвыходном положении в Испании во время событий гражданской войны, но, к счастью, в самый критический момент он добрался до французской границы.

В 1937 г. их место жительства в Ноттингеме поменялось ещё раз, из Бродгейта они перебрались в «Белый дом» на Чилвелл-лэйн в Брамкоте. Сохранились некоторые эскизы, сделанные Норой, что позволяет на этот раз определить точное местонахождение дома.

В межвоенные годы Лаврин лично познакомился со многими и разными европейскими и североамериканскими писателями и учёными. Его сохранившаяся корреспонденция добавляет красок и деталей к некоторым из этих знакомств. Нами уже были упомянуты Ситвеллы. 17 октября 1941 г. Сачеверелл Ситвелл рекомендует ему молодого человека (А. Д. Пула), который, он уверен, только что стал одним из учеников Лаврина в Ноттингеме. Кроме того, он вспоминает, как много времени прошло с тех пор, когда Лаврин пришёл на обед с Осбертом и им самим; он также помнит вечеринки у Эдит¹. Существует и недатированное письмо от самой Эдит, рассказывающей, что она находится в Лондоне и надеется, что они смогут встретиться². Сохранилось много писем от Герберта Рида и три от американского романиста Генри Миллера, в одном из которых указывается, что писатель был должен некоторую сумму Лаврину³. В другом особо упоминается книга

¹ Переписка Янко Лаврина. Письмо № 7.

² Там же. Письмо № 68.

³ Там же. Письмо № 33.

о Ницше¹, которая произвела впечатление на философа Майкла Оукшота². И, конечно, постоянно приходили письма от академических учёных, поклонников, издателей и друзей.

В течение 30-х гг. Лаврин также весьма много публиковался на словенском, особенно в «Люблянском звоне» и «Модрой птице»³, а также сотрудничал с У. К. Мэттьюсом, Гарри Лимингом, Вивианом де Солой Пинто, Моникой Партридж и другими в переводах словенской поэзии на английский язык. Пинто приобрёл известность как переводчик «Венка сонетов» Прешерна, хотя, как считал Лаврин, это было бы бедствием без его помощи, в которой он не признался. Упоминание его в календаре Университетского колледжа за 1937 г. указывает на то, что он приблизительно в то же время был избран членом Королевского общества искусств.

Как мы видели, число студентов в те годы колебалось, но Лаврин продолжал привлекать их в достаточном количестве, чтобы подтверждать свой статус. Некоторые из них получили дипломы⁴, но были и два исключительных студента, которые фактически стали кандидатами наук благодаря своим работам в 1930-е гг. (Ина Бисли за работу «Драматическое искусство Островского», 1931, и Ричард Джил за работу «Поэзия Александра Блока», 1939). Лаврин писал, что уговаривал тех, кто выказал некоторый литературный талант, переводить русские рассказы, эссе, даже стихи,

¹ Переписка Янко Лаврина. Письмо № 35.

² См. рецензию: *Oakeshott M. Janko Lavrin, Nietzsche: an approach*, Methuen // *The Cambridge Review*. 1947/1948. Vol. 1. No. 7. P. 450–451. – Оукшот завершает свою рецензию словами: «И если это правда (а я полагаю, что это так), что самый ценный тип книги о Ницше – это не книга собственно о Ницше, но книга, которая передаёт то, что благодаря Ницше зажглось в воображении писателя, тогда эта скромная книга, конечно, чего-то стоит. Действительно, я полагаю, что это самая поучительная краткая трактовка данного предмета на английском».

³ «*Ljubljanski zvon*» – «Люблянский колокол»; «*Modra ptica*» – «Синяя птица». – *Примеч. пер.* (Подробно об этом см. статью Д. Моравца в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

⁴ Первым дипломированным специалистом стал Ричард Джил (1933), после него дипломы получили пять студентов в 1951 г., ещё пятеро в 1952 г. и двое в 1953 г. Полные списки дипломированных специалистов отделения с 1933 по 1991 гг. см. в: *Russian and Yugoslav Culture in the Age of Modernism, papers published for the 75th Anniversary of the Foundation of the Department of Slavonic Studies, University of Nottingham* / Ed. by C. Marsh, W. Rosslyn. Nottingham, 1991. P. 157–168.

которые затем публиковались в различных периодических изданиях, с которыми он каким-то образом был связан¹.

Лаврин пользовался поддержкой многих коллег, что, возможно, было весьма важно, когда количество студентов было малым. Одним из них был профессор Фрэнк Грэнджер, заместитель декана Университетского колледжа. Другим – Хью Стюарт, совсем недолго занимавший кресло декана с 1930 по 1934 гг. – вплоть до своей неожиданной кончины. Как и Лаврин, до Первой мировой войны он был в России. Его руководитель из Кембриджа, переводчик русской литературы д-р Дж. Д. Дафф, был другом богатой и влиятельной семьи Пашковых, которые по рекомендации Даффа обратились к Стюарту, чтобы тот стал наставником юных Александра и Василия Пашковых². Стюарт был также знаком с сэром Бернардом Паресом, основавшим Школу русистики в Ливерпуле и ставший директором Школы славянских и восточноевропейских исследований в Лондонском университете, и даже непродолжительное время читал лекции по русскому языку в Ливерпуле. Стюарт был автором и соавтором двух книг о России³.

Моральную и практическую поддержку также оказывали двое профессоров английского языка – Реджинальд М. Хьюит и Вивиан де Сола Пинто. Хьюит переводил русскую поэзию. Пинто, как уже отмечалось, сотрудничал с Лавриным в связи со своими переводами со словенского. Он должен был возглавить первую английскую летнюю школу, организованную Лавриным на Бохине в 1955 г.

Вероятно, сохранилось единственное сообщение, из которого видно, что техника преподавания Лаврина была столь же оригинальной и достойной подражания, как и его умение писать. Нижеследующее описание, оставленное Нэнси Биньон, относится к 1945/1946 учебному году (нет оснований расценивать его как нетипичное):

Я уже не помню, каким образом я услышала о классе, но он не был частью какого-то курса.

Класс был для новичков в русском, хотя и предполагалось знание кириллицы.

Вначале нас было пятеро, но каждый почти сразу проявил себя не с лучшей стороны.

Это заставило уйти г-на Кэмпбелла, занимавшегося в университете исследованиями нуклеиновых кислот, – священник (то ли англиканский,

¹ *Lavrin J. Difficult beginnings*. P. 13.

² Документы Пашковых сейчас хранятся в Бирмингемском университете.

³ См.: *Stewart J. M. From Russia a hundred years ago: a letter recalled by the son of the sender* // *East-West Review*. 2007. Summer. P. 14–17.

то ли римо-католический), к которому госпожа Партридж и я сама всегда обращались: «Отец».

По-моему нам не давали никаких грамматических материалов; мы должны были приобрести всё самостоятельно.

У нас был том со стихами и отрывками из прозы, которыми мы занимались в классе, в конце профессор Лаврин должен был диктовать нам свои собственные мысли о различных авторах, а мы – переводить на русский к следующему разу.

Это была весьма тяжёлая работа, но она мне очень нравилась. Профессор Лаврин был всегда таким энтузиастом, и занятия были очень оживлёнными.

В конце семестра было предложено сдать экзамен, но я отказалась. Тем не менее, на следующее утро меня пригласили в аудиторию и вручили свидетельство.

Наверно, это было ужасно – поднять такой шум, какой я устроила от счастья.

В новом семестре в начале 1946 г. русский я оставила ради сербско-хорватского.

<...> При расставании профессор Лаврин подарил нам копию своего «Введения к русскому роману» с автографом¹.

Упоминание о г-же Монике Партридж важно в связи с наследием, оставленным в Ноттингеме Лавриным. Немного странно, что она оказалась в группе новичков в 1945–1946 гг., поскольку с 1943 по 1947 гг. она сама преподавала в Школе русского языка Боянуса в Лондоне, где она училась у С. К. Боянуса с 1940 по 1943 гг. Как бы то ни было, конечно, именно Лаврин включил её в югославские исследования и позднее побуждал поступать в аспирантуру². Он определил её ассистенткой в свой отдел в 1950 г. и поручил ей организацию английских языковых летних школ в Копере, Пиране и Анкаране в Словении после войны³. Монике Партридж предстояло стать профессором и главой отдела с 1967 по 1980 гг., в течение всего этого времени она поддерживала югославские исследования в Ноттингеме, особенно изучение сербско-хорватского и словенского языков⁴.

¹ Письмо от г-жи Нэнси Биньон к автору настоящей статьи от 4 октября 1991 г.

² *Herrity P. et al. Monica Partridge // The Bell of Freedom. Essays presented to Monica Partridge on the Occasion of her 75th Birthday / Ed. by P. Herrity. Nottingham, 1990. P. XI–XIV.*

³ См.: *Korespondenca med Jankom Lavrinom in Antonom Slodnjakom ... S. XVIII.* – Из переписки можно получить общее впечатление о причастности Монике Партридж к летним школам.

⁴ Биографический очерк жизни Монике Партридж см. в: *The Bell of Freedom. P. XI–XIV.*

Лаврин открыл сербско-хорватский класс в Ноттингеме ещё в 1919 г., хотя он и просуществовал только до 1922 г. В 1935 г. открылся польский класс, а несколько позже класс чешского, — после этого польское и чехословацкое правительства подарили большое количество книг Библиотеке¹.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В начале войны, в сентябре 1939 г., опасаясь, что дом на Чилвелл-лэйн в Брамкоте находится слишком близко от артиллерийского склада, который, возможно, подвергнется бомбардировке, Лаврин перевозит семью в центр Ноттингема — сначала в дом на Парк-Роу у старой городской стены с глубокими подвалами и туннелями, соединяющими все здания, — а затем на Клер-Велли 1, в Парк, красивый Викторианский жилой район рядом с центром города, — где они оставались до 1942 г.

В 1940–1941 гг. Лаврин раз в неделю вёл радиопередачи для Би-би-си. Затем, в 1941/1942 учебном году, он оставил свой пост в Ноттингеме, чтобы присоединиться к редколлегии европейских радиопередач на Би-би-си, располагавшейся в Буш-хаусе, в центре Лондона, а семья переехала на Эссекс-Курт в Иннер-Темпл поблизости. У Дэвида Лаврина сохранились воспоминания об аэроstate в саду и кроликах, которых там разводили. Джона и Дэвида отправили в Школу Клейсмор в Дорсете. На Би-би-си Лаврин встретил многих передовых эмигрантов из захваченной Гитлером Европы, таких как Бенеш и Масарик. Он противился попыткам югославских монархистов заручиться его поддержкой, впрочем, говорят, что о короле Петаре он отзывался как о «глупом человеке». Кроме своих югославских радиопередач, он работал также «на выключении» в румынской программе, — британцы так нуждались в румынских дикторах, что для чтения новостей использовали военнопленных, и было необходимо контролировать их, держа руку на выключателе². Детали работы Лаврина на Би-би-си были освещены в недавней словенской телепрограмме о Всемирной службе Би-би-си, названной «Би-би-си на словенском», о них рассказала госпожа Хирш-Хоултон, ставшая первым словенским диктором на радио Би-би-си и работавшая с Лавриным во время Второй мировой войны.

¹ *Lavrin J. Difficult beginnings.* P. 13–14.

² Информация взята из частной переписки Дэвида Лаврина.

Проекты некоторых радиопередач Лаврина времен войны находятся в его архиве в Ноттингеме. Они содержат поминутный комментарий текущих событий и оценку их вероятного развития в пользу союзников. Начиная с «аншлюса» (1938–1939), Лаврин комментирует предательство Францией дела союзников, чудо Дюнкерка (1940–1941), гитлеровскую политику расширения за счёт малых европейских наций и значение Атлантической хартии для их боевого духа (1941), ухудшение отношений между Германией и Италией и их обращение со словенцами (события 1942 г.) и многие другие актуальные проблемы. Характер сообщения сочетает в себе основную линию британской военной пропаганды и, вероятно, сугубо личное прочтение текущих событий¹.

Лаврин ускользнул от лондонского «Блица» почти невредимым. Дэвид Лаврин вспоминал, как однажды бомба Фау-1 приземлилась в Олдвиче прямо у Буш-хауса. Многие в Министерстве ВВС были убиты, Буш-хаус также был поврежден. Большое окно из зеркального стекла при входе было выбито, и несколько человек были ослеплены стеклянными осколками. У Лаврину была серьёзно повреждена нога, но вскоре он вернулся в эфир, всё ещё истекая кровью, и вёл передачу с поддержкой санитарной команды. Затем он отправился на лечение в Лейцестер в сопровождении нескольких близких друзей, позабыв сообщить своей жене, куда его определили, и удивляясь тому, как долго она искала его².

После войны, по словам Дэвида, юристы потребовали Иннер-Темпл назад, и Лаврины на некоторое время переехали обратно в Смарден и в Вест-Хилл в Патни. Затем они продали дом в Кенте и купили прекрасный дом Королевы Анны в Темз-Диттоне, где Лаврины жили, пока не переехали в дом 28 на Лозер Аддисон Гарднс приблизительно в 1968 г.

Изучение русского языка в Ноттингеме не прекращалось во время войны. Вивиан де Сола Пинто и Реджинальд Хьюит, что называется, не сдавали позиций во время отсутствия Лаврина³.

¹ Резюме некоторых из этих проектов включены в аннотированный каталог Ноттингемского университета к архиву Лаврина.

² Этот эпизод также описывается госпожой Хирш-Хоултон в упомянутой выше радиопередаче словенского телевидения. Она рассказывает о луже крови на полу, замеченной коллегами только тогда, когда Лаврин закончил свою радиопередачу, которую они хотели довести до конца, чтобы немцы не узнали о том, что поразили Буш-хаус.

³ *Sola Pinto V. de. Reginald Mainwaring Hewitt 1887–1948. Oxford, 1955.*

Энтузиазм Пинто на ниве славянских исследований привёл его к руководству послевоенных летних школы английского в Словении совместно с Моникой Партридж. Очевидно, Лаврин возбудил интерес к проекту у многих ноттингемских коллег. Среди имён, упомянутых в его переписке, профессор Дж. Д. Чемберс (история) и профессор У. Дж. Г. Спротт (философия и психология).

Лаврин вернулся в Ноттингем в 1943/1944 учебном году (на три дня в неделю), чтобы снова принять на себя руководство отделением, и приступил к своей работе как частично занятый глава отделения славянских языков в начале 1944/1945 учебного года. Он занимал должность в течение нескольких лет после войны, на его глазах Университетский колледж получает свою Королевскую грамоту и становится независимым университетом в 1948 г., выпускаются первые группы дипломированных специалистов-русистов со степенями Ноттингема, он сам получает квалификацию магистра искусств. Будучи в Ноттингеме Лаврины оставались в своём старом доме на Клер-Велли, затем перешедшем профессору биологии Э. Дж. У. Баррингтону. В 1952 г. Лаврин вышел на пенсию.

Герберт Брукс, пришедший в отделение в 1948 г. и окончивший университет в 1951 г., помнит Лаврина как блестящего и вдохновенного учителя с феноменальной памятью: «Он и смешил нас, и ставил в тупик, — вспоминает Брукс, — своей привычкой продолжать свое обсуждение определённой темы с точным повторением последней фразы из урока на прежней неделе. Это было тем более примечательно, так как он никогда не использовал никаких записей». В течение первых двух семестров лекции проводились частично на английском и частично на русском, затем — исключительно на русском языке. Его помощница госпожа Партридж давала различные консультации в ходе учёбы. Марион Аглоу (урожденная Хопкинс), выбравшая русский как дополнительный предмет в 1950–1952 гг. к своей специальности, немецкому языку, вспоминает, что в то время языком занималась Моника Партридж, а Янко Лаврин — литературой. С особенным чувством она вспоминает, насколько добры к ней были профессор Лаврин и его жена, когда она тяжело болела, и как он рассуждал о литературе с большим терпением и с юмором. Она никогда не забывала его исключительную помощь и доброту.

ВЫХОД НА ПЕНСИЮ

Выйдя на пенсию, – в Темз-Диттон, а затем в Лондоне – Лаврин, конечно, не прекращал своей научной деятельности. Он продолжал издавать книги на английском¹ и успешно развивал сотрудничество словенских и британских славистов в области переводов и публикаций словенской литературы на английском. Он поддерживал Монику Партридж и других коллег в работе английской летней школы в Пиране, Копере и Анкаране. Его избрали членом-корреспондентом Словенской академии наук и искусств, и он активно переписывался со словенскими коллегами, к счастью, письма частично сохранились. Положение, которое он занимал в Словении, постоянно повышалось, хотя окружающие частенько слышали, как он жаловался на протяжении всей своей жизни, что благодаря переводам его трудов он больше известен в Японии, чем на своей родине. Более того, он оказывал важное влияние на развитие славистики и компаративистики – особенно в межвоенный период – во всех тех странах, где появлялись переводы его книг.

Лаврин умер в возрасте девяносто девяти лет в Лондоне 13 августа 1986 г.

НАСЛЕДИЕ ЛАВРИНА

Важная часть наследства Лаврина – это, прежде всего, его публикации, ценный вклад в развитие славистики не только на Западе, но и на Дальнем Востоке. Его книги, в то время вдохновлявшие учёных и в славистике, и в области сравнительного литературоведения, были в высшей степени доступны и широкой публике, и студенту университета, и были увлекательны до известной степени, что понял бы Толстой, зачастую способствовали росту интереса к русистике у тех, кто работал в соседних областях. Работы Лаврина до сих пор всё ещё производят подобный эффект, и примечательно то, что словенские переводы некоторых из его работ даже теперь, впервые издаются в Любляне.

Во-вторых, это его вклад в 1920-е и в начале 1930-х гг. в развитие английских литературных журналов и актуальных

---

¹ Его последней книгой на английском была, насколько я знаю, «Панорама русской литературы» («A Panorama of Russian Literature»), вышедшая в 1973 г., когда ему было восемьдесят шесть лет. Однако это была не последняя его книга, вышедшая при жизни.

литературных и философских дебатов. Период расцвета его деятельности, несомненно, связан с его литературно-критической работой в российских и английских журналах в 1908–1935 гг. В действительности это был достаточно длительный период, хотя он и составил приблизительно лишь одну треть его жизни. В определённом смысле Лаврин, без сомнения, был человеком своего времени. Он был больше эссеистом, чем филологом. Родившийся в провинции Австро-Венгерской империи, о существовании которой, возможно, было неизвестно большей части его английских и даже российских современников, он считал себя славянином в первую очередь и во вторую – европейцем. В Санкт-Петербурге он взял на себя миссию представления славянских культур друг к другу. Затем он поставил перед собой ещё более амбициозную цель: распространить концепцию европейской культуры среди своих английских читателей. Конечно, это была концепция, включавшая в себя славянские культуры. Он прибыл в Англию в критический момент, когда интерес к модернизму, включая российских писателей, уже имел место и уже существовал литературный журнал, посвященный той же цели и поддерживаемый выдающимися литераторами. В Англии уже были компаративисты, но у Лаврина была уникальная позиция: предложить восточноевропейскую перспективу. В определённом смысле теперь Лаврин кажется устаревшим. То, что он называл «психо-критицизмом», основывалось на наивном убеждении, что понимание психологии автора, – основанное на Фрейте, безусловно, – лучший путь к определению его творчества. Однако следует отдать ему должное. Он был способен к сопоставлениям неожиданным и подталкивающим к дальнейшим исследованиям. Его стиль всегда ясен и провокационен, его взгляды часто справедливы. Он умел представить суть предельно лаконично. Не в последнюю очередь важно и то, что он был предшественником компаративистов 1960-х гг., тех, кто вводил курсы «Современной европейской литературы» или «Современного европейского мышления» в новых университетах того десятилетия. Это поколение состояло, конечно, из высоко профессиональных исследователей литературы и текстоаналитиков, но все-таки они были преемниками его видения. Было бы слишком сказать, что крупнейшие компаративисты наших дней – ученики Лаврина, но можно без преувеличения утверждать, что его труды стали выдающимся вкладом в традицию сравнительного литературоведения среди британских славистов и что он помог

приблизить традицию российской литературы англичанам благодаря введению её в европейский контекст. Каким бы ни был чей-то взгляд на учёность Янко Лаврина, нет никаких сомнений в богатстве и широте написанного им, в масштабности усвоенного им из чтения и его личного опыта славянских культур, в его собственном воздействии на литературную сцену и в России, и в Англии, ему не было равных в его поколении. Вместе с тем нет другого такого британского слависта, чьи книги были бы более широко читаемы и ценимы поколениями студентов-русистов, не только в англоязычных странах, но и в тех странах, на чьи языки были переведены его книги.

В-третьих, необходимо особо упомянуть о вкладе Лаврина в расширение знаний о словенской литературе в Англии и, конечно, до Первой мировой войны среди российских литературных кругов. Это то, чего он добился в больших масштабах публикациями переводов как своих собственных, так и других людей, которых он поощрял и чью работу облегчал.

В этой связи не в последнюю очередь важен его новаторский вклад в изучение словенского, сербского и хорватского языков в Ноттингемском университете. В его время к ним обращалось небольшое количество студентов, и такие курсы предлагались лишь время от времени и не предполагали получения квалификации. Позднее под руководством его ученицы, Моники Парtridge, эти курсы развивались, наладились регулярные приезды лекторов из Любляны и Загреба, и наконец, была введена специальность, включавшая в себя изучение литературы и истории Югославии. Видимо, в Ноттингеме словенский язык изучило больше студентов, чем в любом другом британском университете, по крайней мере, один из них достиг уровня кандидата наук (PhD). Без базы, заложенной Лавриным, никогда бы не произошло того, что было. В 2004 г. университет праздновал тридцатилетие открытия словенского лектората, вспоминали также и роль первопроходца, которую сыграл Лаврин почти девяносто лет назад.

Наконец, вкладом в словенскую литературу стали его поэзия и беллетристика, примером последней прежде всего может служить посмертно изданная книга Лаврина «Между восьмью и восьмьюдесятью»¹. Я не компетентен, чтобы судить о его словенских публикациях, но по английским версиям его рассказов ясно, что его стиль

¹ *Lavrin J. Med osem in osemdeset ...*

основан на старых традициях. Яня Житник считает его юношеские стихи второразрядной поэзией, но оценивает его прозу с большей симпатией, хотя и весьма критически¹. Дэвид Лаврин полагал, что его отцу действительно нравилось быть писателем в традициях Гоголя и Чехова, но он был слишком закрытым человеком, чтобы реализовать свои претензии в этой сфере. Тем не менее, его реальные достижения состоялись в других областях. Прежде всего его жизнь была жизнью творческого ума во всех его проявлениях, что он считал высочайшим жизненным призванием и, вместе со своей женой Норой, завещал эти ценности своим сыновьям.

В XXI столетии его наследие продолжают переиздавать и даже публикуют впервые. Интерес к нему в его родной Словении особенно силен – спустя более чем 120 лет с его рождения. Ему были посвящены две недавние телевизионные программы², опубликованы эскизы Норы времен их медового месяца, проведенного в Словении, и том с его перепиской. В последние годы появился и второй том переписки, а также словенский перевод его книги о Чехове³. Все это весьма впечатляюще для просто «журналиста с академическими претензиями».

Перевод со словенского Ю. А. Созиной

---

¹ Žitnik J. Janko Lavrin: Slovene Intellectual Ambassador // Slovene Studies: Journal of the Society for Slovene Studies. 1996. No. 1. P. 3–18.

² Второй фильм под названием «Янко Лаврин: весь словенский, весь русский, весь английский, весь космополит», показанный словенским телевидением в феврале 2007 г., содержит редкие кадры, где Лаврин рассказывает о собственной жизни и работе.

³ Korespondenca med Jankom Lavrinom in Antonom Slodnjakom ...; Lavrin J. Pisma v Domovino; Lavrin N. Slovenija. Poletje 1928; Lavrin J. Anton Chekhov. An Introduction to his Life and Work. – Anton Čehov. Uvod v njegovo življenje in delo. Ljubljana, 2005. – Последняя книга содержит текст и на английском, и на словенском языках.

Ф. М. Достоевский как реалист и психолог в работах Янко Лаврина

«В Достоевском соединились три типичные черты русского характера: необузданность, метафизическое отношение ко злу как неотъемлемой части самой природы вселенной, и духовная жажда, направленная к “Граду Божьему”, становящаяся всё более отчаянной по мере того, как глубокие религиозные убеждения вступали в конфликт с его собственным скептицизмом».

/Янко Лаврин/

С публикации критических заметок «Достоевский и некоторые проблемы его творчества», опубликованных в Лондоне в еженедельнике «Нью Эйдж», посвященном проблемам политики, литературы и искусства, в январе–марте 1918 г.¹ и начался новый этап в карьере Лаврина после его переезда в Англию как слависта и литературного критика и как преподавателя в Ноттингемском университете. Подход Лаврина к исследованию художественного метода Достоевского – в первоначальном варианте – представлял собой попытку, с одной стороны, проанализировать творчество Достоевского в рамках противопоставления культуры Востока вообще, и России в частности, цивилизации Запада, духовности и материализма, добра и зла, а с другой – применить теории психоанализа Фрейда и Юнга, наметивших новые подходы к интерпретации литературных произведений. Другими словами, рассматривая творчество Достоевского, Лаврин попытался объединить, по крайней мере, три направления в изучении его творчества: Достоевский как представитель «христианского духа народного», как предшественник ницшеанских идей индивидуализма и религиозного экзистенциализма и как один из самых «дерзких исследователей» бессознательного в человеке.

---

¹ Статьи были опубликованы в десяти выпусках еженедельника «Нью Эйдж» («The New Age: A Weekly Review of Politics, Literature, and Art»). Первая статья была опубликована 17 января 1918 г. (№ 12 / 1323). Т. XXII. С. 229–230), последняя – 21 марта 1918 г. (№ 21 / 1332). Т. XXII. С. 410–412). Копии всех выпусков журнала находятся на сайте: URL: http://dl.lib.brown.edu/mjp/render.php?view=mjp_object&id=1158589415603817 (дата обращения: 12.03.2011).

В последовавших за публикацией Лаврина статьях Рамиро де Маэсту и Кеннета Ричмонда в апрельском номере еженедельника такой подход подвергся серьезной критике¹. В частности, Р. де Маэсту, указав на гностицизм Достоевского, подверг сомнению тезис Лаврина об антагонизме культуры и цивилизации и превалирующей ценности духовности в обществе, отметив, что христианство как философское учение всегда основывалось на единстве материального и духовного, на единстве тела и души. К. Ричмонд, в свою очередь, указал на ограниченные возможности использования психоанализа в литературной критике. «Было бы весьма интересно <...> провести психоанализ Достоевского как человека, чтобы найти причины, которые определили то, как он думал и чувствовал. Гораздо более значительная проблема – определить движения души Достоевского как художника, поскольку эта душа является отражением и частично интерпретацией души человечества <...> И в этом противоречии заключается проблема, которую Лаврин сам и создал».

В 1920 г. в Лондоне вышло первое издание книги Лаврина «Достоевский и его творчество: психо-критическое исследование»², почти полностью основанное на варианте, опубликованном в еженедельнике, и посвященное его главному редактору Альфреду Ориджу, блестящему литературному критику, интересовавшемуся теорией психоанализа и последователю теорий Г. И. Гурджиева и П. Д. Успенского. В 1943 г. в Лондоне Лаврин издает второе, существенно переработанное издание книги – «Достоевский. Исследование»³, – которое, по его словам, «может рассматриваться как новое исследование, в той или иной степени отвечающее потребностям современного исторического момента»⁴. Изменения, сделанные Лавриным во втором издании книги, заключались, в основном, в существенном пересмотре интерпретации творческого метода Достоевского, в частности – в определении сущности его реализма. Попробуем определить суть эволюции в трактовке реализма Достоевского, предложенную Лавриным.

¹ *Maestri R. de. Dostoevsky the Manichean // The New Age. No. 23 / 1334. Vol. XXII. P. 449–451; Richmond K. Out of School // Ibid. P. 451. – 11 апреля 1918 г. в след. номере (№ 24 / 1335) последовал ответ Лаврина «Проблема Достоевского».*

² *Lavrin J. Dostoevsky and His Creation.*

³ *Lavrin J. Dostoevsky: a Study. London, 1943.*

⁴ *Ibid. P. V.*

В первом издании книги Лаврин называет Достоевского «трансцендентальным или символическим реалистом, для которого действительность является лишь внешнем проявлением скрытой реальности», включающей в себя действительность и «более глубокие трансцендентальные аспекты и возможности жизни»¹. При интерпретации метода Достоевского Лаврин отталкивается от известного определения, данного ему Вяч. Ивановым «*“a realibus ad realiora”*», от действительного низшего плана и низшей онтологической сущности к реальности реальнейшей»². Для Вяч. Иванова основой творчества Достоевского является реалистический символизм, который в отличие от субъективного символизма (современное декадентство), отрицающего объективную реальность как таковую, «признаёт символом всякую реальность, рассматриваемую в её сопряжении с высшей реальностью, то есть более реальной в ряду реального. Для реалистического символизма высшая реальность обретается единым актом интуиции либо вне низшей реальности, которая её отражает, либо имманентно низшей реальности, которая её обволакивает»³. Отталкиваясь от формулы «*a realibus ad realiora*» (однако без непосредственной ссылки на Вяч. Иванова) Лаврин предлагает свой вариант «*per realia ad realiora*» (через реальное к более реальному), что, по его мнению, характеризует процесс познания «сущности реальности» не пугём «абстрактного мистицизма или философского псевдо-символизма, искажающего <...> реальность»⁴, а через восприятие фактической действительности (существования) как формы отражения «высшей» реальности (сущности), самой являющейся символом. По мнению Лаврина, интерес Достоевского к действительности как эмпирической реальности заключается, прежде всего, в её способности отражать «проблески» «скрытой», трансцендентальной реальности, которые открываются человеку в момент наивысшего напряжения его умственных, духовных и физических сил. Другими словами, эмпирический реализм Достоевского лишь «прикрывает»

¹ *Lavrin J. Dostoevsky and His Creation*. P. 33.

² Впервые опубликовано в 1909 г.: *Иванов Вяч. Две стихии в символизме // По Звездам. Опыт философские, эстетические и критические*. СПб, 1909. С. 305. — Цит. по: *Иванов Вяч. Достоевский. Трагедия-миф-мистика // Иванов Вяч. Лик и личины России. Эстетика и литературная критика*. М., 1995. С. 383.

³ Там же. С. 304.

⁴ *Lavrin J. Dostoevsky and His Creation*. P. 31.

метафизическую природу человеческого духа в его попытке к трансцендированию, выходу за пределы. Но в отличие от русского религиозного экзистенциализма, видевшего «за пределами» Бога, который и являлся воплощением свободы, Лаврин предпринял попытку проанализировать исследование духовной действительности, представленной в творчестве Достоевского, обращаясь к идеям Ницше, Фрейда и Юнга. По мнению Лаврина, для Достоевского «человек – это только воплощение великой загадки, называемой человеческой личностью, которую необходимо разгадать»¹. Этим, по мнению Лаврина, и объясняется, что так называемая «патология» героев Достоевского достигается «заглядыванием в бездну» за счёт доведения до предела нормы сознания и чувств человека. Лаврин указывает, что у Достоевского, «Шекспира дома скорби», болезнь или патология – это не «отклонение от нормы», а средство проникновения в бессознательное, в глубину духовной жизни личности. Таким образом, мистический опыт, преступление и страдание, детально исследованные Достоевским, интересуют его постольку, поскольку обладают способностью «выведения» человека из рациональности повседневности и открытия путей проникновения в духовную реальность, к новому опыту.

Исходя из своих наблюдений, Лаврин приходит к выводу, что герои Достоевского (Раскольников, Свидригайлов, Ставрогин, Иван Карамазов) находятся в противостоянии не с их окружением или обществом, а с «иррациональными силами их собственного сознания, жертвами и мучениками которого они становятся»². Вслед за Мережковским, Лаврин приходит к выводу, что трагизм Достоевского, которого он называет «величайшим, если не единственным настоящим трагиком современности», заключается в неизбежности «падения» его героев, что является результатом внутренней необходимости, победы иррационального начала. По мнению Лаврина, «поводом для каждой книги Достоевского становится <...> внутренняя трагедия <...> Души и Духа, а не создание романа как такового»³.

Следуя в основном за представителями русского религиозного экзистенциализма – Соловьёвым, Розановым, Мережковским, – разделявшими идею о том, что «существование предшествует

¹ Lavrin J. Dostoevsky and His Creation. P. 35.

² Ibid. P. 35.

³ Ibid. P. 36.

сущности» и рассматривавшими раздвоение человека как отражение двойственной (божественной и человеческой) природы Христа, Лаврин, обращаясь к идее бессознательного в человеке, постепенно отходит от исследования метафизического как иной реальности в творчестве Достоевского, сосредотачивая своё внимание на исследовании «скрытой сущности» человека, на конфликте его подсознания и сознания, что в первую очередь определялось его интересом к работам Фрейда и Юнга.

Изменение подхода к исследованию художественного метода Достоевского нашло своё отражение, прежде всего, в концепции «провиденческого реализма», предложенной Лавриным во втором, переработанном издании книги «Достоевский. Исследование». Отказываясь от первоначально определения творческого метода Достоевского как «символического или трансцендентального» реализма, Лаврин переносит внимание на синтез «психологии» человека и религиозно-философского поиска самого Достоевского как основы его реализма. Сохранив дихотомию, предложенную в первом издании книги, действительность / реальность, находящую своё выражение в бинарной структуре «горизонтального» и «вертикального» романа, Лаврин рассматривает психологию человека как трансцендентальную категорию. Согласно Лаврину, реальность, в отличие от действительности, включает в себя не только эмпирический пласт: социальный и исторический детерминизм, но и трансцендентальный: «скрытые силы и сущности», которые могут быть поняты только через анализ внутреннего мира человека. Таким образом, по мнению Лаврина, возникает «интенсивный», высший вид реализма, «психологический роман, ясный и простой, в котором религиозно-философский поиск сливается с “психологией” в единое целое. Поиск такого рода часто представляет внутренние мучения самого автора, выведенные наружу и спроецированные на характеры героев, чья философия представляет собой не только результат работы разума, но того, что можно назвать “абсолютным внутренним опытом”»¹.

Лаврин отмечает, что в основе произведений Достоевского обычно лежит «жизненно важная скрытая проблема, определяющая направление его собственных наблюдений и идей» и постепенно становящаяся движущей силой внутренней борьбы его

¹ *Lavrin J. Dostoevsky. A Study.* P. 29.

героев. Показателен тот факт, что Лаврин считал личностный опыт писателя (наряду с талантом и средой) одним из определяющих компонентов творчества, и это позволило ему не согласиться с интерпретацией инстинкта саморазрушения и чувства вины у Достоевского, представленной в работе Фрейда «Достоевский и отцеубийство»¹. Лаврин доказывает, что стремление к саморазрушению в жизни Достоевского, отразившееся в его творчестве, порождалось не столько чувством вины за желание смерти отцу, сколько собственной постоянной потребностью в переживании «греха и страдания», в эксперименте над самим собой для того, чтобы постичь загадку человеческого духа и перенести её в свои произведения. Кроме того, как пишет Лаврин, человек, «который осознал свои собственные недостатки, страдая от них, всегда способен развить терпимость и щедрость, обусловленные пониманием человеческой природы, человеческих слабостей»².

Достоевский пытается достичь границ действительности, чтобы постичь реальность, скрытую от нас. Это эксперимент над человеческой душой с целью выделения «сокровенной сущности» человека. Этим и определяется особенность характеров героев Достоевского, – наиболее реалистичны они тогда, когда оказываются в ситуациях, отличающихся от так называемого «видимого реализма».

Лаврин отмечает, что в творчестве Достоевского обычно пересекаются три уровня: каждодневная действительность (быт), психология человека и – самый важный из них – тот, в котором «психология переходит в сферу духовного опыта и оценки»³. Социальность у Достоевского не является статичной данностью, а находится в состоянии постоянного изменения. Его герои вырваны из условий «социальной случайности», что даёт ему возможность обратиться к анализу основ духовности человеческой жизни, к трагическому конфликту разума и души. Лаврин приводит несколько примеров того, как Достоевский демонстрирует второстепенность реальности быта по отношению к реальности духовного опыта и нравственности. В частности, Лаврин был одним из первых исследователей творчества Достоевского, который обратил внимание на несовпадение эмпирической структуры его

¹ *Lavrin J. Dostoevsky. A Study.* P. 40.

² *Ibid.* P. 41.

³ *Ibid.* P. 34.

текстов с истинной задачей, составлявшей основу его творчества, – исследованием метафизики человеческого духа, проблем добра и зла. Лаврин указывает на обращение Достоевского к жанрам «низкой литературы» – детективам, бульварным романам и жёлтой прессе, за привычной формой которых скрывается, «просвечивает» его главная «идея-сила». Например, детективная форма романа «Преступление и наказание», по мнению Лаврина, оказывается иррелевантной по отношению к основной идее романа: идеи нравственной свободы воли личности. Другим примером «соперничающих реальностей» у Достоевского является «нагромождение» сложных, порой запутанных сюжетов, в которых мотивировка действий всегда активизируется за счёт логики внутренней жизни самих героев, ведомой «сверхчеловеческими силами» добра или зла. Лаврин также замечает, хотя и не комментирует, тот факт, что Достоевский в своих произведениях «никогда не помещает женщин на уровень духовности, до которого поднимаются мужчины»¹. Пример несовпадения астрономического, «бытового» времени, которое может включать события, длящиеся всего несколько часов или дней, с личностным, психологическим временем, интенсивность которого «может измеряться веками», также используется Лавриным для определения «провиденческого реализма» Достоевского. Лаврин противопоставляет такой художественный приём стилю Марселя Пруста², который в противоположность Достоевскому использует приём «замедленной съёмки» – замедления реального времени с целью описания мельчайшей детали существования «предмета в движении».

Подчеркивая многогранность и многоуровневость философско-религиозного подхода Достоевского к исследованию «глубины души человека», Лаврин во втором издании своего исследования приходит к выводу о том, что его произведения строятся по принципу «фуги» или многоголосого «симфонического произведения»³.

Особое внимание Лаврин уделил анализу того, что, по его мнению, составляло сущность творческого метода Достоевского в его попытке проникнуть в «реальность, находящуюся за гранью действительности», на ту сторону души, где «все противоречия

¹ Lavrin J. Dostoevsky. A Study. P. 35.

² Ibid. P. 35.

³ Ibid. P. 30.

сосуществуют одновременно, области, в которой рациональное переходит в иррациональное, сознание в бессознательное, действительность в фантастическое»¹.

Прежде всего, необходимо отметить, что и в первоначальном и переработанном варианте книги о Достоевском Лаврин, включая главу «Достоевский – психолог», не обсуждает проблему того, почему Достоевский отказывался признавать себя психологом. Так, и в первом, и во втором издании своих книг Лаврин, обращаясь к известному высказыванию Достоевского: «При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я конечно народен (ибо направление моё истекает из глубины христианского духа народного), – хотя и не известен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему. Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой»². Однако при этом Лаврин в обоих случаях предпочитает не включать «Меня зовут психологом: неправда» в свой текст, сохранив только «я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой». Остается только догадываться о причине такого выборочного прочтения. Несомненно одно: для Лаврина Достоевский, прежде всего, был психологом, во многом предвосхитившим идеи теории психоанализа. Так, например, Лаврин отмечает, что ещё до Фрейда Достоевский увидел в сновидении символическое отражение бессознательного Я, которое в отличие от теории Фрейда, не сводилось только к сексуальности, к либидо. Сны Раскольникова, кошмары Ипполита в «Идиоте» или сны Ивана Карамазова в первую очередь, по мнению Лаврина, отражают стремление к самоутверждению, аффирмации собственного Я, к тому, что Ницше называл «волей к власти». Кроме того, Достоевский в своей трактовке самоутверждения приблизился и к теории эго-либидо, разработанной позднее Альфредом Адлером, отмечавшим, что «каждый, кто смог почувствовать до какой степени Достоевский исследовал тенденцию к деспотизму, заложенную в человеческой душе, признаёт, что Достоевский должен считаться нашим учителем так, как его называл Ницше. Его

¹ *Lavrin J. Dostoevsky and His Creation*. P. 46.

² Впервые опубликовано в издании: *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений*. Т. 1. Биография, письмо и записные тетради. СПб., 1883. С. 73.

понимание и описание сновидений остается вне конкуренции до сегодняшнего дня, и его идея о том, что никто не действует или думает вне присутствия цели или конечного результата совпадает с самыми последними исследованиями психики человека»¹.

Согласно Лаврину, концепция «психологии самоутверждения» открытая Достоевским, основывалась на его интересе к проблеме «власти в метафизическом смысле» и проявилась в целом ряде мотивов, тем и характеров. Предпринимая попытку анализа творчества Достоевского как предшественника Ницше, Фрейда и Юнга, Лаврин не обращается к детальному анализу художественного текста, а скорее, выделяет проблемы, которые впоследствии определяют ключевые направления в исследовании, а именно: проблемы счастья, самоуничтожения, жалости, умиления, и раздвоения личности как скрытых форм проявления «стремления к власти». В частности, обращаясь к анализу «Записок из подполья», Лаврин показывает, как Достоевский разрушает утилитарное понимание счастья, доказывая, что движущими силами достижения «полноты жизни» являются не рациональная самодостаточность, а демонстрация воли и самоутверждение, власть которых оказывается сильнее страха боли, страдания и саморазрушения. Отмечая, что одним из наиболее значительных открытий Достоевского в психологии самоутверждения является его анализ «униженных и оскорбленных», Лаврин указывает на открытую Достоевским взаимосвязь бессилия с агрессией, с физической и психологической жестокостью как формой протеста. «Воля к власти» также оказывается определяющим моментом, который превращает и прячет жестокость в жалости, гордость в кротости. Сопоставляя идеи Достоевского с философским исследованием природы человека и основ христианской морали, предпринятым Ницше, Лаврин замечает, что даже Ницше не обратил внимания на дуалистическую природу кротости и покорности, являющихся имплицитными формами выражения гордости как средства самоутверждения².

Продолжая анализ основных проблем, относящихся к психологии поведения и имплицитной мотивации и открытых Достоевским, Лаврин останавливается на проблеме двойника или раздвоения личности. По мнению Лаврина, «практически каждый из его

¹ *Lavrin J. Dostoevsky. A Study.* P. 44.

² *Ibid.* P. 48.

главных героев страдает от раздвоения личности и, как следствие, продолжающихся внутренних противоречий, или от игры в прятки с другими или с самим собой. Не только их идеи, но даже слова оказываются оторванными друг от друга, распадающимися на части. <...> Этим объясняется различие между тем, что они говорят и что хотят сказать, или даже тем, что они хотели бы сказать»¹. Лаврин указывает на то, что Яков Петрович Голядкин в «Двойнике» был первым героем Достоевского, страдающим от раздвоения личности и непреодолимого стремления к самоутверждению. Будучи не в состоянии победить своего двойника, свое Сверх-Я, «Супер-Эго», которое выходит из подсознания и постепенно начинает контролировать «волю, логику и рассудок» послушного чиновника, он сходит с ума. Лаврин указывает, что образ Голядкина, выведенный на более высокий, нравственно-философский уровень, стал прототипом всех героев Достоевского, страдающих от раздвоения личности. Например, Версиков в «Подростке», главный герой романа «Записки из подполья», Дмитрий Карамазов в «Братьях Карамазовых». Лаврин также выделяет темы, сопутствующие теме двойника в творчестве Достоевского, в частности – тему галлюцинации (разговор Ивана Карамазова с чёртом) и тему двойника (Вельчанинов и Павел Павлович в «Вечном муже», Раскольников и Свидригайлов в «Преступлении и наказании», Мышкин и Рогожин в «Идиоте». Ставрогин и Пётр Верховенский в «Бесах», Иван и Смердяков в «Братьях Карамазовых»).

Подводя итог своему анализу творчества Достоевского Лаврин обращается к работе Карла Юнга «Этапы жизни», подчеркивая, что нижеприведенное высказывание может считаться ключом к пониманию творчества Достоевского как психолога:

Всегда ли мы понимаем, о чём думаем? Мы понимаем только такой вид мышления, который имеет форму простого уравнения, из которого вытекает лишь то, что мы в него заложили. Такова работа интеллекта. Но помимо указанного существует мышление изначальными образами или символами более древними, чем исторический человек, которые являются для него врожденными с изначальных времен. Вечно живые, переживающие все поколения, они до сих пор составляют основу человеческой психики.

¹ Lavin J. Dostoevsky. A Study. P. 49.

Прожить полноценную и наполненную жизнь возможно, лишь когда мы находимся в гармонии с этими символами; мудрость же представляет собой возврат к ним. Это вопрос не веры или знания, а лишь согласованности нашего мышления с изначальными образами бессознательного. Они являются непредставимыми матрицами всех наших мыслей, на чём бы ни сосредотачивалось наше сознательное мышление¹.

Исследование творчества Достоевского, оказавшего, по мнению Лаврина, гораздо большее влияние на современную литературу Европы и России, чем творчество Льва Толстого, занимало особое место в научной деятельности Лаврина.

---

¹ *Lavrin J. Dostoevsky. A Study.* P. 53–54.

Образ писателя в книге Я. Лаврина «Лев Толстой сам о себе»

Книги Янко Лаврина о Ф. М. Достоевском и Л. Н. Толстом¹, двух великанов русской литературы, со временем разлетелись по всему миру и были переведены на 12 языков, в том числе, на японский, что сам Лаврин любил особо подчеркивать². Зачастую это были не просто переводы, а творчески переработанные самим автором обновленные варианты исходных работ³, что отвечает особенностям так называемого «психо-критического» метода, которым Лаврин пользовался в своих исследованиях на протяжении всей жизни. Сам исследователь подчёркивал, что его интересует литература с точки зрения общей ценности. Это подразумевает не чисто эстетический подход, который, несомненно, очень важен, но и психологический подход, социальный, экономический и т. д. Учитываются все те отношения и обстоятельства, в которых творил и просто жил писатель, воспринимающийся своеобразным символом духа времени и выразителем настроений и чаяний своей эпохи. Другими словами, ключом к пониманию творчества становится личность, глубины индивидуальной психики, а также и внешние обстоятельства, воздействующие на эту личность, конфликт сознательного и бессознательного, — «реальные человеческие существа, с человеческими болезнями и страстями, люди из мяса

¹ Интересно замечание Лаврина, сделанное в письме от 3 апреля 1972 г. к А. Е. Парнису, о том, что книга о Толстом написана лучше.

² Приведём некоторые издания работы о Льве Николаевиче: *Lavrin J. Tolstoy: A Psycho-Critical Study*. London, 1924; *Idem. Dostojevski, Nietzsche, Tolstoj: psihokritične študije* / [poslovenil Peter Donat; prevod je pregledal avtor sam]. Ljubljana, 1937; *Idem. Tolstoy: An Approach* / 1st published. London, 1944. — Переизд. 1948; *Idem. Tolstoy: An Approach*. New York, 1946. — Переизд. 1968; *Lev Tolstoj: in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten* / dargestellt von Janko Lavrin; [aus dem Englischen übertragen von R.-D. Keil]. Reinbek bei Hamburg, 1961. — Переизд. 1977, 1979, 1981, 1983, 1986, 1988, 1989, 1991, 1994, 1996, 1999; *Idem. Leo Tolstoj: leven en werk* / vertaling M. B. A. Laffrèe. Zeist—Antwerpen—Wageningen, 1963; *Idem. Tolstoj: življenje in delo* / prev. J. Gradišnik. Maribor: 1969; *Ravrin Y. Torusutoi / yaku T. Sugiura*. Tokio, 1972; и др.

³ Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания переводчицы работ Янко Лаврина с английского на словенский язык Рапы Шукле. — См. в документальном фильме «Янко Лаврин: весь словенский, весь русский, весь английский, весь космополит».

и крови»¹. А так как познания исследователя о мире и человеке, о «типах человеческого менталитета», говоря словами самого Лаврина, постоянно пополняются и углубляются, то в определенной мере уточняются и его представления о конкретном писателе. Вслед за Фридрихом Ницше Янко Лаврин и герои, выбранные им для исследований, каждый по-своему следуют изречению: «Жить – значит для нас постоянно превращать всё, что нас составляет, в свет и пламя, а также всё, с чем мы соприкасаемся, – и мы не можем иначе»².

Именно «психо-критическим» методом написаны работы о Льве Николаевиче Толстом, столетие со дня смерти которого отмечалось в 2010 г. И если у книги Лаврина, опубликованной в 1924 г., был подзаголовок «психо-критическое исследование», то в 1944 г. это уже подзаголовок «приближение», а дальше многочисленные вариации на различных языках: «Личные свидетельства и документальный образ», «Жизнь и творчество»³, – и русский вариант, появившийся только в 1999 г., то есть три четверти века спустя, – «Лев Толстой сам о себе в изложении Янко Лаврина»⁴.

Другим излюбленным методом исследования Лаврина был метод параллелизма, то есть метод, лежащий в основе современного сравнительного литературоведения. Однако следует подчеркнуть, что его интересовали в первую очередь не сходные моменты, а как раз наоборот – различия, поняв которые можно выявить суть явлений, важных не только для творчества того или иного писателя, но в первую очередь для понимания того самого «духа времени», породившего этого писателя и воплотившегося в нём. Эта мысль является одной из ключевых для Лаврина, именно поэтому он мог спокойно сравнивать Достоевского и Пруста, Ибсена и Шоу, Чехова и Мопассана и т. д.⁵

¹ Из речи 4 марта 1924 г. в Лондоне, в Королевском колледже, перед английской и русской общественностью. По замечанию Лаврина, речь была до последней точки продублирована в словесном издании: *Lavrin J. Tolstoj in Nietzsche // Ljubljanski zvon. Ljubljana*, 1926. S. 24.

² *Ницше Ф. Веселая наука / La Gaya Scienza // Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. Т. 1: Литературные памятники. М., 1990. С. 495.*

³ См. библиографию переводов и переизданий работы, приведённую выше.

⁴ *Лаврин Я. Лев Толстой сам свидетельствующий о себе и о своей жизни ... [Лев Толстой сам о себе в изложении Янко Лаврина].* (Книга вышла в серии «Биографические ландшафты» и насчитывает 464 с.)

⁵ Подробнее об этом см. статью Д. Моравца в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

В марте же 1924 г. Лаврин, выступая в лондонском Королевском колледже, весьма провокативно сравнивает Толстого и Ницше. Речь была опубликована словенским журналом «Люблянски звон» в 1926 г.¹, а затем дополнила словенское издание 1937 г. книги «Достоевский, Ницше, Толстой: психо-критические исследования». Называя своими предшественниками Д. Мережковского и Л. Шестова², Лаврин ставит перед собой совсем иную задачу:

исходной точкой исследования является вопрос: какой тип менталитета может порождать такие воззрения, как у Ницше и Толстого? И открыв, что оба принадлежат к схожему в главном типу, мы должны спросить, как они, вопреки этому, пришли к столь различным доктринам? <...> христианин Толстой и антихрист Ницше, хотя и исключают один другого как мыслители и моралисты, психологически дополняют друг друга, так как оба являются антиподами одного и того же менталитета. Их творчество направлено на разрешение одной и той же внутренней дилеммы³

– тяги к вере и стремление к сильному разуму, а также поиск идеального человеческого общества.

Такой подход Лаврина к литературе вызывал и продолжает вызывать двоякое отношение. Далеко не всем критикам пришлось по душе, как говорили некоторые, «домыслы» исследователя, хотя и основанные на точном фактографическом материале. Работы Янко Лаврина лишены академичности в формальном смысле, в каждом сквозит личность самого автора. Вместе с тем строгое следование фактам отдаляет его и от тех заметок, что основаны на едином душевно-духовном переживании своего автора. Так как для Лаврина в первую очередь важны не частные (собственные) переживания, а единая картина мира, общечеловеческий духовный императив.

Русский перевод монографии Лаврина, посвященной Толстому, вышел в свет лишь в 1999 г. Целью издателей, как они признаются в аннотации к книге, стала попытка ответить на вопрос «Как смотрит на Л. Толстого, как его воспринимает современный

¹ *Lavrin J. Tolstoj in Nietzsche. S. 23–38.*

² Имеются в виду известные работы Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (1901–1902) и Л. И. Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и исповедь)» (1900).

³ *Lavrin J. Tolstoj in Nietzsche. S. 24–25.* – В примечании Лаврин указывал, что многие из мыслей, лишь упомянутые в статье, более детально развиты в его книгах: *Lavrin J. Tolstoj: A Psycho-Critical Study; Idem. Nietzsche and Modern Consciousness. London, 1922.* («Ницше и современное сознание».)

Запад?»¹. Перевод (сразу отметим его высокий профессиональный уровень и легкость языка) был осуществлён Олегом Мичковским с немецкого варианта труда, много раз переиздававшегося начиная с 1961 г.² Отметим, что для Лаврина при публикациях его работ на других языках всегда было очень важно, чтобы перевод был выполнен так, что могло показаться, будто работа изначально писалась на данном языке, – и Мичковскому это удалось. Ощущение изначальной русскости текста лишь иногда нарушают некоторые уточняющие и даже опровергающие примечания от самого переводчика³.

Труд Янко Лаврина дополняет собой ряд попыток самых разных литераторов и исследователей разгадать тайну великого русского творца. «Он был похож на одинокого гиганта, чья ответственность была тем выше, что его голос и звучал, и находил отклик во всей России, да и во всём мире»⁴. Автор книги старается развенчать мифы, которые сложились вокруг Толстого ещё при его жизни, отделить наносное от реальности, понять сущность писателя. Для решения поставленной задачи исследователь прежде всего использует факты биографии, дневники, а также основывается на художественных произведениях, при написании которых Толстой «обращался к реальному жизненному материалу <...> Он сам был настолько естествен как человек...» (с. 50, 51).

Исследователя интересует жизненный путь русского писателя от первых дней жизни до самой кончины, его становление, развитие, воззрения на различные сферы общественной жизни, личная, в том числе и интимная жизнь, семья, творчество, поиски смысла жизни, отношение к Богу и религии... – и всё это с уверенностью в изначальной искренности, присущей этому человеку, искренности, которая многим давала повод утрировать, настаивать, даже обвинять. На протяжении всей книги, снова и снова Лаврин повторяет, что Толстой, при «всех своих человеческих слабостях был

¹ Примечательно, что исследование, созданное ещё в первой четверти XX в. и дорабатывавшееся в течение многих лет, до сих пор не потеряло своей актуальности и воспринимается как «современное», что отчасти справедливо.

² Перевод сделан по книге 1996 г. немецкого издательства «Ровольт» («Rowohlt») из серии «Ровольт монографии», впервые опубликованной в 1961 г.

³ Кое-где переводчик обнаружил фактические ошибки, о чём указал в сносках.

⁴ Лаврин Я. Лев Толстой ... С. 183. – Далее цитаты даются по этому изданию с указанием страниц в тексте статьи.

абсолютно искренен в своём стремлении к нравственному совершенствованию, которое он проповедовал другим» (с. 214).

Монография Лаврина состоит из восьми обширных глав с внутренним более дробным делением¹. В них при изображении основных событий жизни и творчества Толстого по большей части соблюден хронологический принцип.

Лаврин поэтапно прослеживает путь развития великого русского писателя и находит определенную закономерность во внешне кажущихся резкими и внезапными переменами и кризисах: «Его антагонистические составляющие – жизнь и смысл жизни, природа и разум – боролись в Толстом уже изначально, однако до открытого столкновения дело дошло лишь после...» (с. 131).

Открывает книгу глава, посвящённая юности и первым годам взрослой жизни писателя, то есть времени начала развития его личности. Уже в этот период Лаврин подмечает истоки таких характерных, по его мнению, для всей последующей долгой жизни Толстого особенностей, как чувственность и жизнелюбие, склонность к беспощадному самоанализу, к строжайшим нравственным самоограничениям, так сказать «нравственная бухгалтерия» (с. 18) Толстого, любовь к чтению, ставшая источником обширнейших знаний, непосредственность, переросшая в искренность. Вместе с тем он пытается опосредованно подойти к личностной загадке Толстого, уже в юности делившего людей на «понимающих» и «непонимающих», – просто, без объяснений. В склонности Толстого преувеличивать собственные заблуждения, Лаврин усматривает неосознанное желание подпитывать тем самым своё стремление к самоутверждению.

Если Толстой как человек любил жизнь с непосредственностью язычника, то есть вне каких-либо моральных категорий, то его внутренний вопрошающий и ищущий двойник всё настойчивее требовал – даже в этот период его жизни – смысла жизни, посредством которого он мог бы принять и оправдать не только своё собственное существование, но и любое бытие вообще. (С. 29–30.)

---

¹ «Юность Толстого», «Обзор первых литературных произведений», «Путешествия, педагогическая и литературная деятельность», «Женитьба, "Война и мир", "Анна Каренина"», «Из кризиса – к "Крейцеровой сонате"», «"Что такое искусство?"», «Воскресение» и ряд других произведений», «Толстой и Софья Андреевна», «Уход и смерть Толстого».

При этом исследователь особо отмечает и толстовское недоверие к общепринятым мнениям. О масштабе личности писателя Лаврин говорит так:

...Как положительные, так и отрицательные его черты имели настолько широкий разброс, что выходили за рамки обычной жизни, а потому их было гораздо труднее привести к единству. Поэтому его личность была несоизмерима не только с общепринятыми нормами, но и с обычной человеческой сущностью. (С. 43.)

– Отсюда в нём рождалось чувство изоляции. А также и тяга к простому, к естественности, детям природы, которая позже перерастёт в мечту о жизни без сложностей цивилизации.

Вспоминая изречение М. Горького о Л. Толстом: «Его непомерно разросшаяся личность – явление чудовищное, почти уродливое, есть в нём что-то от Святогора-богатыря, которого земля не держит»¹, – Лаврин указывает на то, что загадка Толстого – это не только загадка гения, но и загадка «непомерно разросшейся личности», а потому для понимания его творчества просто необходимо увидеть его самого в человеческой целостности, его борьбе между Добром и Злом.

Лаврин подмечает открытость Толстого «радостному опыту, черпаемому из контакта с внешним миром» (с. 56), которая останется типичной для писателя до конца его дней. Реализм произведений Толстого, которого интересуют внутренние поиски человека и насущные проблемы бытия, Лаврин объясняет внутренним складом самого писателя и настойчиво спорит с теми, кто видит здесь связь с В. Г. Белинским и «натуральной» школой. Исследователь постоянно подчёркивает неразрывную связь между человеком и писателем Толстым, начиная с самых ранних его сочинений и вплоть до появления «Войны и мира» и дальше, до самого конца: «Всё, за что брался Толстой, имело актуальную связь с жизнью вообще и проблемами его собственной жизни в частности»² (с. 99). Учёный тонко лавирует между категоричными, однозначными формулировками, в которые многие неосознанно пытались втиснуть личность Толстого.

Вместе с тем Лаврин высказывает и несогласие со многими суждениями русского мыслителя. В частности, анализируя

¹ См.: Горький М. Лев Толстой: Письмо // Л. Н. Толстой в русской критике / 2-е изд. М., 1952. С. 472.

² Своеобразным образом творчество Толстого само утверждает правомочность психо-критического метода, избранного Лавриным.

отношение Толстого к эстетическому, отразившемуся в трактате «Что такое искусство?», Лаврин считает, что надо не упрощать искусство, приближая его к народу, а наоборот – двигаться вперёд, способствуя повышению всеобщего уровня культуры. Так он пишет:

Здесь, как и во многих других случаях, Толстой не избежал крайностей. Принимая здоровый вкус народа за путеводную нить, он оставляет без внимания тот факт, что определённые виды искусства уже по самой своей природе предполагают значительное техническое и эстетическое образование, чтобы быть понятыми и оценёнными по достоинству. Задача состоит не в том, чтобы понизить искусство до уровня простонародного вкуса, а в том, чтобы поднять этот вкус на такую высоту, чтобы народ мог наслаждаться даже самыми великими и сложными произведениями искусства. <...> Впрочем, Толстой часто грешит тем, что ослабляет или даже полностью разбивает свою собственную аргументацию путём доведения её до абсурда. (С. 169.)

Подобный абсурд Лаврин усматривает и в религиозных изысканиях писателя. В связи с трактатом «В чем моя вера?» (1883), он замечает:

...Толстой рассматривал предписания Христа исключительно как предписания. И даже как таковые он переосмысливал их таким образом, чтобы они в первую очередь удовлетворяли его собственным потребностям, в результате чего сама религия превращалась у него в своего рода расчётливый оппортунизм. (С. 143.)

А чуть позднее в «Крейцеровой сонате» (1889) исследователь обнаруживает желание Толстого, чтобы не нравственный закон служил людям, а люди должны принести себя в жертву нравственному закону, о чём довольно резко высказывается: «Таков безумный галоп пуританской логики» (с. 154).

Совсем иначе Лаврин относится к тем трудам Толстого, в которых тот обличал недостатки современной ему жизни: «Никто не осознавал всего зла истории и цивилизации с такой силой, как он» (с.144).

Лаврин восхищается поразительной жизнеспособностью Толстого в сочетании с творческой мощью. Исследователь фиксирует постепенное нарастание полярности его личности: любовь к жизни и поиск смысла жизни, – поэтому внутренний кризис зрелого Толстого не случаен. С углублением такого внутреннего антагонизма связаны и религиозные поиски Толстого, которого Лаврин называет «скрытым скептиком и маловером со страстным желанием обрести веру» (с. 137), который сосредоточился на «утомительном созидании смысла жизни ценою той жизни, которую

он вёл до этого» (с. 134), – «в нём продолжали бороться любовник жизни и пуританский проповедник» (с. 157).

Монография Янко Лаврина о Л. Н. Толстом отличается живостью и естественностью изложения, приверженностью к неожиданным психологическим ракурсам, смелость в соединении кажущихся парадоксальными моментов и нюансов, пронизательностью и во многом интуитивностью хода мысли. Исследование заключают хроника жизни и творчества писателя, а также высказывания и свидетельства современников (с 1908 по 1928 гг.).

Уход от однозначности и категоричности оценок, свойственный исследователю и столь не привычный для научного мира, привёл российских издателей его труда к выводу, что «в итоге тайна Толстого стала ещё больше, ещё неуловимее». Видимо, поэтому они включили в книгу в качестве приложения два весьма больших труда – Н. Болдырева «Болель-к-жизни (О пути Льва Толстого с постоянной оглядкой на Киркегора)» (1998) и И. Бунина «Освобождение Толстого» (1937). Знаменитая работа Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) и современный взгляд поэта, эссеиста, переводчика, номинанта и члена жюри Букеровской премии Николая Фёдоровича Болдырева (р. 1947), одного из инициаторов публикации в России книги Лаврина, являются, на наш взгляд, изюминкой настоящего издания. Читателю предлагается самостоятельно сравнить, порассуждать и сделать выводы, а не просто принять чью-то точку зрения, – совсем в духе самого Янко Лаврина. Общим для всех трёх работ является желание избежать мифотворчества в связи с личностью Толстого, и как нам кажется, меньше всего это удалось как раз современному автору.

Бунин, как и Лаврин, исходит из жизненного материала, включая и воспоминания родственников, знакомых писателя, и свои собственные впечатления о встречах с ним, – чего в силу известных причин в работе Лаврина нет (ведь период углублённого проникновения в материал в его исследовании относится к началу 1920-х гг.). Вместе с тем Бунину не достаёт последовательной систематичности научного подхода, постепенно к концу повествования преобладает эмоциональный внутренний настрой автора. В целом же работы весьма близки по духу, общей направленности, пониманию личности Толстого. Возможно потому, что создавались ещё с ощущением сопричастности с жизнью Толстого, оба автора были его современниками.

Эссе Н. Болдырева принадлежит другой эпохе. Оно представляет собой свободное рассуждение с публицистическим началом, явно выдающее поэтическую натуру автора и основанное на его широких личных горизонтах и современном состоянии науки (даже не литературоведения, а науки о человеке вообще), что сближает автора с Лавриным, никогда не любившим сухого академизма. Обилие параллелей и сопоставлений, присутствующее у Болдырева, – тоже один из излюбленных приёмов Лаврина, характерный для многих его исследований, хотя как раз в данной работе почти не проявившийся. Вместе с этим ещё и желание уловить и понять «*дух времени*», то есть Болдырев весьма близок Лаврину в самом методе исследования.

Книгу дополняют также огромное количество иллюстраций, именной указатель к труду Лаврина, краткая справка об авторе¹ и библиография основных работ, посвящённых Л. Н. Толстому, опубликованных в России до настоящего времени, – последняя является несомненной заслугой издателей. Огромный по нынешним временам тираж – десять тысяч экземпляров – косвенно подтверждает большой интерес и признание в России работ словенского / британского (и такого российского) исследователя Янко Лаврина.

---

¹ Активная многогранная и многолетняя деятельность Лаврина охвачена шестью скудными строчками на пустой странице. Возможно, из-за виртуозной краткости, а может, из-за простого незнания?

Словенские журнальные и книжные публикации работ Янко Лаврина*

В то время, как книги нашего белокраинского земляка, долгожителя, профессора университета в Ноттингеме, издавались не только в Англии, но и во многих других европейских государствах, одновременно в Америке и даже на Дальнем Востоке, Лаврин частенько сетовал: даже японцы знают его лучше, чем словенцы. Это заявление нашего эссеиста и исследователя записано не без горечи, но все же правомерно, хотя и не для всех периодов его жизни. Словенские журналы, начиная с «Люблянского звона», довольно рано стали публиковать его работы, а несколько позднее «Модра птица» и ещё некоторые¹, познакомили своих читателей со значительным числом его эссе. Первая книга Лаврина также была издана у нас сравнительно быстро² – в 1937 г. Ощутимый пробел возник в годы Второй мировой войны, что вполне понятно; но тяжелее оправдать то, что сразу после неё – почти целых два десятка лет – автор не был гостем словенских журналов, и ни одна из его многочисленных работ не была переведена, хотя о них много раз упоминали в переодической печати. Абсурдность этого факта очевидна тем более, что профессор все эти годы упорно и успешно прилагал значительные усилия к тому, чтобы произведения словенских авторов выходили на английском; прежде всего – это избранные стихотворения Прешерна и антология с характерным названием «Парнас малого народа»³. Лишь к концу 60-х гг. прошлого столетия словенские журналы вновь открыли для него свои двери, и, что ещё важнее, его основные монографические исследования были включены в планы ведущих словенских издательств.

Но вернемся к началу.

* Первоначально вариант данной работы опубликован: *Moravec D. Revijalne in knjižne objave del Janka Lavrina v slovenskem jeziku // Razprave II. razreda SAZU. XVIII. Ljubljana, 2005. S. 199–226.*

¹ Например, «Одмев» («Odmevi»), а после Второй мировой войны «Содобност» («Sodobnost») или в конце его жизни «Обзорник» («Obzornik»).

² *Lavrin J. Dostojevski, Nietzsche, Tolstoj ...*

³ *The Parnassus of the Small Nation. London, 1957. VIII+141 s. – 2-е изд. в 1965 г. Кроме того, в одной из ранних книг Лаврина «Aspects of Modernism» (1935) опубликованы фрагменты о Цанкаре.*

1.

К сожалению, не сохранилась переписка Лаврина с писательницей Зофкой Кведер, издававшей в своё время в Праге журнал «Домачи приятель» на словенском языке. Поэтому напрасно искать ответ на вопрос, как появились первые юношеские публикации писателя, позже получившего мировое признание, хотя сотрудничество и переписка с Кведер упоминается им самим несколько раз¹. В Праге семнадцатилетний юноша сначала опубликовал короткий рассказ-размышление о человеке, «уставшем от тернистого жизненного пути», на бескрайней каменистой равнине он встречает женщину с серьёзным лицом и ледяным взглядом, которая представляется ему: «Я – судьба мира». История незаурядная и одновременно простая, автор не скрывает социальной идеи: мысли о миллионах несчастных страдальцев, трудящихся от зари до зари. «Судьба» даёт ответ, являющийся одновременно риторическим вопросом: «А ты когда-нибудь трудился для ближнего своего?»².

Характерен также «старомодный» рассказ под названием «Счастье и богатство», в котором снова проявляется немного сентиментальное, однако подчёркнуто социальное чувство автора. Юпитер приходит в бедную деревеньку, где люди целыми днями трудятся, чтобы выжить, но чело их ясно и на лицах сияет улыбка. Бог над богами хочет наградить их и даёт им богатство; когда же он возвращается туда через год, то вместо простых и довольных людей находит недовольных и надменных гордецов. Только нищий пастух, которого он не заметил прежде, приглашает его в свою старую хижину, угощает куском хлеба, но отказывается от платы: ему ничего не нужно: «Раз тебе ничего не нужно, ты – самый богатый и самый счастливый человек на свете»³.

В течение пяти лет появляющаяся на страницах «Домачего приятеля» краткая проза свидетельствует о желании Лаврина описывать необычных, забытых людей: таков его одинокий писарь – чужак без друзей, никогда не говоривший с женщинами. Когда же одна из них взволновала его («звезда, которая вспыхнула на ясном

¹ Например, П. Романовой 11 октября 1982 г.: *Lavrin J. Pisma v domovino*. S. 246.

² *Lavrin J. Usoda in človek // Domači prijatelj*. Praga, 1905. November. S. 265–266. – Лаврин сотрудничал со второго по шестой год выхода журнала (1905–1909), тринадцать публикаций, всегда под настоящим именем. (Полный их анализ см. в: *Žitnik J. Janko Lavrin ...*)

³ *Lavrin J. Sreča in bogastvo // Domači prijatelj*. 1906. Julij. S. 169–170.

небе»), он переживает и первое разочарование; лишь во сне он мог мечтать о её благосклонности, но при встрече его обжигал презрительный взгляд, — так он перестал ценить жизнь¹.

Ещё чаще на страницах журнала появлялись стихи Лаврина. Особенностью его первых мрачных и не совсем складных поэтических опытов было настроение поэта, которое ничуть не выдаёт ещё витализма и жизнерадостности, свойственных автору и проявившихся сразу, как он оказался в большом мире по окончании обучения. Уже в первом из опубликованных стихотворений он жалуется: «брожу в страхе, в заблуждении»²; во втором, напечатанном в том же году, разочарованно спрашивает: «Ах, где ты, где, мой молодой рай»³, — и лишь на мгновение осознаёт, что «я хочу жизни <...> испить её чашу до дна»⁴. Эти стихи даже стали лейтмотивом в работе Яни Житник (на английском)⁵ и они соответствуют позднему (английскому, а может и русскому) периоду жизни Лаврина, но тогда они были лишь ярким проблеском, недостижимой юношеской мечтой, которая уже в последующих стихах вновь оказалась завуалированной, спрятанной. Он сразу же вновь погружается в мрачные мысли: земля возродилась весной, «а я — здесь одинокий вздыхаю <...> так как в моём молодом сердце царит туманная осень»⁶. И снова: «Что ждёшь от жизни благ?! Тебе она — жестокосердный деспот»⁷. Потом (в выпуске журнала за следующий год) «Вздых» — «без надежды, ожидания буду в вечной бродить здесь немоте <...> не знаешь, что во тьме рожден ты, что для тьмы предназначен ты?»⁸. И ещё — в последнем стихе, с печальным названием «Похороны»: «Могил отзвук и смерти глас <...> победительница, утешительница всего, сюда»⁹.

Все эти стихи были написаны рядом с домом, хотя последние опубликованы, когда юноша уже с домом простился. Что его тяготило и сдерживало? Почему он таким молодым оставил ненавистную монархию и отправился бродить по свету, сначала в Россию

¹ *Lavrin J. Adjunkt Grivar // Domači prijatelj. 1907. Avgust. S. 213–217.*

² *Idem. V temi // Domači prijatelj. 1906. April. S. 87.*

³ *Idem. Ah, kje si, kje, moj mladi raj? // Domači prijatelj. 1906. Avgust. S. 209.* — В этом же году он опубликовал «Сонет» (с. 259).

⁴ *Idem. Jaz hočem življenja // Domači prijatelj. 1907. Januar. S. 5.*

⁵ *Žitnik J. Op. cit. P. 9–12.*

⁶ *Lavrin J. Spomladi // Domači prijatelj. 1907. April. S. 101.*

⁷ *Idem. Dovolj // Domači prijatelj. 1907. December. S. 327.*

⁸ *Idem. Vzdih // Domači prijatelj. 1908. September. S. 230.*

⁹ *Idem. Pogreb // Domači prijatelj. 1909. Februar. S. 31.*

и затем на запад, где совершенно преображается: вместо сентиментального и полного горечи поэта появляется уверенный в себе человек мира с беглым пером и ясными взглядами на жизнь, авантюрист и космополит, как он сам себя иногда называл, блестящий эссеист и упорный исследователь мировых литературных течений.

Вскоре после окончания учёбы, решившись на дерзкий поступок, он отправился в путешествие и через несколько лет обосновался в Петрограде, изучал славистику и весьма рано стал соредактором журнала «Славянский мир». Много сил он отдал тому, чтобы представить русским, – как позднее и англичанам, – основные произведения словенской литературы, прежде всего Ивана Цанкара. Он писал о нём, также об Ашкерце и других авторах; переводил произведения Цанкара, и не только его краткую прозу – особое внимание он уделил роману «В доме Марии Заступницы», опубликовал свой перевод сначала в приложении к упомянутому журналу, а затем позаботился о переиздании. Мировая война и революция помешали его планам подготовить русское издание избранных произведений автора, с которым он также был знаком; Лаврин даже утверждал, что первые два тома уже были готовы к печати¹.

Свою роль верного посла словенской культуры за рубежом (в этом с ним может сравниться один только Отон Беркопец в Праге) Лаврин продолжал играть и после переезда в Англию. Его всегда волновали литературные произведения, несколько поднявшиеся над обыденностью, и уже очень рано, в начале первого десятилетия после Первой мировой войны, он постарался опубликовать и даже поставить на сцене драму Л. Крайгера «Раковина» (1911), к сожалению, безуспешно². Основное внимание он снова посвятил Цанкару – хотел уже на английском опубликовать его роман «В доме Марии Заступницы», однако удалась ему лишь публикация повести «Батрак Ерней и его право» (1907), ставшей первой книгой писателя, вышедшей в Англии (1930). Ещё раньше по его инициативе вышел роман Владимира Левстика «Гадюшник». Лаврин также пытался, непосредственно после публикации оригинала, представить англичанам роман Бартола «Аламут», – вместе с автором они даже думали об экранизации³, – как позднее драму Грума «Событие в городе Гоге» и ещё многие другие словенские произведения.

Мировая война оборвала и сделала невозможной его профессиональную деятельность «русского периода», и тогда он взялся

¹ Ср. письма И. Цанкару и другим адресатам в кн.: *Lavrin J. Pisma v domovino*.

² Ср. письма Л. Крайгеру: *Ibid.*

³ Ср. письма В. Бартолу: *Ibid.*

за новый для себя вид деятельности «на злобу дня»: стал военным корреспондентом, писал репортажи и публиковал дерзкие интервью¹ и даже издал книгу из страны «вечной войны», куда его гнала беспокойная кровь². Когда после войны через Париж и скандинавские страны он отправился в Англию (там и остался), он как преподаватель английского университета быстро вернулся к своей профессиональной деятельности – прежде всего к эссеистике, ведь «научные труды», особенно «профессорские», как он записал, были всегда ему чужды³.

За первые же годы жизни в Англии на его личной авторской полке набралось приличное количество книг о великанах русской словесности, с творчеством которых он знакомил на славистической кафедре в Ноттингеме (Достоевский, 1920; Толстой, 1924; Гоголь, 1925; «Русская литература», 1927), а также и о других авторах мировой литературы, которых он как один из новаторов сравнительного литературоведения любил сравнивать (Ибсен, 1921; Ницше, 1922). Одновременно он являлся сотрудником английских литературных журналов, в первую очередь, «Нью Эйдж», где регулярно печатался уже с 1918 г. и далее⁴, а немного позднее знаменитой лондонской «Слэвоник Ревью»⁵, где было напечатано благодаря ему и благосклонности его английского друга У. К. Мэттьюса множество словенских статей и сообщений о словенской литературе и других областях нашей тогдашней культурной жизни.

Понятно, что его такая широко направленная и углубленная деятельность не могла остаться незамеченной на родине, с которой он сохранял с самого начала – в петроградский и ноттингемский период и до самой смерти – тесные и плодотворные связи, личные контакты и переписку. Первым, кто захотел заполучить тридцатидевятилетнего автора для ведущего в те времена словенского журнала «Люблянски звон», был в середине 20-х гг. прошлого века редактор этого издания Фран Альбрехт⁶.

¹ Особенно Лаврин любил вспоминать о разговоре с главой сербского правительства Николой Пашичем. См. также: *Pleterski J. Op. cit.*

² «В стране вечной войны. Албанские эскизы» (1916). – Фотокопия книги находится в библиотеке Словенской академии наук и искусств.

³ Письмо Р. Шукле от 22 мая 1968 г.: *Lavrin J. Pisma v domovino. S. 185.*

⁴ *Lavrin J. Dostoyevsky and Certain of his Problems; Idem. The Dostoyevsky Problem.* – Ср.: *Maver M. Življenje in delo Janka Lavrina. Trieste, 1995–1996. 163 s.* (Дипломная работа.)

⁵ «The Slavonic Review» – «Славянский обзор». – *Примеч. пер.*

⁶ Ср. письма Лаврина к нему: *Lavrin J. Pisma v domovino. S. 13–25.*

2.

Когда редактор этого вольнодумного «ежемесячника литературы и просвещения» оповещал своих читателей о планах на новый 1926 год, он особо подчеркнул, что в нём будет представлен также «отличный эссеист» Янко Лаврин, соотечественник, пишущий в настоящее время на английском, «чьи работы переводят даже на японский; что он уже передал оригинальную работу о психологии европейского романтизма», а кроме того журнал опубликует несколько написанных им литературных портретов, — особо были названы Цанкар, Бодлер и Уитмен¹. Этот план не был осуществлён целиком: упомянутая работа вышла гораздо позже, в 1929 г., а из перечисленных портретов был напечатан только Бодлер — с фотографией эссеиста на целую страницу (скорее всего автор пропустил факт выхода несколько ранее большого исследования о Уолте Уитмене, принадлежащего Джованни Папини).

Редактор не ждал, что новый сотрудник будет писать статьи непосредственно для «Люблянского звона»; его устраивали работы и публикации из английских специализированных журналов, — конечно, при этом часто особо отмечалось место первой публикации. В последующие годы «Люблянский звон» представил, в первую очередь, пять работ, благодаря которым Лаврин вводил метод в то время ещё относительно молодого сравнительного литературоведения; при этом он выбирал писателей, не только связанных сходными, родственными чертами, — иногда даже больше его привлекали противоположности или «контрасты», а также расхождения во взглядах исследуемых персоналий.

Например, Альбрехт опубликовал исследование «Толстой и Ницше»², где Лаврин уже в самом начале подчеркнул, что сравнение этих двух мужей настолько же «привлекательная», насколько и «неблагодарная» работа: она привлекала его как раз своей «воплощённой противоречивостью» между ними, а неблагодарной была из-за того, что этой темы уже слишком часто и слишком многие касались; однако он был уверен, что сам предмет несколько не исчерпан. Христианин Толстой и антихрист Ницше, считает он, несмотря на то, что взаимно исключают друг друга как мыслители

¹ На задней стороне обложки заключительного номера за 1925 г.

² *Lavrin J. Tolstoj in Nietzsche. S. 23–38.* — С докладом на эту тему Лаврин выступил 4 марта 1924 г. в «Королевском колледже перед английской и русской общественностью».

и моралисты, «психологически дополняют друг друга, так как являются лишь антиподами одной и той же ментальности». В философии Ницше присутствует с толстовским христианским учением «сходное внутреннее побуждение». Дилемма Толстого аналогична ницшеанской, он – это «Ницше с другого конца», – насколько можно было бы охарактеризовать язычество философа как скрытое христианство, настолько же толстовское христианство является скрытым язычеством. Первый выступает за крайне аристократический, другой же – за крайне демократический эстетический идеал общества. Противоречие между ними можно охарактеризовать и как разницу между нравственностью «из чести» и нравственностью «из набожности», и это две моральные структуры, которые в Европе всегда и постоянно сменяются: они оба – т.е. Толстой и Ницше – крайности этого антагонизма, и оба же совершили в своих нравственных теориях одну и ту же существенную ошибку: подменили или даже идентифицировали внимание к себе с эгоизмом ('selfness' и 'selfishness') – как один, так и другой попытались задушить одну половину своей личности в угоду другой.

Сразу после «Толстого и Ницше» Лаврин отправил на родину эссе об Антоне Павловиче Чехове, писателе, сопровождавшем его в течение всей жизни¹. Однако это был не просто портрет, а снова компаративистское исследование: русского мастера слова, прежде всего как новеллиста, он сравнивал с французом Мопассаном. Вновь он осознает щекотливость выбранной темы и уже заранее предупреждает о «подводных течениях» сравнительного анализа, предостерегает от чересчур поспешных и поверхностных выводов, вместе с тем своё направление отлично защищает: удачный выбор писателей может сделать этот метод «отрадным и многое проясняющим». В качестве примера Лаврин берёт именно своих авторов – тяжело было бы найти двух писателей, которые друг друга «дополняют и разъясняют полнее как по характерным особенностям, что являются для них общими, так ещё более по тем, что их различают». Собственно, именно последнее его более всего и привлекало. Оба – прирождённые новеллисты, оба – создатели новой техники новеллы. Оба – дети своей эпохи: первый – типичный русский, другой – типичный француз. Оба – идеалисты от рождения: их пессимизм – следствие их всепоглощающей любви к жизни. Чехов представляется Лаврину музыкальным и образным,

¹ Lavrin J. Čehov in Maupassant // Ljubljanski zvon. 1927. S. 97–108; 147–157.

проводящим нежные, почти пастельные линии, в то время как француз напоминает ему больше графика.

Сравнительный метод Лаврин использует и в третьем исследовании из этой серии, посвященном Достоевскому и Прусту¹, однако вновь в самом начале он себя подстраховывает: лишь один момент позволяет сравнивать этих двух писателей – контраст. Общих черт мало: оба – «крупные эксперты в психологическом романе», оба работали прежде всего «на ниве подсознательного»; оба занимались некоторыми специфическими воззрениями человеческой личности. Вместе с тем автор рассудил, что «медленный» Пруст наименее драматургичен среди современных романистов, Достоевский же – крупнейший драматург среди них; он представляет собой «всепроникающий апокалиптический темперамент», в то время как Пруст – это выражение того неизлечимого, так сказать, органического скептицизма, при котором «вообще не могут интересовать вечные проблемы». Оба же, будучи идущими до конца исследователями, расширили не только сферу психологического романа, но также и наше понимание подсознательного – познание трагически раздвоенной современной души.

Особенно привлекательным было для редактора журнала эссе «Ибсен и Шоу»², – его Альбрехт опубликовал специально в самом начале нового номера. Автор представляет Ибсена как «главного реформатора» современной драмы, вместе с тем, «самым видным авторитетом» для него является Шоу. Можно доказать даже влияние Ибсена на ирландского драматурга, особенно его пьесы «Столпы общества». Однако если сравнить «недоверчивого» норвежца с «разговорчивым и оживленным» ирландцем, мы видим разницу между «романтически-аристократическим отцом» и его «реалистически-демократическим потомком». Шоу в первую очередь нацелен на внешние проблемы жизни, Ибсен сосредоточен на «том вечном вопросе», разрешаемом лишь на «надлогическом религиозном уровне». Мрачный Ибсен всегда недоволен самим собой, Шоу не доволен ничем и никем, кроме самого себя и своих личных убеждений. Несмотря на основные различия, они всё же похожи хотя бы в том, что по темпераменту являются реформаторами, что пишут

¹ *Lavrin J. Dostojevskij in Proust // Ljubljanski zvon. 1927. S. 527–541.* – Здесь редактор вновь приписал, что речь идёт о выступлении в Лондонском университете (1 марта того же года) и перевод (Гриши Коритника) был «автором просмотрен и доработан».

² *Idem. Ibsen in Show // Ljubljanski zvon. 1928. S. 321–328.*

«идейные» пьесы. Однако «лёгкая продукция» Шоу представляет собой большой контраст по сравнению с «замедленным процессом» у Ибсена, – так как Шоу – один из величайших мастеров оживлённого диалога и комических ситуаций. У Ибсена больше духовной страсти, чем темперамента, а у Шоу темперамент сильнее страсти; герои Ибсена скорее живые, чем оживлённые; у Шоу абсолютно наоборот. Ибсен становится всё более и более «лишь классиком», им больше восхищаются, чем читают. Шоу, дитя другого поколения, более нервный, нестабильный и поверхностный, но гораздо более доступный, остался своего рода Аристофаном современной филистерской буржуазии.

Последнее «сравнительное» исследование Лаврина на страницах «Люблянского звона» было посвящено французскому фламандского происхождения Жорису Карлу Гюисмансу, и скандинаву, Юхану Августу Стриндбергу¹, сопоставлению двух значительных личностей своего времени. Первый для него «типичный католический эстет», второй – «протестантский пуританин». В Стриндберге автора особо волнует его «истерическая враждебность» к женщине, являющейся ничем иным, как «замыслом любви, и женщине, слишком романтической, чтобы её можно было бы удовлетворить». Гюисманс – рафинированный аристократический декадент, Стриндберг – типичный плебейский гений; слог первого совершенно запутан, другого – ясен в своей строгой простоте. Гюисманс – в большей степени крупная художественная натура, нежели великий творческий художник, Стриндберг – более творец и одновременно менее художник. Их произведения – интересная связь между реализмом и символизмом, и никто, чье внимание привлечено «глубокими воззрениями на современную ментальность», не может пройти мимо этих двух трагических борцов за полноту внутренней жизни.

Невозможно избежать сопоставления, говоря и о тех работах Лаврина, которые в самом названии вроде бы ничего подобного не предвещают, как например, «Шарль Бодлер»². Размышление о Бодлере уже в самом начале связано с Гюго: один оставался до конца блестящим романтиком и великим поэтическим виртуозом, бардом для большинства, его же несчастный современник был, пожалуй, первым европейским поэтом, сознательно писавшим лишь для избранных, иногда даже только для самого себя. Его «сатанизм» не был позерством, наоборот, это «вывернутая религиозность», поэзия

¹ Lavrin J. Huysmans in Strindberg // Ljubljanski zvon. 1928. S. 734–741.

² Idem. Charles Baudelaire // Ljubljanski zvon. 1928. S. 656–666.

– «смесь романтизма и декаданса». Хотя автор не соглашается с мыслью, что его труд – это вершина поэзии XIX столетия, но признаёт распространение его влияния по всей Европе, – весь модернистский символизм более или менее опирается на него.

Как уже отмечалось, редактор с готовностью помещал на страницах люблянского журнала исследования и эссе, прежде уже опубликованные в Англии. Так, одним из первых он напечатал перевод размышлений Лаврина «Достоевский и современное искусство» и в том же году ещё главу из книги, вышедшей годом позже – «Ибсен как художник»¹. Первое исследование начиналось с вводного тезиса о том, что довольно часто подменяют реальность актуальностью. По убеждению автора, реальность шире актуальности, так как включает в себя также и более глубокие, трансцендентальные жизненные воззрения и возможности. Достоевского он обозначает как «трансцендентного или символического реалиста», который во внешней актуальности видит лишь ширму внутренней реальности. В другом исследовании Лаврин вновь констатирует, что обычно свои произведения Ибсен начинал как мыслитель, а завершал как художник: его пьесы далеки от драматургических поисков, как далеки они и от театральной «тенденции». Его литературный труд – это непрестанная попытка соединить философию с искусством, а искусство с жизнью.

В последние годы сотрудничества Лаврина с «Люблянским звоном» вышли два эссе – о Бальзаке и об Анатоле Франсе. У Бальзака автора поражала прежде всего невероятное жизнелюбие, буйный темперамент и безграничная способность к труду, настоящая «фралезианская экспансивность» (характерная черта, свойственная до последних лет жизни ему самому); бальзаковский реализм – лишь одна сторона его искусства, вторая же – это «романтическая интенсивность», которая обусловлена именно его буйным воображением и темпераментом. В меньшей степени Лаврин был расположен к другому французу, которого считал одним из наиболее «доступных и удобных» авторов, в результате оставшимся «лишь скептическим дилетантом жизни и крупным литератором», чьё творчество «немного холодное и статичное», что, по его мнению, объясняет, почему младшее поколение его современников отстранялось от него².

¹ Lavrin J. Ibsen kot umetnik // Ljubljanski zvon. 1926. S. 508–513; 655–661. – С примечанием, что это главы из книг «Dostoevsky and His Creation» и «Ibsen and His Creation», опубликованные в Лондоне в 1920 и 1921 гг.

² Lavrin J. Balzac; Ob sto trideseti obletnici njegovega rojstva // Ljubljanski zvon. 1929. S. 396–402; Idem. O Anatolu Franceu // Ljubljanski zvon. 1930. S. 708–715.

Эти два эссе были опубликованы в то время, когда Лаврин уже прекратил сотрудничество с люблянским вольнодумным журналом, на которое ещё несколько лет назад обе стороны возлагали большие надежды. И ранее он часто жаловался, что «перевод Гриши»¹ очень неточен, что усугубляется «плохим языком», должен быть «полностью переделан», некоторые статьи до публикации он захотел сам просмотреть. Когда Лаврину прислали перевод статьи о Кнута Гамсуне – как раз тогда, когда он уже решил разорвать с «Люблянским звоном», – он даже записал: «Господи! – ни одно предложение не переведено правильно. Помимо этого, от слога и тона оригинала не осталось ни малейшего следа», – а значит, это надо было бы переделывать целиком или заново переводить².

Однако подобные переводы не были главной причиной того, что профессор и «Люблянский звон» всё-таки разошлись. В начале 1930-х гг. в сложный для себя момент Лаврин решился порвать не только с журналом, но и со всем словенским миром. Он сообщил редактору, что, скорее всего, всё-таки приедет в Словению на Пасху, но заметил: «Кроме пяти-шести хороших знакомых, не хочу никого видеть». Он подчеркнул, что у него «действительно веские причины для этого, и вместе с тем просил или требовал: «не печатайте вообще больше моих работ», – и далее о том, что его бы порадовало, если «бы о моём имени там полностью забыли и оставили меня в покое». Не в первый и не в последний раз случалось ему в сердцах написать такие резкие слова, но к счастью, своих «угроз» он так и не исполнил. Так и на этот раз он прибавил, что всё же предложит англичанам «несколько словенских вещей» и поможет с организацией колонии ПЕН-клуба для отдыха, но тут же: «Вся Словения – это какой-то гадюшник, и зачем человеку отравлять им себе жизнь?» Однако в конце всё-таки передал несколько приветов, прояснив тем самым, кто именно те «исключения», с которыми он всё-таки бы встретился: «Вам, Вашей супруге, Руссу, Зайцу и Грише»³.

¹ Имеется в виду Г. Коритник. – *Примеч. пер.*

² См. корреспонденцию автора с редактором: *Lavrin J. Pisma v domovino*. S. 13–25. – Эта работа, или её другой вариант, вышла позднее в журнале «Модра птица» (1935–1936. S. 25–30.) новом переводе Петера Доната.

³ Письмо Ф. Альбрехту от 27 января 1931 г. – Редактор требование учёл. Приветов были адресованы редактору и его жене Вере, библиотекарю Йоже Руссу, скульптору Ивану Зайцу и переводчику Коритнику.

Что же это были за «действительно веские причины», приведшие к такому радикальному решению? Прямо он этого не сказал, однако правильное всего будет предположить, что он имел в виду критику своей последней английской книги, опубликованную в том же журнале, что и последнее его эссе. Станко Лебен, профессор люблянского Философского факультета, оценил новую работу своего коллеги из Ноттингема как слабую и поставил несколько вопросов, которые его соотечественнику могли быть неприятны. Уже в самом начале Лебен подчеркнул, что эти эссе не представляют ничего нового, ведь автор по большей части их уже опубликовал в «Люблянском звоне»; к этому ещё прибавил вызывающий тезис: более всего исследования Лаврина оригинальны и одновременно слабы своим методом умствования при сравнительном анализе, в поиске подобий и различий между двумя художниками и мыслителями – «компаративистский метод у автора в крови», но это также и «симптом некой немощности и слабости». Критику не хватает теплоты, эти работы больше «блестящи внешне», – настоящую же силу Лаврина-эссеиста можно было бы оценить только «при дальнейшей, более широко и глубоко продуманной попытке без сравнений». Сопоставление настолько чуждых друг другу людей (француза и русского, шведа и француза, ирландца и норвежца...) «с лёгкостью искривляют истинный образ их жизни и творчества»¹. Позднее «Люблянский звон» опубликовал ещё несколько строк о Лаврине, которые были впервые напечатаны во французском журнале по сравнительному литературоведению Ф. Бальдансперже, их автор точно так же обратил внимание на то, каким опасным может стать подобное приспособление: «это важно лишь настолько, насколько помогает менее просвещённому обществу расширять кругозор за родные пределы»². Антон Оцвирк, который, правда, не отвергая трудов Лаврина, также спустя несколько лет упоминал «трезвую» оценку Лебена и дополнил её своим замечанием: «Хотя такое сопоставление в определённом смысле интересно, иногда даже остроумно и даже, на первый взгляд, убедительно, однако зачастую ни с точки зрения науки, ни с точки зрения литературоведения не обосновано»³.

¹ *Lavrin J. Studies in European Literature // Ljubljanski zvon. 1930. S. 56–59.*

² *A. D. Revue de Littérature Comparée // Ljubljanski zvon. 1931. S. 768.*

³ *Ocvirk A. Teorija primerjalne literarne zgodovine. Ljubljana, 1936. S. 78–80.*

Позднее «Люблянски звон» всё-таки уважительно сообщал об откликах на труды Лаврина в американской критике и называл его «нашим сотрудником», а ещё раньше хвалебно писал о переводе «Батрака Ернея», первой книги Цанкара на английском, изданной благодаря Лаврину, также написавшему к ней предисловие¹. Но было уже слишком поздно. Вскоре Альбрехт, пригласивший авторитетного соотечественника к сотрудничеству, перестал быть редактором; приближался период известный как «кризис» журнала. Однако ни одно, ни другое уже не могло повлиять на решение многолетнего сотрудника; самой вероятной причиной была обида Лаврина на публикацию неприятной оценки Лебена, которую он воспринял в том числе и как нетактичный поступок редакции, с которой раньше он охотно и довольно часто сотрудничал.

Действительно, вскоре стало ясно, что решение касалось только «Люблянского звона» и что Лаврин совсем не хотел терять связей с родиной, хотя в сердцах много раз говорил об этом. Уже через год мы встречаем его среди сотрудников нового вольнодумного журнала «Модра птица», а ещё несколько ранее он публикует две больших статьи в новом репрезентативном «литературно-культурном» ежеквартальном журнале «Одмеви», чьё существование, однако, было недолгим и чьим издателем и редактором был Радивой Петерлин-Петрушка. Здесь было опубликовано исследование Лаврина о русском модернизме, сначала до «переворота» (т. е. 1917 г. – *Примеч. пер.*), а затем после него. В первой части этого исследования Лаврин обращается к 1890-м гг., останавливается на символистской школе, в которой усматривает много общего с романтизмом; выше всего он оценивает Александра Блока не только как величайшего из всех русских современников, но также и как одного из лучших поэтов во всей модернистской европейской литературе. В другой части исследования он разделяет литературу эмигрантов и литературу Советской России, которую воспринимает всё же с некоторым опозданием, но с верой в то, что у русской литературы есть не только великое «вчера», но и столь же великое «завтра»².

¹ *Prezelj J.* The bailiff Yerney and his rights. By Ivan Cankar // *Ljubljanski zvon*. 1930. S. 632–635; 1931. S. 63–64.

² *Lavrin J.* Ruska moderna do prevrata. Ruska moderna po prevratu // *Odmevi*. 1929. S. 40–44; 1930. S. 61–63.

3.

Непосредственно после этого (т. е. с начала 1930-х гг. – *Примеч. пер.*) начался другой период сотрудничества Лаврина с родной – период многочисленных публикаций в новом ежемесячнике «Модра птица», которому он неизменно оставался верен вплоть до оккупации и последовавшим молчанием культуры¹. В течение десяти лет, 1932–1941, на страницах этого журнала появилось девятнадцать работ автора, а одноимённое издательство опубликовало первую книгу Лаврина в переводе на словенский. К сожалению, переписка Лаврина с издателем и редактором журнала Янезом Жагаром не сохранилась, она наверняка пролила бы свет на договоренности и возможные хитросплетения в их сотрудничестве. На первый взгляд поражает тот факт, что в этом журнале – в отличие от «Люблянского звона» – нет «компаративистских» исследований и эссе, что могло бы вызвать вопрос, не повлияли ли на Лаврина таким образом упреки Лебена в связи с его английской книгой 1929 г. Однако это лишь видимость: хотя теперь автор и не подчёркивает этого в названиях, в самих текстах вновь, как и раньше, много сопоставлений. Если перефразировать критика, это у нашего автора действительно «в крови». В любом случае, очевидно, что его работы в «Модрой птице» более разноплановы, чем в «Люблянском звоне», ведь, кроме литературных портретов и «принципиальных» размышлений, он опубликовал даже несколько специфических – наполовину репортажных, наполовину уже почти новеллистических – «путевых заметок», относящих нас в далёкие экзотические страны, которые наш «авантюрист» посетил в своё время.

Уже первые публикации подтвердили тот факт, что Лаврин был не только мастер «сравнений», но также и «вариаций» – безотносительно к тому, казались ли ему авторы родственны, или его привлекали именно их различия. Некоторые писатели, особенно русские, сопровождали Лаврина почти всю жизнь, он опубликовал целый ряд самостоятельных исследований и эссе о них, а позднее объединил свои открытия в монографии. В первую очередь это касается Чехова, которому он посвятил наряду с ранними работами

---

¹ Уже в начале оккупации деятели словенской культуры (на тайном Пленуме культуры Освободительного фронта словенского народа в сентябре 1941 г.) провозгласили лозунг так называемого «молчания культуры» в условиях фашистского присутствия. Однако своё отношение к происходящему выразили почти все крупнейшие писатели. – *Примеч. ред.*

и свою последнюю, на этот раз, к сожалению, – к этому вопросу мы ещё вернемся, – при жизни неизданную книгу.

То же относится и к Гоголю. Исследование о нём («Гоголь как художник и нравственный учитель») он первым подготовил для нового журнала после разрыва с «Люблянским звоном» и вновь вернулся к творчеству русского писателя позднее (1939–1940), говоря о нём как о драматурге¹. Позже мариборское издательство «Обзорья» опубликовало его монографию о Гоголе. При публикации переводчик (в то время ещё Г. Коритник) представил «земляка из Метлики», в настоящее время штатного профессора в университете Ноттингема, как одного из «самых одарённых и наиболее оригинальных психоналитических критиков современной европейской литературы», прославившегося своими «своеобразными и глубокими критическими эссе в английских литературных кругах», а также как посла нашей культуры, знакомящего, как никто ещё до него, англичан с нашей культурой.

В первом эссе о Гоголе в «Модрой птице» достаточно мало говорится о его литературном творчестве, – несколько раз лишь упоминаются «Мёртвые души», – внимание больше уделено теме, обозначенной во второй части названия статьи, – Гоголь как нравственный учитель. Автор ищет подтверждения своим предположениям прежде всего в переписке писателя: «проповеднический и учительский тон более или менее всегда очевиден в письмах Гоголя». Наиболее значимой для Лаврина была объёмная книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), содержащая его «нравственные максимумы». Он был уверен, что именно этот труд станет своеобразным откровением для соотечественников и шире – человечества. Письмо, отправленное в том же 1847 году из Франкфурта С. Т. Аксакову, для нашего эссеиста раскрывает больше, чем любое критическое исследование: «Друг мой! я изнемог. <...> положение моё <...> тяжело. <...> мне трудней, нежели всем тем, которых я оскорбил»².

Иной замысел у более позднего толкования Гоголя, опубликованного на страницах того же журнала: на этот раз Лаврин направил свой взор к теме «Гоголь как драматург»³. По существу речь шла уже об одной из глав будущей монографии о знаменитом

¹ Lavrin J. Gogolj kot umetnik in moralni učitelj // Modra ptica. Ljubljana, 1932 / 1933. S. 356–367.

² Письмо от 10 июля 1847 г. – *Примеч. ред.*

³ Lavrin J. Gogolj kot dramatik // Modra ptica. 1939 / 1940. S. 243–250.

русском писателе, позднее изданной в обновлённом виде и на словенском языке: публикация была посвящена в первую очередь двум самым интересным пьесам Гоголя – «Женитьба» и «Ревизор». Говоря о первой «прекрасной» комедии, являвшейся собственно «театрализованным анекдотом», Лаврин подчеркнул, что она написана «с живостью и нравом актера». Верный своему исследовательскому методу, автор видит в ней традицию Мольера, однако считает, что юмор Гоголя грубее, его комизм переходит сразу в фарс. Произведением совсем иного рода представляется ему «Ревизор»: желчная сатира, технически монолитная, полная грусти и насмешки – свист бича слышится от первой до последней сцены. Вместе с комедией Грибоедова («Горе от ума») он относит её к самым сильным пьесам русской сцены. Лаврин знает, что автор опирается частично на идею Пушкина, и обращает внимание также на другие влияния, даже на «Лжеца» П. Корнеля, подчёркивая вместе с тем, что схожесть исключительно внешняя – «не важно, где автор берёт для себя мотивы, но важно, как он их усваивает».

Интересно, что непосредственно за первым эссе «Модра птица» публикует работу Лаврина абсолютно иного толка: «Секс и эрос», где эссеист сопоставляет взгляды двух значительных теоретиков этой проблематики, русского В. Розанова и венского еврея О. Вейнингера¹. Хотела ли редакция при этом утвердиться в своём решении издать труд последнего отдельной книгой, или же наоборот, статья Лаврина подтолкнула их к такому решению? Автора особенно занимал вопрос вейнингеровской «пропасти между любовью и сексуальностью», которая достигла «такой напряжённости, что уже граничило с сумасшедством». Так или иначе, книга вышла в «Модрой птице», но позднее руководитель издательства сожалел о своём решении, как видно из его переписки с Бартолом².

Затем Лаврин вновь возвращается к портретным статьям, которые, хотя это и не акцентируется в названиях, как это было в «Люблянском звоне», но опираются на компаративистский метод. Сначала редактор Жагар и переводчик Донат (после печального опыта с «Люблянским звоном» автор просматривал переводы перед публикацией) выбрали главу об Уайльде из недавно опубликованной в Лондоне книги «Аспекты модернизма от Уайльда до

¹ Опубликовано в рубрике «Записки» (Modra ptica. 1934 / 1935. S. 302–306) с вводным примечанием П. Доната о том, что статья взята из английского журнала «Юропиан Куатерли».

² Письма Жагара из наследия Бартола (Национальная унив. б-ка).

Пиранделло»¹. Лаврин сопоставляет английского писателя на этот раз с Ницше, однако вновь речь идёт в первую очередь о поиске различий: вопреки своему «кокетливому индивидуализму и обилию парадоксов», напоминающих немецкого мыслителя, Уайльд является настоящей противоположностью философа сверхчеловека. По убеждению Лаврина, он был «скрытым моралистом» и, когда ему уже нечего было сказать, он решил попроситься.

Среди первых работ, опубликованных «Модрой птицей», было эссе об авторе романа «Соки земли» норвежском писателе К. Гамсуне, которое в своё время предназначалось для «Люблянского звона». Тогда Лаврин был недоволен переводом и уже расставался с ежемесячником. Очевидно, теперь речь шла о том же тексте или, по крайней мере, одной из вариаций на эту тему, но перевод был действительно новым, выполненным Петером Донатом, переложившем на словенский большинство эссе Лаврина для «Модрой птицы». Работа была опубликована под названием «Янко Лаврин о Гамсуне», с кратким вводным примечанием². Из него видно, что новая редколлегия журнала (как и прежде Альбрехт) не требовала от автора абсолютно новых текстов и охотно принимала его эссе из недавно опубликованных книг, особенно «Ракурсы модернизма». В вводном примечании при этом было упомянуто, что Гамсун, пожалуй, самый читаемый словенцами современный писатель и что его роман «Соки земли» (первая книга, опубликованная молодым издательством) уже дважды переиздавался; также было обещано, что публикация указанных эссе будет продолжена. Лаврин начинает с несколько необычной мысли, что внимательный читатель произведений Гамсуна почти всегда удивлён смесью двух несогласующихся и, на первый взгляд, несочетающихся элементов: это «свежесть земли и устремлённое в себя мудрствование декадента». Гамсун для него, возможно, крупнейший представитель движения в современной литературе, которое можно было бы назвать «Назад к земле и к природе», однако без морализирующей тенденции в христианском смысле, какой она была у Толстого и Руссо. И всё-таки – Гамсун смотрит назад, а не вперёд; но даже если мы не придерживаемся его взглядов, мы всё равно должны быть ему благодарны за искусство, которое в значительной мере выросло из этого мировоззрения, – его сочинения во многом

¹ Janko Lavrin o Oskarju Wildeu // Modra ptica. 1934 / 1935. S. 372–378.

² Janko Lavrin o Hamsunu // Modra ptica. 1935 / 1936. S. 25–30.

уникальны, хотя «инспирированы его атавистическими и иногда чересчур уж деревенскими предубеждениями». Очевидно, именно из-за подобных мыслей своего сотрудника издательству, больше всех заботящемуся о популяризации великого норвежца среди словенцев, показалось необходимым сопроводить статью краткой вводной сноской. В следующем номере была опубликована работа под названием «Загадка Рембо»¹; примечательно, что её также (как и предыдущую) поместили в непрестижную рубрику «Записки», что позже больше не повторялось, возможно, из-за возражений автора²? Лаврин снова обратился к поиску параллелей или противопоставлений и рядом с автором, указанным в названии, ставит Бодлера. Он касается темы «скользкого пути», где встречается «декаданс» обоих. Вместе с тем, по его мнению, глубинные мотивы двух поэтов абсолютно разнятся: первый был «слабым и физически плохо развитым» и упивался иллюзиями о силе и «сатанинской» дерзости, другой – «легкомысленным из-за обилия жизненной энергии», что и стало для него худшей опасностью в жизни. Говоря о молодом Рембо, Лаврин упоминает также Гюго и парнасцев, говорит о его чувственной связи с природой и «язычестве», которое глубже и сложнее, чем модное и надуманное язычество Д'Аннунцио и Уайльда; «извращённый вкус» сближает его не только с Бодлером, но и с Жидом и Прустом; его чутьё создателя рождено его дерзостью, его сопротивлением и его похождениями.

Наиболее интенсивным сотрудничеством Лаврина с «Модрой птицей» – и журналом, и одноимённым издательством – было в 1936 / 1937 издательском году, когда на страницах этого ежемесячника появилось семь статей, а затем ещё и его первая книга на словенском языке, в которую вошли три избранных «психокритических» исследования. Внешне эти работы весьма разнолики и даже более, чем в своё время в «Люблянском звоне», часть из них носит теоретический характер, и лишь некоторые из последних возвращаются к личностям и к сопоставлению избранных авторов.

Первым в этом издательском году вышло размышление под названием «Творческий скептицизм»³. Автор бегло останавливается на именах, казущихся ему особенно близкими данной теме (Монтень, Паскаль, Вольтер, Франс, Достоевский, Кьеркегор,

¹ *Lavrin J. Rimbaudjeva uganka // Modra ptica. 1935 / 1936. S. 58–63.*

² Переписка автора с редактором журнала и руководителем издательства, к сожалению, не сохранилась.

³ *Lavrin J. Tvorni skepticism // Modra ptica. 1936 / 1937. S. 121–123.*

Ницше) и ставит вопрос, в чём, собственно, разница между отрицающим и творческим скептицизмом: отрицающий скептицизм склоняется к нигилизму, творческий – внутренне освобождается, такой скептицизм продуктивен уже потому, что находится на службе у жизни. Затем журнал печатает размышление «О трагическом» (признавая, что речь идёт о кратком варианте прежде опубликованной в Англии большой статьи)¹. Автор возвращается в первую очередь к античности, к Гомеру, «продукту эпохи эпоса», и к Эсхилу, для которого уже вся жизнь стала проблемой. Христианство, как пишет Лаврин, внедрило в европейское сознание понятие о Божественном Провидении, но это нечто совершенно иное, чем судьба в понимании древних греков, тем самым было «подорвано всякое трагическое понимание жизни». Неудивительно, продолжает он, что в эпоху исключительного христианского доминирования трагедия как литературный вид не могла процветать и возродилась только как плод гуманистического интереса к античной литературе. Вывод: возможно, родится новое трагическое искусство как протест против поверхностного понимания человека и жизни и против всех современных приоритетов – таким протестом уже стали ревностные духовные поиски и борьба Достоевского. Это трагическое искусство, возможно, обратит внимание на самых простых людей – что почти удалось Ибсену в лучших его произведениях; и именно этого мог бы достичь и Чехов, если бы не «оказался в тупике», как – весьма неожиданно – о своём любимом писателе пишет Лаврин. В третьем теоретическом эссе, а лучше сказать рассуждении, «Критики и художники»² автор размышляет о соотношении между творческим и критическим началами, что интересно хотя бы из-за ревностных отношений между ними или даже взаимного противостояния. Среди критиков ему особенно интересны четыре типа, которые он описывает не без иронии: во-первых, это «популяризирующий и болтливый тип»; во-вторых, «более самонадеянные посредники между авторами и публикой»; в-третьих, люди «доброго сердца», видящие в искусстве не более чем «некую проповедь или лекцию в воскресной школе»; в-четвертых же, «возвышенные» критики, влюблённые в своё интеллектуальное занятие; ещё же есть особый и распространенный вид рецензентов, которых он в шутку называет «*canaille littéraire*»³. Несмотря на явную насмешку, своё рассуждение

¹ *Lavrin J. O tragičnem // Modra ptica. 1936 / 1937. S. 142–145.*

² *Idem. Kritiki in umetniki // Modra ptica. 1936 / 1937. S. 171–173.*

³ «Литературная чернь» (фр.).

он всё-таки заключает мысль, что «настоящая критика сегодня необходима более чем когда-либо, – критик должен быть аналитиком и творцом, хорошо подкованным в эстетике и психологии». Возможно, художник и критик, пишет Янко Лаврин (сам являющийся критиком), когда-нибудь встретятся – не как скрытые враги, но как «действительные спасители и союзники».

Затем эссеист в том же году возвращается к своим портретным исследованиям и останавливается на Сергее Есенине¹, естественно, снова опираясь на сопоставление. Прежде всего он признаётся в своих симпатиях к русскому символизму, который, правда, был «чересчур интеллигентным движением», чтобы мог пережить революцию – его приверженцы эмигрировали или же присоединились к «новым литературным манифестам и группам». Важнейшие явления на поэтической жатве первого «большевистского десятилетия» для него – Есенин и Маяковский, но какая разница между двумя одаренными юношами! Маяковский стал провозвестником поднимающегося пролетариата, Есенин же был крестьянским поэтом, последним «поэтом деревни». Революцию он приветствовал совсем иначе, чем Блок или Маяковский, в ней он не видел «исполнения чаяний интеллигенции на обновление жизни, а ещё менее какой-либо пролетарской пляски на развалинах старого мира», он приветствовал её лишь как крестьянин. Его самобытность в лирике, а не в революционных стихах, хотя он и старался достойно приветствовать революцию.

Уже названные публикации – в «Люблянском звоне» и в «Модрой птице» – показывают, что словенский профессор русской литературы английского университета никогда не замыкался на изучении и интерпретациях произведений исключительно русских мастеров слова. И в этот – самый значимый для него – год сотрудничества с новым журналом он снова обращается к совершенно иным мирам. В эссе о Рильке² Лаврин сравнивает его поэзию с творчеством других представителей немецкого модерна и обнаруживает, что она была «по существу совсем женской», и эта «женственность» черпала свои силы в слабости поэта. По мнению Лаврина, этот немецкий поэт был «необычайно славянским»: он сам признавался, что его пребывание в России и встреча с Толстым стали «решающими» в его жизни. Рильке избегал общества

¹ *Lavrin J. Sergej Jesenin // Modra ptica. 1936 / 1937. S. 247–252.* – С подзаголовком «Исследование русской революционной литературы».

² *Idem. Rainer Maria Rilke // Modra ptica. 1936 / 1937. S. 274–281.*

и пренебрегал славой, но всё же на момент своей смерти (1926) был известен всей Европе, считался одним из самых глубоких современных поэтов.

Совсем по-иному Лаврин рассуждает в следующем эссе «Габриеле Д'Аннунцио»: многие блестящие жемчужины его искусства вблизи оказались лишь с необыкновенной аккуратностью обработанным стеклом; в нём было слишком много от лирика и риторика, чтобы он мог стать настоящим драматургом. Говоря о его пьесе «Мёртвый город» автор упоминает Метерлинка, считая, что эта «статичная» драма лишь одна из самых блестящих копий. Когда Лаврин задаётся вопросом, каково сейчас в европейской литературе положение некогда популярного итальянского писателя, то записывает ответ вновь не без иронии: он обладает большой международной славой, в действительности же у него нет никакого международного значения: его литературную славу ширили, в первую очередь, разные «подвиги», у которых нет никакой настоящей связи с искусством. Несколько больше Лаврин расположен к его земляку Пиранделло. Даже на первый взгляд он – единственный из всех итальянских драматургов международного уровня – напоминает ничуть не менее яркого Бернарда Шоу, однако в отличие от оптимистичного и вызывающего ирландца у него нет «ничего, за что бы он боролся, и ничего, против чего бы он воевал». В результате строгого анализа некоторых его текстов Лаврин приходит к несколько туманному и необычному выводу, что персонажи Б. Шоу «или правы или нет», а «куклы» Пиранделло одновременно и «правы и неправы»¹.

В конце плодотворного года (1936 / 1937) издательство «Модра птица» позаботилась о публикации первой книги своего сотрудника на словенском языке: в 1937 г. были опубликованы три полноценных «психо-критических» исследования: о Достоевском, Ницше и Толстом², все переводы были выполнены Петером Донатом. Лаврин сам написал краткое вводное пояснение, не скрывая, что речь идёт об уже печатавшихся работах, и разъяснил свою методологическую направленность:

Эти три исследования вышли несколько лет назад по-английски как вклад в психологическое течение в современной критике. Было бы ошибочным полагать, что психологическая критика всегда одинаково надёжна.

¹ *Lavrin J. Gabriele D'Annunzio // Modra ptica. 1936 / 1937. S. 314–320; 375–381.* (Пер. с английского Милены Мохорич.)

² *Idem. Dostojevski, Nietzsche, Tolstoj ...*

Вместе с тем существуют писатели, понять которых можно лишь, если подумать о них с психологической точки зрения и таким образом отделить всё внешнее в них от их истинной глубины. Для этой книги я избрал трех писателей, требующих как раз такого отношения к себе. Исследование о Достоевском для словенского издания я частично сократил и порядком переделал. И о Ницше я добавил несколько глав. Исследование о Толстом осталось почти нетронутым, хотя многие из выводов, представленных в этой книге, и могут повторять материалы о Толстом, опубликованные за последние годы.

Три работы представляют собой синтез прежних исследований Лаврина, его факультетских лекций и исходных публикаций в Англии. Каждая из них включает в себя от восьми до четырнадцати глав и с различных точек зрения освещает избранного автора. В части «Достоевский и его творчество» Лаврин дает читателю прежде всего некоторые значимые биографические сведения, представляет его как художника, психолога и публициста, в его же великих произведениях исследователя особенно вдохновляет образ Ивана Карамазова. Часть «Ницше и современное сознание» с особой тщательностью представляет нам автора и его философию, проблему «сверхчеловека», его отношение к религии, античности и эротике. Третья часть с простым названием «Толстой» также начинается общим обзором, Лаврин останавливается на отношении писателя к религии, сексуальности и другим жизненным вопросам, в конце же он связывает эти рассуждения с предыдущим разделом – «Толстой и Ницше»¹.

Книга, оказавшаяся среди основных изданий в то время престижного издательства, была принята с интересом и признательностью. Особое внимание обратил на неё редактор либеральной ежедневной газеты Божидар Борко, который и прежде внимательно следил за работами нашего исследователя за рубежом². Менее осведомлённым читателям он прежде всего представил Лаврина, белокраинского земляка и ныне уважаемого преподавателя в Ноттингеме, особо подчеркнув его роль проводника словенской культуры, с одной, и русской и английской, с другой стороны, а также упомянув ранее вышедшие словенские переводы в двух отечественных журналах. Издательству Борко был особо благодарен за книгу, открывающую новые взгляды на троицу «европейских

¹ Одноименное исследование было опубликовано первым из работ Лаврина в «Люблянском звоне» (1927. С. 527–541.) в переводе Г. Коритника.

² -o.[Borko B.] Janko Lavrin // Jutro. 1937. 24. decembra. – Ср. также переписку Лаврина с Борко: *Lavrin J. Pisma v domovino*.

великанов». В связи с первой частью он обращал внимание на опубликованную год назад работу проф. Приятеля, предлагая сравнить обе работы, что выявило бы их различия и точки соприкосновения. Иначе с Ницше – о нём как «выразительном вестнике современного сознания» никто из словенцев ещё не писал так основательно. Критик принимает «психо-критический метод»: автор исходит из личности писателя и переходит к разбору его произведений. Изучая творения общеевропейского значения, Лаврин, по мнению Борко, не является ни защитником исторического метода, ни его противником, но пытается биографии личностей и эстетическое переживание их произведений осветить с помощью психологических исследований.

Первая словенская книга Лаврина наверняка не осталась бы на долгое время единственной, если бы не появилась, так сказать, на пороге судьбоносных сдвигов в Европе и в мире. Новых книг Лаврин был вынужден ждать почти три десятилетия; как уже говорилось, речь идёт здесь о едва ли понятном и оправданном пробеле, ведь в течение всех этих лет Лаврин играл роль самого верного посредника между отечественной и мировой культурой, особенно английской.

В последние годы существования журнала было опубликовано ещё несколько менее важных для наследия Лаврина, хотя и небезынтересных сочинений. Мы имеем в виду размышление о богомилстве¹, средневековом религиозном движении и о культурном значении этого движения, бывшего своего рода предтечей Реформации. Мысль Лаврина заключалась в том, что богомилы были «крайне неплодовиты в культурном смысле», и поэтому не стоит сожалеть, что жизнь отбросила это явление как нечто зависимое и вредное. В этом и в следующем издательском году автор и редактор решили издавать даже «автобиографические фрагменты», которые по-новому освещают нашего мирового путника и авантюриста, как он однажды сам себя назвал, и в первую очередь описания посещений «экзотических» стран².

Определенную значимость имеет исследование «Футуристическое интермеццо»³, вновь вскрывающее авторский интерес ко всему новому, а одновременно его критическое отношение к этим поискам. Из всей футуристической «суматохи» (1910–1915), как

¹ *Lavrin J. Bogomili // Modra ptica. 1937 / 1938. S. 213–222.*

² *Idem. Iz popotnikovih zapiskov (Pustolovec, Derviši, Spak) // Modra ptica. 1937 / 1938. S. 242–248; 1938 / 1939. S. 318–320.*

³ *Idem. Futuristični intermezzo // Modra ptica. 1937 / 1938. S. 58–62.*

констатирует Лаврин, сегодня трудно было бы указать хоть одну единственную хорошую книгу или картину. Прежде всего интересен тезис Лаврина о том, что как у итальянского фашизма, так же, как и у русского большевизма достаточно элементов, связывающих их с этим движением: Д'Аннунцио и Маринетти оба, каждый по-своему, способствовали укреплению идеологии фашизма в своей стране, а русский футуризм сразу после революции слился с большевизмом. Вместе с тем Лаврин подчёркивает также и различия: в то время как движение в Италии стало фанатично национальным, в России оно было фанатично универсальным.

В последних выпусках «Модрой птицы» Лаврин снова возвращается к своему излюбленному Антону Павловичу¹ и публикует посвящённую ему главу из уже готовящейся к изданию книги «Панорама русской литературы», которая вышла в свет гораздо позднее, в том числе и в Словении. При этом Лаврина особо интересует «собственный художественный метод» русского драматурга, его драматический замысел без «театральных трюков, искусных хитросплетений» и особенно без слишком явно выраженных «героических характеров» – ему милее «негероические» подробности каждодневной жизни; его герои – «лишние люди». Чехов, пишет он, не осуждает общество, но лишь констатирует с помощью плутовской и печально примирительной усмешки, в которой время от времени проглядывает слабая надежда на лучшее будущее.

Когда Европа была уже в огне, а Словения на пороге оккупации и расчленения, автор отправил журналу ещё одну, последнюю статью – «Поэзия русской революции» – и в ней обратился к «новым течениям в русской литературе»². Работа в определённом смысле продолжает написанное о Есенине. Лаврин также возвращается и к Маяковскому, сравнивая обоих поэтов: их можно назвать «сореволюционными в популярности». Однако крупнейшим поэтом новой эпохи ему представляется теперь Борис Пастернак, с его «необычайно субъективным и анализирующим лирическим даром», а также «сильной описательной и эпической жилкой»; поэт, который остался верен традиционным поэтическим канонам, одновременно же их «абсолютно сознательно разбивающим». «Великий поэт» – это были последние слова Лаврина, напечатанные на страницах «Модрой птицы» в последний год её существования.

¹ Lavrin J. Od Ostrovskega do Čehova // Modra ptica. 1939 / 1940. S. 367–372. – Ср. сопроводительную статью Лаврина к монографии «Антон Чехов» (2005).

² Idem. Poezija ruske revolucije // Modra ptica. 1940 / 1941. S. 9–15.

4.

Два послевоенных десятилетия прошли под знаком постоянных усилий Лаврина показать англичанам наиболее характерные для словенской литературы произведения, начиная с Прешерна и антологии «Парнас малого народа», вплоть до пьесы С. Грума «Событие в городе Гоге», которая наряду с фарсом «Соблазн в долине святого Флориана» И. Цанкара из новейших отечественных сценических текстов в наибольшей степени его вдохновила¹. На протяжении всего этого времени, что мало приятно, мы не находим имени Лаврина среди сотрудников словенских журналов, на родине вплоть до 1968 г. не вышла ни одна его новая книга, хотя некоторые и были анонсированы. В середине 1960-х гг. можно говорить о решительном переломе. Автор и «Државна založba» («Государственное издательство») – неизвестно по чьей инициативе – в это время договаривались и договорились о публикации сборника эссе и исследований, который действительно вышел в свет под названием «Литература и дух времени» с подзаголовком «От Руссо до Сартра»².

Ещё до этого многие страницы будущей книги опубликовал и тем самым известил о её скором выходе в свет Митя Меяк, редактор основного литературного журнала того времени «Сodobnost»³. Это было прежде всего «Возвращение пана» в самом начале одиннадцатого выпуска журнала, где речь идёт о работе Лаврина о К. Гамсуне, который был близок автору ещё во времена сотрудничества с «Люблянским звоном» и позже с «Модрой птицей». Первый вариант статьи, предназначенной для редактора Альбрехта, был готов ещё в конце 20-х гг., однако автор, недовольный переводом и уже почти разругавшийся с журналом, отозвал его. Позднее вышел новый перевод во втором журнале. Теперь же в послевоенном журнале этот перевод был подготовлен уже в третий раз и заново переработан. Ещё более интригующими

¹ Подробнее об этом в обеих книгах писем Лаврина, в первую очередь в кн.: *Korespondenca med Jankom Lavrinom in Antonom Slodnjakom ...* 279 s.

² *Lavrin J. Književnost in duh časa. Od Rousseauja do Sartra*. Ljubljana: DZS, 1968. 340 s. – Перевод Рапы Шукле, оформление Уроша Барая.

³ *Lavrin J. Panova vrnitev (O Knutu Hamsunu) // Sodobnost*. 1966. Št. 11. S. 1057–1066; *Idem. Sartre in eksistencializem // Sodobnost*. 1967. Št. 6. S. 561–575; *Idem. O Marcelu Proustu // Sodobnost*. 1968. Št. 1. S. 10–17; *Idem. Soeren Kierkegaard // Sodobnost*. 1968. Št. 7 / 8. S. 718–727; *Idem. Bakunin // Sodobnost*. 1970. Št. 8 / 9. S. 909–918.

были журнальные публикации того времени работ «Сартр и экзистенциализм», а в следующем году «Сёрен Кьеркегор». Мысли Лаврина об этих для многих неудобных философах были в то время спорными, но некоторые воспринимали их с открытой симпатией, и не только редактор Меяк или переводчица Шукле, подготовившая словенские варианты¹. В общей сложности в «Содобности» вышло пять эссе, три из которых вошли в будущую книгу.

После выхода книги «Литература и дух времени» «Содобность», естественно, прекратила публикацию; две из опубликованных там статей (о Кьеркегоре и Бакунине) автор не включил в книгу. Очевидно, профессор русской литературы английского университета после долгого перерыва не хотел показывать себя отечественным читателям и знатокам исключительно в качестве русиста, скорее наоборот – тематика его исследований была направлена на более широкий европейский контекст: из 24 избранных работ лишь четверть посвящена русским авторам, но и в них по большей части акцент делается на сравнительном анализе (например, «Толстой и Ницше»). Размах широк, как видно уже из подзаголовка книги. По мнению рецензентов, его размышления простираются от романтики до нашего времени.

Сам автор в кратком вводном слове не скрывает, что избранные эссе появились в разные периоды времени и что изначально большая их часть была опубликована в английских и американских журналах или сборниках, а некоторые также переведены на другие языки (при этом он не забывает упомянуть японцев). Словенский перевод передаёт по большей части их в первоначальном виде, некоторые же он частично изменил и расширил, и только четыре написаны специально для этого издания (однако он не уточняет, о которых идёт речь). Лаврин пишет, что руководствовался мыслью о критике не в узком значении слова, а, наоборот, о критике как более или менее «интегрирующей оценке авторов», в произведениях которых «отражаются разные аспекты духа времени (это определение было ему особо близко) и культурного климата эпохи». Такая оценка должна учитывать не только эстетические, но и психологические, социальные, философские, а зачастую и политические параметры. Выделяется то одна, то другая специфическая особенность, которая может проиллюстрировать не только личность писателя, но в большей мере его связь с эпохой,

¹ 23 февраля 1967 г. переводчица писала автору, что это эссе станет «для словенцев настоящим открытием, так глубоко оно потрясает» читателя.

к которой тот принадлежит. Понятно, заключает Лаврин, что выбор писателей и поэтов (или философов) «исключительно мой», как и выбор отдельных произведений.

Таким образом, во второй книге Лаврина, адресованной отечественным читателям, подобрана пестрая компания европейских творцов, однако между ними почти нет тех, кого бы он уже не представлял в той или иной мере в своё время в «Люблянском звоне», «Модрой птице» и, наконец, в «Содобности». Среди них не только самые знаменитые русские Толстой и Достоевский, не забыл он и о своём Антоне Павловиче Чехове. Многочисленны англичане (Байрон, Уайльд, Шоу) и ещё более многочисленны французы (кроме двух указанных уже в названии, например, Бальзак, Бодлер, Рембо, Франс, Пруст), также итальянцы (Д'Аннунцио, Пиранделло), немцы и австрийцы (Гейне, Кафка, Рильке, Ницше), особо выделены скандинавы (Гамсун, Стриндберг, Ибсен).

Особенно тепло приветствовал книгу почитатель и ближайший друг Лаврина Божидар Борко, сопровождавший его труды в течение нескольких десятков лет когда-то как редактор по культуре ежедневного издания «Ютро» («Утро») и позже (нами уже упоминалась его рецензия на первую словенскую книгу уважаемого земляка), и всегда подчёркивавший, что тот уже долгие годы стоит во главе английской славистики и особенно русистики, а также является одним из самых эрудированных знатоков европейской литературы. При этом он не мог пройти мимо белого пятна, появившегося во время Второй мировой войны и зиявшего ещё много лет после её окончания, — теперь «учёный человек мира» возвращался на старую родину, хотя и оставался «всегда в сердце нашем». Для доказательства его значимости для мира и для Словении он упоминает наряду с его преподаванием в университете также членство в отечественной Академии, издание его работ во многих европейских странах, а также в Америке и опять же в Японии, добавляет, что в Соединённых Штатах якобы даже готовили публикацию его избранных сочинений. При этом критик вспомнил и о прежних «проницательных» аналитических работах и «систематических оценках» в «Люблянском звоне» и в «Модрой птице», о которых уже упоминалось. В новой книге Борко оказались особенно близки эссе о Кафке, Прусте и Сартре, отличающиеся как содержательной весомостью, так и ясным слогом, таким образом, резюмирует он, книга станет «привлекательным словенским путеводителем вширь и вглубь европейской литературы»¹.

¹ Borko B. // Delo. 1968. 8. maja.

О новой книге кратко сообщал и журнал, который уже познакомил своих читателей с несколькими главами из неё. Рецензенту Йоже Шифреру «пример» Янко Лаврина также кажется необычным и практически единственным в словенской культуре, особое внимание он уделил опять же последнему эссе о спорном Сартре и экзистенциализме. При этом он подчеркнул тезис Лаврина об «ангажированном» письме, однако не в пропагандистском или политически тенденциозном значении этого слова. По его убеждению, Лаврин четко разделяет эти два понятия, ангажированность и тенденцию, и показывает, что именно в случае Сартра искусство и идейное стремление непреодолимо сливаются. Таким образом, и ему новая книга представляется драгоценным вкладом в открытие и познание европейской литературы прошлого и настоящего. Хотя, пишет он, можно не соглашаться со всеми тезисами автора, но он очень даже прав, когда связывает литературные достижения с духом времени, двигавшим в прошлом и волнующим ныне европейское общество¹.

5.

В это же время Янко Лаврин ведёт переговоры с мариборским издательством «Обзорья», тогда одним из самых инициативных и успешных в Словении. Так как корреспонденция её директора проф. Йоже Кошара не сохранилась, снова невозможно определить, с какой стороны была инициатива, благодаря которой появилась прекрасное (но, к сожалению, незаконченное) собрание из семи небольших по объёму, однако ценных портретных монографий. На этот раз автор действовал несколько иначе, чем в случае с прежней книгой: он выбрал исключительно русских писателей и постарался тем самым создать единый и завершённый цикл публикаций, выходявших в течение нескольких лет (1968–1973), от первой до последней книги в легко воспринимаемом переводе Янеза Градишника и простом, едином оформлении Бронислава Файона. Первой вышла книга о Достоевском, величайшем мыслителе, который волновал нашего автора всю жизнь (и не только на лекциях в ноттингемском университете). Уже в далеком 1918 г., когда он был ещё в самом начале своей исследовательской карьеры,

¹ Šifer J. Janko Lavrin, Književnost in duh časa // Sodobnost. 1968. Št. 7 / 8. S. 811–815. – В анонсном приложении DZS (Delo. 1968. 2. junija) представил и рекомендовал книгу также В. Клабус.

Лаврин опубликовал в английском еженедельнике «Нью Эйдж» две работы о нём (первая – в десяти частях). Всегда расположен он был и к Толстому. Работы об этих двух писателях вышли огромными тиражами и были многократно переизданы в знаменитом гамбургском издательстве «Револь Ферлаг» (и, как уже было сказано, через них даже в переводе на японский). И, когда вскоре после Первой мировой войны Лаврин решился на сотрудничество с «Люблянским звоном» и несколько позже с «Модрой птицей», среди его ранних публикаций были компаративистские исследования о двух мастерах, и для своей первой книги в словенском переводе он выбрал наряду с Ницше именно этих двух знаменитых русских классиков. Одновременно с этим он готовил для издательства «Обзорья» небольшую монографию о Гоголе¹, который был для него не только одним из крупнейших столпов русской словесности, но также и одной из «самых изумительных фигур, олицетворяющих переход от романтической к реалистической эпохе европейской литературы»; его влияние было исключительным не только при жизни писателя, каждая эпоха что-то позаимствовала у него, в том числе и «советская».

После краткого перерыва издательство продолжило эту серию изданием новых портретов и в первую очередь – Пушкина. В нём автор видел продолжение Петра Великого в культуре: литературу своей страны Пушкин поднял на одну из величайших вершин и соединил её с культурным наследием Европы. Его место в русской литературе ещё никто в течение более ста лет никто не превзошёл и даже не достиг. Лаврину был близок также Гончаров, и он опровергал мысль, что автор «Обломова» «*homo unius libri*»²; многими произведениями он опередил свою эпоху и всё ещё значим, в том числе и для мировой литературы. Заключительными томами собрания стали портреты Лермонтова и Тургенева. Зрелые творения первого Лаврин определяет как достояние каждого образованного русского, за рубежом же он популярен прежде всего благодаря роману «Герой нашего времени», каждое последующее поколение может найти в нём новый смысл. Тургенев, в представлении Лаврина, один из самых дисциплинированных и уравновешенных русских реалистов. Свою страну он открывал не только ей самой, но и опять же всей Европе и миру, в этом отношении автор даже ставит его выше Гоголя.

¹ Работа должна была выйти ещё в 1961 г. в серии «Кондор» при «Модрой птице», но план не был осуществлён.

² «Человек одной книги» (латынь).

Так завершилось издание серии книг, однако не по воле автора. Для того же мариборского издательства он ещё готовил монографию о Чехове, однако, после ухода Йоже Кошара «Обзорья» тянули с публикацией. Сразу после выхода «Лермонтова» и «Тургенева» Лаврин сообщал новому редактору, что восьмая монография готова к печати и что рукопись он действительно отправил, однако из года в год публикация откладывалась якобы из-за сложностей в словенских издательствах вообще и особенно в мариборском, в результате ему вернули рукопись с просьбой о «понимании»¹. Автор обиженно замолчал, однако никогда не отказывался от мысли о реализации этого издания. В начале 1980-х гг., уже будучи весьма пожилым, Лаврин снова взялся за рукопись и – верный своим привычкам – подготовил новую версию. Он попросил свою прежнюю переводчицу Рапу Шукле перевести и этот труд своим «прекрасным словенским», кроме того, почти во всех письмах своим друзьям и коллегам того времени он возвращался к этому «содержательному» и «весьма притязательному монографическому исследованию», содержащему много «новых взглядов»², но всё-таки его опередила смерть. К счастью, рукопись, которая долгое время считалась утерянной и которая должна была по желанию автора выйти к 80-летию со дня смерти Антона Павловича, сохранила переводчица. Спустя два десятилетия она вновь взялась за неё, а Словенская академия наук и искусств поставила этот труд в план публикаций – к столетию со дня смерти Чехова и одновременно в память о своём бывшем члене.

Эти небольшие книжки получили благоприятные отклики, в первую очередь со стороны ближайшего знакомого Лаврина Божидара Борко, который пером знатока и одновременно друга написал вступление ещё к первой «литературно-исторической трилогии». Теперь он вновь приветствовал возвращение «ведущего английского слависта в пространство словенской культуры», снова подчёркивая, что тот его никогда и не оставлял. О Лаврине он писал как об отличном знатоке всей, в том числе и новой русской литературы и подчеркнул значение этих публикаций для Словении, одобряя авторский метод и подчёркивая высокий уровень его письма³.

Из журналов томам нового собрания особое внимание уделил тогдашний ежемесячник «Простор ин час». О «Гончарове»

¹ Ср. переписку с новым ред. Х. Богелом: *Lavrin J. Pisma v domovino*. S. 219–225.

² Ср. особенно письма к Р. Шукле и к К. Бренк: *Ibid*.

³ *Borko B. Gogolj, Tolstoj, Dostojevski. Tri monografije Janka Lavrina // Delo*. 1969. 5. julija.

и «Пушкине» вышло сначала информационное сообщение и реклама красивых книжек, традиционного авторского метода, приятного чтения и не слишком строгой научной обработки материалов. Более критичен по отношению к двум последним томам был молодой в то время Денис Пониж: ему показался спорным уже сам термин «исследования», ведь обе книжки написаны слишком популярно, чтобы соответствовать такому обозначению. Автору не хватало (глубокого) анализа литературных произведений; неправомерным он считал и толкование литературы, при котором принимается во внимание только внешние мотивы и причины (как пример он взял толкование проблематики «Демона»). Вместе с тем критик заканчивает признанием, что оба исследования «в некоторых своих пластах» являют собой, несмотря на высказанные сомнения, интересный и нужный труд. Однако эти две работы никак нельзя сравнивать с прежней монографией («Достоевский, Ницше, Толстой»), вышедшей в Словении четыре десятилетия назад¹.

Эта оценка уже намечала сомнения, которые несколько лет спустя усугубились с выходом в свет «Панорамы русской литературы».

6.

Обширная книга «Панорама русской литературы»² (1979) вышла в увеличенном формате шесть лет спустя после лондонской публикации в 1973 г. Автор хотел избежать жанрового обозначения «история», так как всегда иронизировал над «профессорскими изысканиями». Однако в двадцати семи главах он даёт тщательный и наглядный критический обзор развития русской литературы от её «зарождения», как он говорит на первых страницах (см. главу «Татарское иго и его последствия»), и до заключительного размышления о современных процессах («Под знаком социального реализма»). Книга является синтезом и одновременно

¹ См. статьи З. Берана и Д. Понижа: *Prostor in čas.* 1972. S. 619–620; 1974. S. 676–677.

² *Lavrin J. A Panorama of Russian Literature.* London, 1973; *Lavrin J. Panorama ruske literature / Prev. R. Šuklje, D. Bizjak.* Ljubljana, 1979. – Затем Лаврин ещё опубликовал более краткую статью «Достоевский политик» (*Slavistična revija*, Ljubljana, 1981. S. 339). Ср. также публикацию Й. Погачника «Из наследия Янко Лаврина (Параллели между Й. Цанкарюм и Д. Г. Лоуренсом)» в «Диалогах» (*Dialogi*, Maribor, 1995. S. 51–55.). – Вариант этой статьи Лаврин ещё раньше опубликовал в Новом Саде (*Zbornik za slavistiku*, 1977).

вариацией его основополагающих жизненных исследований, лекций и первоначальных публикаций за рубежом. Специальные страницы посвящены Пушкину и его эпохе, и всем тем, кого Лаврин уже включил в серию, изданную в издательстве «Обзорья», вплоть до тогда несостоявшегося «Чехова» и ещё целому ряду других (конечно, следует оговориться, что при этом речь идёт о переизданиях, но для нашего автора так характерны варианты, всегда дополненные новыми выясненными фактами). Некоторых из анализируемых авторов он объединял, используя свой опыт сравнительного метода, в общие главы – «Ломоносов, Державин и Карамзин» или «Фонвизин и Грибоедов», также «Достоевский и Толстой». Особое внимание уделено как более ранним периодам, и прежде всего всплескам художественной активности, так и новым течениям, «модернистскому валу», эпохе от «Маяковского до Пастернака» и примерам новейшего «советского» романа.

Сам Лаврин многого ожидал от словенского издания, он пристально следил за его появлением, что отразилось во многих его письмах, и нетерпеливо ждал выхода, вместе с тем он пережил и несколько неожиданных разочарований. Уже когда он взял в руки первый экземпляр, то с ужасом обнаружил многочисленные опечатки, которые отравили его радостные ожидания¹. Его также задело, как и его друга А. Слюдняка, нелицеприятные отклики в отечественной печати. Самую обширную и самую острую критику опубликовал Александер Сказа, русист философского факультета Люблянского университета. Собственно в начале он уважительно пишет о «Несторе английской русистики» и о завидном жизнелюбии учёного, который уже долго и исключительно плодотворно работает, саму же книгу он воспринимает как «научно-популярное эссе», предназначенное широкому кругу читателей. Затем он высказывает ряд соображений о «социобиографическом» и «психолого-генетическом» методе автора, о периодизации, пренебрежении к хронологическим критериям, субъективизме и опасных оценках, например, русского футуризма, диссидентов, «самиздата», «третьей эмиграции» и т. д. По его мнению, писателю удались страницы о реализме XIX в. и о модернизме, в прочих же местах книга, «к сожалению, предупреждает, что в будущем в Словении мы не сможем подобным образом размышлять о (русской) литературе». Свои оценки же он заключает словами:

¹ Письмо к Б. Борко от 10 февраля 1980 г.: *Lavrin J. Pisma v domovino*. S. 71.

«И это уже что-то»¹. Этот отзыв, на который предупредительно обратил внимание Лаврина Антон Слодняк в личном письме (ответ не известен) и пытался даже оправдать «молодого» критика², наверняка задел автора (и ещё больше, пожалуй, самого Слодняка).

«Панорама русской литературы» создавалась десятилетиями на основе факультетских лекций и текущих публикаций в периодике, особенно английской, вышла же в свет книга, как было сказано, только в 70-е гг. сначала в Лондоне, а затем и в Словении. То же можно сказать и о последней авторской опубликованной, но, вместе с тем, устроенной по-другому, книге с первоначальным названием «Встречи и годы». Она была принята Словенской матицей ещё при жизни писателя, а опубликована несколько месяцев спустя после его смерти под названием «Между восемью и восьмьюдесятью»³. На этот раз речь шла не о научной работе или эссе, а о собрании двадцати рассказов и новелл с выраженной автобиографической основой. Рапа Шукле, переводившая эти тексты, сопровождала их признанием, что речь идёт об одном из самых значимых английских славистов, известном по всему миру благодаря своим интереснейшим «психо-критическим» исследованиям, его заслугой являются публикации как в России, так и в Англии значительных произведений словенской литературы. Мало кому известно, что Лаврин написал целый ряд коротких рассказов. «Классических мемуаров» писать он не хотел, но решился на ряд художественно-переработанных сочинений, основанных на личных переживаниях его долгой и богатой жизни. Они уже в течение десятилетий публиковались в английских журналах и в сборниках «Лучшие британские рассказы», а некоторые из них были опубликованы люблянкой «Модрой птицей» («Авантюрист», «Дервиши»). Когда автор уже готовил материалы для словенской публикации, этими рассказами заинтересовался тогдашний редактор ежемесячника «Обзорник» и опубликовал четыре из них, начиная с «Собачьей жизни»⁴.

¹ Skaza A. // Delo. 1979. 26. aprila. — На смерть Лаврина критик опубликовал уважительный некролог в журнале «Език ин словство»: *Idem.* Janko Lavrin // *Jezik in slovstvo.* 1987. Št. 4. S. 106–108.

² А. Слодняк Лаврину от 14 мая 1979 г.: *Korespondenca med Jankom Lavrinom in Antonom Slodnjakom ...* S. 180).

³ *Lavrin J. Med osem in osemdeset ...* 210 s. — Подробнее об этой посмертной книге писал В. Гайшек (*Dialogi.* 1988. S. 137–139).

⁴ Ср. переписку с Э. Цесаром: *Lavrin J. Pisma v domovino.* S. 261–268. — Эти четыре очерка вышли в журнале «Обзорник» («*ObzorNIK*») в 1984 и 1985 гг. «Собачья жизнь» была опубликована также К. Бренк в книжке «Воспоминания о детстве»: *Spomini na otroštvo.* Ljubljana, 1977.

В содержательном плане книга «Между восемью и восьмьюдесятью» очень разнородна как в отношении мотивов и объёма отдельных рассказов, кратких очерков и почти новелл, так и в отношении времени действия, а также времени создания и публикации. Так, мы сопровождаем нашего «авантюриста» и «космополита» действительно от восьмого года его жизни, проводящим лето в деревушке на краю Краса (очевидно, белокраинского), и немного позднее, уже гимназистом в «староавстрийском местечке» (Новом месте), где учащиеся испытали на себе полицейские методы управления. Места, куда он приводит нас потом, действительно живописны: то мы в поезде Женева–Рим («Прадавняя история»), то в итальянской деревушке Кампоретто, гордящейся ложными «чудесами» («Долина спокойствия»), то в африканском тропическом городке, где герой встречается с необычными людьми («Авантюрист»), то в Петербурге и его окрестностях («Перед бурей»), то в прежней Праге и даже в Мадриде («Три сватовства», «Изобретатель», «Обращённый»). Он ведёт нас на границу с Албанией, «страной вечной войны», где побывал в беспокойное время накануне мирового столкновения и в его разгар.

Книге он радовался и одновременно боялся её: он хотел, чтобы она вышла сначала в Словении до публикации в Англии. Лаврин в тайне надеялся, что она появится среди юбилейных публикаций к уже скорому (несостоявшемуся) столетию, но одновременно не хотел – в преддверии этого столетия – её дожидаться. И действительно, он её не дождался.

Чересчур смелым было бы заявление, что все истории этой книги также важны и тем более равноценны исследованиям и эссе Лаврина, некоторые из них средненькие и даже ниже среднего (например, перенесённая на чешскую землю «новелла» «Три сватовства» или воспоминание о встрече в Бад-Гаштейне «Двадцать лет спустя»). Но между ними есть и такие, которых отличает зоркость наблюдения и остроумная ирония, как, например, «Путь к успеху»: эта «история из озорных 20-х годов» всё ещё актуальна как насмешка над неудачливым художником-«модернистом», самозванным рецензентом и художественным менеджером, основанная, как и все другие в этом сборнике на реальных встречах и опыте. Особенностью, даже можно сказать «исключительным слушаем», почти наверняка, является последняя история, пережитая писателем ещё в молодые годы и записанная им на сотом году жизни: «Исповедь исповедника», своеобразная вариация, напоминающая

немого у Ашкерца. И это повествование связано с тем, что он сам пережил в средневековом монастыре Дечаны, куда попал во время балканской войны. Настоятель монастыря Варсонофий, русский, сдружился с начальником турецкого гарнизона и благодаря его помощи спас монастырь от уничтожения, в доверительном разговоре с другом, нашим автором, будучи уже в преклонных годах, он раскрывает свою тайну: как член группы мятежников, ответственной за убийство царя Александра II, он, революционер и атеист, спасся от преследователей и нашёл убежище как раз в этом монастыре. Писатель был единственным человеком, которому он открылся, взяв слово, что эта тайна останется между ними.

Автору удалось включить эту необычную историю в книгу, хотя он написал и послал её на родину, когда та была уже на пути в типографию. Её поместили, по его желанию, в конец, двадцатой по счёту, но публикации Лаврин не дождался – Словенская матица выпустила книгу с почтительным посвящением «к столетию со дня рождения автора», не акцентируя внимания на том, что последнее уже полгода как не стало.

Словения приняла весть о кончине Лаврина (1986) уважительными некрологами и воспоминаниями, но в публикации его трудов снова наступила пауза. Только в последнее время Словенская академия наук и искусств воплотила в жизнь свои давние планы о публикации эпистолярного наследия своего члена. В первую очередь вышла «Корреспонденция между Янко Лавриным и Антоном Слодняком», свидетельство многолетней переписки между двумя коллегами и друзьями (1951–1983), подробно освещающее прежде всего старания Лаврина знакомить со словенской культурой жителей его «новой родины», особенно что касается переводов и публикаций стихотворений Прешерна и антологии «Парнас малого народа». Следующая книга, опубликованная САНИ, выстроена по-другому: речь идёт не о переписке двух творцов, но о «письмах Лаврина», адресованных двадцати пяти деятелям отечественной культуры (обратная корреспонденция, насколько она доступна, учтена в примечаниях). Среди адресатов важные фигуры, с которыми наш соотечественник был связан в течение долгих лет: от редактора Божидача Борко, музыковеда Драготина Цветко и верной переводчицы Рапы Шукле, с которыми он чаще всего обменивался письмами, и до редакторов и издателей (к сожалению, не всё сохранилось). Эту книгу предваряют краткие послания Ивану Цанкару (1910), а завершают письма

последнего года жизни писателя (1986). Особо примечательны письма Алойзу Граднику, Изидору Цанкару и Франу Альбрехту, именно последний дал первый толчок к публикации работ соотечественника в переводах на словенский язык¹.

Одновременно Академия утвердила в своих издательских планах публикацию последней рукописи Лаврина, в течение двадцати лет считавшуюся утерянной: небольшую монографию об А. П. Чехове, которую в своё время предполагалось издать как восьмой том в упоминавшемся собрании портретов издательства «Обзорья» в Мариборе. Многочисленные письма свидетельствуют о любви и уважении автора к этому русскому драматургу и новеллисту, а также о его желании, чтобы работа сначала вышла на родине, о чём должна была позаботиться его надёжная переводчица Рапа Шукле. Спустя два десятилетия эта его мечта исполнилась, работа (с предисловием) вышла в САНИ в серии «Труды» на двух языках – языке оригинала и в словенском переводе².

Таким образом, в течение первых двух десятилетий после последней мировой войны Лаврина мало знали на родине или, по крайней мере, его слишком мало публиковали. В последующий период свой вклад внесли прежде всего журналы «Люблянски звон» и «Модра птица» многочисленными переводами избранных эссе Лаврина, а благодаря издательству «Модра птица» появилась его первая книга в словенском переводе. В последний период жизни автора, начиная с середины 60-х гг. в издательствах Любляны и Марибора вышло одиннадцать его книг. В настоящее время – двадцать лет спустя после смерти Лаврина – это дело продолжает Словенская академия наук и искусств.

Перевод со словенского Ю. А. Созиной

¹ Korespondenca med Jankom Lavrinom in Antonom Slodnjakom ... ; Lavrin J. Pisma v domovino. – Обе публ. были подготовлены авт. настоящей статьи.

² Idem. Anton Chekhov ... 156 s.

Воспоминания о знакомстве с Лавриным (к публикации писем Я. Лаврина к автору)

В 1980 г. будучи аспиранткой факультета журналистики МГУ, я работала над диссертацией «Сербская культура в русской периодической печати начала XX века». Тема была выбрана под впечатлением знакомства с Югославией и культурой входивших в неё народов, тогда ещё не разделившихся на отдельные государства. В Югославии я провела два с половиной года, благодаря тому, что мой муж, Виктор Иванович Косик, был направлен на работу в Белград, в Дом Советской культуры, так тогда назывался знаменитый Русский Дом – культурный центр русской эмиграции в Сербии. Жизнь в Югославии изменила мои научные интересы, и, вернувшись, я решила заняться исследованием русско-югославянских культурных связей. В процессе работы я столкнулась с большими трудностями. Хотя в начале XX века интерес к славянству в русском обществе после нескольких десятилетий охлаждения разгорелся с новой силой¹ (толчком к чему послужила, аннексия Боснии и Герцеговины, оживившая идеи славянского единения), материалов для заявленной мной темы оказалось очень мало, в основном попадались некрологи в специальных изданиях и сугубо научные статьи.

Поэтому было большой радостью обнаружить тонкий широкоформатный журнал с изображением на обложке танцующих девушек в национальных одеждах (позднее их сменил гуслир), так как здесь оказалось множество интересных материалов на самые разнообразные темы, касающиеся славянских культур.

Обычно в начале XX века переводом и изучением славянства занимались учёные профессора-филологи, исследовавшие житейную или фольклорную литературу. Некоторое внимание уделялось современным польской и чешской литературам. Новейшие течения в литературе и искусстве южнославянских стран почти никого не интересовали. Причиной было, по-видимому, расхожее представление о довольно слабом развитии этих литератур по сравнению с русской, их архаичности, примитивности содержания и выразительных средств.

---

¹ В мае 1908 г. во время визита в Петербург славянских депутатов венского рейхстага – К. Крамаржа, И. Хрибара, Н. Глебовицкого – оформилось новое движение «неославизм» как реакция на опасность германской экспансии.

Публикации журнала «Славянский мир» опровергали это представление. Множество рассказов, пьес, стихотворений словенских, хорватских, сербских авторов впервые наполнили страницы российского журнала. Причём эти произведения были высокого уровня, в них были отражены типичные для Европы начала XX века эстетические и духовные искания. Переводы сопровождались критическими статьями, обзорами, теоретическими статьями о славянстве.

Журнал просуществовал недолго, довольно скоро стали печататься сдвоенные, строенные номера, что свидетельствовало о материальных затруднениях. Всего вышло 14 выпусков.

В этом журнале было, может быть, что-то дилетантское, но весьма свежее, нетрадиционное, принципиально новое по сравнению с большинством изданий, посвящённых славянской теме.

Журнал привлёк многих видных учёных и переводчиков — А. И. Яцимирского, Н. Н. Бахтина, психоневролога В. М. Бехтерева, зарубежных славянских деятелей, в частности чешских учёных Й. Махара, Ф. Таборского, Т. Масарика.

Несмотря на то, что это издание явилось лишь эпизодом в разнообразной и богатой русской журналистике, оно меня очень заинтересовало. Ответственным редактором значилась М. Шильдер. Издателем и соредактором — молодой словенец, знаток славянских культур, с глубоким уважением относящийся к России, Я. Лаврин.

Под именем Лаврина вышло немного материалов. Собственно, из серьёзных программных статей можно назвать лишь одну: «Славянский мир и художественно-литературное сближение»¹. Идеи автора близки к идеям Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и перекликаются со взглядами современных антиглобалистов. Они выражают опасения по поводу того, что при смешении цивилизации с культурой последняя будет просто «съедена». По-видимому, эти идеи настолько волновали издателя журнала, что друзья, подтрунивая, писали в шуточном домашнем издании: «Янко обратилось к отвлечённым вопросам, и всё существо его стало ареной постоянной борьбы культуры с цивилизацией»².

¹ Публ. в настоящем изд. — *Примеч. ред.*

² Имеется в виду «Албанский» выпуск «Безкровного убийства», см. публ. в настоящем изд. — *Примеч. ред.*

Большинство статей в журнале «Славянский мир» было подписано «Лев Савин», «Л. С.», «Л.». Поскольку для любого исследователя взаимосвязей между Россией и славянскими культурами начала века эти материалы представляют исключительный интерес в силу своей оригинальности, богатству мыслей и талантности автора, естественно, и до моего обращения к этому изданию находились учёные, которые исследовали материалы журнала, стремясь глубже понять и охарактеризовать их автора. Так, в книге Юлии Дмитриевны Беляевой «Литературы народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка» (М., 1979) говорилось о Льве Савине как демократически настроенном журналисте. Я поставила для себя целью узнать что-либо об этом авторе. Но он был абсолютно «непрозрачен». Безрезультатное перелистывание разнообразных словарей, справочников и других печатных изданий привели к мысли, что журналиста с такими инициалами и фамилией просто не было на свете.

Текстологический анализ статей и сравнение их с материалами, подписанными Янко Лавриным, позволили сделать вывод, что именно он и был автором подавляющего большинства критических и теоретических статей в журнале. В то время мне и в голову не приходило, что этот уважаемый автор жив, преподаёт в Ноттингемском университете в Англии и активно трудится на ниве изучения русской литературы. Уже некоторое время спустя в одной из работ отечественного ученого Александра Ефимовича Парниса, исследователя творчества Велимира Хлебникова, я встретила имя Янко Лаврина и из комментариев к статье «Южнославянская тема Велимира Хлебникова»¹ узнала о том, что Александр Ефимович переписывается с профессором Лавриным.

В это время я часто ходила в Центральный государственный архив литературы и искусства², где не без успеха искала материалы о Янко Лаврине. И вот в списке посетителей в журнале читального зала, который заполняется ежедневно, я увидела четкую и разборчивую подпись: «Парнис». После знакомства, состоявшегося в этом же зале, Александр Ефимович сообщил мне адрес профессора, и я ему написала.

¹ Парнис А. Е. Южнославянская тема Велимира Хлебникова. С. 223–251.

² Нынч РГАЛИ.

В первом письме я попросила подтвердить правильность моей догадки относительно его авторства статей в «Славянском мире» и подробнее написать о сотрудниках журнала. Янко Иванович, как я его называла, 17 октября 1981 г. ответил¹. На конверте неровными русскими буквами было написано: «Товарищу Мудровой». Лаврин вспоминал о своей юности и начальном этапе издания журнала, издателем которого была Матрона Шильдер, жена известного художника Андрея Шильдера. В воспоминаниях Я. Д. Минченкова о художнике говорилось, в частности: «У жены Шильдера собиралось другое общество, больше из учёного мира, литераторы и люди политики. Там обсуждались сложные мировые вопросы и намечалось издание журналов. При мне был выпущен какой-то журнал, посвященный славянским вопросам. Ни направления, ни смысла его не помню, да и тогда не мог уловить. Кажется, на одном или двух номерах он прикончил своё существование»².

Если для Матроны Шильдер журнал был данью моде и средством для повышения своей популярности, то Янко Иванович всё-таки увлекся изданием журнала на славянскую тему. Он привлек к сотрудничеству польскую пианистку и переводчицу Марию Хруцкую, вместе с которой смог продолжить выпуск издания.

Одной из основных идей Янко Лаврина было признание близости и родства славянских племён и то, что культурное общение между славянами более естественно и полезно для них, чем «насильное прививание в ту или иную славянскую среду культурно-этических догматов, выработанных совершенно не родственными по духу иноплеменниками Западной Европы»³. Языком межславянского общения он предлагал сделать язык Тургенева, Толстого и Достоевского. Он отстаивал мысль о высоких моральных качествах славянства, о «глубоко-этическом, человеколюбивом характере славянина», его способности страдать за идею, об «устремлении славянской души в сторону совести и правды»⁴.

¹ Все десять писем Я. Лаврина автору см. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

² Цит. по: URL: http://az.lib.ru/m/minchenkow_j_d/text_0120.shtml (дата обращения: 19.03.2011), – см. также последнее переизд. кн.: *Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках*. М., 2010. 382 с.

³ От редакции // *Славянский мир*. 1909. № 2. С. 2.

⁴ Подробнее публицистическая и издательская деятельность Я. Лаврина рассматривалась нами в специальной статье: *Мудрова О. В. Журнал «Славянский мир» ...* С. 34–43.

Янко Лаврин был целиком погружён в современную ему литературную жизнь, у него было множество знакомых, он сам разыскал в Москве поэта Хлебникова и подружился с ним. А. Е. Парнис опубликовал его воспоминания о знакомстве с поэтом. Лаврин писал: «Он даже не спросил, где и как я с ними познакомился. Но как только он услышал, что я южный славянин, его лицо вдруг засияло. Перестав стесняться, он с улыбкой попросил меня сесть, после чего мы с ним вскоре разговорились, точно старые знакомые. Узнав, что я словенец, он признался, что я первый словенец, с которым он вообще познакомился, и тут, конечно, посыпались вопросы один за другим. Я уже не помню, как началась его симпатия к южным славянам и почему он переименовал даже своё настоящее имя Виктор на южнославянское Велимир... Помню только то, что он меня много расспрашивал о житье-бытье сербов и черногорцев. В особенности его интересовала патриархальная Черногория, которую он никогда не видел, так как вообще не бывал за границей и иностранными языками не владел. Я упомянул о некоторых чертах южнославянских литератур, но его гораздо больше интересовали произведения народного творчества, а именно сербские народные эпические песни, собранные в начале XIX века Вуком Караджичем»¹. В его друзьях были представители талантливой литературной молодежи — Илья Зданевич, Городецкий и др.

На основании одного из выпусков гектографического шуточного журнала «Безкровное убийство», посвященного пребыванию Лаврина из Албании во время военных действий в этой стране, Илья Зданевич сочинил пьесу «Янко круль албанской», на созданном им самим «заумном» языке. Собрания молодых литераторов, которые посещал Я. Лаврин, проходили на квартире у Ольги Ивановны Лешковой, автора многих остроумных материалов в печатавшемся на гектографе журнале «Безкровное убийство», иллюстрировал который художник Михаил Ле-Дантю. В кружок входили Кручёных, Илья Зданевич, В. Хлебников. По свидетельству О. И. Лешковой, «Янко был любимцем всей компании и в то же время постоянной мишенью для шуток. О нём всегда было принято говорить и писать в среднем роде, так как его имя

¹ Парнис А. Е. «Пророческая душа» ... С. 97.

оканчивалось на -о <...> По национальности Янко полусерб, полусловинец и знаток литератур всех народов...»¹

Я. Лаврин писал в воспоминаниях о В. Хлебникове, что он несколько раз водил его на вечеринки к своим знакомым, в частности они вместе бывали «у Ольги Ивановны Лешковой, веселой и остроумной приятельницы художника Ле-Дантю, на квартире которой собирались молодые художники и литераторы (Михаил Ле-Дантю, Николай Лапшин, Илья Зданевич и др.)...»².

Литературный кружок недолго радовал своих членов талантливыми шутками и весёлым общением. Война и революция принесли кому-то раннюю смерть (Ле-Дантю), кого-то заставили покинуть Россию³.

В судьбе Янко Лаврина общение с русской литературой и её молодыми представителями оказалось исключительно плодотворным, он посвятил жизнь изучению и преподаванию этой литературы английским студентам. Сейчас его произведения приходят в Россию. Переведён на русский его труд «Лев Толстой»⁴. Этот процесс я бы назвала Возвращением в Россию Янко Лаврина.

¹ РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 3.

² Парнис А. Е. «Пророческая душа» ... С. 98.

³ Подробнее об этом см. статьи А. Е. Парниса, а также В. И. Барановского и И. Б. Хлебниковой в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

⁴ См.: Лаврин Я. Лев Толстой ... (Подробнее об этой кн. см. статью Ю. А. Созиной в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

Кинопортрет профессора Янко Лаврина: от идеи до реализации¹

ИДЕЯ

Началось всё в 2003 г. Я была в Лондоне, где я готовилась к съёмкам документального фильма о Всемирной службе Би-би-си, конечно, уделяя словенскому радиоотделу основное внимание. Ещё когда я готовила «исследование», как говорят телевизионщики, я натолкнулась на имя – Янко Лаврин. О нём мне сначала рассказала его коллега Лиза Хирш-Хоултон. Во время Второй мировой войны они вместе работали во Всемирной службе, и она была свидетелем того, как гитлеровские самолеты во время бомбардировки Лондона задели Буш-хаус, где располагалась Би-би-си, в том числе и словенский отдел. Тогда Янко Лаврин был тяжело ранен в ногу. Г-жа Хоултон была диктором на словенском радио. Хотя она была немецкой еврейкой, но прекрасно владела словенским языком, так как окончила гимназию в Мариборе, куда накануне войны из Нюрнберга бежала её семья. Позднее по понятным причинам они были вынуждены бежать ещё дальше – в Великобританию, где она получила работу во Всемирной службе Би-би-си. О Янко Лаврине она рассказывала с большим уважением. Его очень ценили как человека и как исключительного знатока иностранных языков и, конечно, высокообразованного интеллигента. Подробнее о нём и его жене Норе мне рассказал словенский журналист Митя Мершол, который сотрудничал со Всемирной службой Би-би-си начиная с 70-х гг. и позже, будучи корреспондентом в Лондоне от словенской газеты «Дело». Об обоих супругах он говорил с большим воодушевлением и уважением, поэтому имя Лаврин врезалось мне в память. Всё больше во мне росло желание создать портрет такого прекрасного человека, каким был профессор Янко Лаврин. Несколько позже, в 2005 г., я в присутствии ответственного редактора культурно-художественных программ ТВ Словения Яни Вирка высказалась о том, что меня очень интересует

---

¹ О создании документального фильма «Янко Лаврин: весь словенский, весь русский, весь английский, весь космополит» («Janko Lavrin: ves slovenski, ves ruski, ves angleški, ves svetovljanski»).

история жизни известного во всем мире словенца, Янко Лаврина. Без каких-либо проблем мне был поручен проект – и как сценаристу, и как режиссёру. И что теперь?!

ПОДГОТОВКА

Как приниматься за кинопортрет человека, жившего почти столетие и умершего почти 20 лет назад, чьим жизненным призванием было слово? О нём поначалу я знала мало, почти ничего. Где его семья, где его родственники, как найти сведения о его детстве, учёбе, отъезде в Россию?.. Что с ним происходило в России, какова была его роль в качестве военного корреспондента на Балканах?.. Как он оказался в Англии, какой была его семейная жизнь в Англии, где он путешествовал, с кем общался, каковы были его успехи, а также и трудности?.. Как достать его книги, эссе, которые он в большом количестве публиковал в журналах, в каких журналах, где его переводы, кого и как он переводил сам, какова была его связь со Словенией?.. Где находятся и кто эти учёные, которые исследуют литературное наследство Лаврина и его роль в истории литературы?.. Подготовка заняла год.

ДЖОН И ДЭВИД ЛАВРИНЫ

Для того, чтобы вообще начать ставить перед собой вопросы, я просмотрела все статьи и интервью с участием Янко Лаврина, которые были опубликованы в словенских газетах и журналах, а также в интернете. В это время благодаря семье Мершол из Словении вышел «Дневник из свадебного путешествия», который был написан и проиллюстрирован женой Янко Лаврина, г-жой Норой Лаврин, художницей из Ливерпуля, чья девичья фамилия была Фрай. С Янко она познакомилась в Мидл-Темпле в Лондоне летом 1928 г., откуда, вместе с друзьями, они отправились в Словению. Через девять дней после знакомства они поженились, и поездка на родину Янко превратилась в свадебное путешествие. Издательство «Вале-Новак» представило книгу на лондонской выставке. Там Мершолы встречались с сыном Лаврина, Джоном, художником и скульптором, который ныне живет в Уэльсе. Младший брат Джона, Дэвид, биохимик, жил в США, к несчастью, он скончался в 2008 г.

Когда мне удалось установить контакт со старшим из сыновей, всё завертелось. Джон привёл в исключительный порядок наследие своих родителей, чем очень сильно мне помог. Наследие Лаврина и Норы находится в его доме в Уэльсе, в университетской библиотеке в Ноттингеме, в Британской библиотеке в Лондоне, в университете в Санкт-Петербурге, в Москве, в университете в Лидсе, в Национальной университетской библиотеке в Любляне и – наконец, но не в последнюю очередь – в библиотеке Словенской академии наук и искусств в Любляне.

Сначала Джон прислал мне копию дипломной работы «Жизнь и творчество Янко Лаврина (1887–1986)», которую написала наша соотечественница ангlist Маница Мавер и защитила в 1996 г. в Триестском университете под руководством профессора Йоже Пирьевца, ныне академика САНИ. Работа открыла для меня двери к творчеству Лаврина как литератора, как литературоведа, как эссеиста, размышлявшего об актуальных вопросах, как литературного критика, как переводчика... Вдруг передо мной оказалась вся его библиография.

АНГЛИЯ

Я отправилась в Англию для изучения местности, как мы любим говорить. С помощью Джона я познакомилась с двумя важными людьми – профессором Малькольмом Джоунсом, бывшим заведующим славянского отделения в Ноттингемском университете, ныне находящимся на пенсии, который лично знал Янко Лаврина, и также Петером Хоаром, библиотекарем, также на пенсии, бывшим руководителем университетской библиотеки в Ноттингеме, – и со многими другими. Мои знания о профессоре Янко Лаврине всё больше расширялись, а вместе с ними рождались и первые идеи, как организовать сценарий. Здесь я хотела бы упомянуть, как приятно было сотрудничать со специалистами из Ноттингема, как любезно они меня приняли и как по-настоящему профессиональны и естественны были их выступления перед камерой. Доказательством тому, что имя Янко Лаврина до сих пор живо, стало появление книги Джоунса под названием «Славянский мир: История славяноведения в Ноттингемском университете в XX веке»¹ в декабре 2008 г.

---

¹ Jones M. V. Славянский мир ...

УЭЛЬС

В гостях у Джона в Уэльсе передо мной раскрывался семейный мир Лаврина. Каковы были отношения между Норой и Янко, каково было мнение Джона и Дэвида об отце и матери, – Джон много говорил об этом со мной в личной беседе, а Дэвид, к сожалению, только по электронной почте, так как из-за нехватки бюджета я не могла лететь в США, чтобы его посетить. В Уэльсе передо мной открылся мир фотографий, произведений искусства мамы Норы и сына Джона, бесчисленное количество писем, записок. Я получила множество аудиозаписей – интервью с отцом и мамой, которые записал сын Лаврина Дэвид, а также добрый друг Лаврина профессор Гарри Лиминг, известный своими переводами словенской прозы. Поэтому по дороге из Уэльса я посетила д-ра Монику Лиминг в Лондоне, вдову университетского профессора и заведующего Славянского отделения в Лондонском университете, Г. Лиминга. Исключительно милая госпожа раскрыла мне многие черты характера Лаврина и Норы и осветила события их совместной жизни как в Лондоне, так и в Пиране, где в своём доме Лаврины проводили летние месяцы много лет подряд.

СЛОВЕНИЯ – БЕЛА КРАЙНА

Исследование жизни Лаврина привело меня в его родную деревню Крупу в Белой Крайне, где я нашла его замечательных родственников. Ещё живы две его племянницы Мария и Тина, дочери его единственной сестры. Обе госпожи, обеим за восемьдесят, всё ещё живо помнят своего дядю, как он приезжал к ним в гости ещё в 20-е гг. XX в., позже со своей женой Норой, а затем и со своими сыновьями. Младшая, Тина, хозяйствует во владениях Лавриных, а старшая, Мария, – славист на пенсии и живёт в Целье¹. В деревне любят говорить: учились те дети, что не умели работать.

Передо мной раскрылась палитра красок прекрасных мест Белой Крайны с расписными церквушками, чудными речками, полями, лесами и национальными одеждами. Меня уже больше не заботило, как я воплощу в видеоряд историю жизни Лаврина.

¹ Имеются в виду Тина Юраевич и Мария Чмак. – *Примеч. ред.*

СЛОВЕНИЯ – ЛЮБЛЯНА

В ходе исследования того, каковы были отношения Янко Лаврина со словенскими деятелями культуры и искусства, прежде всего меня удивил факт, что практически не было человека из этой области, с которым Лаврин не был бы знаком. Это были редакторы, переводчики, литературоведы, художники, скульпторы, архитекторы, музыканты, писатели, поэты, артисты балета, хореографы, учёные, музейные работники, университетские преподаватели, журналисты, слависты, англисты... До сих пор в Словенской академии наук и искусств изучают профессиональную деятельность Лаврина и его личные контакты со словенцами. В академике Душане Моравце, любимой переводчице Лаврина Рапе Шукле, славистке и переводчице Майде Становник я нашла замечательных собеседников, которые лично знали Лаврина и бесконечно его уважали. Нет ничего удивительного в том, что до сих пор выходят в свет книги Лаврина, как, например, «Между восьмью и восьмьюдесятью», «Антон Чехов: введение в его жизнь и творчество» или же, скажем, письма Лаврина на родину, опубликовано свыше 800 его писем¹. Также очень важны и личная корреспонденция, опубликованная в книге «Переписка между Янко Лавриным и Антоном Слодняком»². Книги выходят в отделении филологии и литературоведения при Словенской академии наук и искусств под замечательным руководством академика Душана Моравца. То, что жива ещё память словенских профессиональных литераторов о заслугах Лаврина в продвижении словенской литературы по всему миру, доказывает тот факт, что начиная с 2003 г. переводчиков словенской литературы на иностранные языки за выдающиеся достижения награждают Премией Лаврина.

РОССИЯ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – МОСКВА

По существу, больше всего забот у меня было с русским периодом. Через библиотечный обмен мы смогли достать титульные листы газет и журналов, таких как газета «Новое время», журнал

¹ Имеются в виду книги (соответственно): *Lavrin J. Med osem in osemdeset ...*; *Idem. Anton Chekhov ...*; *Idem. Pisma v domovino.* – Примеч. ред.

² *Korespondenca med Jankom Lavrinom in Antonom Slodnjakom ...* – Примеч. ред.

«Славянский мир» или журнал «Велес». Но как добраться до людей, которые занимались или ещё занимаются творчеством и жизнью Лаврина в России. Конечно, для путешествия в Россию, средств не было. В результате, – что и удивительно и весьма удачно, – всё сложилось так, как надо. Именно в это время из Москвы в Люблянну приехала д-р Искра Чуркина, которая исследует культурные контакты между словенцами и русскими в XIX и XX вв. И я познакомилась ещё с одним замечательным учёным, которой не составило труда перед камерой осветить важную деятельность Лаврина в русский период. Моё представление об этом времени прекрасно дополнилось и благодаря профессору Джоунсу, который и сейчас исследует русский период в жизни Лаврина, который был настолько богат, что об этом можно было бы снять отдельный документальный фильм.

КИНОАРХИВ

Средства были необходимы и для покупки архивных киноматериалов в некогда югославской кинотеке. Эти киноматериалы помогли нам показать атмосферу, царившую на Балканах во время Первой мировой войны, где Лаврин активно работал как военный корреспондент для русской газеты «Новое время», и атмосферу русской революции 1917 г., которая сделала невозможным возвращение Лаврина в Петроград. Таким образом, он был вынужден остаться в Лондоне и начать строить свою карьеру заново. По счастливому стечению обстоятельств в хранилище документальных фильмов ТВ Словения мы совершенно случайно нашли краткий кинопортрет Лаврина, отснятый в давнем 1969 г. летом в Пиране, в его доме, о котором многие говорили, что это настоящий культурный центр, ведь там собирались словенские и иностранные деятели культуры. Теперь, благодаря этому кинопортрету, я смогла себе представить живого Лаврина.

СЦЕНАРИЙ

Наконец всё было собрано, все контакты были отработаны. Я решила, что для реконструкции историй из жизни Лаврина буду использовать игровые сцены, которые позднее нами были отсняты

перед его последним домом в Лондоне, в Лондонском университете и у реки Крупы в Словении, где Лаврин работал и любил прогуливаться. Встала проблема, как его цельную личность, харизматичность, обходительность, юмор, теплоту и непосредственность, весь образ его жизни сжать в 50 минут документального фильма. Лаврин в течение почти 100 лет во все периоды своей жизни жил исключительно интенсивно и динамично. Он одновременно преподавал, редактировал, переводил, путешествовал, писал литературные исследования и эссе, делал корректуры, издавал книги и планировал новые, общался с друзьями, без усталости писал письма, организовывал литературные вечера, готовил литературные выставки, театральные представления, и, в конце концов, двери его квартиры всегда были настежь распахнуты для словенцев, свою родину он почитал до конца жизни.

Не в последнюю очередь надо отметить, что речь шла о дорогостоящем проекте, и встал вопрос: как получить средства. Вместе с ТВ Словения финансовое бремя разделило и Министерство культуры Республики Словении, поддержав фильм.

СЪЁМКИ

Для киносъёмок должен быть готов сюжет, написан сценарий для игровых сцен и определены места работы камер. Необходимо иметь все разрешения на съёмку, подготовить все необходимые книги, журналы, рукописи, фотографии, картины. Должны быть договорённости по всем интервью, и определено, о чём каждый скажет, как и где это будет происходить. Очень важен состав съёмочной группы, режиссёр должен быть в хороших отношениях в первую очередь с оператором и, конечно, со всей остальной командой. Для меня как режиссёра очень важно достичь желаемой цели, связать всех членов команды и актёров перед камерой в единое целое, чтобы фильм, снимаемый мною, стал нашим общим фильмом, и чтобы каждый привнёс свою лепту, все вместе работали на результат. Съёмочная группа состояла из исполнительного продюсера, сценариста и режиссёра, организатора и директора проекта, руководителя съёмок, директора по фотографии, а также оператора с ассистентом, журналиста, актёров, костюмера со швеёй и гардеробщицей, визажиста и парикмахера, осветителя,

звукорежиссёра, реквизитора, шофёра. Съёмки проходили в Словении: Любляна, Пиран, Марибор, Крупа, Чрномель, Семич, Метлика, Виньи врх, Три фары, – и в Англии: Ноттингеме и Лондоне, – и в Уэльсе: Понт Роберт. Конечно, до сих пор я не могу себе представить, сколько было бы трудностей, если бы не существовало интернета и электронной почты, которые обеспечили мне быструю связь и получение материалов. Исключительно важна и аудио-видео техника. Мы снимали цифровой техникой, когда камера приближала нас к лирическим белоукраинским и приморским пейзажам, заставляла прислушаться к пульсации крупных городов, погружала в затишье игровых сцен. Ритм фильма дополняют интервью, профессиональные обзоры и критики, а также воспоминания людей. Актер, отдавший свой голос молодому Лаврину, читает отрывки из его работ.

МОНТАЖ

Все этапы создания фильма важны, но, по моему мнению, самым ответственным является этап монтажа. Для меня очень важен творческий контакт между режиссёром и монтажёром. Здесь начинается таинство творчества, когда фильм берёт историю в свои руки. В создании документального фильма есть особая западня: в сценарии ничего не возможно предвидеть заранее. Часто случается, что из фильма выпадают интересные сюжеты, которые невозможно включить в историю, как бы сильно ты этого не хотел. Всё диктует ритм фильма, в отношении которого ты никогда не можешь быть уверен, получился ли он у тебя. Подтверждение могут дать только зрители. И тогда наступает катарсис, или как я сама это называю, счастье, ощущение, стоящее всех страхов, сомнений, творческих тревог...

ПОКАЗЫ

Каждый художник хочет показать и испытать себя перед посетителями или зрителями. Фильм о профессоре Янко Лаврине выдержал предварительный экзамен перед приглашёнными гостями в Зале художественного кино, в Любляне, а также премьеру и повторный показ на первом канале ТВ Словения в основное

время для документального кино, где учитывается количество аудитории. Я должна сказать, что фильм посмотрело 200 тысяч благодарных зрителей, со стороны критики он получил высшую оценку. Документальный фильм мы также показали и в родном крае Лаврина, Семиче. Местные жители уже стали немного забывать о Лаврине, хотя и установили в 2005 г. в его честь памятную доску на его родном доме, в деревне Крупа. Теперь его земляки гораздо лучше осознают, насколько важен был их односельчанин, как для Словении, так и для всего мира. С помощью словенского посольства в Лондоне мы показали фильм и англичанам. Успех просмотра доказывает хотя бы то, что после него завязался оживлённый разговор, продолжавшийся несколько часов. С удовольствием я отвечала на вопросы публики, заполнившей зал до отказа. Исключительно успешным был показ фильма и в словенском посольстве в Вашингтоне, куда приехала вся семья покойного сына Лаврина, Дэвида. Моя встреча с ними была сердечной. Тогда мы впервые виделись, но у нас было чувство, что мы хорошо знаем друг друга, хотя и общались исключительно через электронную почту. Меня приятно удивило приглашение Общества словенистических исследований на ежегодный съезд Американской ассоциации по развитию славистических исследований в Филадельфию в 2008 г. для представления фильма¹. Для меня это было большой честью и, пользуясь возможностью, я сердечно благодарю всех, кто сделал это для меня возможным, а также всех, кто бескорыстно помогал мне в создании фильма. В заключение – огромное спасибо моей команде, которая была дисциплинированной, приятной, творческой, короче говоря, незабываемой.

Перевод со словенского Ю. А. Созиной

¹ Показ документального фильма о Янко Лаврине состоялся и в России – в рамках научного круглого стола «Янко Лаврин и Россия». – *Примеч. ред.*

II. Работы Янко Лаврина русского периода^{*}

Славянский вопрос и художественно-литературное сближение¹

Янко Лаврина

Возрождение славянской идеи и славянского вопроса в России за последнее время объясняется тем, что некоторые насущные потребности единения, совместной работы, взаимной поддержки и пользы явились как бы сами собой – в силу известных событий, всколыхнувших даже те круги русского общества, для которых славянский вопрос был раньше более или менее безразличен. Таким моментом явились блестящие успехи южнославянских борцов за независимость, заставшие врасплох всю Европу. Последнее обстоятельство и привело к известной переоценке славянского вопроса в России. Русское общество впервые имело случай убедиться в том, что зарубежные славяне такая сила, с которой нельзя не считаться, и это сразу повлияло на его психологию, изменило отношение к ним. Русские до последнего времени смотрели – отчасти по традиции, отчасти благодаря классической в России «неосведомлённости» – на славян свысока, как спасители на спасаемых ими «братушек», считая их *quantité négligeable*² как в культурном, так и в политическом отношении. И вдруг такой пассаж: порабощённые, обиженные судьбою и европейской дипломатией «братушки» ни с того ни с сего вздумали пошутить над «миролюбиво

^{*} Все работы Я. Лаврина в настоящем разделе даны в современной орфографии и с учётом современных грамматических правил.

Публикация статей с коммент. подготовлена Ю. А. Созиной при учёте рекомендаций И. В. Чуркиной и Т. И. Чепелевской, кроме двух посвящённых А. Ашкерцу, которые подготовила Т. И. Чепелевская.

¹ Публ. по: *Лавринъ Я.* Славянскій вопросъ и художественно-литературное сближение // Славянскій вопросъ в его современномъ значеніи. Речи и статьи Члена Госуд. Думы А. М. Александрова, академ. В. М. Бехтерева, проф. М. М. Ковалевскаго, Янко И. Лаврина, проф. П. А. Лаврова, Д. И. Семиза и проф. М. П. Чубинскаго. С.-Петербург: Общество славянскаго научнаго единенія, 1913. С. 128–139.

² «Незначительный» (фр.).

настроенной» Европой с её вечными проектами «реформ», с её грязной дипломатической страпней, со всеми её политическими и экономическими аппетитами...

Образование сильного южнославянского союза выдвинуло на первый план новые политические и культурные задачи и интересы, тесно связанные с жизнью, с будущностью всего славянства. Их слишком много, и потому хочется затронуть лишь некоторые из них: именно вопросы славянского культурного единения на художественно-литературной почве.

Славянское культурное единение! Для уха русского интеллигента это звучит как-то чуждо и даже неприятно.

Почему именно славянское единение?

«Тут пахнет патриотизмом»!

Одного этого аргумента достаточно для того, чтобы многие отвернулись от славянской идеи. Прежде всего многим и в голову не приходит, что патриотизм большинства славян не есть модный теперь в России наступательный, казенный или т. н. «зоологический» патриотизм, а патриотизм оборонительный, т. е. революционный. Это следовало бы помнить прежде всего и многочисленным представителям «зоологического» национализма в России, сегодня братающимся со славянами, а завтра кричащим: «Бей жидов! Бей финнов»!.. Одно из двух: или у этих господ, постоянно компрометирующих славянский вопрос, вообще нет логики, или же они сознательные идейные аферисты...

Весь так называемый национализм славян сводится не к поглощению других народностей, а к собственному самоопределению, к самоутверждению — во имя гуманности и справедливости. Ещё первые будители славян подчеркнули, что славяне не должны стремиться к культурному сепаратизму от Европы, а наоборот: осознать все свои силы, проявить все свои культурные богатства для того, чтобы их внести, наряду с другими нациями, в сокровищницу европейской, общечеловеческой культуры; для того, чтобы дать человечеству всё, что они могут дать... Конечно, прежде чем дать, необходимо или иметь, или же создать, а для того, чтобы что-нибудь создать собою, нужно прежде всего найти себя... Каждая нация, каждая раса может внести в сокровищницу общечеловеческих ценностей новые ценности, — только оставаясь сама собою, исходя из своей самобытности, из своей индивидуальности и развивая её, а не из подражания, из жизни на чужой счёт, которая всегда приводит к культурному паразитизму, культурной беспомощности, лени

и лакейству... Безликие нации обречены на смерть. Они исчезнут, они должны исчезнуть, ибо они играют роль трутней...

Славянское движение – это громогласный клик просыпающейся к жизни новой расы – клик человечеству, клик судьбе и истории: «Мы не хотим быть культурными трутнями. Мы не хотим быть культурным навозом. Мы сами хотим создавать, творить культуру»!.. Вот к чему сводится славянский «национализм».

Культура каждой расы есть не что иное, как внешнее выражение, внешнее проявление и всестороннее развитие её индивидуальности. *Культура не может быть интернациональной, интернациональной является лишь цивилизация.* И потому роковое смешение цивилизации с культурой будет иметь страшные последствия для последней: цивилизация просто съест все культуры, и мы идём навстречу новому, самому ужасному варварству – варварству цивилизованному... Культуры вне расы нет и быть не может. Расовая индивидуальность должна или переработать, переплавить все посторонние влияния, или же поддаться им, исчезнуть и уступить место более сильному расовому организму. Жизнь и история не знают пощады: в этом их жестокость, но в этом также их гуманность, их справедливость...

Только оценив себя, мы сумеем оценить так же и других. И тогда будем знать, чего нам ждать от других, и что можем сами сделать... Тот, кто критически изучал славянскую душу и сравнивал её с душой европейца, должен был прийти к выводу, что это не две противоположные души, а два дополняющих друг друга полюса... Типичная черта для европейской души – это её устремление в сторону законности и права, в сторону компромисса с действительностью. Отсюда её внешняя дисциплина, порядочность, житейская практичность, узорность и самоуверенность. Типичная черта славянской души – устремление в сторону совести и правды, и потому она в постоянном конфликте и разладе с действительностью. Отсюда постоянное искание, неудовлетворенность и непрактичность, скептицизм к закону, разбросанность, хаотичность, тоска, «improductivité»¹... Не ошибка ли с нашей стороны в том, что мы, во что бы то ни стало, хотим одеть нашу душу в европейский костюм, несмотря на то, что этот костюм для неё слишком узок и что она в нём задыхается... Нам импонирует самоуверенность и дисциплина европейской души лишь потому,

¹ «Непродуктивность» (фр.).

что в нас ещё слишком много хаоса, но не следует забывать, что новые миры рождаются из хаоса... Европа нам дала очень много. Справедливость требует, чтобы и мы дали что-нибудь Европе. И мы сумеем это сделать лишь в том случае, если вернёмся к самим себе, если избавимся от культурного лакейства и заискивания пред Европой. Возвращение к себе, полное культурное и национальное самоопределение каждой из славянских народностей – вот один из лозунгов славянского сближения.

Мечты о каком-нибудь политическом единении всех славян в данном случае представляются более или менее утопичными уже потому, что исторические и политические традиции славянских народностей слишком различны, внешние трения слишком велики.

Вот почему разрешение славянского вопроса представляется возможным прежде всего лишь в плоскости культурного единения.

Но тут мы сразу наталкиваемся на вопрос: каким же образом осуществить это единение? Какова должна быть его программа? На это можно ответить только одно: целесообразная организация совместной культурной работы, имеющая в виду самые насущные культурные потребности и взаимную выгоду. Не парить в тумане идеологии, из-за которого не видна действительность, а работать и только работать. Каждая славянская народность должна поставить вопросом ребром: какая для меня выгода участвовать во всеславянском сближении? Дает ли это что-нибудь моей культуре? Если да, тогда оно имеет смысл, в противном случае не имеет никакого смысла, и тут уже не поможет никакая теория, никакая сентиментальность, никакая навязчивая идея о спасении поработанных «братушек» и т. п.

Русский интеллигент, конечно, в недоумении спросит: «как же я могу подойти к этому с точки зрения собственной выгоды. Где же тут всечеловечество»?.. О, это «всечеловечество»! Оно больше всего мешает русскому видеть самого себя. К тому же оно очень удобно во многих отношениях: удобно прежде всего для тех, кто хочет уклониться от серьезной культурной работы. Серьезная работа возможна только там, где имеется нечто конкретное, с определенной целью и задачей. И можно ли себе представить нечто более неопределенное, чем это т. н. «всечеловечество»?.. Культурные люди понимают, что работать для человечества значит – начать работать с самого себя, затем со своей нации, расы. Один только русский космополит начинает со «всечеловечества», и в результате – нет работы ни над собой, ни над своей нацией, ни над человечеством... Русский интеллигент – культурный евнух:

в своём лакейском ухаживании за Европой он настолько обезличил себя, что потерял всякую органическую, живую связь со своим народом и этим обесплодил себя, т. е. стал «лишним» не только для своей нации, но и для человечества... Человечество в таких работниках не нуждается, оно проходит мимо них...

И потому для русского интеллигента славянское культурное единение прежде всего должно значить: единение со своим собственным народом; всестороннее изучение своей нации, живая, интенсивная работа над своей собственной культурой и постоянная живая связь этой культуры с аналогичной работой родственных по культуре, по духу и по языку славянских народностей...

Вот почему тут важна строго организованная деятельность. С минимальной затратой сил она даст максимальные результаты. В частности тут может быть речь и о значении научной и художественно-литературной организации. Хочется сказать, несколько слов только о последней.

Тут мы прежде всего сталкиваемся с очень безотрадным фактом полного незнания славянских литератур и славянского искусства в России, чуть ли не полного игнорирования его как со стороны публики, так и со стороны русских литераторов и художников. Русские и славянские литературы и художники не только не имели до сих пор никаких взаимных сношений, но очень часто даже не знали о существовании друг друга... Русские, имея у себя на глазах поляков с их чудной самобытной литературой, не считают даже нужным хоть настолько ознакомиться с польским языком, чтобы читать в оригинале их литературных гениев, непереводаемых ни на какой язык. Такое игнорирование непростительно, в особенности, если принять во внимание, что немцы очень зорко следят за развитием славянских литератур...

Другой пример специфически русской неподвижности и «неосведомленности». Австрийские и южные славяне за последние годы везде, где только возможно (чеши даже в деревнях), образуют русские кружки с целью изучения русского языка и русской литературы, но – несмотря на громадный спрос на русскую книгу – русских авторов им приходится выписывать через немцев – чуть ли не за двойную цену. Если бы русские издатели и книгопродавцы хоть немного пошли навстречу, русская книга могла бы там иметь совершенно новый рынок для сбыта, но они об этом ничего не знают... Это уж «неосведомленность» и нерадение *non plus*

ultra¹. С нею может конкурировать разве только нерадение бездарной русской дипломатии...

Далее: близкое знакомство со славянскими литературами и со славянским народным творчеством открыло бы в частности русским писателям и художникам совершенно новую область, полную новых оригинальных мотивов и свежих нот... Имеют ли современные русские литераторы и интеллигенты вообще хоть малейшее понятие о чудных сербских народных эпических песнях, приведших в такой восторг ещё старика Гёте и великого Пушкина?.. Многие ли в России знают о необыкновенной оригинальной прелести народных мелодий балканских славян? О глубокой лирической задушевности песен венгерских словаков? А славянские сказки? А передовые гении славянских литератур хотя бы Преширн², Прерадович, Юлий Словацкий³, Врхлицкий, Пенчо Славейков, которых в России редко кто знает даже по имени?.. Затем славянский быт, славянская психика, славянская природа. Сколько в них ещё свежести, сколько красок, сколько непосредственности!

В других славянских литературах наряду со своим бытом разрабатывается также и быт остальных славян. В польской литературе в этом отношении много сделал, напр., недавно умерший Еж-Милковский, в чешской же целый ряд писателей (Сервац Геллер, Юлий Зейер⁴, Габриэль Прейссова, Й. Голечек и др.). В русской художественной литературе до сих пор нет ничего подобного. И сколько сочности и колорита могла бы внести в русскую литературу художественная обработка славянского быта! Сколько новых более отрадных струн прозвучало бы в ней! Сколько психических особенностей русской души стали бы понятнее, если бы их сравнить с психикой прочих славян? Сколько новых мотивов нашёл бы русский живописец в славянских узорах, костюмах, в славянском пейзаже!

Затем специально-художественная ассоциация с обменом художественных выставок внесла бы большое оживление, соревнование как в русскую, так и в инославянскую живопись. Западные славяне имеют много почётных имён в этой области, известных в Европе, но в России, конечно, неизвестных. Мало того, в России иногда заказы на национальные памятники поручаются полковникам-любителям и заезжим итальянцам, якобы за неимением своих

¹ «Не более чем» (латынь).

² То есть Прешерн.

³ То есть Юлиуш Словацкий — здесь и далее в статье.

⁴ То есть Юлиус Зейер.

русских художественных сил, – и точно у славян нет Мештровича, Мысльбека, Яна Штурсы и др.

Славянское искусство – это та почва, на которой должны быть сделаны первые серьёзные шаги к взаимному ознакомлению, пониманию и к примирению – во имя великого, светлого будущего. И лучшее, что мы можем дать миру и человечеству, мы дадим нашим искусством, поскольку оно будет действительно нашим, т. е. самобытным, национальным... Вечно и гениально лишь то, что носит отпечаток стихийной расовой души, расовой индивидуальности, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Мицкевич, Юлий Словацкий – гении, ибо они – высшее проявление души и духа своей расы. Это разные варианты синтеза одной и той же души... Творчество таланта может быть космополитичным, творчество гения всегда национально – всё равно, сознаёт ли он это или нет...

А теперь коснёмся, хоть мимоходом, славянского вопроса с отвлечённой, общечеловеческой точки зрения. Имеет ли славянский вопрос, как таковой, смысл исключительно для нас – славян, или же имеет смысл также и для мировой культуры вообще.

Это зависит от нас самих.

Для славян остались два выхода: 1) идти слепо за Европой, отказавшись от себя во имя «всечеловечества» – по рецепту космополитов; 2) *через Европу* вернуться к себе и через себя к человечеству...

В первом случае мы очутимся в положении «лишнего человека», т. е. в положении русского космополита, для которого европейский костюм стал лакейским костюмом и убил в нём всякую индивидуальность, самостоятельность и смелость духа. Будем скромно питаться отбросами и суррогатами европейской «культуры», оставаясь всё в той же лени, неподвижности, слякоти, всё в том же культурном болоте. В лучшем случае крепко уцепимся за всенивелирующую цивилизацию, впадём в безнадёжное, уютное и приличное европейское мещанство, которое навсегда убаюкает всё беспокойство, все искания, весь «хаос», всю глубину нашей души и этим превратит нас уже в подлинных – самых настоящих «европейцев»...

Это сравнительно удобный выход – выход по готовому трафарету и рецепту. Второй выход более ответственен, но зато и более неудобен. Он заключается в том, чтобы исправить почти непоправимую ошибку Европы. Европа подменила культуру цивилизацией, и в этом вся её ошибка. Этим она обрекла себя на культурную смерть... Мы, славяне, ещё настолько свежи и «нецивилизованны», что в самый критический момент можем сделать решительный шаг,

заговорить своим собственным, смелым словом, и повернуть руль истории в сторону не поддельной, а действительной культуры. Этим мы окажем величайшую услугу Европе и человечеству – окажем только в том случае, если не откажемся от самих себя...

Вот в чём общечеловеческое значение славянского вопроса. Человечество нуждается в нас не как в европейцах, а именно как в славянах, преодолевших Европу... Но для того, чтобы стать достойными этой задачи и подготовиться к ней, мы не должны брезговать никакой чёрной культурной работой – конечно, не забывая при этом той великой ответственной роли, которую вручит нам сама судьба, если захотим, вручит именно нам, ибо некому больше её вручить...

Итак, впереди ещё много дела. И призыв к славянскому единению не есть призыв к шовинизму или к горделиво самодовольному германскому «Deutschland über alles»¹, а призыв к упорной дружной и всесторонней культурной работе – при взаимной поддержке и организации.

От редакции²

Разъединённые неумолимым ходом исторических событий славяне уже давно пришли к убеждению, что единственный верный путь к великому, свободному, светлому будущему есть совместная работа как оплот против притеснений и зависимости от сильнейших соседей – с одной стороны, и как противовес страданиям от недостатка культурности и энергии в своей домашней жизни – с другой.

К числу тех скромных начинаний, которые стремятся, по возможности, реализовать идею культурного общения и взаимного ознакомления славян между собою, принадлежит и наш журнал.

---

¹ «Германия превыше всего» (нем.) – слова из первой строки песни (музыка Й. Гайдна, слова А. Г. Гофмана фон Фаллерслебена), являвшейся гимном Австрийской (Австро-Венгерской) империи вплоть до 1918 г., позже многократно использовавшейся другими немецкими национальными образованиями.

² Вступительная статья «От редакции» к первому выпуску журнала «Славянский мир» получила своё продолжение в следующем номере. Обе статьи условно разделены пятью звёздочками; публ. по: От редакции // Славянскій міръ. Ежемесячный журнал литературы, искусства, критики и идейного общения. Годъ изд. I. 1908. № 1. Декабрь. С. 1; Годъ изд. I. 1909. № 2. Январь. С. 1–2.

Мы считаем большим пробелом для русской публики то, что она до сих пор мало знакома со славянскими литературами, с некоторыми же не знакома совершенно, тогда как большинство из них, по своим лучшим произведениям, может стоять на одном уровне с шедеврами мировой литературы. Поэтому в каждом номере будут печататься переводы произведений избранных, преимущественно современных, авторов всех славянских национальностей (чехов, поляков, словаков, сербов, хорватов, словенцев и болгар).

Таким образом «Славянский Мир» явится органом постоянного общения между лучшими литературными силами всех славян и русской читающей публикой. Кроме переводов в журнале будут печататься и русские оригинальные произведения.

Помощью критических и публицистических статей наш журнал намерен знакомить русских с культурной жизнью славян вообще, а остальных славян с культурной жизнью русских, показывая им наиболее важные моменты жизни русского общества, русской литературы и искусства. Наряду с этим журнал будет служить и идейным целям: подбор вещей будет всегда такой, чтобы и идейная сторона их была глубока и что-либо давала ищущим. Мы будем касаться наиболее прогрессивных сторон жизни, наиболее культурных начинаний, освещая их с научно-объективной, вполне беспристрастной точки зрения.

В политическом отношении мы беспартийны. Нам чужда узкая партийная ненависть: нам важна работа; нам чужды громкие, пустые фразы: ценна нам истина, а девиз, который мы ставим перед собою – это девиз чешского публициста Гавличка¹: «Когда кто-нибудь призывает славянина, пусть отзовется – ЧЕЛОВЕК».

*****

Выпуская свой журнал, редакция была уверена в том, что предисловие к изданию (№ 1 стр. 1-я: «От редакции») вполне ясно и понятно формулирует её основную точку зрения, определяет позицию среди прочих периодических изданий подобного рода и, наконец, точно намечает программу в её наиболее существенных составных частях.

На деле оказалось несколько иначе. Те немногие, вполне благожелательные отзывы о нашем журнале, которые нам пришлось случайно встретить в некоторых русских газетах, определённо указывают, что мы были не поняты или поняты не по существу, а, так сказать, с поверхности журнала.

---

¹ Имеется в виду К. Гавличек-Боровский.

Приветствуя появление нашего журнала, газетные отзывы единогласно высказывают, что ограничившись своей *специальной* задачей – ознакомления русских читателей со славянской литературой – симпатичное начинание, несомненно, может рассчитывать на наибольший успех. – Ошибка – в определении нашей задачи словом: «специальной» и в самом понимании этого слова.

Извиняясь за те неясности, которые сверх ожиданий оказались в нашем предисловии и были, таким образом, причиной возникшей ошибки, мы считаем долгом более подробно выяснить нашу точку зрения, подтвердив и развив мысли предисловия к № 1-му, с искренним желанием указать, что ни в одном обороте речи предисловия нет данных, чтобы считать нашу задачу специальной в том смысле, как его понимают газетные рецензии.

Начнём с названия «Славянский Мир», – это центр тяжести журнала, символ его сущности. Если даже не идти дальше этого названия, то и тут можно, будучи объективным, стать на правильную точку зрения: Славяне – русские, поляки, чехи и т. д. – люди, принадлежащие к одному племени. Мир их – внешняя жизненная среда и продукты народных переживаний и творчества, заполняющие эту среду. – Это наша специальность, как мы её понимаем.

Такое положение указывает на широту той задачи, которую мы ставим перед собой.

Но, намечая такую широкую задачу, мы далеки от самообольщения. Будучи в своём начинании искренне скромными, мы вовсе не страдаем манией величия, не считаем, что лично мы, как редакция журнала, блестяще разрешим все относящиеся к нашей задаче вопросы.

На первые выпуски нашего журнала мы смотрим как на попытки выяснить перед читающим и пишущим славянским миром нашу точку зрения преимущественно на этическую и бытовую сторону жизни славян вообще (русских, поляков, чехов и т. д.).

Намерение наше понятно: привлечь, с одной стороны, сочувствующих читателей, с целью объединения их на почве объективно-научной оценки различных сторон жизни, а с другой стороны – авторов как сотрудников, которые, поняв нашу цель и сочувствуя ей, могут своими трудами, при помощи нашего журнала,

содействовать культурно-идейному объединению разрозненных славянских национальностей.

Нужно ли говорить, не рискуя повторять очевидную всем истину, что живой и свободный обмен продуктами народного творчества среди единоплеменных славянских национальностей более естествен и результативен, чем насильное прививание в ту или иную славянскую среду культурно-этических догматов, выработанных совершенно не родственными по духу иноплеменниками Западной Европы?

Соответственно с требованиями поставленной задачи, редакция признаёт для себя невозможным специализироваться на одной переводной беллетристике, а считает необходимыми сохранение тех отделов, которые намечены ею и помещены в журнале не с целью его «украшения», а с желанием поставить живой жизни живые вопросы. Для этих вопросов вполне достаточна серьёзная внешность при внутренней убежденности и искренности, не противоречащих научным формулировкам. Красота здесь дело второстепенное.

Не имея ни малейшего желания, опираясь на внешнюю лишь красоту, ожидать чисто внешнего материального успеха, мы, затрачивая энергию и средства, стойко ждём лишь от живой жизни ответа на вопрос «быть или не быть?»

Что касается возможности название «Славянский Мир» привести в связь с отжившим славянофильством, то мы думаем, что говорить об этом излишне, если принять во внимание всё вышеизложенное, — оно ясно указывает на отсутствие этой связи.

В заключение считаем возможным обратиться с приглашением к тем лицам, которые нам идейно сочувствуют и своими литературными трудами могут содействовать осуществлению нашей задачи, присылать в редакцию свои статьи и переводы.

1909 г. 10 января

Русский язык и славяне¹

Всех славян по новейшим данным 1906^{*)} года насчитывается 148.521.000, в том числе русских – 102.840.000 (из них 30.925.000 малорусов и 6.861.000 белорусов), живущих, кроме России, и в Галиции, и сев. Венгрии (карпатская Русь – 4.337.000), поляков – 19.200.000 в России, Германии и Австрии, сербов и хорватов – 9.135.000 в Сербии, Кроации², Черногории, Турции, в австрийских провинциях Далмации и Истре. Чехов – 7.337.000, болгар – 5.440.000, словаков – 2.610.000 – в северной Венгрии, словенцев (словинцев) – 1.475.000 в австр. провинциях Крайне, Каринтии, южной Штирии и отчасти в Италии, кашубов – 366.000 в зап. Пруссии и Померании и лужицких сербов – 157.000 в Саксонии и Пруссии.

Из этого видно, какой огромной культурной силой могло бы быть славянство. Но по всей их истории вместо энергичной, рациональной работы, тянется красной нитью, заполняя целые века, взаимная ненависть, рознь и братская вражда. Если в истории отдельных народов действуют те же законы, как, напр., в физике, т. е. если для создания чего-либо цельного необходимо, чтобы центростремительная сила побеждала центробежную, без чего получается один лишь хаос, то именно таким хаосом и представляется вся, так называемая, славянская история.

Одно за другим падали славянские государства и не столько от внешнего давления со стороны, сколько от внутреннего разложения и семейной вражды, что, к сожалению, продолжается и до сих пор: старый разлад поляков с русскими ещё не окончен, вспышки вражды, раздуваемой извне, между болгарами и сербами – не редкость; то же самое можно сказать и про взаимные отношения сербов и хорватов, хотя единственная разница между ними лишь в вероисповедании (сербы – православные, хорваты – католики) etc.³, etc.

Ужасно подумать, сколько энергии утрачено славянами в борьбе с исконными врагами (напр., татарами, турками, немцами,

¹ Публ. по: Л. Русский язык и славяне // Славянский миръ. Годъ изд. I. 1908. № 1. Декабрь. С. 43–45.

² Флоринский: Славянское племя. Киев. 1907 г.

³ То есть Хорватии.

³ «И т. д.» (латынь).

Римом), а ещё более в междоусобной, братоубийственной войне. В этом-то и главная причина, почему у них нет прошлого, на которое они могли бы сослаться с такой же гордостью, как другие, более счастливые нации Европы.

Но прошлое ещё не гарантирует будущего... Наоборот: нации, сыгравшие свою роль на сцене истории, сходят с неё измученные, усталые, нередко возвращаясь к первоначальному варваризму, как, напр., Германия... Внешним блеском, так называемой «культурой» и её главным атрибутом милитаризмом, стараются они внушить страх и уважение соседям, но напрасно: вечный режиссёр – время – высылаёт на сцену всё более новых, молодых и свежих... Именно потому, что у славян нет прошлого, может быть у них будущее, и это тем возможнее и легче, чем слабее «славные» исторические традиции, нередко тормозящие свободное движение вперед...

Борьба отдельных наций за существование принимает всё более резкий, всё более дикий и беспощадный облик. История не знает гуманности, по крайней мере, на практике, в области политических отношений.

Тут только одна формула – «ты или я», и кто слабее, неспособнее к жизни, тот падает и исчезает, сколько бы он ни плакал и жаловался. Что может быть убедительнее и очевиднее прусской политики в Познани, где у поляков насильно отчуждают землю, где молитва на польском языке считается преступлением, или неслыханных варварств «свободолюбивых» мадьяр по отношению к словакам и русским, живущим в Венгрии, или же бесстыдного политического грабежа Австрии, присвоившей сербские провинции Боснию и Герцеговину, после того, как там ввела предварительно свою «культуру», т. е. обе провинции экономически так уничтожила, что население жалеет о тех временах, когда над ними господствовал турок?

И странно: до сих пор славяне и были главным образом той пищей, которой кормились разные политические спруты в роде Австрии etc.; они-то, собственно говоря, и заставили славянские народы вспомнить о своём кровном родстве, навели на мысль о том, что улучшение положения возможно лишь под условием, если они прекратят свои семейные распри, и протянут друг другу

руки в совместной работе для лучшего будущего, которое должно принадлежать им.

Утопические мечты о соединении всех славян в один политический организм уже давно минули, но зато тем сильнее обозначается стремление к объединению культурному: всеславянское море, в котором должны слиться все славянские ручьи, имеет пока смысл лишь при таком значении. Путь действительного прогресса, путь культуры и свободы есть единственный путь дружной работы, по которому славяне могут и хотят идти все вместе, ободряя друг друга, помогая друг другу; и только на этом пути они могут доказать и заявить своим соседям о равноправии с ними пред человечеством...

Но тут нужны, кроме огромной энергии, и национальное самосознание, и национальная гордость (NB: не шовинизм, но гордость), которой, к сожалению, так мало у русской молодежи. Так называемый космополитизм русской молодежи только свидетельство об отсутствии национальной гордости, и такой космополитизм очень печален...

Вопрос объединения славян, существует довольно долго, но, по-видимому, никогда не казался таким назревшим, как теперь. И одним из важных очередных вопросов в общеславянских отношениях является в настоящее время вопрос о междуславянском дипломатическом языке. До последнего времени, как известно, во взаимных сношениях славяне прибегали чаще всего к... языку немецкому, что вызвало немало насмешек, со стороны немцев. Уже из одной гордости славянам пришлось подумать о замещении немецкого языка одним из родных наречий.

Но даже в таком деле вышло немало недоразумений. Некоторые предлагали для взаимных сношений язык старо-(церковно)-славянский, другие стремились создать искусственный специальный язык, который бы в равной мере был понятен для всех славян, что-то вроде слав. *Volapük*'a¹ (напр., чех Гошек); третьи стоят за русский язык: но и это не нашло общего признания ввиду польско-русских отношений. Остается польский и чешский язык; но и тут опять поляк не хочет уступить чеху, чех – поляку. Чешский ученый д-р Герменгильд Иречек сделал попытку разубить

¹ Волапюк – всемирный язык, созданный И. М. Шлейером.

этот Гордиев узел, предложив дипломатическим всеславянским языком сделать сербский (хорватский) язык, как наиболее звучный в целой Европе (имеет благозвучия на 2% больше, чем итальянский) и вместе с тем самый удобный в начертательном отношении, как в форме западной аббеды, так и восточной кириллицы...

Всё это, конечно, в теории. Если же присмотреться ближе к действительности, то можно заметить инстинктивное тяготение большинства нерусских славян к языку Тургенева, Толстого и Достоевского: чувствуется, что язык, на котором говорит 2/3 всех славян, язык, понимаемый от Балкан до Ледовитого океана, от Австрии и Германии до границ Китая, язык, давший миру одну из лучших литератур, больше всех имеет право сделаться языком взаимных сношений всех славян. Таким, собственно говоря, он уже и стал в действительности. Это доказал последний всеславянский съезд, где делегаты славянских народов объяснялись друг с другом почти исключительно на русском языке. Не доказывает ли этого и то живое внимание к русскому языку, русскому народу и литературе, которое стало пробуждаться у всей западной и южнославянской молодежи за время последних лет?

Не говоря уже о свободных сербах (в Сербии и Черногории) и болгарях, где русский язык обязателен во всех средних учебных заведениях, интересно то, что австрийские славяне, живущие под национальным и экономическим гнѐтом германизма, сами устраивают, где только возможно, русские кружки с целью занятий русским языком и русской литературой. Почти в каждом более значительном городе чехов, словенцев и хорватов существуют такие кружки и множатся с каждым годом. Чешский депутат Шиманек в венском парламенте несколько лет тому назад требовал введения русского языка, как обязательно-го предмета во все чешские среднеучебные заведения, а в последнее время у славян идёт речь о том, чтобы русский язык преподавался во всех славянских землях Австрии.

Может быть, то время ещё не так близко, но уже самый факт, что остальные славяне так интересуются русским языком и дорогим им русским народом, очень утешителен.

А русские? Особенно русская учащаяся молодежь?..

Л.

Культурное движение южных славян в XIX веке¹

Почти до начала XIX века австрийские и балканские славяне находились в глубоком историческом сне. Нужен был очень сильный толчок, чтобы их пробудить из близкой смерти летаргии к новой политической и культурной жизни. Но когда уже был тот толчок дан, явилась печальнейшая картина культурной бедноты – всю культурную работу нужно было начать с начала. У чехов, которых после несчастной битвы на Белой Горе (1620) насчитывалось только несколько сот тысяч, продолжался почти до конца XVIII века такой упадок, который угрожал полной национальной смертью. Дошло до того, что во время иезуитской католической протиреформации австрийские жандармы обыскивали чешские хаты, отбирая и сжигая всякую чешскую книгу... У сербохорватов и словинцев в Австрии вся интеллигенция была онемечена, а балканским славянам под турецким игом было вовсе не до культурной работы...

Германизационные планы Иосифа II впервые столкнулись с тлеющей ещё искрой национального самосознания у чехов, и эта искра разгорелась со временем в огромный пожар... Конечно, нужны были двигатели, поощряющие это, вначале шаткое и неуверенное самосознание, чтобы не падать духом, – так как впереди ждала невероятная, колоссальная работа... Главным двигателем и поощрением национального самосознания явилась французская революция, затем просветительные идеи Запада, романтизм, отчасти даже немецкие певцы свободы, благодаря которым и самосознание славян всё крепло...

Один из первых славянских филологов и деятелей возрождения чех Добровский (1753–1829) сам не верил в будущее своей нации, работая для неё, и трудно себе представить, сколько было нужно энергии, воодушевления, самопожертвования, выдержки и тяжелого труда, чтобы та самая нация сто лет спустя насчитывала больше сими миллионов населения и по своей культуре сделалась одной из первых наций в Европе... И южные славяне –

¹ Статья была опубликована в трёх частях, обещанного продолжения не последовало. Части условно разделены пятью звездочками; публ. по: Л. С. Культурное движение южных славян в XIX веке // Славянский мир. 1910. № 1. Январь. С. 1–4; 1910. № 2. Февраль. С. 1–3; 1910. № 3. Март. С. 13–17.

сербо-хорваты и словинцы сделали вопреки всем препятствиям в течение нескольких десятков лет то, для чего нужны были другим нациям столетия...

Но замечательно то, что параллельно с национальным сознанием каждой народности росло и племенное самосознание всех славян... Последнее, собственно говоря, явилось тем маяком, который светил во время всех гонений и преследований тем, кто работал для более счастливого будущего закабаленных славянских народностей. Гуманные взгляды Гердера на славян, затем победы Александра I, освободительное движение у сербов в начале XIX века – ещё более укрепили это самосознание, которое, как могучая река, прокладывало себе путь в будущее.

Главными основателями и проповедниками славянской идеи были чехи. После Добровского взялись за эту гигантскую работу Юнгман, Шафарик, Палацкий, и поэты Коллар (по рождению словак), Челаковский и целая плеяда других, со всем энтузиазмом.

Что идея расового объединения в культурном и политическом смысле не принесла ещё больших плодов, в этом виноват характер вечно ссорящихся славян, как и то, что сама идея объединения долго оставалась слишком отвлечённой, туманной и не соотносилась с действительно возможным и невозможным... Сама славянская идея долго на себе носила романтический характер, что замечается больше всего у Яна Коллара, автора полной национального энтузиазма поэмы «Slavy dceta» (Дщерь Славы), затем она получила даже мистическую окраску: с верой в мессианство, в особое призвание славян возродить европейскую цивилизацию своими самобытными, новыми, свежими силами, так, напр., систематизированное Хомяковым, братьями Киреевскими, Аксаковыми etc. русское славянофильство отличается именно верой в славян (с русскими во главе) как спасителей погрязнувшего человечества, польский мессианизм, под влиянием которого находились гений Мицкевич, Словацкий и Красинский¹, хотел видеть католических поляков в первенствующей роли, а среди южных славян верил особенно поэт Прерадович в такое призвание славянства...

Конечно, если принять во внимание глубоко этический, человеколюбивый характер славянина, как и то, что среди теперешних европейцев уже никто не способен так искренно и глубоко

---

¹ То есть Красинский.

страдать из-за идеи, как славянин, то трудно не поверить, что влияние славянства, у которого гораздо больше культурных задатков, чем это обыкновенно думается, могло бы оказаться на самом деле возрождающим для Европы, где цивилизация с каждым днём больше съедает культуру...

Но пока подобного рода мечты не питаются реальной почвой, то они остаются только утопиями, могущими оказаться даже очень вредными, так как они отводят глаза от более прозаических, но зато и более необходимых насущных потребностей...

Одни только южные славяне взглянули уже в самом начале более трезво на идею славянского объединения. Тут имеются в виду главным образом хорваты и словинцы, потому что у сербов шёл ход возрождения иным путём, а болгаре появились на арене славянской политической жизни только во II половине XIX века.

Хорваты и сербы отличаются не языком, а только вероисповеданием и письмом: первые католики и пишут латинскими буквами, вторые православные и пишут кириллицей. Несмотря на общий язык, между ними настоящих литературных сношений не существовало.

Сербская литература началась, собственно говоря, только в начале XIX века. Сербский Ломоносов, Доситей Обрадович, ввёл народный язык в литературу, а незадолго после него удивил Вук Караджич всю Европу собранием прекрасных сербских народных песен, он же ввёл и наречие Боснии и Герцеговины в сербскую книгу. Что касается хорватов, то у них была уже в XVI и XVII веках прекраснейшая литература дубровничан (Дубровник–Рагуза), которая развилась под влиянием итальянцев, и в авторе классической поэмы «Осман» – Гундуличе (1588–1638) – достигла своего апогея. Но вся эта литература была написана на местном далматинском наречии, немногие писатели внутренней Хорватии опять писали на местных наречиях, так что общего литературного языка не было. После падения и разорения Дубровника была забыта и классическая дубровницкая литература, а по-немецки воспитанная хорватская интеллигенция совершенно отчуждилась от народа...

Старающиеся освободиться от германизаторских стремлений Иосифа II мадьяры начали со своей стороны притеснять хорватов, и это вызвало у последних пробуждение национального самосознания, которое усилилось во время непродолжительного французского господства, создавшего из хорватских и словинских провинций королевство «Иллирию».

А главный толчок к возрождению хорватской литературы, всей политической и культурной жизни дал Людовит Гай¹ (1809–72), который находился под влиянием Коллара и Шафарика. Он первый понял значение, какое мог бы иметь для южных славян общий литературный язык, и, желая объединить сербов, хорватов и словинцев одним языком – «иллирским», – он ввёл в хорватскую книгу то же самое наречие, которое Вук Караджич ввёл в сербскую литературу; а для пишущих латинскими буквами хорватов принял чешское правописание, которое было принято затем и словинцами.

*****

У австрийских славян культурная жизнь и жизнь политическая до того тесно связаны, что каждый политический проигрыш в борьбе с немцами или мадьярами является и проигрышем культурным. Поэтому понятно, что иллирская идея, т. е. идея культурного объединения южных славян должна была сделаться лозунгом, который дал известное направление политическому брожению, – лозунгом, во имя которого велась политическая борьба. Так как, несмотря на весь пыл энтузиазма и увлечения, всё же имелись более или менее определённые цели, то и борьба приняла довольно определённый характер, – явление, которое у славян очень редко замечается...

Во время самого разгара иллирского периода, с начала тридцатых годов до 1848 года, благодаря всеобщему подъёму, хорваты сделали такие культурные завоевания, о которых несколько лет раньше никому и не снилось. В Загребе, главном центре иллиризма, основывается всё сразу: газеты на «иллирском» языке, читальня, где можно было читать все славянские периодические издания, затем сельскохозяйственные общества; для печатания и распространения книг основывается по образцу «Сербской Матицы» (в венгерском Новом Саде основанной по инициативе Шафарика) – Матица Иллирска (теперь Хорватская Матица), вместо официального латинского языка во всех учреждениях вводится язык народный, хорваты получают свой театр; национальный подъём создает лучших поэтов (Станко Враз, Пётр Прерадович, Мажуранич etc.), является даже первая оригинальная хорватская опера.

---

¹ То есть Людевит Гай.

Что характерно в деятельности иллиров – так это универсальность в работе. Каждый старается работать на все фронты – во время всеобщего подъёма трудно и даже совестно увлечься только одной вещью. Напр., почти все поэты того времени хотят быть и ярыми политическими агитаторами, и деятелями, учёными и т. п., и обратно. (Подобное замечалось и в чешском возрождении.) Очень типичное явление того времени – Иван Кукульевич-Сакцинский: он написал первую оригинальную иллирскую драму, писал стихи, действовал как политический агитатор (он первый поднял вопрос о всеславянском съезде, созванном в 1848 году в Праге) и помимо этого сделался одним из известнейших южнославянских историков и археологов, в качестве которого он основал «Общество для изучения южнославянской истории и старины».

Но главную силу представляла собой проснувшаяся народная масса, самосознание которой всё больше росло. Доходило даже до кровавых столкновений хорватов с мадьярами. Интеллигенция напрягала все силы, чтобы укрепить ещё более самосознание в народе. Тут сыграла громадную роль и литература. – Прежняя дубровницкая литература была достоянием местных патрициев, и она могла существовать лишь до тех пор, пока они были в состоянии ею интересоваться. С падением у них интереса к литературе должна была пасть и сама литература, что и случилось ещё в первой половине XVIII века... Но у иллиров – совсем другое. У них литература должна во имя идеи идти в жизнь, сделаться пробудительницей народа... Самая характерная черта поэзии того времени – пламенный патриотизм, славянское самосознание, призыв к пробуждению, к новой весне... Поэзия сама иногда до того сплетается с политикой, что трудно сказать, где кончается одно и где начинается другое. Один лишь Прерадович сумел остаться всё время на высоте чистого искусства...

Иллиризм – это самый светлый, самый идеальный, самый интересный период в культурной жизни не только хорватов, но и южных славян вообще. Это величественная утренняя заря, вдруг появившаяся на облачном, тёмном небе после кошмарной ночи рабства, звяканья цепей и плача закабаленной раи...

«Светает – близок день!» – с упоением приветствовал эту зарю величайший хорватский поэт Прерадович. И все участвующие в этом движении с таким же радостным упоением ожидали восхода солнца в утро нового, ясного дня... Но эту зарю закрыла огромная туча, которая незаметно всё время надвигалась. Это был несчастный 1848 год.

Австрия, которая вообще не привыкла увлекаться излишним рыцарством в своей политике, заигрывала с хорватами, пока они могли быть ей полезны в борьбе с враждебно к ней настроенными мадьярами (Людовига Гая¹ провозгласили даже агентом австрийского правительства). И на самом деле: в 1848 году, когда Австрия находилась в величайшей опасности, её пошли спасать хорваты под предводительством бана Елачича. Но спасенная Австрия отплатила им за это по-австрийски: как только прошёл кризис, вся сила реакции обрушилась прежде всего на хорватов. Имя «иллирский» было уже раньше (1843 г.) запрещено², но теперь нельзя было и заикнуться словом о том, что прежде так радостно волновало всех. Начались неслыханные притеснения и германизация. И когда впоследствии Австрия убедилась, что онемечить хорватов не может, то стала прилагать старания, чтоб отдать их при первой возможности на съедение тем самым мадьярам, от которых они её спасли.

*****

Существенную пользу от иллирского движения сумела извлечь одна лишь Австрия. Шовинистически настроенные мадьяры до самого 1848 г. напрягали все усилия, чтобы сделать с хорватами то же самое, что им удалось отчасти сделать со словаками и русскими в северной Венгрии, т. е. употребляли всевозможные варварские приёмы для того, чтобы совершенно уничтожить хорватов в политическом и национальном отношении, несмотря на то, что Хорватия связана с Венгрией с XII столетия только по договору, а не завоёвана. Мадьярам в этом отношении усердно помогала и в самой Хорватии так называемая мадьяронская партия, которая и слышать не хотела об иллиризме, а стояла за полное слияние с венгерцами. К этой партии принадлежала большей частью хорватская аристократия, которая видела в иллирском движении не только национальное начало, но и демократическое. Всё-таки нашлись и среди аристократов исключения, напр., граф Драшкович, один из самых боевых и самых способных вождей иллиризма.

Хорваты, не имевшие на своём местном, т. наз. «кайкавском» наречии, почти никакой литературы в настоящем смысле

---

¹ То есть Людевит Гай.

² Оно оказалось, между прочим, и псевдонаучным, так как южные славяне вовсе не потомки древних иллиров, как предполагал Ян Коллар. Название «иллирский» заменилось названием «южнославянский», которое осталось до сих пор.

этого слова, должны были придти из чувства самосохранения к единственному верному выводу – соединиться литературно с сербами, которые могли тогда уже гордиться Обрадовичем, Вуком Караджичем, Милутиновичем и поэтом с европейской известностью – Черногорским Владыкой Петром II Негошем, начало литературной деятельности которого как раз совпадает с тем временем.

Во имя объединения хорваты жертвовали своим наречием, и эта жертва была началом великолепнейшего расцвета хорватской литературы и новой культурной жизни. Но, как ни хороша и определённа была ближайшая политическая программа иллиров, к сожалению, у них не было политических проекций для далёкого будущего; вместо них были только политические утопии о Великой Иллирии. По Гаю должна была состоять территориально из словинцев, хорватов, сербов, черногорцев, босняков, и болгар, которых тогда насчитывали не больше 1/2 миллиона: равным образом и по Драшковичу, который всех славян разделял только на 4 группы: русских, поляков, чехов и иллиров. Жаль только, что у них не нашлось никого, кто бы умел вполне оформить план реального политического объединения южных славян.

Что касается словинцев, то и у них нашлись сторонники мнения, что все южные славяне должны принять один общелитературный язык, т. е. иллирский, так, напр., один из лучших представителей литературы и вождей иллиризма, Станко Враз, родом словинец, принципиально писал только на иллирском языке. Принятие иллирского языка словинцами было бы возможно лишь в том случае, если бы у них не было ещё литературы на своем наречии. Но у них были уже довольно стойкие литературные традиции: они имели уже поэта Водника, мечтавшего тоже о слиянии всех южных славян в одно целое, Франца Прешерна¹, одного из величайших славянских поэтов, который к иллирскому движению относился довольно скептически. Кроме того, словинцы были заняты своей, так называемой «абецедной» войной – спором о правописании и алфавите, который всё же впоследствии разрешился в пользу иллирского правописания.

Австрия уже тогда поняла свою «миссию» на Балканах. Ей надо было прежде всего подавить и ослабить мадьяр, для этого она пользовалась также иллирским движением. Австрийское правительство относилось вначале очень благосклонно к иллирам, к Гаю

¹ То есть Франце Прешерн – здесь и далее.

и его изданиям: «Иллирские новины» и «Даница». Людевит Гай, который, к сожалению, не отличался ни особенно стойким характером, ни дальновидностью практического политика, поддался ослеплению до такой степени, что после подавления мадьяр в 1848–49 году сделался вместе со своими изданиями орудием австрийского правительства: но чтобы он действительно был его агентом, нельзя сказать, так как и впоследствии он всё время стоял прежде всего за интересы южных славян. Во всяком случае, эта связь с правительством была и его политической смертью: он прожил всё остальное время, до 1872 года, забытый всеми...

Для Австрии иллирское движение было кстати и в другом отношении: у неё уже тогда был задуман план захватить раньше или позже сербские провинции Боснию и Герцеговину, – и тут она очень рассчитывала на австрофильски настроенных хорватов, которые должны были во имя объединения южных славян подготавливать почву для самого циничного и грубого политического грабежа...

Единственным логическим выводом из стремления к литературному объединению южных славян было бы стремление к объединению политическому. Но как только Австрия своим политическим нюхом почуяла, что иллирское движение могло бы принять опасные для планов размеры, – натянула вожжи... Последовало запрещение названия «иллирский» в 1843 году, затем режим Баха после 1848 г. и т. д. Австрия хорошо знала, что тесное политическое объединение южных славян парализовало бы навсегда её «культурные» стремления на восток...

Вместо попыток тесного политического объединения всех южных славян, вскоре начался очень мелочный спор из-за названия... Как ни кажется это странным – причиной рокового раздора, который и поныне ещё продолжается между сербами и хорватами, было как раз и иллирское движение.

Сербь свободной Сербии отнеслись довольно холодно к иллиризму, нашлись даже такие, которые протестовали против того, чтобы хорваты пользовались их литературным языком... Более симпатизировал Иллирам упомянутый Черногорский Владыка Петр II Негош, который имел личные сношения с некоторыми вождями движения. Среди австрийских сербов иллирская идея, наоборот, нашла большое сочувствие. С особенным воодушевлением приветствовал её сербский меценат Савва Текели, который мечтал о Великой Иллирии и писал в «Данице» Гая. Далматинско-сербский

писатель Матия Бан, вместе с графом Пуцичем, является одним из самых видных представителей иллиризма в Далматии¹. В сербские провинции – Боснию и Герцеговину, находящиеся тогда под турецким игом, иллирская идея также проникла, но ею воодушевлялись больше местные католические францисканцы, которые дали иллирам несколько выдающихся литераторов, напр., Юкича и Мартича, поэта «Осветников». Что иллирское движение и в Боснии сильно отразилось, видно из того, что апостольский викарий и боснийский папа одновременно жаловались на Гая (первый в Рим, второй в Вену), как на виновника смут.

Раздор начался скоро. Сначала сербы стали придирались к названию «иллиры», несмотря на то, что сербы сами называли себя некоторое время иллирами и что известный сербский историк Раич в своей книге «История разных словенских народов», изданной в Вене ещё в 1794 году понимает под иллирами хорватов, славонцев, далматинцев, босняков, сербов и болгар. Иллирский деятель, Раковац, говорит в своем «Катехизисе иллиризма» (1842), что все южные славяне должны принять новое общее имя иллиров, для того чтобы ни одна из этих народностей не могла обидеться, но среди сербов всё же раздался протест, что общее имя должно быть не «иллиры», а «сербь», раз уж все хотят пользоваться сербским литературным языком. Подобного мнения был и ученик Копитара, Вук Караджич. Кроме того, сербы подозревали в иллирском движении интригу Австрии, стремящейся сделать их католиками; хорваты, наоборот, в притязаниях сербов видели желание истребить их имя и сделать их православными. С этого и начался тот раздор, который имел и имеет такие трагические последствия для всех южных славян (одно из них – захват Австрией Боснии и Герцеговины). Конечно, Австрия и теперь всё ещё старается раздуть эту родственную вражду, мефистофельски улыбаясь и руководясь пословицей: «tertius gaudet»²... Хотя причины этого взаимного непонимания лежат отчасти ещё глубже и являются результатом различного исторического и культурного процесса сербов и хорватов...

Балканы, по несчастному сложению исторических обстоятельств, сделали область, где сталкиваются в вековом антагонизме

¹ То есть Далмация – здесь и далее.

² «Третий радуется» (латынь).

две культуры: византийская, под влиянием которой находились православные болгары и сербы, и западной романо-германнской, в сферу которой попали говорящие почти одним языком с сербами – хорваты и затем словенцы. Но две нации, вышедшие из разной культурно-исторической среды, не могут понять друг друга, хотя бы они объяснялись на одном и том же языке.

Болгары и сербы, попавшие в своём младенческом возрасте под влияние уже гораздо раньше культурно-парализованного, разлагающегося Цареграда, должны были питаться его изгнившим культурным товаром, и, как прилежные ученики, они рабски подражали своим учителям, так как были ещё слишком юными, чтобы создать что-нибудь самостоятельное, новое. После занятия Цареграда турками иссяк и этот единственный источник, и они были обречены на полное культурное прозябание, к которому присоединилось ещё прозябание политическое под владычеством полумесяца... Учиться дальше было негде: Европа со своими политическими и духовными волнениями была слишком далеко, к тому же отделена от них стеной, через которую долго не доходили ни просветительные идеи свободы из Европы на Балканы, ни жалобы поработенных славян с Балкан в Европу...

Хорваты, наоборот, получили своё духовное достояние с запада. Особенно близкая к Италии Далматия имела возможность быть постоянно в курсе европейской умственной и политической жизни. Поэтому среди всех славян может, за исключением польской, только далматинская (дубровницкая) литература похвастаться, что пережила период ренессанса.

Выросшие под противоположными культурными влияниями хорваты и сербы и теперь ещё имеют разные культурные и политические интересы. Вообще культурное разъединение явилось у них главным образом причиной разъединения политического, с вечными мелочными распрями, с непрекращающимся антагонизмом, который пришёлся очень кстати туркам при нашествии из Азии в Европу, который и теперь очень кстати германцам при «культурном» нашествии из Европы в Азию...

На одной стороне Восток с православием, на другой Запад с католицизмом, и борьба этих двух религий – это борьба двух культур, и она могла бы совсем прекратиться, вероятно, только в том случае, если обе эти культуры слились бы в одну новую.

Славянская идея и мы¹

Некоторым словам «не везёт». Так, например, не повезло и не везёт словам, относящимся к славянской идее. Они так захватаны не особенно чистоплотными руками, на них наслоился такой осязательный слой грязи, что их нелегко очистить, нелегко восстановить их добрую славу...

«Славянофильство»... «панславизм»... — всё это термины, которые когда-то были произнесены с наилучшими намерениями, их авторы возлагали на них очень большие надежды, но время шло, и на них наседали слои недоразумений отрицательного свойства...

И им вредило, как водится, не только враги, но и друзья. Что враги хотели вредить, что они вредили по мере сил и возможности, это вполне понятно и более чем естественно, но иногда и друзья хуже врагов...

Нации, заинтересованные в отсталости славян, упорно подчеркивали и подчеркивают «панславизм», как новую агрессивную волну, напирющую с востока, как угрожающее культурной и мирной Европе «царство казака и нагайки»... Это, по крайней мере, понятно, — но смешно и грустно, что им на руку играли многие «друзья» идеи, которые, каждый сообразно месту, где он жил, и нации, к которой принадлежал, вливали яд своего национального шовинизма в рамки идеи, которая по самой сути своей должна бы стоять *выше* национальных перегородок... Русские друзья идеи, которые в данном случае нам всего ближе и интереснее, и по своему влиянию на общую судьбу дорогой нам идеи всего важнее для нас, подставляли вместо славянофильства *Москвофильство* и этим в значительной мере облегчали инсинуаторскую задачу наших недоброжелателей.

И теперь славянской идее — славизму — нелегко отмежеваться от этих двух наслоений, выросших от неосмотрительного обращения со словами, — от агрессивного политизирующего «панславизма» и от реакционного культурнического «москвофильства».

Когда на сцене появилось новое слово — «неославизм», — у многих друзей *нашей* идеи возникла надежда, что этот «неославизм» сумеет отмежеваться и от агрессивного «панславизма» и от реакционного «москвофильства», которые одинаково вредят как славянскому делу вне России, так и славянскому сознанию в самой России.

Мы бы хотели думать, что это лишь наша ошибка, но нам кажется, что, к сожалению, мы не ошибаемся, а если даже мы

¹ Публ. по: Славянская идея и мы // Славянскій міръ. 1911. № 1. Январь. С. 1–7.

и ошибаемся, то делаем это не одни, а вместе со всеми передовыми слоями славянских наций, когда мы думаем, что «неославизм» не принёс того, что обещал, не дал того, чего от него ждали. Он, правда, освободился от некоторых увлечений, от некоторых наиболее наивных крайностей панславистов и москвофилов, и этим он сделал несомненный шаг вперёд, но этот шаг не был ни достаточно велик, ни достаточно планомерен, ни – главное – достаточно спонтанен; он походил на «уступку духу времени», подобную тем уступкам, которые делает при нужде даже персидское духовенство, римский папа и т. п. институции, задачу коих вовсе не составляет произнесение «новых слов».

А между тем новое слово назрело, и произнести его нужно.

И кто-нибудь должен его сказать. Не важно кто, лишь бы оно было услышано и подхвачено.

Нужно сказать, чего хотим мы – те представители славянства, которые не видят ни нового Рима в Москве, ни панацеи против «болезней Запада» в казаке и его нагайке.

То, что мы скажем, не будет ни вполне ново, ни особенно оригинально, но мы считаем долгом совести и требованием времени постараться ясно формулировать свои принципы, напомнить о них, призвать к ним.

Наша славянская идея заключается не в отделении нас от неславян, не в отрицательном противопоставлении нас, славян, всем другим – неславянам, как врагам, а в объединении, в «собрании» всех славян независимо от их собственных национальных противоречий и взаимных антагонизмов и в объединении не на почве вражды к «чужим», а на почве интереса к своим.

Наша задача не отделяет нас от других, от «чужих», а – объединиться между собою, со всеми, кто хочет и может легче других подойти к нам через национальные перегородки и антагонизмы, которые разбивают не только родные и смежные нации, но иногда одну и ту же нацию, смотря по унаследованному закланию исторических или географических обстоятельств (Сербия и Черногория, «сербы» и «хорваты» и т. п.).

Итак, не разделять человечество на враждебные и непримиримые лагеря, а объединять наиболее родственные части человечества по линии их наибольшего родства и взаимного понимания, вот смысл *нашей* славянской идеи.

Вот почему мы искренно и не «за страх, а за совесть» открещиваемся от всяких политических и воинственных аспираций, от агрессии, от реваншей, от реставраций того, что исторически

истлело, но зато тем выше поднимаем мы требование взаимного уважения, взаимного знания и знакомства, взаимной справедливости и прежде всего равенства для всех без исключения.

Поэтому наш враг не тот, кто чужой, а тот, кто несправедлив.

Если мы читаем, что в Южной Африке англичане победили буров, но сохранили им все их национальные права, т. е. прежде всего их язык и их полное равноправие с победителями, отняв у них лишь их привилегированное положение и право на эксплуатацию кафров и уитлендеров, то мы говорим: честь англичанам, и да будет их поступок примером для всех!

Если бы неславянин трактовал славян, как англичане трактуют буров, мы воздали бы должное его справедливости, и мы скажем: он не наш, он не славянин — по языку, но он наш, он человек справедливый — по духу...

Если же славянин организует у себя систематическое преследование и угнетение других славян (или даже неславян), мы говорим: это позор! Мы осудим его, как несправедливого человека, мы не признаем его нашим по духу, хотя он и наш по языку.

Вот почему в нашу задачу не может входить ни порицание всего, что не наше, что «чужое», неславянское, ни восхваление всего, что своё, славянское. Есть чужое и чужое, есть славянское и славянское.

Шиллер, Гёте, Байрон, Шекспир, Бьёрнсон нам чужие по языку, но они нам не чужие по духу, и мы их предпочтём тем, кто нам свой по языку, но чужд по духу, как Паскевичи, Муравьёвы-Виленские, Обреновичи, Пуришкевичи, Марковы 2-ые и им подобные...

Уже из того, что было сказано выше, видно, что как существенный признак, помогающий человеческим группам определять их «родство» и входить в более близкие организованные сношения, служат их языки, поэтому вопрос о роли языков в жизни славянства играет для них очень важную роль, и в этом отношении положение славянства отличается от положения многих других групп национальностей. В славянстве можно насчитать не менее 9 языков, из которых нельзя без натяжек указать ни одного как такового, который мог бы удобно и справедливо играть роль общего славянского языка.

Поэтому, хотя славянские языки сравнительно ближе друг к другу, чем романские или германские, но эта их близость видна и чувствительна лишь специалисту по славянскому языкознанию,

а никак не среднему славянину. Для среднего славянина факт чается в том, что ни один из славянских языков не играет и не может играть роли общего славянского языка без существенного ущерба для целых значительных групп славянства. Поэтому, если мы сбросим со счетов политические демонстрации (вроде предложения проф. Цонева в Софии), то мы не удивимся, что наиболее общим языком для славянской интеллигенции был до настоящего времени — немецкий. Смешно или печально, весело или грустно, но это так...

Помочь этому в данный момент можно не призывом к добровольной русификации тех, кого не может достичь подневольная, принудительная русификация, а двумя путями: 1) взаимным ознакомлением, связанным со взаимным изучением языков и литератур друг у друга, 2) введением в употребление при встречах лиц различных национальностей, хотя бы и общей нам всем (славянской) группы, *нейтрального* междуславянского языка.

Мы признаём своим основным историософическим принципом, что история представляет нам картину процесса медленного, часто мучительного, часто колеблющегося и даже временно останавливающегося, но тем не менее неизменного «собрания» человечества в одно организованное целое.

С этой точки зрения и под этим углом мы рассматриваем все местные (иногда лишь частичные) процессы «собрания» той или другой «земли», того или другого народа, будь то «собрание Руси» московским Иваном III-им или собрание Германии берлинским Вильгельмом I-м. Всё это лишь частичные проявления одного общего процесса, лишь частные струи одного общего потока.

В этом процессе, в этом поступательном движении мы видим лишь две безусловные, самодовлеющие, неизменные, неизблемые и потому на наш взгляд наиболее, вполне и единственно реальные точки, т. е. точки независимые от условностей и субъективных взглядов. Этими точками на одном, начальном или исходном, пункте мы считаем *личность*, индивидуума, как нечто первичное, неразложимое и неделимое, подобно атому в химии, а на другом — конечном или завершающем — пункте мы видим *человечество* как нечто всеобъемлющее, всеобобщающее и поэтому тоже не подлежащее делению в идее, хотя оно и состоит (подобно *всякому* организму) из различаемых элементов и частей.

Поэтому, целос и единое человечество мы считаем единственной, логически возможной и теоретически мыслимой, конечной,

завершительной точкой того процесса интеграции, «собирания» человечества, который мы наблюдаем во всем ходе истории. Дальше этого мы не идём, но ближе этого мы не можем остановиться ни логически, как люди, мыслящие исторически, ни морально, как люди, стоящие на христианской или иной монистической точке зрения, или говоря проще, как люди, чувствующие по-христиански (понимая под этим не учение той или другой церкви, а приобретения моральные и общественные всех лучших сторон и продуктов так называемой «христианской» культуры).

Даже деление на расы, не говоря уже о делении по странам (политическое), по языкам, районам и религиям, мы считаем неизбежно произвольным и поэтому лишь временно и частично оправдываемым.

Итак, перед нами две реальные точки, две великие единицы: *человек и человечество*.

Человек как личность мыслящая, чувствующая, страдающая, радующаяся, творящая, — *человечество* как совокупность всех личностей, находящихся в данный момент и когда-либо находившихся на нашей общей родине, в нашем общем жилище — на нашем маленьком, но не тесном, если мы достаточно культурны, земном шаре.

Мы не знаем ничего более реального, чем человеческая личность, и ничего более идеального, чем человечество. Все остальные, промежуточные группировки условны, случайны, неизбежно произвольны, неустойчивы.

Таковы же и те группировки, которые считаются (иногда лишь по недоразумению — особенно, если они поддержаны отдельной политической организацией) наиболее естественными и незыблемыми, а именно группировки «национальные». Ещё менее устойчивы те, которые объединяют в каком-либо отношении группы национальностей, являясь как бы потенциальными союзами нескольких национальностей, имеющих какой-нибудь общий признак, как, например, национальности: скандинавские, германские, англо-саксонские, англо-германские, латинские, балканские, североамериканские, южноамериканские, общеамериканские, славянские и т. п.

После вышесказанного читатель, может быть, с недоумением спросит, почему же мы берём на себя служение «славянской» идее, если мы считаем её такою условной, эфемерной, даже более эфемерной и обманчивой, чем идея национальная, которой мы отказываемся служить иначе, как с введением интернациональных поправок и оговорок, считая даже её слишком эфемерной по сравнению с двумя вышеуказанными неразрушимыми, неоспоримыми и неустрашимыми идеями — человека и человечества...

Наш ответ будет ясен читателю, если он вдумается в выше предложенное ему определение того, *как мы понимаем* нашу славянскую идею.

После нашего дополнительного историософического разъяснения мы попытаемся вкратце резюмировать главные пункты нашего «кредо»:

- 1) мы считаем основными величинами, между которыми проходит траектория всякого исторического процесса, две идеи — человек как неделимая личность и *человечество* как совокупность всех мыслимых личностей,
- 2) мы считаем, что национальная группировка есть изменяющийся продукт историко-географических условий,
- 3) мы считаем, что нации могут не только без ущерба для себя, но напротив того даже с выгодой для себя входить в группировки высшего (т. е. более сложного) порядка, какими являются, например, союзы национальностей, группирующихся по их родству и симпатиям, особенно по языку,
- 4) язык мы считаем наиболее ценным достоянием каждой национальной группы, незаменимым орудием их объединения и проявителем их человеческого достоинства,
- 5) поэтому группировку по языку мы считаем желательною и положительною по её результатам, если только её целью является не порабощение или угнетение кого-нибудь, стоящего вне данной группировки, а лишь взаимная помощь и стремление к дальнейшим, более широким, группировкам,
- 6) окончательной целью всех группировок и единственною, которую мы можем теперь предусматривать как конечный идеал собирательного процесса, мы можем считать лишь *единое целокупное человечество*,
- 7) *славянское* единение мы считаем одною из необходимых, желательных и полезных *подготовительных* группировок на пути к вышеозначенному *идеальному* результату,
- 8) в виду отсутствия в данный момент шансов материальных и прав моральных у какого-либо из славянских языков на роль общего славянского языка (разумеется, если мы понимаем свою задачу не как противодействие, а как содействие *общечеловеческому* собирательному процессу), то мы считаем, что славяне должны особенно тщательно обсудить вопрос о выборе языка для своих общих дел.

Портреты славянских писателей:

Иван Цанкар^{*)}

В Австрии, в пределах провинции Крайны, южной Штирии, Каринтии и Истрии, вплоть до самого Адриатического моря живёт небольшое, но очень культурное славянское племя – словинцы.

Русскому трудно представить себе жизнь маленькой народности вообще; если она и стоит на высокой степени культуры, она всё-таки не может избавиться от последствий того, что она мала. Жизнь каждой маленькой нации мелка и малозначительна, и нигде так не процветает пустое фразёрство, нигде одушевление и патриотизм не продаются по такой дешевой цене, нигде не погибает столько талантов, нигде невозможность приложить свои силы к серьезной работе не совершает такого количества духовных самоубийств между способнейшими людьми. Но всё это ещё не доказывает, что и маленькая нация не может оправдать своего существования и что она не способна дать миру людей, которыми могли бы гордиться и крупные, многочисленные нации.

Словинцы одна из самых мелких народностей в Европе (всего полтора миллиона), но ни одна из европейских наций не сделала в столь короткое время таких быстрых успехов по пути прогресса. Несколько десятков лет тому назад словинцы не имели ни грамотности, ни литературы, в настоящем смысле этого слова, теперь же нет крестьянской хаты, в которой не было бы книг. Один факт, что литературное дружество св. Мохора² в течение своего пятидесятилетнего существования распространило между простым народом приблизительно двадцать миллионов книг – единственный в своём роде случай в целом мире.

^{*)} Повторяем эту статью, в виду того, что большинству наших подписчиков она еще не знакома.

¹ Статья публиковалась в журнале «Славянский мир» дважды, впервые – в его самых первых двух номерах (1908, № 1; 1909, № 2). Однако для повторной публикации в 1911 г. Лаврин её значительно переработал, оставив лишь первую часть (и то не полностью) без значительных изменений. Кроме того, уже после этой публикации автор внёс исправления, дав их в следующем номере (№ 4–5). Статья публикуется в окончательном виде с внесением правки автора (основные две части разделены пятью звёздочками) по: *Савинь Л. Портреты славянских писателей: Иванъ Цанкаръ // Славянский миръ. 1911. № 1. С. 12–17; № 2–3. С. 19–26; № 4–5. С. 61–62.*

² Общество св. Мохора.

То же самое дружество имеет ежегодно до восьмидесяти тысяч подписчиков, преимущественно среди одних крестьян.

Сто лет тому назад словинцы имели одного лишь Валентина Водника, которого действительно можно назвать поэтом, теперь же у них прекрасная литература. Среди поэтов, пальма первенства принадлежат Францу Преширну (1800–49 гг.), который уже переведен на многие европейские языки. В новейшее время лучшими поэтами считаются Антон Ашкерц, Симон Грегорчич, Отон Зупанчич¹ и рано умершие Драготин Кете² и Й. Мурн-Александров, а между новейшими писателями-беллетристами выдаются Софья Еловшек³, Франц Мешко, Иво Шорли, а самый крупный и всесторонний – Иван Цанкар.

***

Иван Цанкар – сын маленькой нации, но он не её типичный представитель, – он самый сильный её протест, и в этом его главное значение.

Самое начало его литературной деятельности очень характерно, как единственное в своём роде. Будучи ещё юношей, Иван Цанкар издал сборник стихотворений под заглавием «Эротика». Этот совершенно невинный сборник, отличающийся прекрасным языком и оригинальным стилем, как и все последующие произведения И. Цанкара, получил огромную известность – и небывалым образом. Люблянский епископ Еглич так испугался заглавия сборника, что купил всё первое издание и дал его сжечь, наверное, очень жалея, что уже прошло то доброе старое время, когда вместе с книгами сжигали и их авторов.

Этим фактом Цанкару сразу же сделан был намёк, достаточно ясно указывающий, какую роль он будет играть в мнении большинства, если пойдёт тем же путём и дальше... Цанкар стоял перед вопросом: плыть ли по течению и prostituировать свой талант, сделаться литературным ханжой и писать по вкусу тех, которые подвергли его первую книгу auto-da-fé⁴, или же одному идти против течения...

Он выбрал последнее и одержал победу.

¹ То есть Отон Жупанчич.

² То есть Драготин Кетте.

³ То есть Зофка Кведер.

⁴ Аутодафе (от испанского и португальского «акт веры») – оглашение и исполнение приговора суда инквизиции.

Появление его в словинской литературе положило начало новой эпохе после Преширна, может быть, самой значительной. Почти вся новейшая словинская литература – это Иван Цанкар. В данный период он представляет собою самого колкого и едкого сатирика, немилосердного и жестокого разоблачителя, лучшего стилиста, самого тонкого психолога и глубокого мыслителя.

***

Одною из главных задач, которую поставил себе И. Цанкар, это осмеять бессмысленную, филистерскую жизнь своей среды, показать её во всей её ужасной наготы, а как сатирик – осмеять раболепие своей нации и сорвать маски с благообразных лицемеров, которые, под флагом религии или патриотизма, скрывают свои когти, на самом же деле своими «добродетелями» высасывают кровь бедного народа.

В современной литературе немного писателей, которые умели бы таким захватывающим образом передать весь ужас и трагизм обывденной, бессмысленной жизни, как передаёт её Цанкар. Над его произведениями тяготеет какой-то тяжёлый кошмар, от которого нельзя освободиться ещё долго после того, как вы отложили книгу в сторону.

Настроение его сочинений – настроение мрачного осеннего дня, когда буря рыдает, словно терзаемая отчаянием одиночества, когда над угрюмой землёй висят тяжёлые, свинцовые тучи безмолвно и угрожающе, когда пожелтевшие листья с тихим вздохом падают с поникших деревьев, когда в груди непонятная грусть и тоска, и одиночество, и страх перед чем-то неизвестным, а отовсюду веет холодом, смертью... Всё окутано сырым, душным туманом, в котором люди блуждают, точно призраки – далеко от солнца и солнечной жизни...

***

Иван Цанкар – чуткая современная душа, которая глубоко чувствует разлад между внутренней жизнью и внешней, – между надеждами, мечтами и возможностью; душа мятежная и беспокойная, желающая полёта, тоскующая по более высоким формам жизни. Но мешают полету узкие рамки, закреплённые многовековой традицией, – та клетка, в которую заключили человека-зверя тысячи лет тому назад, чтобы выдрессировать из него теперешнего трусливого, слабого, лицемерного европейца, и которая

в сущности осталась такой же тесной, как и прежде, несмотря на то, что всё больше жизней задыхается в ней от недостатка воздуха.

Основные тона всех сочинений Цанкара – злость и пессимизм, порою какая-то сладкая грусть и усталость, а обыкновенно – отчаяние и безвыходность, фатализм.

Вся жизнь кажется ему мелкой, смешной и жалкой пародией, вымыслом какого-то малоостроумного, но очень злобного творца, который создал всё это, лишь бы вечно хохотать...

И где тут собственно жизнь? Её нет... Есть только одно умирание, самое ужасное – медленное. Никто не живёт, все только умирают, а то, что принято называть смертью, это лишь последний акт умирания...

А человечество? История человечества? – Но что это за история?! Правда, кумиры порою умирают, – говорит Цанкар; революционная склонность человека свергает их с алтарей, но ведь рождаются постоянно новые, которые отличаются от прежних только одеждой... Полицейская склонность мешает человеку сбросить лакейский фрак, в лучшем случае допускает его лишь переодеться по моде. – А прогресс? Его в сущности нет: жизнь не идёт вперёд, она вертится в кругу. А люди – это только тесто, из которого вечный филистер лепит самые жалкие куклы, но сопротивляться ему так же бесполезно, как сопротивляться вечному закону природы...

Да, пробуждается иногда надежда, «та великая надежда, без которой нет ни одного великого действия, ни одного великого преступления»; глаза толпы широко раскрываются, и все жаждущие мести ищут вечного филистера... того, «кто ограбил нашу юность, наши лучшие дни, кто воздвиг между нами тысячу стен, сделавших нас чужими друг другу; кто заковал нас в тысячи цепей, так что нам стыдно самих себя; кто дал нам тысячу повелителей, пред которыми мы все кланяемся со слезами стыда в душе и проклятиями в сердце; кто отравил нас ядом вечной лжи, вечного смирения, вечного недоверия...» С лиц падают маски, все их топчут с наслаждением, но вечный филистер, для которого уже уготована виселица, сделает только один жест, промолвит кстати какое-нибудь изречение домашней мудрости о «невинной, кроткой и смиренной душе», – и все маски опять на лицах, все сюртуки туго застегнуты... вечный филистер подходит к ним и, надев опять цепи, гонит их обратно «в болото, точно стадо баранов»...

Это вечная, земная комедия. Благородные порывы толпы – лишь проблески молнии на тёмном небе истории человечества, а остальное – ночь...

Что же остаётся человеку, чтобы не умирать, но жить так, чтобы стоило жить? Одиночество? — Даже и его нет, ибо так называемое человечество преследует отшельника, точно гнусная черепаха ползёт оно за ним, и на самом пустынном острове, из самой скрытой расщелины высовывает свою голову, искажённую злобой насмешкой: «Не уйдёшь»...

Любовь? Она поругана. На алтаре любви стоит вместо чистоты, величественной божии скотница и городская проститутка... Святая прощена в грязь.

Пустота, одна лишь пустота. Нет жизни, есть лишь ужасная карикатура её.

***

Все герои Цанкара страдают от пустоты и гадости окружающей их среды. Весь мир для них — клэдише, по которому бродят они, одинокие, мечтательные и слабые, и смотрят со стороны на отвратительную толкотню жизни.

Если же они настолько смелы, чтобы начать беспомозную борьбу со средой, с тем, что «принято», с толпой, с «вечным фильстером», то падают, разбитые телом и духом... и когда умирают, нет улыбки на их устах... А их врал улыбаётся — их удары едва шелохнут его кожу»...

В них всех столько желаний, столько стремлений, способностей, но нигде приложить их. У них светлые, великие планы, но нет сил осуществить их. Они чересчур мяки, мечтательны, медлительны, чересчур мало циничны, чтобы добиться с помощью локтей в серую толкотню, «в ту золотую середину, которая живёт от дыра рабов».

Они только смотрят на уважаемую публику, как там толкают дыра дыра, дыра, наущивают, дают, уничают, грязнят себя и других, лишь бы «не помешать своему ленивому кровообращению». А их самих ещё более толкают в сторону, топчут ногами, пока они совсем не погребут в грязной яме заброшенных и забытых.

***

Величайшая и самая трагичная борьба в мире — это борьба междука с душой, и междука от недостатка дырой пищи очень часто съедает дышу со всеми её идеальными стремлениями, светлыми мечтами, гордостью и другими для «практической» жизни совершенно ненужными вещами...

И горе тем, которые не поддаются желудку! – Эту борьбу во всех её бесконечных вариациях изобразил Цанкар в нескольких произведениях с необыкновенной силой. Молодой мечтатель, интеллигент, художник, ищущий новых путей жизни, который думает преобразить весь мир, сделать его достойным себя, – стремится и работает, никем не понимаемый, точно голос вопиющего в пустыне, пока не заговорит желудок. И тут только два выхода: или смиренно подписать компромисс и, поставив точку, пойти по колею, уже протоптанной стадом, стать уважаемым, богатым гражданином с многочисленным уважаемым потомством, или же – голодная смерть... На пути к душе голод.

В сочинениях Цанкара очень часто слышен отчаянный крик сына земли Пшибышевского: Боже! Зачем ты создал нас?..

Но пока они не совсем ещё пали под тяжестью давящей их пустоты, ищут хоть какого-нибудь вознаграждения. Не находя никакого успокоительного выхода в реальной жизни, ищут его внутри себя, в мире фантазии и грёз, которые тем красивее, чем тяжелее будничная жизнь, ищут его в фата-морганах того мира, по которому они тоскуют. Но бедные путешественники обречены умереть среди пустыни...

Все они живут каким-то далёким-далёким миром, живут прекрасными воспоминаниями о том, что случилось когда-то в давнем прошлом или, по крайней мере, могло случиться.

Но всё это так далеко... Душа жадно слушает, и только по временам долетают до неё звуки той, другой жизни, словно эхо прекрасной песни, которая раздаётся там за горами, всё более и более удаляясь и затихая... И чем дальше она, тем нежнее становятся трепещущие звуки, прилетающие издали...

А вокруг – дикий вой, пьяные голоса, продажная любовь, поддельные слова и улыбки, рабски согнутые спины и слёзы.

Постоянная тема Цанкара – столкновения этих двух миров: на одной стороне мечтательная, слабая, беспомощная натура с вечной надеждой в душе, а на другой – жизнь, точно грубое, гадкое и беспощадное чудовище, которое неуклюже и слепо переваливается, само не зная зачем и куда, и всё, что попадет под её лапы, погибает беспощадно...

Но и в грёзах, даже самых красивых, нет фактического вознаграждения. Они только убежище от реальности, убежище на несколько минут от грозы.

Так где же настоящее вознаграждение? Где оно? – Этот вопрос доводит писателя до отчаяния, до фатализма.

С каким-то наслаждением, доходящим почти до жестокости, описывает он страдание изгнанных, бездомных бедняков, которые блуждают по широкому миру, гонимые одной мечтой и надеждой, что вот-вот случится что-то прекрасное и радостное, вся жизнь станет похожей на прекрасную песнь в майское утро... вечным Рождеством, вечной Пасхой...

Но один за другим возвращаются обратно, постаревшие, измученные, с впалыми щеками и хилым, больным телом; возвращаются в свой нищенский дом, ибо так было суждено с самого начала.

Они обречены уже со дня рождения.

* * *

Жизнь героев Цанкара – это крестный ход на Голгофу, где их ожидает единственное спасение – смерть...

Прозревшие глаза наконец замечают, что последние остатки их робкой надежды исчезли, что осталась «одна лишь голая, гадкая скудость»...

Бесплодные мечты отняли и волю, и уверенность, и они умирают в грязной яме среди бесчисленного множества заброшенных жизнью.

Фата-моргана исчезла, и вокруг одна бесконечная пустыня...

Только порою, редко, очень редко крест страданий становится крестом победы, блестящим лучезарным блеском великой любви, которая забывает всё, которая прощает всё, для которой нет прошлого, одно лишь прекрасное настоящее – экстаз самозабвения...

Путь на Голгофу забыт.

И от креста, под которым мученик раньше падал, ярко льются лучи новой жизни, купленной в страданиях, и ослепляют глаза.

Может быть, всего одна минута; но ведь бывают минуты, которые стоят страданий десяти жизней?..

Впрочем, это у Цанкара довольно редко. Преобладает такое настроение, когда кажется, что всё вокруг застыло, и слышно одно лишь тревожное биение собственного сердца, одно лишь затаённое от непонятного страха дыхание, а вместо воздуха грусть.

«Солнце заходит; лишь несколько лучей трепещет на небе; от восхода приближается ночь – и там стоит человек, и его глубокие глаза устремлены на небосклон, его лицо бледное, осунулось от страха и тоски. Его голова поникла, и распростёртые руки он протягивает к селенцу..., ибо солнце зашло в последний раз и не возвратится никогда более...»

Это постоянный лейтмотив Цанкара – тоска человека, который, поздно прозрев, увидел, что всё время умирал, а для жизни не осталось ничего больше...

И кому из нас не знакомо это настроение?..

Заметим ещё одну характерную черту героев Цанкара – это их отношение к смерти. Все, не исключая даже детей, приветствуют её со сверхчеловеческим, или лучше, с фаталистическим равнодушием. Им чужд характерный животный страх толпы перед смертью. Даже бедным заброшенным детям разврата и порока, в доме Марии Заступницы, смерть кажется приветливой старушкой, закутанной в тёплую шубу.

Самые трогательные, наиболее захватывающие строки у Цанкара – это те, где он описывает смерть. В новейшей литературе едва ли найдётся более красивая и более сильная сцена, чем смерть Мальчи в последней главе «Дома Марии Заступницы»^{*)}.

*****

Прежде чем говорить о Цанкаре, как писателе вообще, нужно сказать о Цанкаре, как о словинском писателе в частности. Это необходимо потому, что как раз последний угол зрения большей частью уже исчерпывает всё значение писателя маленькой нации, между тем, как у Цанкара он не только не исчерпывается, но даже обуславливает... Родина для него та почва, где растут все корни его вдохновения, его художественного таланта; и вникающему в его произведения кажется, что без неё он был бы веткой, отрезанной от ствола, дающего живительные соки, постоянный рост и расцвет...

Что вдохновляет? Великая вера... А если нет веры?.. Тогда остаются ещё великая любовь и великая ненависть... Это в сущности два равноценных и одинаково могучих толчка ко всему великому и выдающемуся, без них творчество невозможно, ибо только они созидают и разрушают... И для каждого прежде всего является родина той нивой, где он сеет, откуда он черпает своё вдохновение, свою любовь, свою ненависть, свою радость, свою печаль.

Цанкар, выросший под влиянием новых литературных веяний, типичный скептик и пессимист, которого с обществом ничто

---

^{*)} Русский перевод в 1-ой кн. «Библиотеки избранных славянских писателей».

не связывало, кроме презрения. Некоторое время он как будто искал убежища от ненавистной ему действительности в романтизме, пропитанном нищенскими и штирнеровскими идеями, хотя за разрешение философских или социальных вопросов, в ходячем смысле этого слова, почти никогда не берётся – для этого он слишком скептик, а дело скептика не разрешать вопросы, а задавать их, ставить вопросительные знаки...

Важно всё-таки то, что Цанкар не увлёкся тепличным искусством, оторванным от жизни.

Когда в его душе серьёзно столкнулась национальная идея с общечеловеческой, то последняя не съела первой, а только углубила, облагородила её... Благодаря этому он сделался в своём роде также «переоценщиком» национальных ценностей у словинцев, в чём его громадная культурная заслуга...

Как художник-писатель он интересен именно тем, что поднял словинскую литературу (роман, новеллу, драму) на высокую степень не как космополит, а как оригинальный, самобытный национальный талант, как словинский писатель *par excellence*¹.

Уже вопрос «быть или не быть» нации, неуверенной в завтрашнем дне, поневоле заставляет именно литературу будить и поддерживать огонь национального самосознания во время политических гонений и прозябания. Литература становится глашатеем лучших дней, новых надежд, но благодаря этому обстоятельству она обречена на местное и временное значение. Литература каждой национально угрожаемой маленькой народности носит тенденциозный, пропагандирующий характер. Претендовать же на большее, чем местное значение могут не тенденциозные писатели-пропагандисты, а только те писатели, которые бессознательно для самих себя проникают в самые сокровенные тайники народной души, которые сами являются высшим проявлением её загадочной, стихийной силы... Только тогда они действительно оригинальны, а не подражатели, не пропагандисты...

Цанкар как бы инстинктивно предчувствовал, что настоящего, самобытного искусства вне нации, вне родины не существует. Несмотря на то, что его сочинения народу мало доступны, можно

---

¹ «В высшей степени», «истинный, в полном смысле слова» (фр.).

с уверенностью сказать, что он передал душу народа так ярко и заглянул в неё так глубоко, прочувствовал так интенсивно, как до сих пор ни один словинский писатель.

Но к наболевшим жизненным вопросам он подошёл совершенно иначе, чем делалось до него, подошёл, как переоценщик, как беспощадный критик, бичуя всю разукрашенную грязь, раскрывая все раны, всю низменность своего общества, т. е. главным образом интеллигенции, образованных филистеров, самодовольных живых мертвецов, душевное и интеллектуальное убожество которых делает жизнь такой же убогой, как и они сами. И тут нашёл он совершенно непочатую почву. Нужно было бичевать и бить во все стороны, чтобы взбудоражить заспанных и толстокожих филистеров.

Типичная черта культурной жизни маленькой нации – узкая партийность. Великая борьба социальных и культурных противоречий до неё доходит точно эхо (и подобно эху – всегда немного поздно), но вся беда в том, что оно часто является к ним в извращённом, карикатурном виде. Великие бури у них превращаются в бури в стакане воды, убеждения становятся убеждениями. Всё основывается на рутине. Личных убеждений нет, есть только убеждения партии, общества. И горе тому, у кого собственное убеждение, собственный путь. Они враги рутинного общества, они ему не нужны, и общество старается устранить их с пути во что бы то ни стало. Медленно, шаг за шагом давит их оно, пока не парализует все их силы. В результате – непримиримая ненависть, непримиримое презрение одиноких к обществу.

Один из бывших энтузиастов Цанкара (в произв. «Новая жизнь») удивляется, как это он хоть до известной степени уцелел. «Не потому ли, что в душе я был гораздо подлее тех, которые пали?» – спрашивает он себя.

Один этот вопрос ярче всего характеризует отношение между одинаковыми искателями новых путей и окружающими их живыми мертвецами.

Всё красивое, чистое и благородное или бесплодно погибает, или же опошляется жизнью, утопая в мелочных заботах о хлебе насущном, обрызганное грязью, плевыми почтенной публики.

«Что такое искусство – энтузиазм – огонь – борьба? Сюртук, который, сгнив, спадает... и остается только прозябающий филистер, смотрит назад недоумевающими глазами»...

Конец всему один – это лужа... пошлости...

О каких-нибудь высших запросах среди этих живых мертвецов не может быть и речи. Довольно удачную форму всех их стремлений передаёт героиня одной драмы (Слуги¹): хорошая вещь родина, хорошая вещь также свобода, но лучше всего жареные цыплята...

На литературу большей частью смотрят, как на развлечение, как на десерт после плотного обеда и почти всегда подходят к ней с партийной точки зрения; если писатель не принадлежит к их лагерю, то – Бог с ним, – он никуда не годится. Если же наоборот, то раздаются похвалы, хлопанье, поднимается фимиам: десерт вкусен, даже если его изготовила нечистоплотная и бездарная кухарка, конечно, есть некоторые условия, которые обязательно предъявляются: 1) Десерт должен пахнуть патриотизмом. 2) Он должен быть моральным, даже немного поучительным, ибо неморальный десерт опасен для души и нравственности, к тому же портит и желудок порядочного человека. 3) Уважение ко всякой власти, Божьей и человеческой, равным образом и уважение ко всем традиционным народным «святыням». 4) Высоких проблем и материй важных не касаться: от последних всегда бывает дурной сон, а первая добродетель порядочного человека и образцового гражданина – это хорошее пищеварение и хороший сон...

Вот эти-то «мертвецы» и послужили главным образом фоном для большинства произведений Цанкара и мишенью для едких его стрел.

Разные «патриоты», спасающие народ трескучими фразами и квасным патриотизмом, «вожди народа» с важной осанкой, «патриотическая» деятельность которых тем усерднее, чем более нуждается их карман; лицемеры-моралисты, в особенности клерикалы, дикий фанатизм и идиотская ограниченность которых доходят до крайности – вот длинная вереница, по которой особенно свистит бич Цанкара. А за вереницей этих комедиантов виден народ, бедный, измученный тысячелетним рабством, народ с постоянно согнутой спиной, стонущий под чужим игом, погибающий при всей своей даровитости.

¹ Пьеса «Холопы» (1910).

Герои Цанкара мечтают за невозможностью работать, а народ также мечтает – потому что нет никого, кто бы его научил серьёзной работе...

В одном из прекраснейших аллегорических сочинений И. Цанкар изображает свой народ в образе ленивого мечтательного бродяги Марко. Мать его, т. е. родная земля, красивая и плодородная, умоляет своего сына Марко остаться дома, жить вместе с ней и работать. Но Марко только и делает, что мечтает и шатается по белу свету... Зачем ему трудиться! Ведь там, в пещере, под высокой горой, спит добрый король Матъяж^{*)}, и скоро встанет он и выйдет оттуда во всей славе своей, и сильным мечом покорит, сотрёт с лица земли врагов своего народа. И счастье поселится тогда на земле. Так зачем же работать!.. Король Матъяж встанет скоро – как только родится человек, настолько сильный, чтобы вытянуть из ножен меч доброго короля, висящий на стене пещеры. И ленивый мечтатель Марко наконец сам отправился в пещеру, где спит добрый король Матъяж со своим войском... Но увы! Как он обманулся! Меч короля уже весь заржавел... а добрый король Матъяж и всё его сильное воинство спят непробудным, мёртвым сном... И бедный Марко под конец дней своих стоит нищим при дороге, презираемый богатыми соседями, теми, что полагались не на пустые мечты, но на работу своих трудолюбивых рук и на свои собственные способности...

«Кто не требует ничего от жизни, тот гнусное пресмыкающееся, и каждый имеет право раздавить его каблуком.

...И есть целые народы, которые можно назвать такими же пресмыкающимися. Они только жалуются, плачут и просят... И вещи, которые у других обыкновенны, как воздух, кажутся им идеалами, утопиями... Весьма понятно, что пиджак и сапоги необходимые вещи, но для придорожного нищего и они могут показаться воздушными замками...

До подобных рассуждений доводят И. Цанкара размышления о своей родине и о своём народе. В последнем иногда готов он видеть обреченного на смерть нищего без великого прошлого, без блестящего будущего... Одни слуги, одни бедняки... Их история – это тысячи лет рабства...

---

^{*)} Народное предание.

Один «изгнанник» возвращается ночью домой на «холм бедняков»¹. И его глазам представляется вот такая картина:

«Перед ним куча хат, прислонившихся одна к другой, точно стадо испуганных овец. Один лишь огонёк мерцает тусклым светом из тьмы. — Он смотрит, и его глаза точно проникают оборванные соломенные крыши и наполовину развалившиеся стены. Низенькие, душные комнатки, сырые голые стены, лишь над кроватью изображение, может быть, голова Христа с терновым венком и кровавыми каплями на челе; мебели никакой, люди спят на полу, на тряпках, прикрытые тряпками. Их лица худые, потные; пьяный хозяин лежит с обнажённой грудью и громко храпит; душная комната полна смрадом; у детей увядшие, старческие лица; едва оставили они люльки, уже образуются морщины на лбу, взгляд унылый и сонный, щёки впалые и бледные; жена хозяина не спит; она было прилегла, но встала, как только заснул муж, и сидит на скамейке у печки, сгорбившись и закрыв лицо ладонями... Хата за хатой, одна похожа на другую. И кажется, будто нищета разлита в самом воздухе, нищета во взглядах, в словах, в душе, нищета и раболепие, недоверчивость, нищета без конца... Едва начало биться молодое сердце, уже сосёт нищету, страдание и заботы из груди матери... сосёт немощь, унижение и раболепие, преданность в своём рабстве, неспособность к жизни. Вырастает и бродит по свету с согнутой спиной, с потупленным взором — природный раб. Он может быть и весёлым, и разгульным, он может разбогатеть, — но в душе, во всех своих действиях он остаётся рабом.

...Он смотрел, и холм удивительно расширялся на его глазах, от восхода до запада расширялся он, от юга до севера, заполнил всё пространство. Холмом бедняков была вся обширная страна перед ним, по всей стране ходили они — униженные, нищие с согнутыми спинами, нищие в душе, какими они остаются, даже когда губы их весело улыбаются, даже когда у них красные лица и хорошие одежды...

...Все они обречены на смерть, весь труд напрасен и поэтому бессмысленен; переодень их снаружи, в душе они всё-таки рабы, обречённые на смерть...

Но в беспредельной ночи этого убожества и нищеты всё же мелькает какой-то огонёк, распространяя мягкий спокойный

¹ Имеется в виду роман «На улице бедняков» (1902). В переводе Е. И. Рябой см.: Цанкар И. Чужие. На улице бедняков. Мартин Качур. М.: «Художественная литература», 1987. С. 147–292.

свет... Это окно учителя»... Самоотверженный труд тех, кто стремится всё дальше и дальше, тех, кто желает посредством просвещения высвободить народ из тины нищеты и невежества, наконец всё-таки принесет свои плоды... И мелькающий в темноте огонёк превратится в яркое пламя счастья...

Цанкар сам в большинстве своих произведений как будто ищет огонёк, за который мог бы уцепиться и найти какой-либо выход из своего пессимизма и отчаяния. Кажется, он его, наконец, нашёл – в вере в лучшее будущее не только своей нации, но и всего человечества, и главное: в него поверил. В чём он выражается, сам не знает: этот огонёк пока ещё только предчувствие лучшего будущего... И как только имеется это предчувствие в душе, сразу меняется угол зрения, под которым смотрим на окружающий нас мир.

В недавно вышедшей полемике («Белая хризантема»¹) Цанкар говорит про свой пессимизм:

«Мрак видят мои глаза, но свет видит лишь моё сердце, что смотрит в будущее... Нынешнее время похоже на человека, стоящего на гнилом мосту: он ни на этом, ни на том берегу, он колеблется, он слаб и неуверен...

Я показываю, до какой степени он слаб, как он неуверен, как он бродит без воли и без цели; я показываю ему верх беспринципности, поклонение лицемерию, слову лжи, для того, чтобы он проснулся, чтобы взглянул в будущее. Разве я не пел о грусти, потому что в моём сердце была тоска по радости. Я изображал ночь, пустую, серую, полную стыда и горя, чтобы глаза тем сильнее затосковали по чистому свету. Поэтому моё слово, как оно ни твёрдо и жестоко – слово надежды и веры»...

Слово «вера» довольно странно звучит в устах такого скептика, как Цанкар, но кажется, что бессмысленный хаос страданий действительно получил, наконец, смысл для него.

В рай ведёт путь через Голгофу.

Вот его credo²...

Каждый человек, весь народ, всё человечество должно идти через Голгофу, с тяжёлым крестом на изнурённых плечах, в заветную страну счастья. По тёмному, тернистому пути идут они светлой

¹ Эссе «Белая хризантема» (1910).

² «Верую» (латынь).

заре навстречу... И блаженны те далекие поколения, которые увидят эту зарю. Они будут бесконечно счастливы, ибо зоря эта взойдет из-за бесконечного моря страданий и слёз...

Вот почему Цанкар с такой нежностью относится к тем одиноким «чужим» мечтателям, которые тоскуют по этой заре и которые обречены в жертву, потому что они пришли слишком рано, потому что они первенцы...

С такой же бесконечной нежностью и состраданием относится он ко всем тем, кто стоит у врат жизни, у вечно запертых для них врат, напрасно стуча и просясь...

Не презрения достойны они, но великого всепрощения, великого сострадания и бесконечной любви...

Ибо что все их грехи в сравнении с их страданиями, с их бессознательной, неутолимой, жгучей тоской, матерью всех злодеяний!

Беззаботный бродяга Курент получил от дьявола скрипку радости. С ней ходит он с края в край своей прекрасной родины.

«Благословенная страна! Тут, должно быть, живет благословенный, Богом избранный народ, знающий веселье и радость!..»

Вместо избранного народа он везде находит толпы усталых, угрюмых рабов.

И как только они услышали дьявольскую скрипку радости, забывают о горе, о молитвах, о цепях и оковах.

Тоска прорывается наружу, тоска по вечному празднику, по жизни, полной солнечного смеха.

Бесконечная процессия идёт за скрипкой дьявола.

«За тысячу часов тоски и горя – один час радости».

Их впервые проснувшаяся тоска рвёт все преграды: радость, к которой они не привыкли, хотят испить до дна; она превращается наконец в гнусную оргию пьяных рабов, в пляску живых трупов, пока все не падают от усталости и изнеможения. Грязные, отвратительные, храпят они: мужчины и женщины, седые старики, оборванные, голодные дети. Они лежат, опьянённые часом безумного веселья, чтобы снова проснуться в душном болоте...

Курент, уходя, говорит с жутью и горечью в сердце:

«Бог вам простит всё. Ибо вы плясали в разнузданной пляске, вы пели и кричали, чтобы заглушить вашу тоску... За тоску вашу прощены вам будут все ваши грехи!»..

И. Цанкар — одно из самых крупных явлений в южнославянской литературе, а для словинцев он особенно важен, как основатель и главный представитель модернизма в лучшем смысле этого слова. Он первый у них создал модернистский роман, драму и новеллу.

В своих первых произведениях он иногда слишком увлекался стилем; поэтому некоторые места, несмотря на всю их красоту, кажутся вычурными и расплывчатыми. В новейших же сочинениях заметна сжатость, стремление к классической простоте и к крайней эпиграмматичности реплик. Последнее обстоятельство, вероятно, и виновато, что почти у всех его героев одинакова манера выражаться. Но это сглаживается оригинальными символами, сравнениями и языком, блещущим дивной музыкой и красотой.

Что касается техники, то он в словинской литературе остается пока без соперника.

У него нет утомительных описаний, а непосредственная передача переживаний и настроений; он — «натуралист души».

При всей его всесторонности трудно определить, что ему лучше удастся, сатира ли, или психологические картины, или же символические образы. Во всем он почти одинаково оригинален, своеобразен и силен.

Особенно увлекательны те места, где он передает настроение природы. Он её не описывает теми шаблонными фразами, как это обыкновенно делается, он дышит, он живёт ею. Так любит юноша свою возлюбленную, к которой прибегает в часы усталости и грусти, чтобы положить голову на нежную грудь и опьянить себя чарами ласкающей красоты.

Великая заслуга Цанкара также в том, что он один из первых заставил свою нацию более серьёзно относиться к искусству, специально к литературе. — Современный человек в крайней опасности. Религии уже давно нет, но где она осталась, там она бессильна, совершенно бессильна. Остается поэтому только одно, что может поднять человека, возвысить его над уровнем самодовольного филистера и дельца: искусство... Но оно как будто забыло о своём назначении... Почти везде замечается следующее: публика развращает искусство, искусство же, чтобы не остаться в долгу, развращает публику; оно превращается в лакея моды и низменных инстинктов низменного общества.

Про Цанкара можно сказать, что он не поддавался «течению». Он посвятил всю свою жизнь, все свои силы исключительно искусству, никогда не забывая, что к нему нужно относиться серьёзно, а не только как к приятному эстетическому развлечению.

Он совершенно вправе сказать после выхода своей двадцатой книги: «я всегда ходил по пути, указанному мне моим сердцем и моей совестью». Он вправе это сказать, потому что, несмотря на все лишения, на наставления и брань критиков-«моралистов», он действительно не боялся оставаться всё время самым собою... Он был сильнее обстоятельств, сильнее «мертвецов», и поэтому его работа не увянет и не пройдет без пользы: она оставит глубокие следы в культурной жизни народа, грядущего к свободе и к лучшему будущему...

Anton Aškerc. Akropolis in piramide¹

Ljubljana, 1903². Цена 3 кроны

Муза лучшего словинского эпика Ашкерца отличается прямотой, смелостью, бодростью и свежестью. Она не знает никакой рисовки, ей чуждо кривляние, вошедшее в последнее время везде так сильно в моду; она похожа не на бледную, от себя и от жизни усталую городскую барышню, но на крепкую, жизнерадостную, воинственную черногорку, как сам поэт говорит. Ашкерц у словинцев первый борец за свободные идеи, проповедник социальной и индивидуальной свободы, неустрашимый как в стихах, так и в жизни (Ашкерц – бывший католический священник). Его роль можно отчасти сравнивать с ролью Махара³ в чешской литературе,

¹ В рецензии, давая оценку конкретной книге «Акрополь и пирамиды», Лаврин останавливается и на вопросах направленности всего творчества Антона Ашкерца, вписывая его в общий процесс развития европейских литератур, предлагая увидеть параллели в других славянских литературах (в частности, чешской). В конце короткой статьи дается информация о русских переводах произведений А. Ашкерца и ссылка на его издателя в Любляне. Публ. по: Anton Aškerc. Akropolis in piramide. Ljubljana, 1903. Цена 3 кроны / Славянская библиография // Славянский мир. 1910. № 1. С. 35–36.

² Опечатка: поэтический сборник «Акрополь и пирамиды» вышел в 1909 г.

³ Махар Йозеф Святоплек (1864–1942) – чешский поэт, автор манифеста Чешской модерна (журнал «Розhledy», 1895), в котором призывал писателей следовать «собственным представлениям о красоте и правде», отстаивал свободу самовыражения. Уже в первых сборниках стихов 1880–1890-х гг. («Confiteor», «Без названия», «Третья книга лирики»), которые составили своеобразных «роман молодого человека» в жанре «лирической мозаики», поэт отходит от канонов высокой поэзии, развенчивая её идеалы. В более

хотя Махар как поэт более яркая личность. Баллады и романсы Ашкерца прежних лет – шедевры словинской литературы, но с тех пор, как сделался слишком тенденциозным, его стихотворения теряют в художественном отношении, хотя его сатиры местами очень едки.

Настоящий сборник «Акрополь и пирамиды» представляет ряд впечатлений и размышлений (в форме параболы, аллегорий, арабесок, сказок) с путешествия по Египту и по Греции – нечто вроде записной книжки путешествующего поэта, – но несмотря на некоторые очень красивые места, он не удовлетворяет читателя в такой мере, как прежние сборники – нет уже прежней силы, прежнего подъёма... Идейная сторона сборника довольно богата, так как характер его преимущественно тенденциозный, сатирический, местами даже дидактический, но всё это уже довольно шаблонная, слишком холодная мудрость... В его египетских впечатлениях есть восточные краски, но нет восточной яркости, темперамента... От его впечатлений из Греции веет жизнерадостным настроением, но как-то не чувствуется в них настоящая душа древнего эллина: слишком бросается в глаза, что поэт только старается вплести современные мысли в эллинские и восточные мотивы... Ашкерц едва ли в душе такой язычник, каким он старается казаться.... В стихотворении «Воскресение на Акрополе», своего рода гимне нововоскресающему язычеству чувствуется, что не хватает каких-то нот, которые заставили бы и читателя дрожать и ликовать... Только красивое повторение красивых, но уже слишком повторяемых фраз – со времени Нитче¹. (Юлиан Апостата Махара, например, почти с той же тенденцией, гораздо сильнее.) Зато Ашкерц всё ещё довольно силён там, где высмеивает и бичует, слишком

поздних поэтических сборниках и произведениях (напр., роман в стихах «Магдалина», 1894) крепнет сатирическая направленность его творчества: критика современного политического строя, высмеивание нынешних «вождей народа», «цвета нации» сочетается у него с сочувствием (в духе Ф. М. Достоевского) униженным и оскорблённым. Взгляды на историю цивилизации с точки зрения нравственно-этических принципов Махар выразил в сборниках «Яд из Иудеи», «В сиянии эллинского солнца» (1906 – вошли как части в грандиозную поэтическую эпопею «Совесть веков»), где «рассматривает переход к христианству как движение вспять, от подъёма к упадку, от духовной свободы к системе запретов». См.: Будагова Л. Н. Чешская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 3. Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е – 1945 год). М.: Индрик, 2001. С. 86–89. – Именно с этими сборниками, вероятно, Лаврин пытается сопоставить сб. А. Ашкерца «Акрополь и пирамиды».

¹ То есть Ницше.

подчеркивать отрицательные стороны вообще рискованно, но Ашкерц умеет подчеркнуть...

Ашкерц в русских переводах:

Сергей Штейн. Славянские поэты (цена 1 рубль), и Н. Нович. Словинские поэты (цена 40 коп.). Его сочинения в оригинале можно выписать от издателя: Lavoslav Schventner, Ljubljana, Австрия.

Лев Савин

Антон Ашкерц¹

16-го мая умер, далеко за пределами своей маленькой родины, один из лучших современных славянских поэтов, *Антон Ашкерц* (род. в 1856 году).

Место, которое он занимает в словинской литературе, безусловно, одно из самых почётных, тем более что его поэзия сыграла в ней важную роль не только в смысле эстетическом, но и идейном, ибо Ашкерц был и поэт, и неутомимый, неустрашимый борец за новые идеалы. После смерти *Франца Преширна* (1800–49), одного из выдающихся европейских лириков (русский перевод его стихотворений, сделанный проф. Коршем² так слаб, что лишь компрометирует не только переводчика, но и поэта), в словинской литературе наступает затишье, длящееся чуть ли не три десятка лет. В шестидесятых и семидесятых годах начинается в ней новое, очень оживлённое движение – под руководством большим критическим чутьём одарённого Франа Левстика и поэта, беллетриста и литературного критика Иосифа Стритара. Это новое движение дало целую плеяду недюжинных талантов (Иосиф Юрчич, Иван Тавчар, Янко Керсник и т. д.), а венцом его явились два поэта, начавшие свою литературную деятельность только в 80-х годах: это – пассивный, чрезвычайно нежный и глубокий, весь пропитанный грустью лирик Симон Грегорчич и его достойный партнер – воинственный, деятельный и жизне-радостный эпик Антон Ашкерц.

¹ Публ. по: Я. Л. Антонъ Ашкерцъ // Баянь. СПб., 1912. № 6. С. 340–342.

² Стихотворения Франца Преширна / Со словенск. и нем. подлинников пер. Ф. Корш. М., 1901.

Интересно отметить, что оба корифея того периода словинской литературы принадлежат к духовному званию. Под террором фанатичной клерикальной братии мягкий Грегорчич насильно подавил свой великолепный талант – перестал петь, чтобы не подвергаться постоянным нападениям и укорам, то со стороны епископа, то со стороны своих товарищей по званию. Ашкерц же имел отвагу снять рясу ксендза и стал в первый ряд тех, что открыли непримиримую борьбу с ретроградной косностью – во имя просвещения, демократизма, свободы слова и совести.

Ашкерц по преимуществу реалист и пластик. Но его объективная пластическая муза становится всё более пылкой, воинственной, идейной. Для своих великолепных баллад он берёт сюжеты из восстания словинских крестьян против своих притеснителей («*Stara pravda*»¹); затем из эпохи словинской реформации, т. е. эпохи преследований, гонений всех тех, что восстали против культурного и религиозного цинизма римских пап (сборник «*Мученики*»); из восстания порабождённых балканских славян («*Рапсодии болгарского гусляра*») и т. д.

Разумеется, идейность и тенденция нередко приносили вред чистой объективности его поэзии уже потому, что не дали ему возможности подняться выше сюжета, а это всегда раньше или позже увеличивает желчь и уменьшает поэтические способности. Упадок творческой энергии у него замечен главным образом в последних сборниках: нет уже того пыла, ни внутренней искренности и убедительности, которой должна отличаться настоящая, живая поэзия. Это относится прежде всего к его сборнику «*Олимп и Пирамиды*»² (1909 г.), своего рода путевым заметкам поэта, перемешанным разными философскими размышлениями, восточными и жизнерадостными античными мотивами, среди которых иногда звучат также и социальные струны. Но эти струны уже не имеют прежней яркости: форма довольно шаблонная, не связанная внутренне с содержанием, деланность и тенденциозность проглядывают очень сильно. Ещё более замечен упадок его поэзии в сборнике «*Песнопения*».

В общем самые ценные классические образцы он создал в первую пору своего творчества. Его первые баллады – это шедевры словинской поэзии; особенно замечательны «*Межевой*

¹ «Старая правда».

² Имеется в виду поэтический сборник «Акрополь и пирамиды».

камень», построенный на народном мотиве, и «Осойский немой», где с необыкновенной силой описывается смерть «осойского немого» – бывшего польского короля Болеслава Смелого¹, поступившего в осойский монастырь после убийства проклявшего его епископа. Многими красивыми местами блещет также его драматизированная народная сказка альпийских словинцев «Златорог», ни в чём не уступающая немецкой её обработке известным поэтом Баумбахом.

Много горьких часов доставила Ашкерцу в последние годы его полемика с модернистами (с Иваном Цанкаром, Отто Зупанчиком² и др.). Исход этой полемики был для Ашкерца неудачен, и это весьма понятно: это была борьба не между отдельными поэтами, а между новыми и старыми художественными принципами. Ашкерц тут потерпел поражение, но оно не причинило никакого ущерба значению его произведений в словинской поэзии: несмотря на всё, Ашкерцу принадлежит одно из первых мест на словинском Парнасе.

А. Ашкерц был восторженным славянином, и его стихотворения часто затрагивают тему славянского единения. Особенно горячо он любил Россию. Вместе с Веселом³ он издал «Антологию русских поэтов» в словинских переводах, много путешествовал по России, воспевал Кавказ, попытался даже написать две пьески из русской жизни («Измайлов» и шутка «Орден св. Георгия»). К сожалению, он слишком мало был знаком с русским бытом, и потому о «местном колорите» не может быть и речи – кроме русских фамилий в обеих пьесках нет ничего русского.

Его творчество нашло отклик и надлежащую оценку также за границей. Переводили его на разные языки, особенно на немецкий.

Высокая оценка его за границей особенно лестна для такой маленькой нации, как словинцы. С его смертью они потеряли одного из лучших своих сынов, поэта, разносившего славу словинского имени по Европе.

Я. Л.

¹ То есть Болеслав Храбрый.

² То есть Отон Жупанчич.

³ То есть Иван Весел.

Сообщения военного корреспондента на Балканах

Я. Лаврина в газете «Новое время» (1915–1916)*

1915

3(16) марта

Беседа с Н. Пашичем¹

НИШ. Пашич высказал полную уверенность в победе тройственного соглашения, так как державы борются за великую правду, которая должна восторжествовать, хотя и потребует много жертв и много времени. «Некоторые державы колеблются в своих решениях и как будто верят в победу противников, но я убеждён, что события заставят изменить этот взгляд и стать на реальную почву. Мне думается, эти колебания должны миновать, может легко настать момент, когда участие этих колеблющихся держав не представит более интереса для тройственного союза, другими словами может быть упущен момент. Было бы весьма прискорбно, если бы Болгария не поняла этой роли, которая выпадает ей. Перед Болгарией следующая дилемма: остаться нейтральной или идти за Россией и, в-третьих, повернуть в сторону Германии и Австрии. Идя теперь за Россией, Болгария сразу же исправит все свои ошибки, она снова будет в наших рядах и может только выиграть во всех отношениях и осуществить все свои планы. Если же Болгария поверит окончательно в успех Германии и пойдет за ней, она, на мой взгляд, совершит глубокую политическую ошибку. Если представить себе Германию победительницей, то ясно, что она заставит балканские государства и Болгарию на себе испытать удары Германии в борьбе против славянства. Я верю, однако, что болгарские правители сумеют понять всю важность момента, и обсудят положение, и решатся идти за Россией, освободительницей, борющейся за осуществление славянских идеалов. Относительно других нейтральных государств я думаю, что они разорвут свои связи с Германией и Австрией. Они поймут, что Берлин и Вена борются

* Публикация подготовлена В. И. Барановским и И. Б. Хлебниковой. С марта по ноябрь 1915 г. «Новое время» опубликовало 17 телеграмм Я. Лаврина, а за ноябрь–декабрь 1916 г. – пять, из них представлены наиболее значимые.

¹ Новое время. Петроград, 1915. № 14009. 3 марта. Телеграммы наших корреспондентов. 2 марта. С. 4.

за торжество грубой силы; эта борьба не одухотворена идеалами и обречена на погибель, как и те, кто пойдет вместе с ней. Нужно быть близорукими, чтобы надеяться хотя бы даже в теории на победу Германии. Не надо также забывать, что Россия, Франция и Англия не оставят своих задач неосуществлёнными.

Возвращаясь к Болгарии, скажу, если она получит помощь с другой стороны, то это не может её удовлетворить, ибо это только временная помощь, следовательно, и в этом случае ей лучше оставаться нейтральной. Но и это будет заблуждением, ибо силою вещей Болгария не в силах сохранить эту позицию. Я так много говорю о Болгарии потому, что, как Славянин, желал бы видеть её в наших рядах. Такое участие обеспечило бы Болгарии территориальные выгоды».

Относительно общего положения вещей Пашич говорит, что Сербия перенесла тяжелые испытания: «но мы смотрим бодро, глубоко убеждённые в правоте нашего дела. Ничто не остановит маленькую Сербию, у нас хватит веры, хватит людей, мы ничего не боимся, благодаря словам ободрения России, Франции и Англии, мы перенесём, что угодно, и поможем нашими маленькими силами сломить страшного врага. Мы считаем счастьем участвовать в борьбе за великие идеалы освобождения народов от оков германского милитаризма».

16(29) июня

Беседа нашего корреспондента с сербским престолонаследником¹ и Пашичем²

НИШ. Я был принят его королевским высочеством наследным королевичем, доблестным главнокомандующим геройской сербской армии. Его высочество полон твёрдой веры в доблесть русской армии и заявил мне, что первой заботой должна быть полная победа над неприятелем и что всё остальное придет впоследствии.

Пашич сохраняет полное спокойствие и непреклонную уверенность в окончательной победе России и союзников. Он мне сказал:

¹ Имеется в виду Александр I Карагеоргиевич, король с 1921 г. – *Примеч. ред.*

² Новое время. 1915. № 14103. 16 июня. Телеграммы наших корреспондентов. 15 июня. С. 4.

– Вы видели в нашей стране сербскую армию, которая с полным доверием смотрит на свою великую сестру, любимую всеми Сербам. Наша победа будет совместной победой с Россией и с союзными державами. Мы готовы выступить против общего врага, когда верховное командование Сербии и союзных держав изберёт нужный час.

Румыния должна выступить. Её к этому принуждает опасение потерять удобный момент осуществить национальные идеалы и слиться с союзными державами в великий исторический час всеобщего единения.

Правительство и народ Румынии понимают, что необходимо вмешательство в тот момент, когда оно необходимо и объясняется событиями.

23 сентября (6 октября)

Беседа с сербским министром внутренних дел Л. Йовановичем¹

НИШ. Ваш корреспондент был принят министром внутренних дел Любомиром Йовановичем, горячим русофилом и поклонником всего русского. На вопрос вашего корреспондента о положении, созданном последним болгарским выступлением, и об отношении к нему России и Сербии, министр ответил: «Болгарии нужно было замаскировать настоящий смысл и цель мобилизации, и она вновь выдвинула вопрос о Македонии, именно теперь, когда вся Европа и, пожалуй, весь мир разделены на два воюющих лагеря и когда миллионы штыков скрепляются на полях Европы для решения серьёзных и существенных вопросов о поправках правам человечества. Разве в настоящее время возможно придавать столь решающее значение второстепенному вопросу о Македонии, вопросу семейному, междоусобно-славянскому. Мы в течение этого года дважды официально предлагали Софии придти к полюбовному соглашению, кроме неоднократных попыток четверного согласия придти к мирному разрешению этого вопроса и найти какой-нибудь выход, чтобы избежать опасности, грозившей славянству.

¹ Новое время. 1915. № 14202. 23 сентября. Телеграммы наших корреспондентов. 22 сентября.

Все эти попытки кончились неудачей потому, что на самом деле острого македонского вопроса нет. Теперь уже встаёт другой вопрос: о германском влиянии и полном подчинении Болгарии немецким интересам и о способствовании успехам Германии. Между тем в Европе так представляли положение дел, что будто бы только Македония служит препятствием, не допускающим Болгарию примкнуть к державам согласия, к чему её должны вести все доводы благоразумной политики хорошо понятых интересов и здравый смысл. Европа верила в реальную политику Болгарии и прощала ей все издевательства не только по отношению к Сербии, но и по отношению к самой себе.

Для нас, балканцев, хорошо знающих друг друга, это было давно ясно, но для великих держав это только теперь становится ясным.

Мы давно подметили, что у болгарской интеллигенции, на которую падает ныне ответственность за руководство общественными делами, укоренились мысли о гегемонии на Балканах со столицей в Царьграде, что она так мало думала об общеславянских делах и, наконец, что македонский вопрос служит лишь хорошим предлогом для ведения реальной политики, как бы извинением перед Россией за неблагодарность по отношению к ней, хотя и эта благодарность быстро исчезла и только тяготит тех, кто ведёт политику болгарского эгоизма болгарской интеллигенции.

Немецкие дипломаты играли на старых струнках Болгарии. Новая Болгария никогда не была славянской, а всегда только болгарской. Во время дипломатической борьбы, разыгравшейся во время аннексии Боснии и Герцеговины, Болгария также была на стороне Германии и Австрии. Теперь идёт война открытая, а Болгария опять стоит не среди Славян».

9(22) октября

Беседа с Н. Пашичем¹

НИШ. Ваш корреспондент беседовал с сербским премьер-министром Пашичем, который заявил: «С болью приходится

¹ Новое время. 1915. № 14218. 9 октября. Телеграммы наших корреспондентов. 8 октября. С. 3.

убедиться, что наши предположения оправдались. Славянская Болгария восстала против нас и против России – освободительницы и защитницы славянства. Направление болгарской политики было ясно уже с самого начала европейской войны. Лавирование Болгарии было лишь маской, чтобы окончательно подготовиться к войне, и мы, знавшие её намерения, должны были в продолжении 16 месяцев спокойно наблюдать, как Болгария получала из Германии боевые припасы против нас и против России и наших союзников. В октябре прошлого года мы предложили болгарам объявить войну Турции, согласившись, по совету союзников, на территориальные уступки в Македонии. Болгария наше предложение отвергла, и мы знали, почему она это сделала. Наконец дошло до того, что она беспрепятственно в прошлом месяце мобилизовала всю армию. Нам было ясно, чем кончится её вооруженный нейтралитет, хотя союзники надеялись, что Болгария опомнится, и это дало ей возможность не только мобилизовать, но и сосредоточить армию вдоль нашей границы прежде, чем мы успели приготовиться в достаточной мере. Вот почему Сербия в настоящее время находится в очень трудном положении. Наша армия сверхчеловеческими усилиями задерживает врага, но война на два фронта без скорой радикальной помощи более чем трудна. Наши взоры устремлены на союзников, особенно на Россию. Наш народ и наши войска ждут выступления России против изменника славянству».

16(29) ноября

Беседа с Н. Пашичем¹

РАШКА. Ваш корреспондент беседовал с премьер-министром Пашичем: «Наша страна переживает такие тяжелые минуты, как никогда. Всё существование поставлено на карту. Тысячи голодных беглецов в ещё свободных городах Сербии говорят о страданиях нашего народа больше, чем всякие слова. Почти половина Сербии наводнена врагами. Самые богатые места несчастной страны разорены, и разорено будет, вероятно, ещё больше. Всё же мы не поддаёмся ни пессимизму, ни отчаянию. Всё

---

¹ Новое время. 1915 г. № 14256. 16 ноября. Телеграммы наших корреспондентов. 15 ноября. С. 3.

поправимо, пока дух нашей армии не ослаб. Во всяком случае Сербия будет бороться до конца и всеми силами за те идеалы, которые вдохновляли её до сих пор».

1916

6(19) ноября

Австрийское хозяйничанье в Сербии¹

КОРФУ. (Срочная). Австрийские военные власти в Сербии строжайше запретили перевозку писем лицам, путешествующим по Сербии.

Австрийцы намерены воздвигнуть на горе Ловчень огромный памятник завоевания Черногории, причем, не считаясь с чувствами населения, для этого памятника избрано то самое место, где находился мавзолей великого югославянского поэта Негоша².

Все недвижимые имущества Сербов, владельцы которых покинули страну, продаются с аукциона. В Сараеве начат слушаньем новый процесс о государственной измене, подсудимых 39 человек.

13(26) ноября

Беседа с сербским премьер-министром Н. Пашичем³

КОРФУ. В беседе с вашим корреспондентом премьер-министр Пашич заявил: «После ужасающих жертв и страданий воскресшая сербская армия совместно с доблестными союзниками отвоевывает родную землю. Столица Македонии Монастырь уже взята. Недалеко то время, когда будет освобождена вся сербско-хорватско-словенская территория и объединена в единое государство, дабы раз навсегда положить предел стремлению Германии на восток. Так же точно, как некогда освободилась и объединилась

¹ Новое время. 1916. № 14610. 6 ноября. Телеграммы наших корреспондентов. 5 ноября. С. 4.

² См.: Петар II Петрович Негош. — *Примеч. ред.*

³ Новое время. 1916. № 14617. 13 ноября. Телеграммы наших корреспондентов. 12 ноября. С. 4.

наша доблестная союзница Италия, объединятся и юго-Славяне, а Сербия не смотрит на сербско-хорватскую территорию как на территорию, подлежащую завоеванию, но как на землю своего племени, которая должна быть освобождена от векового ига.

Православная Россия не должна тревожиться относительно судьбы православия юго-Славии. В течение многих веков юго-Славяне, как православные, так и католики, совместно боролись с Турками. Это братство по оружию сделало тех и других весьма терпимыми. Католики не только не ненавидят своих православных соотечественников, но всё чаще склоняются в пользу славянской литургии, несмотря на все усилия Австрии разделить юго-Славян в религиозном отношении и воспользоваться религиозными распрями.

Я могу сообщить вашим читателям приятную новость, что, согласно конкордату, заключенному между Сербией и Ватиканом, католики будущего сербского государства могут служить литургию на том языке, который они сами выберут. Таким образом вопрос о славянской литургии не будет наталкиваться на те затруднения, которые были всегда основой австрийской политики.

Что касается вопроса об итало-сербских отношениях, то я убеждён, что они будут основаны на принципах справедливости, тем более, что Италия борется вместе с нами за национальную свободу и освобождение Европы.

Переходя к вопросу о Болгарии, Сербь не желают уничтожения Болгарии, несмотря на клятвопреступничество Болгар и измену их славянскому делу. Стремясь к освобождению нашего племени в полном размере, мы не можем стремиться к тому, чтобы Болгария лишилась своей территории в нашу пользу, за исключением округа Виддина, который в этнографическом отношении вполне сербский, и долины Струмы, считая и Перник, и Брезник. Пусть Болгария существует, но дипломаты наших союзников должны поставить её в такие условия, чтобы она не могла стремиться к гегемонии на Балканах и не могла напасть на Русских или Сербов.

Передайте русским братьям, что исстрадавшаяся Сербия никогда не забудет, что Россия сделала для Сербов, и передайте России наше восхищение великолепными действиями русских войск, ведущих ныне бой на сербской территории».

III. Письма^{*}

Письмо Я. Лаврина к М. В. Ле-Дантю¹

от 15 мая 1912 г.

В деревне «Сельцо», недалеко от «Угородов», лета Господня 1912. после рождества Христова, мая месяца 15. дня.

Милый Михаил Васильевич!

Зная мою истинно-лавринскую аккуратность etc, etc, etc., Вы – смею надеяться – не рассердились на меня зато, что я так долго тянул наступление часа всевозможных пыток и мучений и всего прочего – т. е. часа писания писем. По капризу неумолимого Рока сегодня на меня свалилась обязанность написать больше 4. штук ответов, и пользуясь этим случаем, Вам отвечаю первому.

Ну-с, хроника моей богемной жизни с тех пор, как Вы в последний раз пили у нас Толкачиху, стала до того богатой и разнообразной, что не знаю с чего начать. Чтобы не стать многословным как шекспировские кормилицы и русские модернисты, ограничусь одним схематическим начертанием кинематографической ленты, изображающей все «потрясающие драмы» (большей частью карманные) и комедии (тоже большей частью карманные) последней полосы многострадальной жизни моей (...как видите с тех пор, как посещаю художественные диспуты, – я заразился высоким ораторским «штилем»...)

Итак начну с нашей квартирной идиллии. Она знаменательна тем, что скоро после Вашего отъезда превратилась в квартирную романтику (самую настоящую). Дело в том, что под нами жил не то генерал, не то полковник с подагрой, с женой и с хорошим жалованьем. Последнее обстоятельство подчеркиваю, ибо иначе было бы совершенно непонятно, каким образом несколько дней подряд

---

^{*} Письма Я. Лаврина к О. В. Мудровой подготовлены к публикации и прокомментированы адресатом – ныне О. В. Косик (см. также её воспоминания в разделе «О жизни и творчестве Янко Лаврина»). Остальные письма подготовили В. И. Барановский и И. Б. Хлебникова (даются в современной орфографии).

¹ РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 67–72.

каждое утро на дверях нашей квартиры висит великолепный букет из живых цветов... Вдруг я объявляю дворнику, что я вероятно передам квартиру, так как «товарищ уехал, кажется во Владивосток», а у меня самого нет достаточных средств. Дворник, жалея, что потеряет такого «прекрасного квартиранта», повесил у подъезда повестку, что квартира передается. На другой день ждёт букет – в три обыкновенных порции – а сейчас же после букета является комментарий – в лице дворника: «Не уезжайте, пожалуйста, если у Вас денег нет, то барыня внизу одолжит Вам...» «Какая барыня?»... «А внизу, что живут с мужем... Велели передать...» Разумеется я послал дворника ко всем чертям и велел передать, что подобного рода «субсидий» не принимаю... Но атака этим не кончилась.

Вечером Арнад случайно приехал «из Владивостока» и играет у меня на рояле, меня не было дома. Вдруг резкий и решительный, чисто генеральский звонок – и входят «барыня, что внизу живут с мужем»... Арнад таращит глаза (он знал о всей атаке). Барыня, не стесняясь, входит под предлогом, что может быть сами снимут квартиру «коли понравится». «Милости просим» приглашает Арнад. Вдруг её взор упал на картинную галерею Арнада, и «барыня» пришла в невыразимый восторг (даже забыли, что хотели смотреть квартиру) «Какая прелесть! Девушка в красном платке – точно живая... А этот с трубкой в рту – какой красивый, здоровенный... Сколько хотите за все картины?...» Арнад разинул рот, но сообразив, что это в сущности предложение той же «субсидии», плонул и сказал, что он не мажор, и что наша квартира не александровский рынок – и со всем пафосом возмущенной добродетели повернул ей спину. Барыне ничего не осталось, как повернуть также спину и уйти вниз к мужу, «где оскорбленному есть чувству уголок»...

Ну – с, недели через две после сего знаменательного приключения пришлось всю квартирную обстановку – вместе с роялем, с этажерками, картинами Арнада и с увядшими букетами «барыни, что живут с мужем» – предоставить любезной Судьбе и ещё более любезному хозяину, а вдобавок бесстыдно скрыться, чтобы он не подал в суд за нарушение контракта (т. к. квартиру передать не удалось – охотников не было)... Но это ещё, так сказать, почти ясное небо нашей квартирной романтики, тёмное пятно на нём образует – Ваша злосчастная шуба... Дело в том, что «нашеголявшись» в ней до-сыга, я её бросил, т. е. не совсем бросил, а скорее отложил, и под моей классической оттоманкой она лежала с таким невозмутимым и безмятежным спокойствием, что при «бегстве в Египет»

я совершенно о ней забыл. Шапка уцелела – она ведь чуть-чуть демисезонная, и потому я в ней «щеголял» почти до сих пор. Какая участь постигла Вашу несчастную шубу, до сих пор не узнал, узнаю только осенью (тогда будет менее рискованно дать там знать о своём существовании), но если она пропадёт, то я Вам за неё заплачу, разумеется, столько, сколько она новой стоила (теперь у меня презренный металл чаще водится, но об этом позже).

А теперь один весьма серьёзный пункт: Зданевич мне недавно передал, что Ваша мать¹ очень меня просит зайти к ней. Я хотел туда зайти, но когда вспомнил «о чёрном пятне на почти светлом фоне нашей квартирной романтики», мне стало страшно советно за свою сверхлавринскую безалаберность и – не зашёл. Меня до сих пор совесть мучает, и Вы, пока я сам всего не заглажу, устройте так, чтобы Ваша мать на меня не рассердилась, ибо, говоря искренно, она из тех людей, пред которыми я преклоняюсь, и мне было бы в высшей степени неприятно, если бы вышло какое-либо недоразумение... Одним словом, тут вся надежда на Вас, устройте, чтобы всё обошлось благополучно.

Теперь пункт второй – всё ещё о себе. Я удостоился чести стать действительным сотрудником трёх журналов, платящих гонорар – значит на литературном «Невском» одной жертвой больше... но ничего не поделаешь... Пишу даже драму «на заказ» (конечно не под своей фамилией), которую хочет один жадный до литературной славы «господин» под своей фамилией предложить для постановки (а у одного господина связи...) – на коммерческих началах. Я, конечно, ничего против этого не имею, чтобы дурак ХЗ к своему ореолу глупости присоединил ещё ореол рекламы на мой счёт, но этот второй ореол ему от меня дёшево не достанется... Как никак – раз уж приходится выбирать между петербургской рекламой и петербургскими деньгами, то последнее куда симпатичнее, ей богу...

Теперь очередь на других: 1) Карпинский по видимому до того опетербуржился в своей конторе, что вместо об академии, он мечтает о месячной прибавке жалованья. 2) Зданевич стал настоящим «enfant terrible»² для всех художественных собраний, и если сделается цербером у входа в храм искусства, то я его первый поздравлю: Россия в подобных церберах нуждается. 3) Арнад –

¹ Мать Ле-Дантю: Зинаида Самойловна, урождённая Севастьянова, дочь чиновника-особый поручений при Воронежском губернаторе Самуила Михайловича, женатого на Любови Николаевне Рыжковой.

² «Несносный ребёнок» (фр.). – *Примеч. ред.*

по-прежнему славный малый и по-прежнему арнадничает (хотя теперь работает, он тут со мной на даче). 4) «Ай да парень молодецкий» – не смотря на все, молодчина, потому что Альманах скоро выйдет. 5) «Ай да парень джентельменский» – ну-с, тут боюсь опять разглагольствоваться... Одним словом, он по прежнему парень «живучий»... Он до того навязывался и насчёт [неразборчиво], и субсидий, и журнала, что мне надоел, как горькая редька. А затем его хамская привычка считать себя за панибрата и наставлять «по-смердяковски»... Одним словом я послал его к чёрту. В его душе хамство и бездарность с самого рождения спорят о пальме первенства, и изумленная Судьба до сих пор не знает, какое из этих его прекрасных свойств достойное венца... Поживём – увидим... Я страшно рад, что дёшево от него отделался.

А теперь о самом главном: о погодить.

Я виделся с Карелиным, и очень удивился, как этот человек не стал русским министром, потому что всё обещается но ни одного обещания не исполняется. Я на него махнул рукой и стал искать других путей, которых и нашёл: с одной стороны придётся действовать через князя Урусова, с другой через пр. Ольденбургского, но тут я действую не прямо, а через «светлые личности» – этак перепадёт гораздо больше «светлых предметов» на [неразборчиво] У меня уже кое что оборудовано – светлая личность есть, даже целое общество, которое пойдёт этому навстречу (вероятно придется под его флагом открыть музей и затем славянские художественные выставки), только вот в чём беда: общество недавно легализовано («Общество славянского научного и культурного единения»), и первое собрание на котором этот вопрос окончательно должен решиться будет в сентябре, только он – решится в нашу пользу во чтобы то ни стало, так как соответствующие струнки уже затронуты. Мы тогда оборудуем великолепную коллекцию, постоянно будем её пополнять. Обо всем я Вам напишу подробнее в следующем письме, там же о журнале etc, etc.

А вы напишите до тех пор следующее: 1) Когда будете в Питере? 2) Сможете некоторое время погостить у нас с Арнадом? Тут недалеко от Питера дивная местность, много всякой дичи – точно в Ноевой арке. Нам страшно нравится; крестьяне симпатичны – мы в ладах со всеми крестьянами и особенно с – крестьянками. Осенью наша дача будет готова, и тогда пригодятся блаженной памяти панно (да, кстати, что с ними?)

Я тут блаженствую. Чтобы Вам была понятна разница между моими теперешними и петербургскими настроениями, я Вам для иллюстрации расскажу немного отвлеченную философскую параболу: Великий пророк и избранник божий Могамет однажды во время молитвы пришёл в экстаз и лицезрел в экстазе сим седьмой рай Аллаха во всём его величии, со всеми ангелами и святыми. Тут откуда-то прилетел самый обыкновенный земной комар и укусил Могамета – в задницу (извините за выражение – я теперь живу в деревне...) И что вы думаете? Пророк вдруг забыл об Аллахе, забыл о седьмом рае, об ангелах и святых и – начал чесать свою задницу... Глубокую жизненную философию параболы сей, надеюсь, понимаете. Дело в том, что в Питере всё время надоедают разные там житейские комары и ни на минуту я не мог углубиться в себя. Тут же я – честь и слава Аллаху – совершенно свободен от всяких комаров и могу думать, фантазировать, работать во всю. Надеюсь Вы тоже довольны своей судьбой. Комары Вам не надоедают? Они иногда принимают также форму красивых барышень... Впрочем я наболтался. Уже чувствую, что сегодня ни одного ответа больше не напишу. Черт с ними! Подождут. Крепко жму Вашу руку! Приветы Зданевичу. Пишите скорее. Янко Лаврин.

Письмо Я. Лаврина к С. П. Боброву¹

от 04 ноября 1912 г.

Милый Бобров! Есть две вещи, которые я терпеть не могу: 1.) Выставки «Шоюжа Молодези» и 2.) Длинные ответы, и по сей причине прошу извинить мой краткий квадратный ответ на Ваше продолговатое письмо, (точно также и за разборчивый почерк).

§1. На днях выйдет предтеча журнала: первый литературный Альманах русских и иноязычных писателей.

§2. Альманах исключительно литературный, следующий альманах будет литературно-художественный, посвященный «Ослиному хвосту» (если он сумеет состояться хотя бы на Пасхе).

§3. Журнал выйдет осенью, так как я не хочу рисковать таким начинанием, пока у меня нет материала на год. И посему прошу

¹ РГАЛИ. Фонд 2554. Оп. 2. Ед. хр. 526.

прислать возможно скорее всё, что Вы считаете удобоваримым в литературном и художественном отношении (Фильтрация и санитарный надзор будет производиться ещё помимо того в Петербурге – в специальном карантине против эпидемии «Мира искусства»).

§4. Заглавие журнала ещё не выяснено. Окрестить подобное детище чрезвычайно трудно: 1.) благодаря незаконному происхождению самого детища 2.) благодаря многим претендентам в его отцы...

Теперь ждём от Вас, из Москвы гостинцев нашему детищу и надеемся, что Вы выберёте гостинцы достаточно дешёвые и питательные. Для его рождения уже всё приготовлено и Ле-Дантю вооружился на всякий случай Ослиным Хвостом, а вот остальные очень большими дозами сыворотки «антиаполлонической и «антимирискусственной». Всех благ. Янко Лаврин

P.S.¹

Передайте пожалуйста Ларионову что его цирюльник погибнет бесславной смертью, отданный всецело зверствам мирискусников и даже не на своём посту, который он покинул по совершенно непонятным причинам. М. Ле-Дантю.

Письма Я. Лаврина к М. В. Аверьянову²

28.09.1913. Белград

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Спешу сообщить в общих чертах белградские результаты: они великолепны.

За представительство в Сербии взялась с величайшей радостью лучшая сербская фирма (акц. об-во) «Книжара Напредак», имеющая свои отделения в Земуне, Панчеве и открывающееся в скором времени отд. в Скопле (Чекног – центр бывшей Македонии), Монастыре (Битола) и по всей вероятности тоже в Салониках. Спрос на русские книги за последнее время очень большой, особенно библиотеки будут иметь успех.

¹ Приписка сделана собственноручно М. Ле-Дантю.

² ИРЛИ РАН. Фонд Аверьянова М. В. (428). Оп. 1. Ед. хр. 54.

Кроме того можно будет поставлять русские книги белградскому университету (я сегодня уже повёл речь на подобную тему, и мне сказали, что это можно будет устроить). В Белград пошлите сначала все русские каталоги и затем тут заказ на сумму в 50 рублей, расчёт каждые три месяца, скидка 20–25%, (а то и меньше), почтовые расходы туда за счёт отправителя, обратно за счёт представителя – если расходы будут очень большие, то можно письменно сговориться и сторговаться. Но тут просят посылать таким образом, что будет очень дешево: книги запаковать в пакеты по 5 кило и послать их не прямо в Белград, а в их австрийское отделение в Земун.

(адрес

Венгрия (Ungarn) Knjižara «Napredak»
Zemun (Zemlin)

Посылать можно малой скоростью, таким образом перевозка пакета в 5 кило может стоить максимум 2 франка, т. е. 7 копеек. Список книг, которые пока требуются на комиссию получите от кн. магазина. Можно бы устроить всё это и за наличные деньги, но для начала это не годится, т. к. если книги, то можно сразу предпринять в гораздо больших размерах; я поэтому сразу предложил на комиссию, а не за наличные. К тому же все наши теперешние представители в славянских землях очень солидны (напр. «Напредак» имеет своих специальных комиссионеров в Лейпциге, Париже и [неразборчиво] etc) так что за аккуратность и добросовестность можно ручаться. Все ждут с нетерпением специальный каталог для библиотек. У меня тут поручение от одной редакции составить русскую библиотеку в сумме 1000 франков (около 400 рублей), но это можно будет сделать лишь когда я приеду в Петербург. Об этом после.

Затем имея ввиду, что «Общество славянского научного единения» спит сном праведного и ничего не делает, я тут устраиваю всё это от имени «Книжного склада для славянских земель», а не от имени Общества, которое хотело бы конечно пользоваться даже известным процентом, ничего не делая – пусть они лучше составляют стихи и никому не нужные брошюры.

Тут на Балканах я много интересного видел и сделаю – можно тут страшно много предпринять и совершить. Я теперь каждый год буду в славянских землях по меньшей мере 3–4 месяца, т. к. тут начинается очень интересное культурное движение, которому нужно дать подходящее направление – я тут уже участвую в нескольких изданиях.

Пока всего наилучшего. Через две-три недели увидимся. Всё это лишь начало, будущее обещает ещё очень много. Крепко жму Вашу руку. Янко Лаврин.

Загреб. 07.10.1913

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Только что я написал Душану Ивановичу письмо о результатах. До сих пор они блестящи и совершенно неожиданны. Специально для «Книжного склада» я уже устроил солидные представительства:

- 1). в Любляне (Лайбах) для всех словинских земель;
- 2). в Загребе для всей Хорватии и Славонии.

Все сулят этой затее громадное будущее, особенно их заинтересовала наша система русских библиотек (в 5, 8, 10, 12, 15, 20 etc рублей).

Ждут с нетерпением каталога.

Пока оба представителя уже сделали заказ.

I. В Любляну пошлите немедленно наложенным платежом (50) экз. детской книжки «Перваки» издание Сытина (1913), экземпляр стоит 35 коп. Если нельзя наложенным платежом, то можно и в кредит, т. к. деньги они всё равно вышлют сейчас-же по счёту.

Книжки («Перваки») выписываются для открывающейся русской школы для детей в Любляне. Пошлите по адресу:

Австрия

Gospodinu D-ru Ivanu Lahu
Redakcija »Dan«
Ljubljana (Laibach) Krain

Как видите наш представитель в Любляне имеет в своем распоряжении ежедневную влиятельную словинскую газету Dan (День), так что реклама и всё будет бесплатной.

II. В Загребе страшно обрадовались, что можно будет получать русские книги на льготных началах. Наш представитель в Загребе один из самых известных и популярных хорватских политических и культурных деятелей (Ст. Радич), издатель газеты «Дом» и владелец книжного магазина с филиалами «Slavenska knjižara» (Славенская книжара, т. е. Славянская книжная торговля), где до сих пор книги на всех славянских языках, за исключением на русском, а на русские книги тут спрос всё растёт.

Он предпочитает такие условия:

1. В начале придется давать на комиссию, чтобы окончательно выяснить какие книги могут лучше всего идти. Комиссионный расчет каждые 3 месяца. Когда выяснится, какие издания лучше всего покупаются, то можно будет платить за каждый заказ вперед, а заказов будет много. Особенно симпатичной кажется тут затея с библиотеками.

Что касается почтовых расходов, то они высчитываются из комиссионных денег, а представитель оставляет за собой право поэтому соответственно увеличить цену книжек тут – за границей.

Пока шлю Вам его заказ (на комиссию). С нетерпением ждёт каталога.

Как видите он просит каждый выпуск Гоголя (в универсальной Библиотеке) в 10 экз.,

Пушкина (унив. или Дешёвой) 10,

Толстого (унив.). Каждый выпуск в 10 экз., etc, etc.

Затем «Сем.хрон.» Аксакова в 3 экз.

Всего Метерлинка и Ибсена (универс.) в 3 экз.

Пишибышевского, Реймонта,

Добролюбова – все в Универс. б-ки по 2 экз.

Велес пока в 2 экз., затем несколько книжек из русской истории. Из Историч. библиотеки (15 коп. книжка)

и 10 возможно красивых и не слишком дорогих детских книг, каждую с другим содержанием (с рисунками русских художников).

Как видите, довольно солидный заказ, пока хотя только на комиссию, но деньги тут верные (фирма очень солидная и честная до щепетильности). Она может страшно много распространить. Когда я заикнулся о будущем журнале, они сейчас же ручались за 100 подписчиков для одного Загреба, если цена журнала не будет превышать 2 рублей в год...

Адрес: Австро-Венгрия

Slavenska Knjižara St. i M. Radić

Zagreb (Agram)

Croatia

Пока сердечно жму Вашу руку. О дальнейших результатах сообщу. Янко Лаврин.

Письма О. И. Лешковой к М. В. Ле-Дантю¹

№ 10

Мишук мой славный!

Вот уже несколько дней существую такой суматохой, что минуты не улучишь черкнуть Вам при всём своём желании: сколько за это время совершилось всяких предприятий самого разного сорта, что конечно простите мне это нарушение высоких традиций переписки. Сколько помнится, я остановилась прошлый раз на вторичном появлении Илюши Зданевича и на том, что имела смелость показать ему наше «Безкровное Убийство». Вы себе представить не можете, какой восторг вызвало оно у него и в особенности Ваши рисунки в номере о Янке и о Коле Лапшине. Рисунка на обложке Яночного номера, где Вы и «Новое время» посредством блоков регулирует убеждения Янки, Илюша прямо не хотел выпускать из рук. Название такое экзотическое и «ударное» он тоже весьма одобрил и собирается сделать его названием большого предприятия в области разных видов искусства. Самое интересное — это то, что вышло с текстом. В тот вечер он прочитал только Янкин номер и впечатление было совершенно неожиданное: он хохотал до слёз, т. е. они у него действительно катились по щекам. Этот неожиданный эффект был первым ценным гонораром моего юмора (не считая некоторых, могущих быть заподозренными в пристрастии дружеском и вообще).

Но когда окончил чтение, — начался целый поток порицаний: это-де не литература, это-мол не юмор, не то сделано, что надо, не так сделано, как надо и т. д. Я вполне искренне согласилась со всеми порицаниями, т. к. Мишук хорошо знает, что у меня нет решительно никаких литературных претензий и если я, выпуская очередной номер «Безкровного Убийства», закатываю глаза и говорю, что «литература — моя жизнь», то это делается с исключительной целью сотрясения воздуха густым малиновым звоном. Тем не менее Илюша тут же заявил к моей великой радости, что он с наслаждением примкнёт к сотрудничеству в этом журнале. Можете себе представить моё изумление, когда в субботу 3-го дек.

¹ РГАЛИ. Фонд 792. Оп. 3. Ед. хр. 16(1). Л. 17–18, 20–21. -- Оба письма относятся к 1916 г.

утром мне сообщили по телефону, что на назначенной на этот вечер вечеринке в мастерской Бернштейна будет исполняться «Янко I, король албанский, трагедия на албанском языке 28.000 метров с участием австрийского премьер-министра, 10.000 блох, Брешки-Брешковского и проч. дряни». Зданевич же был у нас в среду, пьеса была написана за 1 ½ дня, оказалась забавной инсценировкой эпизода албанского царствования Янки с введением нескольких добавочных ролей. В этот день было рождение Дениса¹ и я должна была ехать на семейный обед в Павловск, что и хотела сделать днем, но... меня задержали на службе, а в 6 ½ час. ко мне пришёл Иванов 7-й, неожиданно появившийся с фронта, (о нём будет речь потом) и мы поехали в мастерскую, где я застала деятельные приготовления к трагедии. Так как вечеринка должна была быть торжественной, то стены были обтянуты золочёным холстом с широким по верху стен фризом, изображающим неистовые иступленные рожи, оставшиеся от какого-то предыдущего торжества. Вдоль стены, где входная дверь из коридора, была развешена декорация Албании, футуристического характера, – работы Коли Лапшина, Веры Мих.² и Илюши. Костюмы были сделаны так: на целые квадратные куски картона были наклеены и частью разрисованы куски цветной яркой бумаги вплотную, плоско и такой лист надевался посредством веревочной петли на одном из узких концов, – на шею актёру. Актёры должны были быть все время фасом к публике и только высовывать руки с картонными же мечами, короной и проч. в сторону и действовать всем этим в плоскости. Не знаю, представляете ли Вы себе эту комбинацию? Когда собралось много публики – началась трагедия: Зданевич – замечательный конферансье заявил публике, что-мол организуется замечательное, самое передовое артистическое предприятие под названием «Безкровное Убийство», первую театральную постановку которого он сейчас представит публике. Пьеса, правда, пойдёт на албанском языке, но он по первому требованию публики будет переводить его на русский, с которым албанский имеет много созвучающих, но разнозначных слов: например, когда народ кричит албанскому королю «Осёл, осёл, осёл» – это означает в переводе:

¹ Имеется в виду историк балета Денис Иванович Лешков (1883–1933), родной брат О. И. Лешковой.

² В. М. Ермолаева.

Ave, Caesar, morituri te salutant¹ (между прочим это было принято особенно восторженно местными военными). Так как у нас не хватало актёров и постановка со словами Илюши была экстренно-спешная, то он, помимо исполнения роли короля Янки, обещал читать роли за отсутствующих и вообще всё объяснять публике. За неимением статистов публике было предложено исполнять роль «толпы албанских свободных шкипидаров», на что публика с восторгом согласилась и началось действие. Два албанских разбойника, – они же избиратели, увидав в горах Янку и сообразив по костюму, что убивать его не стоит из-за маловыгодности этого предприятия, – решают выбрать его королем. Янку схватывают, приносят тубу синдетикона в 1 ½ аршина длины и приклеивают его к трону. Перед приклеиванием он произносит тронную речь, на специальном Зданевичем волапюк, состоящим вначале из одних гласных, а потом из одних согласных; музыка в лице приглашенного специально для этой цели гармониста-латыша, «сухонского каспадину» с гармонией играет в высшей степени комическую чухонскую музыку – албанский коронационный марш. Затем король-Илюша исполняет албанский коронационный танец с одной из во всех отношениях декольтированной натурщицей, – танец, оказывающийся чистейшей 7-й фигурой кадрили, т.е. подлинным резвым канканом. Потом появляется австрийский премьер-министр, граф Эдинбург, одобряющий всё это предприятие, – Коля Лапшин с кардонкой из-под фуражки с разрисованным мордой дном на лице, что замечательно гармонировало с «плоским» костюмом, страшно забавный и объясняющийся на немецком волапюке и наконец Брешко, записывающий всю эту комбинацию для корреспонденции. Вся пьеса состояла из сплошного общения публики с действующими лицами, особенно много комментариев из публики вызвало появление Брешки. Зданевич великолепно парировал все реплики публики. Наконец появилась огромная блоха, которую Янко поймало и начало на ней выводить «собственность», что заставило австрийского Министра прислушаться и предсказать революцию в стране. Так как конца пьесы Зданевич написать не успел, то публике было предложено самой закончить её и публика решила кончить её большим албанским

¹ «Аве Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» (латынь) – приветствие гладиаторов. – *Примеч. ред.*

дивертисментом с танцами, что и исполнялось более чем добросовестно до 9 ½ час. утра, когда временная хозяйка и фактотум мастерской некая латышская девица Эссен¹ насилу выгнала из мастерской свободных шкипидаров.

Что касается внешней стороны вечера, то он превзошёл все ожидания и часть этого блеска большей своей частью принадлежит именно этой Эссен – женщине поистине гениальной. Не торопитесь милый Рыжий упрекать меня в злоупотреблении гиперболами и судите сами: эта особа в наше тугое, глухое, глупое время раздобыла для этого вечера больше 120 бутылок великолепного свежего холодного пива, 18 бут. коньяку и крепких вин и что-то много лёгких и даже ... некоторое количество ... водки. Было добыто великолепное пианино и прекрасный тапёр. Про гармониста я уже не говорю – этот номер был выше всяких похвал. Была применена бутербродная система насыщения, т.е. приготовили несколько сот очень гастрономических бутербродов и для дам – печенье, пастила, орехи, халва, леденцы и яблоки. Очень обстоятельная и приличная латышская прислуга – человек 6 весь вечер обносила гостей чаем и прислуживала у вешалок. У прислуги были лягушачьи маски, т. к. вечер был маскарадный. Публики пропущенной через контроль было 110 человек. Так как вечер был складчинный, то входная плата была 3 рубля, по нынешним обстоятельствам настолько низкая, что многие выражали недоумение и предположение, что кто-то за всё это здорово приплатил. Подозревали в этом деле Веру Мих., Колю Лапшина и ещё кого-то. Во время вечера поэт Рославлев предложил публике приплатить по рублю, на что все согласились, но Вера Мих. протестовала, уверяя, что дефицита не будет. Почти вся публика была костюмирована и по составу своему оказалась весьма пестрого сорта, начиная от кровной титулованной аристократии и оканчивая самой отчаянной богемой. Были роскошные, бесконечно красивые и разнообразные костюмы, причём масса азиатских, разнообразных и экзотических. Моё внимание обратил на себя роскошный весь зашитый шелками и шерстями кафтан. Владелец объяснил мне, что это прекрасно сохранившаяся очень старинная работа Кашемирских горцев. Великолепен был индийский тоже старинный шёлковый костюм мужской на одной хорошенькой женщине. Владельцем кашемирского костюма, как я узнала после бала, оказался не более и не менее, как владелец бриллиантовой фирмы Фаберже. Были страшные

¹ Эссен – ученица художника М. Д. Бернштейна и староста его мастерской.

хулиганы и апаши, которые выделяли всевозможные экспромтные номера, выступали с куплетами и т. д. Во время бала пел прекрасный певец – ученик и протеже Шаляпина, читал стихи Зданевич, Рославлев. Собственно вечер начался в 11 часов с места в карьер плясом и прекращались танцы только на время трагедии во 2-м часу ночи и для исполнения отдельных музыкальных и стихозных номеров. Кто меня поразил – так это Илюша: весь вечер почти безостановочно он танцевал буквально всё, что только играли и исполняли: кэк-уоки, матчиши, парагвай, ки-ка-ну, танго, ой-ру, кан-каны, тремутарды, словом это был не человек, а сплошной вихрь, да впрочем и не он один. Вся публика-молодежь после 2 ½ летнего вынужденного поста, точно с цепи сорвавшись, безумствовала и дурила, не чувствуя под собой ног. Особенно милы были военные в лице нескольких офицеров и «вольнопоёров». Элемент легкомысленный, как казалось по внешности, представляли собой две натурщицы, обернутые одна двумя шарфами, а другая одним шарфом и сеткой, разумеется без всякого белья и трико. Обе были прекрасно сложены, красивы и держали себя вполне прилично и даже мило. Из 110 человек шокированными этим явлением оказались какие-то две княгини – знакомые Зданевича, которые и заявили ему свою претензию, но шокированы они были так глубоко, что просидели у нас до 5 час. утра и уходя, оставили свои адреса с просьбой оповестить их непременно о следующем вечере. Большинство остальной публики чистосердечно признало, что за всю свою жизнь не помнит такого веселья, смеха и оживления, как у нас, что подтвердил и наш тапёр, играющий уже 25 лет на балах и не выдавший в жизни ничего подобного. Из-под этого тапёра 2 раза выбили табурет с ящиками, на которых он сидел, нечаянно, в экстазе танца, но он простил и обещал играть у нас по первому зову. Под утро публика отыскивала инициаторов и давала свои карточки и адреса для оповещения о следующем очередном бедламе, откуда мы и узнали о сортах наших гостей. Со своей стороны я скажу, что если бы только Длинный Рыжий был со мной, я согласна была бы признать, что это самая весёлая и самая забавная проква моей жизни и только его отсутствие мешало мне насладиться всем этим до конца. Пора кончать. Завтра опишу Вам последствия этого вечера и массу сплетен, а пока тороплюсь закончить, т. к. сегодня у Веры Мих. совещание о нашем дальнейшем существовании.

№ 11

Простите, милый Мишка, беспорядочность и несистематичность в письмах, но что поделаешь? Виной тому, разумеется, моё сильно нетрезвое поведение за последнее время, поведение, к которому впрочем я всегда обнаруживала непреодолимую склонность... Если бы не Ваша бесконечная снисходительность, то... вообще... Вчера к великой радости получила Ваше послание с 2-мя рисунками – входом в землянку и внутренним видом её с телефонистом. Большое спасибо, милый. Не доверяйте затишьям, дорогой мой, и не вылезайте особенно часто на прогулки. Вообще не фанфароньте и берегите себя. Удивительно скверно сложились обстоятельства с посылкой солдата, да и не умеете Вы устраиваться, растяпа этакая! Разумеется трудно организовать такое дело для себя одного, нужно сговориться с одним или несколькими старшими офицерами, имеющими дела в Петрограде и примкнуть к такой компании для отправки сюда человека. Мы с Вашей Мамой так рассчитывали на присылку этого солдата, что не отправляли Вам ничего почтой. Если состряпаем на днях посылку – она опоздает к праздникам. Сами виноваты. Вслед за письмом и рисунками получила письмо, в котором Вы просите купить и прислать Вам альбомчики для рисования. Обошла и спрашивала по телефону почти все фирмы, но ни у кого не нашлось того, что Вам нужно. Купила, что нашла и отправляю завтра с посылкой. Постараюсь вложить туда и печатное слово (Сатирикон и пр.) если позволит место в ящике и вес. Вообще говоря 12 фунтов – рамки небольшие и в них особенно не разгуляешься, а хлопоты с раздобыванием ящичков и вс. друг. бесконечны. Ну, довольно меркантильностей. Нужно окончить описание того знаменитого вечера и покаяться в разных грехах. Прежде всего я вспомнила, что описывая костюмы-плакаты, я ничего не писала о масках, а они были замечательные, состояли они из обруча-венка, но надевался этот венок не вокруг головы, а вокруг лица, состоял из цветной или газетной бумаги и к середине его на проволоке был прикреплен нос. Носы были разнообразны, соответственно роли. У Зданевича-«Янки» была корона. Маску-кардонку Коли Лапшина я Вам описывала. При «разъезде» разыгралось несколько забавных инцидентов. Я описывала Вам, что публика совершенно не желала расходиться. Около 6 утра некий жених уговорил свою

невесту вернуться домой. Она мирно и кротко дала проводить себя до подъезда, вошла в него и подождя, пока жених повернул за угол, побежала обратно в мастерскую. Другая парочка, тоже решившая разойтись по домам, после проводов, опять-таки встретилась к общему смеху в мастерской. Последствий вечера была масса. Я остановлюсь на самом забавном. В прошлом письме я писала Вам, что на вечеринке блистали большими и всесторонними декольте две натурщицы. Так вот этим двум девицам бывший на вечеринке Фаберже одолжил великолепные браслеты, диадемы и «колья», которые, уезжая, взял обратно, но на вечере все эти штуки ослепили многих и заставили думать о натурщицах нечто весьма пикантное. Они не снимали масок до конца, но великолепное сложение и грация привлекли к ним массу сердец и желавшим познакомиться с ними они давали свои адреса направо и налево. Все хвастались друг перед другом успехом у этих особ и через день на квартиру этих девиц началось целое нашествие. Из всех мальчишек только Зданевич имел смелость и юмор и рассказал о том, что его там постигло, а постигло его вот что: к нему вышла весьма почтенная дама и господин в чиновничьей форме и спросили его, кто он такой, где познакомился с барышнями и что ему собственно от них нужно? Стиль был такой, что даже царственная наглость Илюши спасовала. Он дал свою визитную карточку, относительно которой дама сказала, что это совершенно не выясняет положения вещей и т. д. Он начал плести что-то про предстоящий спектакль, чему по-видимому не особенно поверили. Вероятно он был не первый и с прочими случилось то же самое. Все скрывали и путались относительно этого пункта или клятвенно утверждали, что не ходили на Екатерингофский, где они живут, отчего и произошло выражение «Екатерингофский успех» или «Екатерингофская проква». Очевидно девицы эти, пользуясь масками и отлично зная, что всех чересчур предприимчивых любителей изящного вовремя спустят с лестницы, морочили публику, ничем не рискуя, а Фаберже – их личный знакомый был в заговоре.

Из новостей у нас вот что: приехала наконец Кат. Ив.¹ И приехала досадно, на другой день после этого бэдлама. Её мальчик Воля так вырос, что решено сообща, чтобы он не компрометировал возраст Кат. Ив. и не служил укором недостойному

¹ Имеется в виду Е. И. Турова. – *Примеч. ред.*

поведению всей компании, – считать его младшим братом Кат. Ив. Живет Кат. Ив. пока у Веры Мих., ищет квартиру или комнату (пустячки – предприятие!!!) и вероятно переедет до приискания помещения к нам, т. к. наш «локатёр» переезжает от нас 20 дек. Затем появился тут и на более или менее продолжительное время Коля Иванов. Вышло это так: по возвращении на фронт он с места в карьер попал в наступление и через несколько часов был контужен и эвакуирован, сначала в Луцк, а оттуда поездом Гос. Имп. Мар. Фёд. в Петроград. Контузия у него вот такая: поражен весь левый бок, но без всяких внешних признаков, – какие-то внутренние кровоизлияния и поражения нервов. В Луцке он пролежал неделю, теперь на ногах; лечат его массажем в Ник. госпитале и приказано как можно больше развлекаться. Иногда у него делаются головные боли и подергивания, которые теперь кажется совсем проходят, да ещё усилилась течь из контуженного ещё летом уха. Вышло так, будто он специально съездил на несколько часов на фронт за контузией. Ввиду прописанных развлечений я взяла его в мастерскую и он чувствовал себя там, как рыба в воде, за исключением одного маленького инцидента, находящегося по-видимому в связи с его нервным состоянием. В самый разгар пляса и веселья я нашла его на кухне, где была устроена «интимная чайная для своих», горько плачущим. На вопрос, что с ним, – он ответил, что вспомнил убитого ½ года тому назад товарища... Я поймала одну из тех самых натурщиц и попросила его «утешить», – что вот мол гвардейский офицер, молодой и кудрявый и плачет ... Натурщица сейчас же согласилась и через 5 минут Иванов записывал уже её адрес... Через некоторое время он и Зданевич начали сличать адреса, оказавшиеся одинаковыми и делить их между собой. Ни тот ни другой не уступали друг другу Екатерингофского. Зданевич был великолепен. Иванов сказал, что у него хороший характер и он не хочет ссориться: вдобавок ему ничего не стоит завести новые знакомства, в доказательство чего он взял соломенный колпак от бутылки вместо скипетра и пошел царствовать среди женщин, колотя всех встречных по затылкам. Несколько масок завлекли его в угол и отдули его же скипетром. Уезжая около 6 час. утра с этого вечера, я оставила его там, поглощённым успехом у масок.

Теперь маленькая исповедь о моем поведении..., которая послужит мне оправданием, что я не писала Вам около недели; судите

сами: в конце ноября приехал Денис, Оля и Демьянов, началось мракобесье. 2-го дек. я попала на оп. «Пророк» в Мар. театр и опера эта, несмотря на всю свою вампукость, произвела на меня такое сильное впечатление, что я почти не спала, 3-го дек. был бэдлам и назначенная по календарю ночь была отменена мастерской Бернштейна и не состоялась. 4-го вечером я уехала в Гельсингфорс, ночь прошла в вагоне также как и следующая из Гельсингфорса в Петроград. 6-го дек. я заглаживала своё отсутствие на Денискином рождении и эта загладка тоже кончилась около 4 час. ночи. 7-го пришел Илюша, мы пошли с ним на электр. станцию Мар. Театра и, навестив наших в ложе, узнали, что Ольга пропала без вести вместе с Демьяновым и нас оставили в ложе вместо них на балет Дон-Кихот. После Театра мы занимались поисками Ольги и эта «проква» кончилась под утро: Вообще Ольга продолжает устраивать такие бенефисы, которые заставляют подозревать определенную ненормальность и если не общий надзор и оберегание, – с ней Бог знает что может случиться. В четверг была тоже какая-то бессонная проква, в пятницу реюньон у Веры Мих. с целью выяснить программу и проч. обстоятельства следующего бэдлама, на котором тоже решили отменить календарную ночь и просидели до 7 час. утра. Там, видите ли нашли довольно приятные жидкости родом из Саратовской губ., которым была оказана честь. В общем я в этот вечер совсем не вернулась домой, а на другое утро моя Мама, несмотря на предупреждения о моём забулдыжничании, всё-таки забеспокоилась и приехала меня искать к Вере Мих. Тут вышел курьёз: вместо меня, спавшей в комнате у сына Туровой, Мама в потемках при спущенных портьерах начала было будить Илюшу, спавшего в гостиной. В субботу 10-го мы с Демьяновым были в «Кривом Зеркале», где видели довольно забавный спектакль, вчера были у нас проводы Васи Глушкова, приезжавшего тоже на побывку. Денис уезжает 15-го, а 14 или 15 я опять поеду на 1 день в Гельсингфорс за покупками. Вот обстоятельства, при которых можно рассчитывать на снисхождение некоторых рыжих к шестидневному неписанию им писем. Я кажется писала Вам, что следующий бэдлам назначен на 7 января. Кроме того в воздухе повисла, крепко уцепившись за него (т. е. за воздух) идея снять подвальчик и устроить в нём «Подвал Безкровного Убийства». Илюша носит с этой мыслью до психоза и обхаживает Веру Мих., Лапшина

и проч., от которых можно ждать копеечек, но кажется напрасно. Идея эта возникла ещё на бэдламе. Были голоса за поддержку этого предприятия. Вот пусть Фаберже поддержит – тогда можно будет рискнуть, а то теперь один ремонт Бог знает каких денег обойдется. Расписывать подвал разумеется должны приехать Вы, – этакую какую-нибудь командировочку выхлопочите себе. Проооосим!!! Между прочим о росписи «Привала» ходит такой анекдот: Привалья хозяйка М-м Ех-Прониha¹, страшная выжига, заказала роспись Саше Яковлеву за 200 р. Саша не будь прост сделал всю роспись, кроме лиц и сказал, что кончит лица только когда получит деньги. Ех-Прониha дала 50 р. – он написал волосы и уши, дала ещё 50 р. – он сделал лбы и шеи, затем за следующие 50 р. – подбородки и брови и только когда последние рубли были положены на стол – написал лупетки своим фигурам. Эта Прониha, как оказалось, в маске и домино присутствовала на бэдламе и высматривала всё, что у нас делалось. По всей вероятности в ближайшем будущем в Привале будет исполняться что-нибудь по нашей схемочке. Бешеное веселье за 3 руб. с вином, и угощением наряду с 10 рублевой тоской в «Привале» повергла её в размышление... не говоря уже о мысли создать конкуренцию её Привалу, в виде постоянного подвала. Зданевича она определенно побаивается. Вот, милый Мишук, какие обстоятельства назрели тут у нас и закрутили небольшого, отзывчивого на всякие проквы фоксика... Писала, писала, а на самые главные сплетни не хватило места. Придётся оставить на следующий раз. Пока шлю Мишуку мое нижайшее и прошу не забывать. Комбинацию с красками устрою.

Ваша «свободная шкипидарка»
13/XII-16

¹ Вероятно, имеется в виду В. А. Лишневская, жена Б. К. Пронина, владельца артистического кабаре «Привал комедиантов». – *Примеч. ред.*

Письма Янко Лаврина к О. В. Мудровой¹

№ 1

Лондон
17 октября 1980

Глубокоуважаемая Ольга Владимировна!

Спасибо за Ваше любезное письмо, на которое постараюсь ответить по возможности точно, поскольку я ещё помню об участии «Славянского Мира».

Этот журнал увидел свет скоро после аннексии Боснии и Герцеговины австрийским правительством в 1908 году. Два номера вышли под редакцией М. Шильдер и Я. Лаврина. Матрона Шильдер была женой художника и академика Шильдера, но, так как она хотела пользоваться журналом исключительно для своей личной рекламы, я немедленно оставил журнал, который опять вышел (в меньшем формате) только через несколько месяцев под редакцией Марии Хруцкой и Я. Лаврина.

Задачей журнала было культурное сближение славян, а его сотрудниками были представители всех славянских народов. Хруцкая была очень талантливая польская пианистка, понимающая всё славянские языки, но она интересовалась в особенности сербами и сербо-хорватской литературой. Бошнякович был серб из Кракова – окончивший Петербургский университет и служивший где-то в тогдашнем Петербурге, то есть в Ленинграде. Лесковец был словинец, который давно прибежал (по политическим причинам) из Австрии в Россию, где я его встретил как отставного 80-летнего старика-инженера в Сестрорецке. Дилианов был болгарский студент и искренний приятель остальных славян. Бочковский был не то поляк, не то украинец из Галиции, но жил постоянно в Праге, интересуясь славянским вопросом во всех его отраслях и отношениях. Л. Малый был, кажется, чех. Из Чехии часто приезжал в редакцию «Славянского Мира» профессор и поэт Ф. Таборжский² (František Táborský) – один из лучших переводчиков Демона во всей европейской литературе. Журналом очень интересовался также Масарик, который был в то время профессором Пражского университета. Я был с ним в личной переписке, и мае 1910 года получил от него карточку-открытку из Ясной Поляны,

¹ Из личного архива О. В. Косик (Мудровой). Автограф Я. Лаврина.

² Т. е. Франтишек Таборский – здесь и далее. – *Примеч. ред.*

которую он кончил словами: «Лев Николаевич Толстой шлёт Вам сердечный привет!» По-видимому, он говорил с Толстым также о славянском вопросе. Были даже слухи, что сам Толстой, когда он покинул дом осенью того же года, собирался поехать в Болгарию, где была довольно большая колония толстовцев.

Что касается остальных имён и псевдонимов, обозначенных буквами, не могу сказать ничего определённого. Моя память стала не особенно надёжной – мне ведь девяносто четыре года... Думаю, что А. Ш. обозначает сотрудника Штейна (Stein), который переводил югославянских, преимущественно словинских поэтов, но не могу ручаться. Сотрудником был также поэт-переводчик Н. Нович (Бахтин).

Что в высшей степени интересно, это факт, что «Славянским Миром» увлекся профессор Бехтерев, директор Психоневрологического института. Он и профессор Погодин, преподаватель того же института¹, мне даже прислали кое-какие статьи.

Интерес к славянству как-то неожиданно заразил также некоторых русских модернистов. Когда журнал (благодаря недостаточным финансовым средствам) должен был прекратиться и я уехал на продолжительное время в Норвегию, Сергей Городецкий и я решили издать альманах всех славянских писателей того времени. Когда я вернулся из Скандинавии, мы с ним действительно издали Велес – альманах русских и инославянских писателей. Повесть словинского писателя Ивана Цанкара «В доме Марии Заступницы» там напечатана целиком. Из сербов там были Нушич (Nušić) и молодой Ускокович, который впоследствии (во время отступления сербской армии) кончил самоубийством на Косовом Поле. Из русских модернистов в альманахе: Городецкий, Андрей Белый, Алексей Ремизов, Вячеслав Иванов и Фёдор Сологуб. Городецкий и я надеялись продолжать эти альманахи, но скоро вспыхнула мировая война, в течение которой я был послан в сербскую армию (главным образом потому, что я знал балканские языки и условия) русским военным корреспондентом.

Но больше обо всём в следующем письме. Моя рука устала и – в моих годах очень трудно писать.

Самый искренний привет Вам и Александру Ефимовичу².

Преданный Вам
Янко Лаврин.

¹ Я. Лаврин ошибается, А. Л. Погодин был славистом, профессором Харьковского университета. – *Примеч. ред.*

² Имеется в виду А. Е. Парнис.

№ 2

27.XI.1980

Глубокоуважаемая Ольга Владимировна!

Надеюсь, что Вы получили письмо о русско-югославянских литературных отношениях, которое я Вам послал несколько недель тому назад¹. Если не ошибаюсь, я там забыл дать Вам фамилию и адрес моего друга профессора Антона Слодняка, который считается лучшим словинским литературоведом нашего времени. Он мог бы Вам дать много данных о словинских и югославских литераторах, которые интересовались особенно русской литературой и также работали в этом смысле в конце прошлого и начале этого века.

Он мог бы сказать много интересного о словинском поэте Ашкерце (Aškerc)², который много путешествовал по России и всегда интересовался её литературой. Он также знал профессора Ивана Приятеля (Ivan Prijatelj), который был лично знаком с проф. Коршем – переводчиком Прешерна³ на русский язык. Кажется, что он мог бы сказать также кое-что о Лесковце (Leskovec), Хостнике (Hostnik) и других учёных и деятелях, которые очень много работали на сближение русской и югославянской культур.

Адрес профессора Слодняка следующий:

Prof. Anton Slodnjak.

Ljubljana

Vesna pot 26

Югославия.

Надеюсь, что Ваша диссертация хорошо прогрессирует, посылаю Вам привет и лучшие пожелания.

Преданный Янко Лаврин.

¹ Письмо не было получено.

² А. Ашкерц продолжил работу И. Весела и издал русскую антологию («Ruska antologija v slovenskih prevodih», 1901). Был почитателем творчества М. Ю. Лермонтова, что привело его в 1901 и 1902 гг. на Кавказ.

³ Стихотворения Франца Прешерна. Со словенского и немецкого подлинников перевёл Ф. Корш / Предисловие переводчика. М., 1901.

№ 3

Лондон
4 янв[аря] 1981

Глубокоуважаемая Ольга Владимировна!

Большое Вам спасибо за Ваше любезное письмо и особенно за интересное приложение, которое мне напомнило мои богемские «дела давно минувших лет» и вечера весёлых литературных собраний, на которых было много смеха и также много хороших друзей. Душой этих собраний была молодая и необыкновенно остроумная Ольга Ивановна Ляшкова¹, квартира которой находилась на Кронвельском² проспекте. Она была также главной сочинительницей текстов комического «журнала», где мы дружески показывали всех членов кружка в карикатурном виде. Главным иллюстратором был очень талантливый художник Михаил Ледантю³, принадлежавший в то время к передовым течениям русского искусства. В кружок часто приходили даже ранние представители «заумного языка»: Кручёных, Илья Зданевич (брат тифлисского художника Зданевича)⁴, Хлебников, и, если не ошибаюсь, бывал там иногда и молодой Маяковский. Михаил Ледантю пал на русском фронте 1916 года, а Ольга Ивановна Ляшкова умерла в Ленинграде 1939 года⁵.

А теперь несколько слов о журнале «Славянской Мир». Затея этого журнала была отчасти моя: в связи с некоторыми интеллигентами, которые заинтересовались славянским вопросом после австрийской аннексии Боснии и Герцеговины 1908 года. Ответственным редактором была Матрона Шильдер (жена «передвижника» и академика Шильдера). К сожалению, скоро оказалось, что она не имела ни понятия о славянском вопросе, ни капельки литературного таланта, а хуже всего – она хотела пользоваться журналом исключительно для своей личной «славы» и репутации. Мне это так надоело, что после второго номера журнала я покинул редакцию и, несмотря на все просьбы, больше не вернулся. Так как без меня она не могла ничего делать, журнал перестал выходить. Несколько месяцев спустя ко мне пришла талантливая польская пианистка Мария Хруцкая. Она не только обладала крупным

¹ Имеется в виду Лешкова.

² По-видимому, имеется в виду Кронверкский бульвар в Петербурге.

³ Более принято написание Ле-Дантю.

⁴ Имеются в виду Илья и Кирилл Михайловичи Зданевичи.

⁵ Лешкова умерла позже, вероятно, в 1942 г. – *Примеч. ред.*

музыкальным талантом (кажется, что была приятельницей Ванды Ландовской), но искренне интересовалась славянскими делами. С её помощью «Славянский Мир» возобновился в меньшем разmere и с разными недостатками (включая дилетантство).

Среди людей, которые им интересовались, были профессор-славист П. А. Лавров, проф. Бехтерев, публицист и (кажется) преподаватель высших женских курсов А. Я. Яцимирский, Н. Н. Бахтин, который под псевдонимом Н. Нович переводил стихи с французского и славянских языков, и Кораблёв – редактор четырехмесячного «Славянского обозрения», издаваемого Славянским благотворительным обществом. Луку Пиштелича я помню. Он был очень застенчивый черноморец и работал в каком-то столичном ведомстве. Позже заинтересовался славянским вопросом поэт Сергей Городецкий. Вместе с ним мы издали Велес – первый альманах русских и инославянских писателей – кажется, 1912 года. В том же году гостил у меня несколько недель Владимир Хлебников¹ – большой любитель всего славянского и особенно Черногории и черноморцев².

Что касается иных славян, очень симпатизировали с славянским миром некоторые чешские писатели и поэты, особенно Ян Махар (Jan Machar)³, проф. Таборжский (F. Táborský) и даже Masaryk, который был в то время профессором пражского университета. Между прочим, проф. Франтишек Таборжский один из лучших переводчиков лермонтовского «Демона» во всей европейской литературе.

Это пока всё, что помню относительно [Славянского Мира]. Надеюсь, что Вы получили моё письмо с адресом профессора А. Слодняка. Он член Славянской Академии Наук и самый лучший знаток югославско-русских литературных сношений. Во всяком случае он мог бы дать кое-какие новые сведения, полезные для Вашей университетской диссертации.

Извиняюсь, что пишу с таким ужасным трудом: мои руки очень устали, а мой величайший враг – это мой невероятно пожилой возраст.

Благодарю Вас ещё раз и поздравляю с Новым годом, желая Вам всего наилучшего.

Преданный
Я. Лаврин

¹ Имеется в виду Виктор Хлебников (псевдоним – Велимир Хлебников).

² «Пророческая душа»: В. Хлебников в воспоминаниях современников // Литературное обозрение. 1985. № 12. С. 97.

³ Вероятно, имеется в виду Йозеф Сватоплук Махар. – *Примеч. ред.*

№ 4

Лондон
17.V.1981

Глубокоуважаемая Ольга Владимировна!

Сердечное Вам спасибо за Вашу интересную статью в «Вестнике Московского университета»¹! Я Вам тем более благодарен, так как она мне напоминает мои молодые годы и эпизод, связанный с изданием «Славянского мира» и его фоном. Ваши сведения в главном очень точны. Они освежили в моей памяти многое, что я сам уже почти забыл или же начал забывать. Я ведь непростительно пожилой человек: мне девяносто четыре года и (благодаря моей славянской живучести) я всё ещё не расстался с жизнью. Один физиолог-специалист, который недавно меня хорошо осмотрел, мне даже сказал: «Возможно, что доживете до ста лет – если будете избегать врачей»... Очень интересный лаконизм.

Моя жена Нора талантливая английская художница. Она только десять лет моложе меня, но так как она никогда не думает о старости, старость не думает о ней и позволяет ей ещё работать. Вместе с ней мы всё ещё умудряемся больше жить, чем только существовать и ждать конца. К сожалению, жизнь в Англии, и особенно в Ирландии теперь хаотична и не особенно привлекательна. Никто не знает, что будет завтра, не говоря уже о дальнейшем будущем.

Меня очень интересует фарс «Янко круль албанский». Я знаю о нём, хотя я его никогда не видел. Есть ли хоть какая-нибудь возможность получить его копию? Илья Зданевич был моим хорошим знакомым, но мне сказали, что этот фарс написан на «заумном языке», которым в то время занимались Зданевич, Кручёных, Хлебников и отчасти даже Маяковский.

Как только получу Ваш ответ, постараюсь послать Вам английский перевод одной революционной словенской поэмы с иллюстрациями моей жены. Это поэма, которую написал известный словенский поэт Матей Бор² и которую перевели, кажется, также на русский язык.

¹ См.: Мудрова О. В. Журнал «Славянский мир» (1908–1911) и вопросы культуры югославян // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1981. № 1. С. 34–43.

² Bor M. Šel je popotnik skozi atomski vek – Wanderer in the Atom Age / v angleščino prevedel J. Lavrin; uvodna beseda B. Borko; ilustrirala N. Lavrin. Ljubljana, 1970. – Надпись: «О. В. Мудровой на добрую память от автора и его жены Норы. 21.I.1984».

Если возможно, пошлите, пожалуйста, одну копию Вашей статьи моему хорошему другу профессору Слодняку. Он не только самый лучший знаток словенской литературы, но также очень влиятельный академик (кстати, я тоже член словенской Академии Наук). Его частный адрес:

Dr. Anton Slodnjak.
61000 Ljubljana
Vesna pot 26
Югославия.

Благодарю Вас ещё раз за письмо и за статью. Вместе с женою шлю Вам самые лучшие пожелания.

Преданный Вам
Янко Лаврин.

№ 5

28.7.1981

Глубокоуважаемая Ольга Владимировна!

Я только что получил Ваше любезное письмо и заузного «Круля албанского», за которые Вам посылаю большое-большое спасибо. «Заузный» язык для меня всё ещё слишком за-узный, чтобы его разобрать как следует, но меня всё же интересует. Несмотря на то, что им интересовались Зданевич, Кручёных и одно время даже Хлебников, этот язык был и остается только своего рода оноματοпоэтическим экспериментом самого Зданевича. Всё же, это очень забавный эксперимент, и я Вас ещё раз благодарю, что Вы мне прислали «оттиск» (извините словинское слово).

Что касается вашего вопроса относительно Вергуна, я его в молодости знал лично и даже читал его Славянский век время от времени. Позже я его встречал также в Ленинграде, то есть в тогдашнем Питере. Как личность он произвёл на меня впечатление очень хорошего, честного, в высшей степени добродушного и в то же время наивного человека. Идеологически он стоял ближе всего сентиментальному панславизму с наивно-романтическим славянофильским и православным оттенком. Как Вам известно, он издавал «Славянский век» в Вене, и, помню, что в студенческие годы многие мои сербские, хорватские, словинские и чешские товарищи учились русскому языку для того, чтобы его читать. Однажды

во время каникул я нашёл кучу его выпусков в довольно простой гостинице в одной словинской деревне.

«Каким образом этот журнал попал сюда?» – я спросил молодого сына хозяйки.

«О, это его всегда читает моя мама, – ответил он. – Она нарочно научилась по-русски, чтобы его читать. Очень им увлекается».

Это была обыкновенная интеллигентная мама-крестьянка, увлекавшаяся русским языком и Россией в старой Австрии в начале этого века, когда русофильство там считалось даже преступлением. Но довольно об этом.

Получили ли Вы от меня немецкие монографии Толстого и Достоевского¹, которые вышли в величайшем германском книгоиздательстве – Rowohet Verlag и всё ещё хорошо продаются. Есть даже японские издания (Rizosha Co в Токио) некоторых моих книг. В ближайшем будущем Вам пришлю кое-что из моих английских изданий и хотя бы одну книгу с иллюстрациями моей жены.

Посылаю сердечный привет Вам, Вашему супругу и сыну.
То же самое моя жена Нора.

Преданный Вам
Я. Лаврин.

№ 6

Лондон.
30 октября 1981.

Глубокоуважаемая Ольга Владимировна!

Моя совесть меня в самом деле упрекает за то, что так поздно отвечаю на Ваше любезное письмо. Причин было много: прежде всего кое-какие срочные литературные дела, а затем экономическая и политическая суматоха (с забастовками и т. д.) в Англии вообще, что осложняет не только общественную, но и частную жизнь.

Несмотря на довольно плохое здоровье, что в мои годы вовсе не удивительно, я всё же продолжаю работать. Недавно я кончил целую книжку о Чехове (с более или менее новым подходом) и теперь веду переговоры не с английским, а с одним югославским издательством. В Англии теперь такой кризис с издательствами, что,

¹ Из перечисленных была получена книга: *Lavrin J. Fjodor M. Dostojewskij in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten dargestellt von J. Lavrin.* [Б.м.]: Rowolt, [б.г.].

кроме самых необходимых и практических книг, почти ничего не печатается. В Югославии в этом отношении пока всё же лучше.

Это мне напоминает моё обещание послать Вам роман с иллюстрациями моей жены, что и сделаю в недалёком будущем, как только получу книгу из Любляны, так как здесь у неё ни одного экземпляра не осталось.

Меня очень приятно удивило Ваше милое письмо из Загреба¹. Надеюсь, что Вам в Югославии понравилось. Были ли это Ваше первое посещение этой страны? Если опять поедете туда, я Вам дам несколько очень полезных адресов словинской Академии Наук и Искусств (я член этой Академии), где Вы встретите целый ряд очень интересных и очень передовых людей.

Благодарю Вас ещё раз за Ваше письмо и вместе с приветом посылаю самые лучшие пожелания.

Преданный Вам
Янко Лаврин.

№ 7

Лондон.
15.I.1982

Глубокоуважаемая Ольга Владимировна!

Прежде всего извиняюсь, что Вас так поздно благодарю за Ваше любезное и милое письмо. Дело в том, что пять недель тому назад я так неуклюже упал на каменной дороге, что чуть не разбил себе голову и повредил себе обе руки. В больнице сделали всё, что могли, чтобы мне помочь. Теперь мне гораздо лучше. Новый год я встречал инвалидом, а сейчас я только полуинвалид, который мирно сидит дома и ждёт полного здоровья.

Очень меня завеселило письмо, что Вы получили книгу с иллюстрациями моей жены, а ещё больше Ваше милое поздравление с Новым годом. Я тоже поздравляю Вас с Новым годом — поздравляю немного поздно, но тем искреннее. Желаю Вам полного успеха в Ваших учёных и литературных занятиях и буду очень счастлив, если наша переписка будет продолжаться. Кстати, я получил также Ваше письмо из Загреба. Как Вам понравилось в Югославии? Хотя я родился в Словении, я не был в тех краях уже 10 или 11 лет и, к сожалению, даже не могу надеяться, что их

¹ В сентябре 1981 г. я была на семинаре славистов в Югославии.

опять увижу: мне ведь 95 лет, и в эти годы трудно думать не только о путешествиях, но даже и о маленьких прогулках.

Много читаю и помаленьку ещё пишу. Если желаете, я Вам пришлю кое-какую из моих книг (преимущественно о русской литературе) на английском, немецком или словенском языке. Некоторые из них пользовались большим успехом, переведены на несколько языков (четыре – даже на японский язык).

Часто думаю о своих бывших русских друзьях, которые уже давно умерли: о Хлебникове, Кустодиеве, Андрее Белом, Ледантю etc., etc. В моем патриархальном возрасте всё же жалею, что жизнь так коротка и полна стольких потерь.

Благодарю Вас ещё раз, дорогая Ольга Владимировна, и шлю Вам самый сердечный привет.

Преданный Вам
Янко Лаврин.

№ 8

Лондон.
12 августа 1982

Дорогая Ольга Владимировна!

Сердечное спасибо за книжку о Вашей диссертации¹ и за Ваше милое письмо. Как только мое здоровье поправится, пошлю Вам длинное письмо и кое-какие репродукции картин или эскизов моей жены. Пока Вам мы с ней посылаем самые лучшие пожелания и поздравляем Вас с диссертацией, которая, безусловно, будет иметь большой успех.

Ваш Янко Лаврин.

№ 9

Лондон.
20.1.1983

Дорогая Ольга Владимировна!

Большое Вам спасибо за Ваши пожелания по поводу Нового года. К сожалению, я не мог поблагодарить Вас раньше, так как

¹ Имеется в виду автореф. кандидатской дис., защищённой в мае 1982 г.

моя жена Нора уже два месяца в больнице и, вероятно, там останется (после тяжелой операции) по крайней мере ещё недель пять.

Передайте, пожалуйста, мои лучшие пожелания тов. Парнису и скажите ему, что в этом году в Лондонском университете на 60% больше студентов, занимающихся русским языком и литературой, чем год тому назад. Также в других университетах Англии их число растёт. Интересно также то, что в Америке существует (вероятно в связи с Мичиганским университетом) издательство Gale Research Company, которое особенно интересуется русской литературой и издает в этом году по крайней мере два тома под заглавием «Литературная критика двадцатого века» (Twentieth Century Literary Crititizm), где будет, вероятно, много статей также о советской литературе. Постараюсь получить оба тома (в них пишут также о моих книгах, касающихся русских писателей).

Благодарю Вас ещё раз и посылаю Вам и тов. Парнису искренний привет и поздравляю с Новым годом.

Преданный Вам
Я. Лаврин.

P. S. Извините, пожалуйста, моё слабое писание. Моё здоровье тоже не в очень-то блестящем состоянии, что в моём почтительном возрасте не удивительно: лучшее доказательство мой страшный почерк.

№ 10

Лондон 10 XII 1984

Уважаемая и дорогая Ольга Владимировна!

Поздравляю Вас с Новым годом и шлю Вам искренние пожелания счастья и успеха. То же самое моя жена Нора.

Если возможно, передайте, пожалуйста, мои поздравления также тов. Парнису, так как я не знаю, где он сейчас находится.

Преданный Вам
Янко Лаврин

IV. Приложения

Иллюстрации

СЛАВЯНСКІЙ

$\frac{3}{V 622}$ МІРЬ

ежемісячный журналъ
литературы :: искусства
:: критики ::

Рис. 1. Автор: Б. М. Кустодиев.

СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ.

VI 2
135

1910.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И КРИТИКИ.

Рис. 2. Автор: С. Ф. Плошинский.

библиотека

избранных
славянских
писателей

на первая

1910 г.

Рис. 3. Автор: Б. М. Кустодиев.

Рис. 4. Автор: М. В. Ле-Дантье.

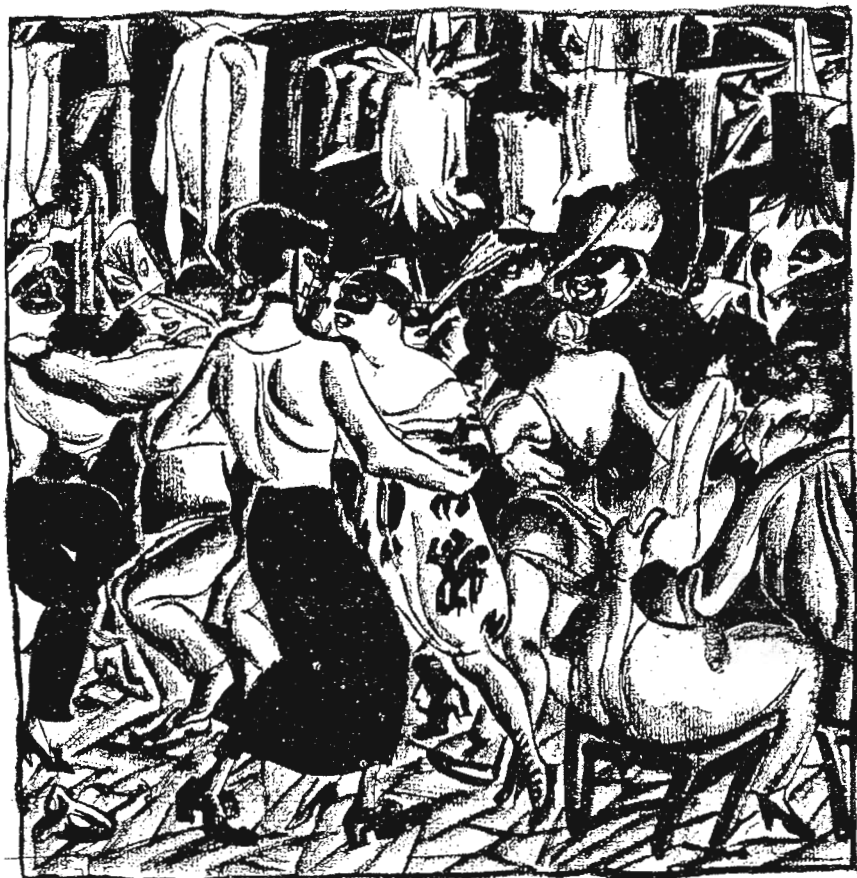

Рис. 5. Автор: В. В. Лебедев.

Рис. 6. Автор: М. В. Ле-Дантю.

І.

300 рублѣй

за поимку и пред-
ставленіе полиціи
изображеннаго на
семѣ лица !!!

Полицейстеръ:

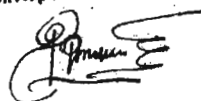

Рис. 7. Автор: М. В. Ле-Дантю.

Рис. 8. Автор: М. В. Ле-Дантю.

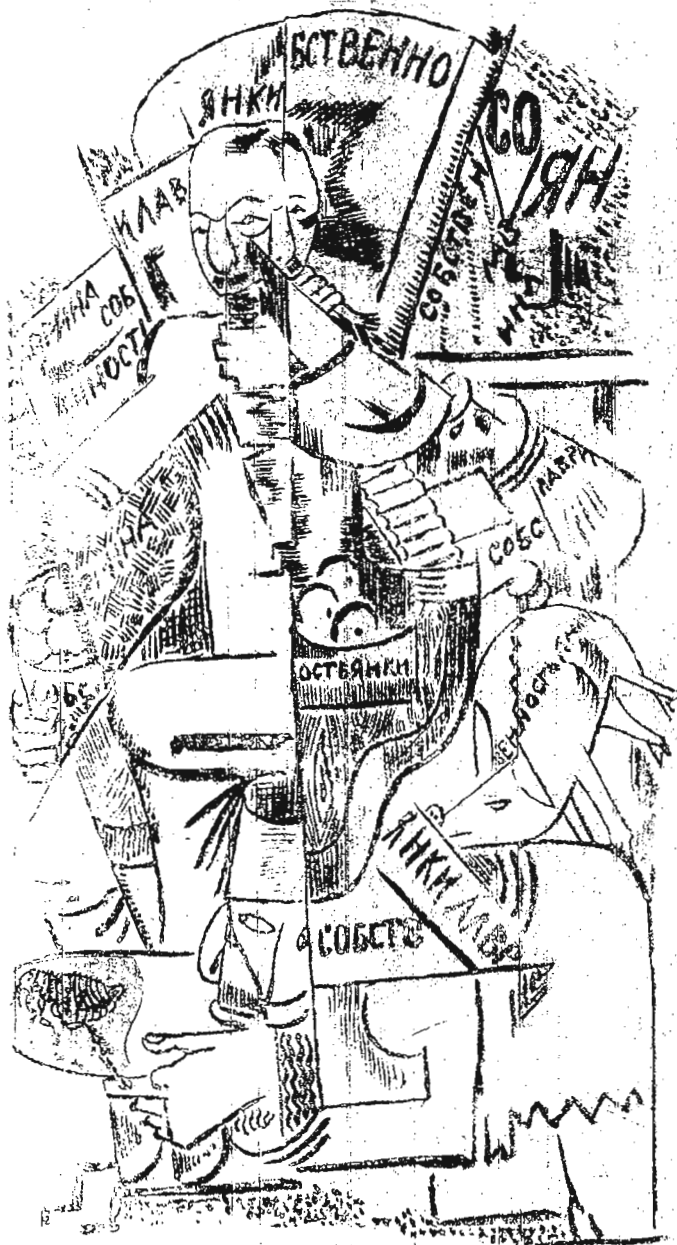

Рис. 9. Автор: М. В. Ле-Дантю.

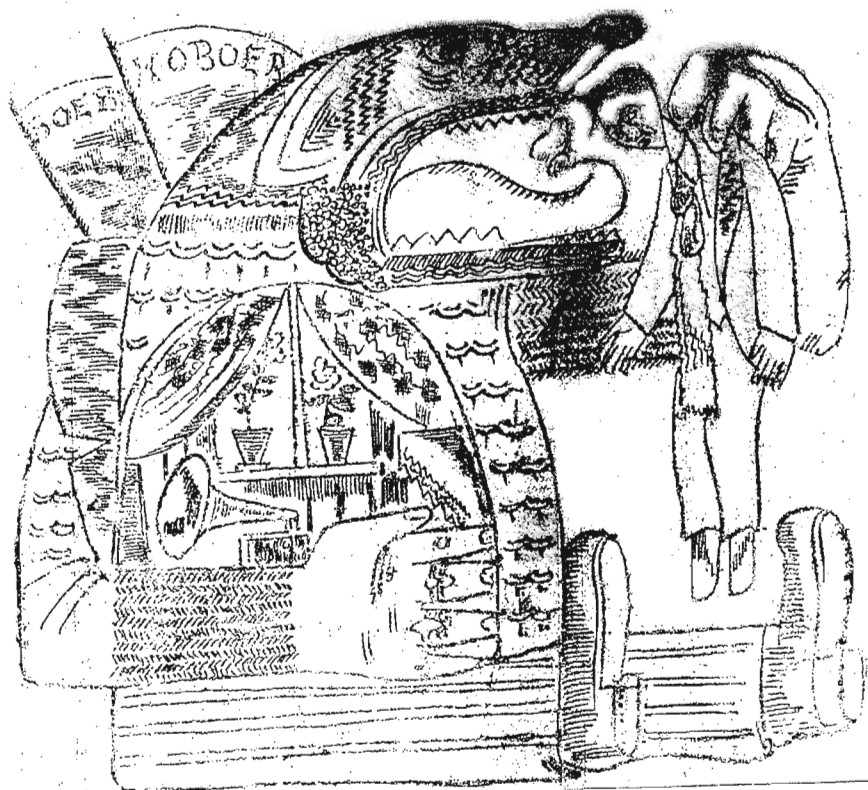

Рис. 10. Автор: М. В. Ле-Дантю.

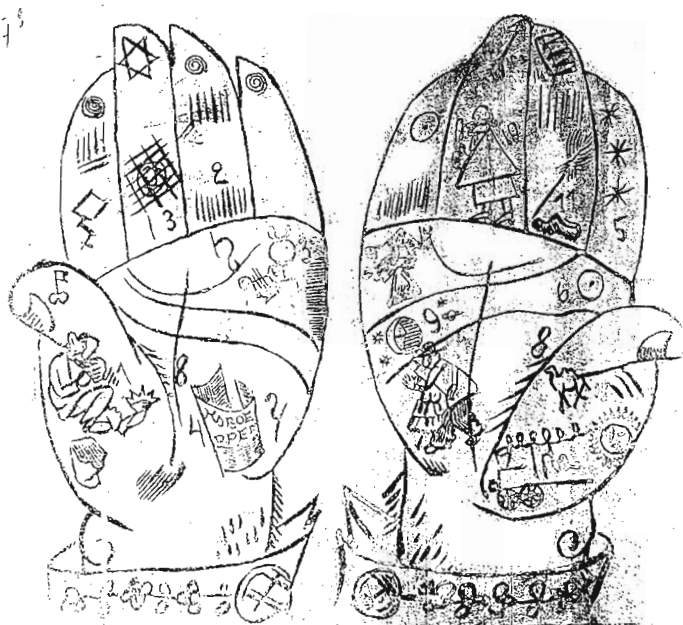

Рис. 12. Автор: В. М. Ермолаева.

Рис. 13. Автор: М. В. Ле-Дантю.

Албанский выпуск «Безкр. Уб.» посвящен журналисту Янко Ивановичу Лаврину. Первые 5 рисунков работы М. В. Ле-Дантю. Последние 2 – работы Веры Мих. Ермолаевой.

Свиноподобное чудовище, изображённое на двух рисунках – газета «Новое время», куда Янко давало свои корреспонденции, за что его «Безкр. Уб.» изводило упорно и жестоко³.

Янко было любимцем всей компании и в то же время хронической мишенью для нападок. О нём всегда было принято говорить и писать в среднем роде, т. к. его имя оканчивалось на о и Янко ни за что не хотело его «перевести» или изменить, хотя страшно негодовало на этот «средний род». По национальности Янко полу-серб полу-словинец, талантливый лингвист и знаток литератур всех народов, в настоящее время читает лекции о русской литературе в Оксфордском Университете⁴.

---

¹ РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 190. – Публикуется целиком впервые в современной орфографии с учётом современных грамматических правил, лишь название группы традиционно даётся в старой орфографии. – Публикация и комментарии В. И. Барановского и И. Б. Хлебниковой.

Объяснительный текст, находящийся перед текстом выпуска, начинающегося с заголовка «Янко I», принадлежит О. И. Лешковой.

² Указанный на выпуске № 11 в действительности является не номером выпуска, а порядковым номером, под которым он записан О. И. Лешковой в перечне материалов для передачи их в архив в 1935 г. Запись выглядит так «11: Албанский выпуск «Безкр. Уб.»».

³ В письме к М. Ле-Дантю от 8 декабря 1916 г. (публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*) О. Лешкова пишет, что чудовище было изображено «на обложке Янчного номера, где Вы (Ле-Дантю. – В. Б. и И. Х.) и «Новое время» посредством блоков регулирует убеждения Янки» (рис. 6). На этом рисунке в вымышленном «албанском» наряде изображен Янко, которого хочет проглотить его работодатель: «свиноподобное чудовище – газета «Новое время». В правом верхнем углу, позади фигуры Янко М. Ле-Дантю изобразил самого себя, держащего за веревку подвешенного на блоках как в кукольном театре Янко и тем самым не дающего ему упасть в разинутую пасть чудовища. – Мотив проглатывания Янко «Новым временем» в «Албанском» выпуске получил продолжение, в том числе и на ещё одном рисунке меньшего формата (см. далее).

⁴ Лешкова ошибается. 1918–1952 гг. Лаврин преподавал в Ноттингемском университете. О своём карьерном росте в Великобритании он написал в: *Lavrin J. Pisma v domovino*. Š. 239. – Подробнее о роли Лаврина в становлении курса славяноведения в Ноттингемском университете см.: *Jones M. V. Slavianskii mir ...* P. 30–45. (См. также статью М. В. Джоунса в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

Когда была объявлена тема этого выпуска, все художники пожелали его иллюстрировать; пришлось сделать нечто вроде конкурса и выбрать лучшие рисунки. Этот выпуск вышел самым толстым и самым богатым как по количеству, так и по качеству рисунков.

Выпуск имел серьёзные последствия. Поэт, романист и журналист Илья Михайлович Зданевич, ознакомившись с этим выпуском, просил позволения взять тему этого выпуска, как сценарий для его пьесы о заумном («Албанском») языке. Пьеса была написана и поставлена в художественной мастерской М. Д. Бернштейна¹. Декорации и костюмы к ней были сделаны художниками В. М. Ермолаевой и Н. Ф. Лапиным. Попытка напечатать её в Петрограде окончилась неудачей, т. к. усиленная по случаю войны царская цензура не пропустила её, но И. М. Зданевич через несколько месяцев напечатал её в Тифлисе под названием «Янко Круль Албанский»². Пьеса посвящена О. И. Лешковой.

Янко I

История мидян темна и непонятна ...
/Иловайский. «Древняя история»/

На долю настоящего выпуска «Безкровного Убийства» выпала высокая честь доложить нашим уважаемым читателям биографию Его Величества Ех-Короля Албании Янки Лаврича, родоначальника несостоявшейся династии Янкелевичей-Лавричей, числящегося Почётным Членом нашего Издательства, которое, собственно говоря, обязано ему даже своим возникновением. Несколько лет тому назад Его Албанское Величество, будучи ещё простым смертным Янкой Лавриным, как мы и будем его называть для краткости до вступления на Албанский престол, довело своим поведением группу лиц до безысходной необходимости посвятить ему нашумевший в своё время сборник стихов «Лахудра», ставший первым выпуском расцветшего впоследствии, с его легкой

¹ В настоящем издании мы публикуем письма О. Лешковой к М. Ле-Дантю, где великолепно воссоздаётся атмосфера богемной и около богемной жизни Петрограда в годы войны, круг общения участников «Безкровного Убийства», в котором вращался и Я. Лаврин. (См. раздел «Письма». – *Примеч. ред.*)

² Пьеса была напечатана в мае 1918 г. в Тифлисе. См. факсимильное издание: Илья Зданевич (Ильезд). Философия футуриста. С. 477–501.

руки, нашего Издательства. Когда Издательство приступило к составлению настоящей биографии, Его Ех-Величество милостиво предоставило в наше распоряжение богатейший архив документов и собственноручных дневников, из которых мы и извлекли нужные нам материалы.

«Безкровному Убийству» хорошо известно, что биографии великих людей принято начинать с происхождения, обстоятельств и места рождения описываемых, но... мы должны извиниться перед нашими читателями. Несмотря на многолетние напряжённые труды всего состава нашей редакции, нам не удалось установить даже приблизительно данных о происхождении, месте рождения и национальности Его Алб. В-ва¹. Когда в Европе возник вопрос о происхождении Янки Лаврина, все государства Европы и 94.618 европейских городов, обвинённые по разным уликам в рождении в них Янки, прислали документальные опровержения этого факта, хотя и не отрицали неоднократного появления в них Янки, что становится сейчас же очень заметным по страшному загрязнению улиц, шуму и беспорядку в домах, театрах, на улицах, а также по массовой гибели роялей². Просматривая опровержения городов, мы установили безусловное отсутствие среди них российского города Шклова, что, как оказалось впоследствии, не было простой случайностью. Интуитивный путь определения национальности Янки также ни к чему не привёл: 46 европейских наречий оказывают совершенно одинаковое вооруженное сопротивление, когда он начинает говорить на них³, а внешность, как видно из помещённого

---

¹ Интересно, что путаница с национальностью Лаврина продолжалась довольно долго. Сам Лаврин неоднократно подчеркивал своё словенское происхождение, однако всё же примечательно, что к своим беллетризированным мемуарам «Между восьмью и восьмьюдесятью» он дал подзаголовок «Из записок космополита»: *Lavrin J. Med osem in osemdeset ...*

² Здесь мы видим намеки на неаккуратность Лаврина и беспорядок, который он создавал в быту. Как играл Лаврин нам неизвестно, однако на одном из рисунков – к Повестке-приглашению – он изображен сидящим у инструмента (рис. 4). Можно предположить лишь то, что его стиль игры не способствовал сохранности инструмента, поскольку гибель роялей упоминается в выпуске неоднократно.

³ Лаврин в действительности был известным полиглотом, знал много европейских языков и всегда стремился изучить новый, как, например, он хотел изучить норвежский язык для того, чтобы читать в подлиннике Г. Ибсена. В годы российской жизни Лаврин подрабатывал как частный учитель иностранных языков (французского и немецкого), впоследствии переводил со словенского на русский язык художественные произведения. Отлично зная чешский язык, он писал обзорные статьи по чешской литературе и публиковал

в настоящем выпуске портрета – заключает в себе черты буквально всех народностей земного шара¹. Некоторые склонны видеть в Янке осуществление астрологического предсказания о человеке, который должен был родиться сразу в 3-х частях света. Изверившись во многих других способах определения национальности Янки, мы обратились к наукам. «История мидян темна и непонятна», – прочли мы у великого историка, и это, наконец пролило свет на происхождение Янки. Очевидно, что он мидянин и представляет собою пример чрезвычайно прочной наследственности, ибо более тёмного и непонятного, чем история этого человека, нельзя себе и представить. Не говоря уже о прошлом, «Безкровное Убийство» не берётся и в настоящее время определить социальное положение Янки. Пребывание же его на Албанском престоле немислимо признать социальной позицией, т. к. от этого аттракциона никто буквально не гарантирован и на последнем заседании Академии Наук по Отделу Словесности Албанский престол решено прибавить к тексту знаменитой поговорки о тюрьме и суме, которая отныне будет произноситься так: «от тюрьмы, суммы и Албанского престола не отрекайся».

Но мы уклонились от систематического жизнеописания Янки. Ещё на школьной скамье Янко начало обнаруживать три главных своих жизненных устремлений, которые и проходят красной нитью через всю его жизнь: романтику, коллекционерство и лингвистику². Будучи ещё гимназистом, оно открыло бюро заказов на

переводы чешских авторов. Сам Лаврин в 1918 г., подавая документы на вакантную должность лектора в Ноттингеме, указал знание следующих языков: русского, сербского, польского, чешского, английского, французского, итальянского и немецкого, при этом курьезно «позабыл» родной язык – словенский (см.: *Jones M. V. Славянский мир ...* Р. 29).

¹ См., например, рис. 7.

² Здесь даются три основные характеристики Лаврина, которые, очевидно, широко обсуждались среди участников «Безкровного Убийства»:

Лаврин имел большой успех у женщин, его умение общаться с ними и легкость в завязывании скоротечных романов были общеизвестны и неоднократно отмечались не только в письмах О. Лешковой к М. Ле-Дантю, но и самим Лавриным. (См. письмо Я. Лаврина к М. Ле-Дантю от 15 мая 1912 г. с юмористическим описанием настойчивых предложений, делаемых ему замужней дамой из соседней квартиры. – Публ. в настоящем изд.)

Страсть к коллекционированию и трепетное отношение к собственным коллекциям у Лаврина была такова, что его имя сделалось нарицательным среди участников «Безкровного Убийства». Так, например, О. Лешкова, гордясь полученными от Ле-Дантю миниатюрами, выполненными им в персидском стиле, хранила их, не желая выпускать их рук и насмешливо писала

любовные письма, на всех языках, стихами и прозой и одновременно коллекционировало адреса клиентов и жертв своей деятельности. Документом, характеризующим во всех подробностях жизнь Янки этого периода, является его записная книжка, зафиксировавшая первые шаги общественной деятельности Янки.

С этого же приблизительно периода начала проявляться в Янке и страсть к путешествиям, которая с наступлением юношеских лет приобрела, как мы увидим дальше, размеры общественного бедствия. Пройдя курс наук в 46-ти учебных заведениях разных городов и государств, Янко отправилось в скитания, как мы видим из его дневника, «изучать жизнь во всей её полноте»¹. Масса человеческих документов, бесконечно разнообразных по своему содержанию, единогласно свидетельствует о бурном романтизме этого периода. Особого внимания заслуживает почетный диплом, выданный Янке «Клубом Гризеток Латинского Квартала» в Париже, много документов подобных этому из других

о себе: «...Я становлюсь жадиной, гадиной, Янкой». Она же отмечала о приведении в порядок оставленных Ле-Дантю картин: «После Янкиной чистки их оказалось сравнительно так немного, что вышло две небольшие связки (не считая застекленных). Боюсь не зажил ли Ваш знаменитый меценат кой что сверх положенного» (РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 16). В рисунке выпуска «О возврате на лоно» Янко Лаврин изображен с картиной в руках.

Его лингвистические способности не могли не удивлять.

¹ Действительно, Лаврин учился в различных частях тогдашней Австро-Венгерской империи – в Новом Месте в Словении и в Сушаке в Хорватии. Далее образование Лаврин получал в различных европейских учебных заведениях: существуют данные (в основном на основании его эпистолярного наследия), что он посещал лекционные курсы в высших учебных заведениях Петербурга, в университете в Христиании (Осло), в Парижской Сорбонне, в университете Хельсинки, в Пражском университете. Судя по всему, он учился не систематически, а выбирал лишь интересующие его лекционные курсы. Однако сведения об этом достаточно противоречивы. Подробнее об университетском образовании Лаврина см. в нашей статье «Хронология жизни Янко Лаврина в России».

Одновременно за те 9 лет, что Лаврин прожил в России, он необычайно много путешествовал как по России, так и по Европе в качестве частного лица и как журналист.

Интерес вызывает приведенная Лешковой цитата из вымышленного дневника Янка об его отношении к жизни. В действительности в гимназистские годы он написал и опубликовал в журнале стихотворение, в котором были следующие строки: «Мне хочется жизни, мне хочется жизни, / хочу я испить её чашу до дна» // «Jaz hočem življenja, jaz hočem življenja, / izpiti njegovo čem čašo do dna» (Domači prijatelj. 1907. Januar. S. 5). Совпадение кажется невероятным. Возможно, Лешкова знала эти стихи.

европейских городов, коллективные жалобы квартирных хозяек города Триеста и друг. городов, бесчисленные полицейские протоколы с Газовой улицы г. Петербурга, где, по недосмотру полиции, Янко имело более или менее продолжительное место пребывания и наконец целый ряд объявлений с портретами о поимке его и предоставлении властям за разные суммы. «Безкровное Убийство» выбрало лучший из этих портретов и, с разрешения Его Эк-В-ва, помещает его в этом выпуске в полной неприкосновенности¹. Лучшей характеристикой общего духа этого периода жизни Янки является заметка в его дневнике, помеченная сентябрем 1913 г.: «Судьба продолжает меня ласкать», – пишет Янко: «популярность моя растёт с каждым днем. Сегодня и в этом городе расклеены мои портреты. Как хорошо, что мне не нужно ходить в фотографию и платить деньги за портреты. При моём обилии романов и привычке дарить женщинам свои портреты – это было бы скучно и дорого; а теперь я могу сорвать с каждого забора бесплатно и подарить своей избраннице великолепный портрет, отпечатанный на казённый счёт». К концу этого периода путешествия приняли лихорадочный характер. Янко едва успевало приехать в город, разбить несколько роялей и сердец, как обстоятельства вынуждали его стремительно покидать город, бежать в следующий, а затем в следующий и т. д. Естественное переутомление вызвало реакцию и период романтизма, к удовольствию и отдыху полиции всех стран, неожиданно уступил место следующему периоду – периоду подъёма душевных и умственных сил. Янко обратилось к отвлеченным вопросам, и всё существо его стало аренной постоянной борьбы культуры с цивилизацией, борьбы ожесточённой и обоюдно-успешной, т. к. культура и цивилизация совершенно и бесследно уничтожили в нём друг друга². Образовавшуюся пустоту начали заполнять высокие вопросы религии и духа: Янко стало коллекционировать брошюры по вопросам мистицизма и оккультизма и начало подыскивать подходящую для себя «ложу». Вскоре поиски увенчались успехом, и к концу 1914 г. Янко

¹ См. рисунок, обозначенный римской цифрой I (рис. 7).

² Понятный знакомым с публикациями Лаврина намёк на выдвинутую им концепцию в статье «Славянский вопрос и художественно-литературное сближение», напечатанную в сборнике «Славянский вопрос в его современном значении» (публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*). Знакомство Лешковой с этой работой подтверждается наличием типографских гранок этой статьи Лаврина в фонде О. Лешковой в Отделе рукописей ГРМ (Ф. 135. Ед. хр. 18).

уже «масон-сан-фасон»¹. Но и в этом положении Янко не нашло полного удовлетворения; мало по малу оно начало ощущать потребность широкой общественной деятельности, и судьба неожиданно пришла ему на помощь. Заехав случайно в Албанию, Янко обратило на себя внимание местного населения в качестве кандидата на престол, почему оно было немедленно схвачено и посажено на престол. Всем следящим за политикой, разумеется, известно, что с лёгкой ноги принца Вида залучить и удержать на Албанском престоле хоть какого-нибудь короля – было задачей нелегкой²,

¹ То, что, по словам Лешковой, Лаврин потерял интерес и отошёл от обсуждения таких серьёзных проблем, как соотношение культуры и цивилизации (в его работах эта тематика была неразрывно связана с выявлением роли славянства в перспективах культурного развития Европы), возможно, свидетельствует о том, что в условиях начавшейся мировой войны, в которой «братские» славянские страны вновь (как уже было во 2-й Балканской войне) выступили друг против друга на стороне противоборствующих блоков, Лаврин окончательно излечился от «мягкой», культурологической версии славизма. В этом смысле интересно свидетельство акад. Я. Плетерского о том, что уже в июле 1917 г. Лаврин, ещё будучи корреспондентом на Балканском фронте, начал отдаляться от вопросов югославянской политики. См.: *Pleterski J. Op. cit. S. 188.*

Являлся ли Лаврин масоном – об этом достоверных данных получить не удалось. Ни в обширном и наиболее полном справочнике А. И. Серкова «Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь» (М., 2001), ни в дополнительных материалах, любезно предоставленных нам его автором, Лаврин среди российских масонов не значится. Попытки получить какую-либо информацию об участии Лаврина в деятельности масонских лож в Англии не увенчались успехом. Вопрос о членстве Лаврина в масонских ложах других европейских стран нами не изучался.

Однако, учитывая популярность (если не модность) масонства (так же как и распространение оккультизма и мистицизма) в России того времени среди интеллектуалов, а также круг знакомств, делового и светского общения Я. Лаврина, куда входили многие видные масоны (М. М. Ковалевский, М. П. Чубинский, Т. Масарик, Б. П. Пелехин и др), приведённые О. Лешковой сведения выглядят весьма вероятными.

² Здесь Лешкова откликается на реальные политические события в Албании.

Вильгельм фон Вид (1876–1945) – албанский князь (принц), правивший под именем Вильгельм I; капитан прусской службы, племянник румынской королевы Елизаветы, двоюродный брат короля Швеции, сын принцессы Марии Нидерландской и близкий родственник немецкого императора Вильгельма II; происходил из древнего рода, впервые упомянутого в летописях в 1093 г. На престол Албанского княжества он был посажен в основном усилиями Австро-Венгрии и Италии, преследовавших собственные интересы. Решение было принято 3 декабря 1913 г. всеми великими державами-участниками Лондонской конференции послов великих держав, проходившей под

почему в этой стране вошло в обычай, для большей усидчивости королей, покрывать трон перед посадкой на него короля густым слоем синдетикона. Хотя это средство неоднократно оказывалось недействительным, тем не менее оно было в то время уже обычаем страны. После коронации, назначенной через 2 часа после поминки нового короля, Янко было накрепко приклеено к трону. Необыкновенно пёстрая и богатая приключениями жизнь Янки не могла не выработать в нём быстрой находчивости, практичности и способности не теряться ни при каких обстоятельствах. Так было и на этот раз. Тотчас оправившись от смущения, Янко быстро применилось к своему новому положению и постаралось извлечь из него пользу прежде всего для пополнения своих коллекций: началась сплошная «лавринизация» страны, к которой были привлечены все жители, умеющие писать. На всех домах, деревьях, людях и животных Его Албанское Величество приказало начертать: «собственность Янки Лаврина». В экстазе коллекционерства Его Алб. В-во приказало сделать такую же надпись и на самой особе Его В-ва. Момент выполнения этого приказа изображен на одном из рисунков настоящего выпуска «Безкр. Уб.» – нашим знаменитым сотрудником г. Ютнад' Ел'ем¹, вызванным специально для увековечения этого момента Королём Янкой I в Дураццо. По объяснению Его Алб. В-ва, приказание это было сделано под опасением, чтобы кому-нибудь не пришла мысль присвоить особу Его В-ва; причиной этого опасения была понятная и присущая

председательством английского министра иностранных дел Э. Грея с декабря 1912 г. по июль 1913 г. Здесь обсуждался государственный статус, политические, международно-правовые, территориальные вопросы, возникшие после провозглашения 28 ноября 1912 г. в Влере (Валоне) независимого албанского государства. Князь Вильгельм прибыл в Дуррес (Дураццо) 7 марта 1914 г., но уже 3 сентября того же года покинул страну. Правление Вида не принесло стране политической стабильности. В Албании продолжалась анархия, происходили волнения и беспорядки, зачастую инспирированные великими державами. Виду не удалось распространить свою власть на всю страну, и поэтому в зарубежной печати его иронически именовали «мэром Дураццо». Больше всего беспокоило, чем реальные проблемы страны, у него вызывало закрепление своих прерогатив и, как считали в дипломатических кругах, превращение княжеского титула в королевский. В России имя принца и название главного города порождали забавно звучащие словосочетания, как, например, «дуррацкый вид», «дуррацкое население» и т. д.

¹ Анаграмма имени М. В. Ле-Дантю, используемая и в других выпусках «Безкровного Убийства», например, в выпуске «Островов Фиджи». См. рис., обозначенный римской цифрой II (рис. 8).

большинству коронованных особ мания величия, но приказ этот, как мы увидим дальше, сыграл в судьбе Его В-ва чрезвычайно важную роль. Наряду с коллекционерством, Его Алб. В-во приблизило к себе людей искусства и занялось широким меценатством: оно учредило для награждения художников, поэтов и композиторов «Орден Голубого Кукиша», и, приказав отпечатать его, для экономии на картоне, стало щедро поощрять и награждать им людей искусства, прославлявших его царствование. Всё это произвело сильное впечатление на албанский народ. Король и народ сразу поняли и оценили друг друга. Искренность этой связи по духу короля с народом оказалась и в необыкновенно долгом царствовании Янки I-го, длившемся почти 2 недели и окончившемся мирно, без революции и без всякой ссоры с населением. Обстоятельства, вследствие которых Его Алб. В-во вынуждено было покинуть свой народ, были следующие: съев в продолжение первых трех дней царствования весь наличный шоколад и прочие сладости страны¹, Его В-во распорядилось о доставке этих продуктов из соседних стран, которые к концу недели стали роптать на непомерный вывоз сладостей из их пределов, стали грозить Албании весьма нежелательным конфетным конфликтом и к концу 2-й недели совершенно прекратили этот вывоз. Немногочисленные в Албании рояли и пианино были расколочены Его В-вом уже к концу первой недели в щепки. Ко всему этому присоединился небольшой, так сказать внутренний инцидент. Когда Его Алб. Вел-во, не довольствуясь наличностью своих коллекций, приказало написать «собственность Янки Лаврина» на всех албанских блохах, – жители страны увидели в этом распоряжении покушение на их конституцию; переведа без протеста в королевские коллекции самих себя, дома, имущество и скот, пользование блохами пожелали оставить безраздельно за собой. Было создано народное собрание, которое постановило высказать Королю протест против этого приказа. Для того же, чтобы не портить отношения с таким

¹ Лаврин очень любил сладкое и иллюстраторы «Безкровного Убийства» постоянно изображали его поедающим конфеты или шоколад. В «Албанском» выпуске на рисунках, обозначенных в архивных материалах под номерами 6 и 7а (соответственно рис. 9 и 11), он изображён с плитками шоколада швейцарской фирмы «Кайе». Швейцарец Франсуа Луи Кайе в 1819 г. первым стал на своей фабрике производить твердый шоколад в виде плиток (до этого его употребляли лишь в виде напитка). Фирма «Кайе» существовала до 1929 г., когда объединилась с компанией «Нестле».

удачным Королём, это же собрание постановило поделиться с королём от избытка, т. е. отобрать 10 миллиардов крупнейших албанских блох и поднести их Королю для его коллекции. Пышная депутация от Дураццкого населения поставила во дворец этот дар народа и выпустила его эффектным фонтаном прямо на Короля¹. Это событие, между прочим, и послужило причиной возникновения у Его Вел-ва странной привычки душиться антиблохином и антиклопином². Поднесение коллекции блох совпало с конфетным кризисом в конце 2-й недели царствования. Просидев без шоколада и конфет почти полдня, съедаемый блохами (при громадной численности и отборных качествах коллекции всякие меры были бессильны), Король Янко начал ощущать тяжесть Албанской короны. Прошло ещё несколько мучительных часов, и Его Вел-во решило бесповоротно последовать примеру своих предшественников и совершить побег, но... оно было крепко приклеено к трону. Наведя справки у придворных, Его В-во узнало, что предшественники Его Вел-ва бежали с трона так сказать «в албанском декольте», т. е. оставляя на троне приклеенными части своего туалета, но этот обычай не понравился практическому Королю Янке, которое не любило жертвовать чему бы то ни было своим имуществом. Изловчившись как-то, ему одному известным способом, Его Вел-во сделало огромное усилие и вырвало приклеившуюся к особе Его Вел-ва среднюю часть Албанского трона, который и принял после этого случая тот странный вид, каким он изображен на установленном благодарным населением, в память царствования Короля Янки I «ордене освободившегося трона». Многих смущает фасон и форма изображенного на ордене трона, но не следует забывать, что вакансия Албанского Короля учреждена стараниями Берлинского Двора, который и в сооружении самого

¹ См. рис. под архивным номером 6 (рис. 9), на котором Янко изображен в качестве короля на троне, окруженного своими «коллекциями» и поедающего шоколад. Слева внизу изображен его албанский подданный с одной из «крупнейших албанских блох».

² Иронизируя над этой якобы «странной» привычкой Янко в этом выпуске «Безкровного Убийства», О. Лешкова в то же время в письмах на фронт настойчиво рекомендует своему жениху М. Ле-Дантю употреблять, как это делал Я. Лаврин, специальные препараты, а именно «душиться (вроде Янки) нафталином и камфарой – сколь оно не неприятно, но ... лучше, чем то, что бывает без этих мер предосторожности» (письмо № 4 от 03.11.1916. – РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 16. С. 9).

трона принимал весьма деятельное участие¹, что и отразилось на художественной стороне трона.

Обычный путь бегства Албанских королей лежал через Черногорию, куда предшественниками Янки I-го была протоптана тропинка, найденная Королём Янко I без труда. Добрая, гостеприимная и отзывчивая Черногория давно уже была вынуждена, в интересах нравов и вкусов страны, организовать на границе пункт подачи первой помощи сбежавшим с трона Албанским Королям, посредством снабжения их целыми брюками. Эта вынужденная благотворительность ложилась большим расходом на маленькую небогатую страну, но делать было нечего. Легко себе представить, какое изумление вызвало у администрации пункта, после 2-хнедельного затишья, появление очередного Албанского Короля в совершенно целых брюках, с куском Албанского трона, служившим неопровержимым доказательством подлинности его царствования и виртуозности побега. По исчислению администрации пункта 2-хнедельное царствование этого Короля сделало Черногории экономию в размере стоимости по крайней мере 100 пар брюк, почему было постановлено выдать Королю Янке I полный костюм, старый же, албанский, с куском трона и несколькими тысячами блох, к которым Король охладел, но которые из верноподданных чувств не пожелали с ним расстаться, — он пожертвовал историческому Музею Черногории, за что Черногорское Правительство пожаловало ему орден, подлинность которого подтверждена Петроградским Частным Ломбардом, выдавшим под него Его Ех-Вел-ву 10 руб. Слава о царствовании, подвигах и героическом уходе Короля Янки I быстро облетела весь свет и дошла до г. Шклова, который, движимый примером доброй Черногории, а может быть и чем-нибудь большим, прислал Его Алб. Ех-Вел-ву, взамен утраченной короны, — котелок работы лучшего из своих мастеров².

В это время война, охватившая всю Европу, стала призывать к оружию граждан. Королю Янке угрожал призыв во всех воюющих государствах³, т. к. во всех них он оказался подданным

¹ Имеются в виду усилия Германии по обеспечению своего влияния в регионе.

² В этом котелке, (заменившем его привычную шляпу, в которой он изображен на рисунке к повестке-приглашению; рис. 4), Янко изображен на рисунке под архивным номером 7в, изображающем отчет хироманта, и в пояснении к нему под пунктом 9, а также на обложке выпуска «О возврате на лоно» (рис. 12 и 13).

³ Вероятно, приятелям Лаврина было известно, что с отъездом в 1907 г. из Австро-Венгрии он уклонился от службы в австрийской армии и вследствие

и гражданином, но тут-то и сыграла роль имевшаяся на особе Его Вел-ва надпись: «собственность Янки Лаврина», обнаруженная на первом призыве во время медицинского осмотра и поставившая в тупик призвавшее Янку правительство: с одной стороны выходило, что Янко I выдавало себя за своего владельца, будучи только собственностью его, с другой – приобретение его для армии совершенно и очевидно не уравнивало перспективы могущего возникнуть процесса по отчуждению чьей-то собственности. Призвавшая его первая страна предпочла освободить его от призыва при условии немедленной высылки из пределов её. Так же поступили и следующие за этой страны, куда попадало Янко, причём, конечно, каждая страна старалась выслать его в неприятельскую страну. После 14-ти высылков Его Ех-Вел-во попало наконец в самую снисходительную страну – Россию. В феврале месяце этого года, на улицах Петрограда, обратила на себя внимание местной благотворительности странная фигура: в рыжем пальто, из-под которого выглядывал полосатый смокинг, в цветном жилете, с огромным ниспадающим до колен синем галстуке, в котелке Шкловского фасона, с Черногорским орденом, следами 14-ти высылков и блохами, выдаваемыми усиленно за Албанскую лихорадку. Фигурой этой оказалось Его Албанское Ех-Величество Янко I. После обычного призыва и обнаружения упомянутой надписи, истолкованной местными учёными как неопровержимое доказательство принадлежности к Албанскому народу, русские власти собирались было выслать Его В-во в Албанию, но тут за него вступилась местная благотворительность, и Янку I определили в «Приют Литературных Убожеств» (Эртелев переулочек 6*), где оно пребывает и в настоящее время¹. Приезд в Петроград Албанского Ех-Короля вызвал большую сенсацию. В виду огромного интереса к особе и похождениям бывш. Алб. Короля, Его Ех-В-ву пришлось

этого на территории Австро-Венгерской империи мог быть арестован. В этой связи приведём отрывок из письма О. Лешковой к М. Ле-Дантю от 28 ноября 1916 г.: «А ещё недавно приходили к нам представители властей предрезавших, разыскивали Янку, чтобы не то призвать его на военную службу, не то выяснить вопрос “об отношении к воинской повинности”. Почему его искали у нас, когда он жил самым прописанным образом 3 месяца на Невском, – не могу понять» (РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 16, письмо № 8, С. 13).

¹ Дан адрес редакции газеты «Новое время», которая, как и её издатель А. С. Суворин, считалась близкой к правительству и весьма консервативной. Работа в ней Лаврина вызывала постоянную критику со стороны авангардно ориентированных приятелей Лаврина по «Безкровному Убийству».

неоднократно выступать на публичных докладах, переполненных народом, принимать ежедневно массу лиц, желающих побеседовать с Его Алб. Ех-Вел-вом. Московская кинематографическая фирма Ханжонкова и многие другие заграничные предлагают Его Ех-Вел-ву огромные деньги за право воспроизвести на экране эпизоды из жизни и царствования Его Алб. Ех-Вел-ва, но оно не соглашается, имея в виду в недалёком будущем увеличить эту ценность целым рядом новых приключений¹, о которых «Безкровное Убийство» торжественно обещает своевременно доложить своим уважаемым читателям.

«Безкровное Убийство»

---

* «Безкровное Убийство» считает нужным сообщить, что со времени поступления в упомянутый приют, Его Албанское Ех-Величество весьма существенно изменило свою внешность, заменив обычное рыжее пальто – «гороховым», присвоенным этому приюту в качестве установленной формы, что чрезвычайно важно для распознавания Его Алб. Ех-Вел-ва²

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

РИС. 10

В виду огромного интереса, возбуждённого особой Его Алб. Величества Янки I, многие европейские учёные занялись исследованием жизни и судьбы его. Некоторым из них удалось установить, что в Апокалипсисе имеется вполне ясное пророчество об этом царствовании. Другие учёные составили гороскоп Янки I, подтвердивший во всех подробностях это апокалипсическое

---

¹ Вероятный намек на готовящиеся к печати 2 новые книги Лаврина «Бродячая жизнь. Арабески» и «По Испании. Путевые очерки». Реклама этих книг была помещена в конце книги «В стране вечной войны. Албанские эскизы».

² См. рисунок (рис. 12) и его расшифровку в конце текста.

пророчество. Публике, ознакомившейся с прошлым Его Алб. Вел-ва, разумеется, будет интересно узнать кое-что и из его будущего, а поэтому «Безкровное Убийство» помещает изображение этого апокалипсического пророчества¹. Как видно, Янке I предстоит быть проглоченным каким-то чудовищем и через это оно, т. е. Янко, а не чудовище, приобретёт большое благополучие в виде окна с кисейными занавесками и геранями, граммофона и вязаной скатерти. Имевшаяся на подлиннике надпись была переведена на русский язык и оказалось, что она означает «новое время», т. е. очевидный намек на начало 20-го столетия, когда это должно произойти; на это же указывает и вполне комфортабельное внутреннее устройство чудовища («янюшня» будущего), подробно изображенное на древнем лубке, который мы и воспроизводим. «Безкровное Убийство» со своей стороны от души желает Его Алб. Вел-ву полного осуществления этого пророчества, что составит весьма желательный контраст с хотя и блестящей, но несколько беспокойной эпохой его Албанского царствования.

РИС. 11

Вскоре по восшествии на Албанский престол Его Вел-во пожелало выслушать знаменитого хироманта, который и был немедленно вызван ко двору и дал подробный разбор того, что ему удалось прочесть на руках Его Вел-ва². Как мы видим, хиромант оказался на высоте своего призвания, но его точный и меткий анализ не понравился Королю и не был оглашен во время царствования Янки I, а был сдан в архив. Хироманта же Король велел посадить на кол, но увидев на хироманте и коле надписи «собственность Янки Лаврина» Его Вел-во, предвидя возможность взаимной порчи этих двух собственности и через это свой личный убыток, уступило своей обычной практичности и отправило кол

¹ Вновь изображено свиноподобное чудовище – аллегория на проправительственную газету «Новое время», служба в которой, как считали приятели Лаврина, затягивала его в омут устаревшего, мещанского благополучия со всеми его традиционными атрибутами, что и изображено на рисунке (рис. 10).

Участники «Безкровного Убийства» всячески старались отвратить Лаврина от этого сотрудничества, однако «Новое время» было одной из самых популярных и распространяемых газет России, и вероятно, именно поэтому Лаврин выбрал данное издание в качестве места работы.

² См. рисунок (рис. 12) и его расшифровку в конце текста.

на собственный лесной двор, а хироманта, лишив его свободной практики, стало от себя отдавать на прокат заезжим туристам. Среди документов, проданных Эссад-Пашой¹ одному американскому миллионеру, оказался и отчёт хироманта Короля Янки I. Благодаря любезности упомянутого миллионера, разрешившего нам снять копию с этого документа, мы можем поделиться им с нашими уважаемыми читателями. Вот он:

РИС. 12

1) Чрезмерное развитие «аттракционного» бутра указывает на большую вероятность короны и трона. 2) Многочисленные вертикальные линии указывают на склонность к спекуляциям, коллекционерству и лёгкой наживе. 3) Большая вероятность тюрьмы и возможность быть посаженным на кол. 3-а) Жестокое обращение с музыкальными инструментами. 4) Знак Меркурия означает непостоянство, легкомыслие, плутовство, предательство, склонность к провокации, «гороховому пальто» и к «гороховой политике». Непомерная склонность к болтовне. 5) Успех в завязывании мимолетных романов. 6) Признак рождения под созвездием «Большой Свиньи». 7) Неряшество и пожизненная неизбывность насекомых. 8) Мания величия и полное самодовольство. 9) Холм Луны указывает на обилие и разнообразие ночных походов. 10) Многочисленные столкновения с полицией и 10-а) Неизбежность частых побегов. 11) Частые осложнения с квартирными хозяйками и 11-а) роковая роль шоколада в жизни. 12) Холм паровоза означает массу путешествий, богатых приключениями. 13) Линия верблюда свидетельствует о ловкости и грации в обращении с женщинами. 14) Склонность к меценатству с малыми расходами и большими доходами.

---

¹ Лаврину действительно удалось взять интервью у Эссад-Паши, о чём он подробно написал в книге «В стране вечной войны. Албанские эскизы» в главе «Моя встреча с Эссад-пашей».

Янко Лаврин рассказывает...*

Как-то раз я ехал вдоль персидской границы. И вот среди ночи оказался среди карачаевцев, измученный и голодный. Попал в маленькое селение в окружении живописной природы. Никто не говорил по-русски. Жестами пытался объяснить карачаевскому старосте, что мне нужен ночлег. Он был очень гостеприимным, сразу же пригласил в свой дом. Там мы ели конину, я сидел на почётном месте. Лучшего ужина не ел никогда... Потом меня любезно отвели на ночлег в другое такое же селение в горах. Мне навстречу из дома вышел молодой человек 20–22 лет, красавец, одетый по-европейски, говорящий по-русски с кавказским акцентом. «У моих родителей больше всего скотины во всём селе, – начал он. – Они сейчас далеко со стадом. Я здесь один, будьте, пожалуйста, моим гостем». Потом добавил: «Скоро я сдаю экзамены на аттестат зрелости. Люблю литературу, люблю историю, я так рад встрече с Вами». Мы стали разговаривать о Пушкине, Лермонтове, Гёте и Байроне, в этом диком карачаевском уголке. Я остался на целых четыре дня, он меня раньше не хотел отпускать. Потом мне надо было срочно вернуться в Петербург. На прощание он сказал: «Сейчас, расставаясь с Вами, хочу Вам напомнить об одной нашей старой традиции: если кто-нибудь уезжает и при этом покидает своего друга, тот должен спросить, хватит ли денег на поездку. Извините, как Ваше материальное положение?» Я ответил: «У моего народа другая традиция, одна из самых для нас важных: мы никогда не эксплуатируем своих друзей. У меня, кстати, достаточно денег». Он настаивал: «В любом случае хочу Вам дать хороший подарок. Видите ткань там на стене? Это ручное изделие. Возьмите её, пожалуйста!» Так я получил драгоценный ковёр на память в знак нашей дружбы.

* * *

С Николаем Белоцветовым, который путешествовал со мной по Кавказу (и отвёл как-то в «Бродячую собаку»), я вёл постоянные разговоры, одни из самых интересных и плодотворных в моей жизни. Его «Дикий мёд» в моей библиотеке сохранился с посвящением. Его «Религия творческой воли» – это конкретный результат наших с ним диалогов. В отличие от меня он был

---

* Предоставлено М. Юнгтеном, беседовавшим с Я. Лавриным незадолго до его кончины в 1986 г.

приверженцем Рудольфа Штейнера. Весной 1913-го года, уже будучи антропософом, он привёл меня к Штейнеру. Я поехал вместе с ним и другими русскими антропософами на поезде в Хельсинки, чтобы услышать и «прочувствовать» Штейнера. Был лично ему представлен. Но он меня разочаровал: оказался плохим оратором. Я никак не мог понять его магию, его обаяние. Андрей Белый был, конечно, в восторге. Николай Бердяев тоже присутствовал. Мы с Бердяевым виделись пару раз в жизни; в моих глазах он слишком переигрывал с ролью пророка. На самом деле мне больше нравились его книги, нежели его личность. А Штейнер – тот был просто скучным.

* * *

Никола, король Черногории, был очень любезен со мной, дал мне как корреспонденту возможность объездить всю страну. К тому же наградил меня одним из самых престижных черногорских орденов – несмотря на то, что я не был его поклонником. Он был, конечно, «коррумпированным». Были в ходу анекдоты, показывающие, что он не был «персоной грата» даже в собственной стране. В столице Цетинье я слышал один из них. Приехал в страну американский мультимиллионер. Король узнал о его приезде, пригласил на ужин в королевский дворец на центральной площади. Всё было хорошо. Вдруг американец увидел людей, собравшихся на площади, и бросил им горсть долларов. Они начали драться. Это ему понравилось и он стал бросать ещё и ещё. Обратился к королю: «Ваше Величество, народ у Вас жадный». Только за столом в этот момент уже не было больше короля: тот дрался на площади вместе с собственным народом.

* * *

Сначала моим шефом в Ноттингемском университете был профессор-лингвист Эрнест Уикли. Это от него и от трех их общих детей в своё время сбежала вместе с Д. Г. Лоуренсом молодая жена Фрида, урождённая Рихтхофен. Я вполне её понимал. Ей, наверное, эта жизнь со старым профессором безмерно надоела. Сам же Лоуренс оставил свою невесту Джесси Чемберс, которая сыграла в своё время важную роль в формировании его как писателя. Это Джесси была прототипом Мириам в романе «Сыновья и любовники». Она начала у меня учиться, со временем стала

близким человеком в семье, подругой моей жены. Тяжело переживала разрыв с Лоуренсом. Когда мы близко познакомились, она страдала от тяжелой болезни. Я её побудил к написанию её истории с Лоуренсом. Сначала она написала – одним пальцем! – два рассказа для журнала «Юропиен Куатерли», издаваемого эссеистом Эдвином Мьюиром и мной. Сразу же после публикации одно издательство через меня попросило её расширить текст и написать целую книгу на ту же тему. Я её не без труда уговорил. В 1935-м году вышла книга под названием «Д. Г. Лоуренс – личный рекорд», под псевдонимом Юнис Темпл. Получилось так интересно, так интимно, что ведущий английский критик сэра Майкл Садлейр назвал книгу «драгоценным камнем английской литературы». Она потом несколько раз переиздавалась.

* * *

Искусство Льва Толстого меня покорило, но с проповедником Толстым у меня были серьёзные проблемы. Одна из загадок его состояла в том, что он интеллектуально осуждал имморализм, а чувственно был столько не имморальным, сколько аморальным, стоящим вне этики. Мне кажется, что он был «сверхсексуальным», а жена при этом была «недосексуальна», несмотря на рождение 13 детей. Он вопреки разуму хотел порвать с современной технической цивилизацией, стремился в конечном итоге убежать от всех противоречий. Существовала в 20-е годы в Англии сильная, чуть ли не фанатическая группа толстовцев, под руководством Эйльмера Мода. Я полемизировал с ними, хотя и состоял в Модом в дружеских отношениях. Благодаря моей книге, направленной против толстовства, эта «секта» постепенно теряла силу. Я горжусь тем, что их победил.

* * *

Я по-своему религиозен. Во много скептик. Вторая мировая война меня сделала ещё более, почти невыносимо скептически относящимся к миру. Сегодняшний мир меня вообще не устраивает, в нём я чужой. Возможна ли загробная жизнь? Не исключено, что наше сознание может пережить физическую смерть, но, как известно, не существует ни одного реального доказательства этому. Расскажу вам историю из моей жизни. В 30-е годы я часто бывал на Капри. Там познакомился не только с Нобелевским лауреатом

Пиранделло, но и с известным шведским врачом и писателем Акселем Мунте. Недалеко от Каза Сан Мишель, дома Мунте, жил другой швед, фон Ферзен, потомок небезызвестного Акселя фон Ферзена, любовника Марии-Антуанетты. Его жизнь кончилась трагически, он был убит из-за денег. Он был коллекционером, а ещё очень увлекался искусством и садоводством. Наш общий друг, чешско-австрийский художник Ганс Пауль, из круга «Симплиссимус», живший поблизости, пришёл к его дому после убийства, в сильнейшем шоке. И вдруг обнаружил, что все цветы в его саду склонились к земле, будто от горя, как будто зная, что там произошло. Мистика! Существуют явления в мире, которые мы не можем объяснить. Возможны связи между всеми живыми существами вне нашего понимания.

* * *

Молодой лондонский издатель заказал мне книгу об Августе Стриндберге. Я всегда интересовался Стриндбергом, хотя Ибсен, разумеется, был мне ближе. Издатель всё подготовил, но неожиданно умер. С ним умерло и издательство, а я был во Франции на каникулах. Когда вернулся, никак не мог найти свою рукопись, она пропала. Никогда не возвращался к этой теме, хотя написал небольшую статью под названием «Стриндберг и Хейманс», изданную и по-английски, и по-словенски. В Стриндберге меня интересовало особенно его мистическое начало, то, что его связало с поздним Хеймансом, то, что он унаследовал от Сведенберга.

* * *

Томаш Масарик был другом, которого я высоко ценил. Во время его президентства мы с женой получили от него бесплатный двухмесячный билет первого класса на всё в чехословацкие поезда. Так мы объездили всю страну, включая старую русскую, карпатскую часть. Нас с Масариком объединили общие интересы: панславизм (в начале нашего знакомства), русская литература, русское мышление. Потом я ещё близко познакомился с его сыном, Яном Масариком, приехавшим в Лондон в качестве посла, вскоре, в 1948-ом году, убитым большевиками. Он был, скажем прямо, грубым, вульгарным, совсем не на уровне отца. Прежде всего интересовался музыкой и женщинами. В Лондоне на роскошной вечеринке в саду был чуть ли не почётным гостем.

Хозяйка обратилась к нему перед трапезой: «Ваше превосходительство, может быть, Вы хотите помыть руки?» Тот немедленно ответил: «Спасибо, госпожа Сеймур, я уже руки мыл за деревом».

* * *

Не понравились мне радикалы из «Блумсбери групп». Моя жена Нора была сестрой члена группы, художника и критика Роджера Фрая, о котором Вирджиния Вулф после его смерти написала книгу. С Вирджинией и её мужем Леонардом я несколько раз виделся. Они были умственно заторможенные люди. Вирджиния, конечно, очень интересовалась русской литературой, особенно Толстым. Было о чём разговаривать, но настоящего контакта не получилось.

* * *

Магнус Юнггрен решил спросить Лаврина, верит ли тот в потусторонний мир? Он решил ответить историей своей встречи с Миланом Цигановичем, сербским патриотом, вложившим в Гавриле Принципу пистолет в руку в Сараеве:

Я был репортёром в сербской армии, спал в палатке. Вдруг ко мне вошёл странный человек средних лет, в изношенном военном мундире, сопровождаемый офицером — это был Циганович. Я знал, что Австрия в своём ультиматуме перед войной требовала его выдачи. Он рассказал мне страннейшую историю: «Вот что со мной случилось. Я этого не могу объяснить. Может, Вы мне можете? Я возглавлял партизанскую группу. Шли тяжёлые бои с турками. Они в Косове нас окружили. Нас осталось только двадцать два. Мы сражались как сумасшедшие. Наступила ночь. Я сразу же уснул и спал, как мёртвый. Мне снилось, что все мы участвуем в обедне в сербской православной церкви. Только восемь из двадцати двух остались для причастия. Когда проснулся утром, бой ещё продолжался. Мы дрались как львы — верьте мне или нет, но из двадцати двух остались в живых только те восемь человек, которые причастились в моём сне. Именно они. Объясните мне, пожалуйста, что это такое?» Я сказал ему: «Никто не может объяснить, это необъяснимо!» Вот сейчас, будучи 99-летним, спрашиваю себя: что же это было на самом деле? В моей жизни произошло немало таких историй.

Литературная обработка И. А. Герчиковой

Хронология жизни Янко Лаврина в России: 1907–1917¹

1907

Лето. Сразу же по окончании гимназии Янко Лаврин переписывает на родственников оставшееся от родителей наследство. Он вспоминал: «...уже в возрасте 6 лет я остался полной сиротой. Довольно солидное крестьянское хозяйство, которое осталось мне в наследство в Белой Крайне, было сдано в наём, но весь доход, естественно, шёл в карман и желудок моего дяди-опекуна... Это значит, что в гимназистские годы я достаточно настрадался и был вынужден много работать, обучая менее успешных одноклассников»².

На следующий день после оформления и подписания необходимых для передачи собственности документов у нотариуса в Новом Месте и получения денежного эквивалента, Лаврин уезжает из родного села Крупа и вообще из Австрии, позже обосновав это так: «...политика, которая была мне противна, и я принял решение продолжить образование за границей»³. Лаврин хотел избежать какой-либо службы в Австрии, тем более военной, однако по существовавшему тогда законодательству (о воинской повинности от

---

¹ Воссоздание хронологии жизни Янко Лаврина в его российский период не является простой задачей, хотя в своих письмах в Словению, Россию и в интервью он неоднократно (правда весьма кратко) описывал этапы своей жизни. Кроме прочего, эти письма и интервью относятся к позднему периоду его жизни, некоторые датированы годом-двумя до его смерти 99-летним старцем. Несмотря на то, что событийная память, за редкими исключениями, практически не подводила Лаврина, тем не менее, в этих воспоминаниях присутствует вполне естественная путаница в датах, смещение событий во времени. Его автобиографические очерки «От восьми до восьмидесяти» (*Lavrin J. Med osem in osemdeset ...*) являются скорее беллетризованными эпизодами, основанными на действительных событиях его жизни, но никоим образом не документальными свидетельствами.

Мы постарались на основе доступных архивных материалов, воспоминаний современников, писем Лаврина, всех опубликованных интервью и других материалов, имеющих отношение к его биографии, воссоздать наиболее достоверную на сегодняшний день хронологию российского периода его жизни.

Все даты даются в соответствии со старым стилем.

² Письмо Р. Ленчеку от 27 января 1985 г.: *Lavrin J. Pisma v domovino*. S. 269.

³ *Ibid.*

1868 г.) он, уже 20-летний, по окончании гимназии мог быть призван на военную службу¹. В книге «Славянский мир» британский исследователь М. В. Джоунс утверждает, что Лаврин «покинул Австро-Венгрию для того, чтобы избежать военного призыва или гражданской службы, до достижения 18 лет»², т. е. в 1905 г. Однако согласно словенским источникам с 1905 по 1907 гг. Лаврин учился в гимназии в Сушаке близ Риеки³.

Впоследствии Лаврин объяснял своё решение следующим образом: «поскольку в России у меня было несколько знакомых и даже приятелей из числа молодёжи, я отправился в Петроград»⁴. Он также упоминал, что «хотел избавиться от мелочности словенских отношений, особенно зависти. Он был уверен, что в России найдет все возможности для осуществления своих идей. Идеи эти заключались, прежде всего, в деятельности, направленной на повышение роли литератур других славянских народов в России, особенно словенской и южнославянских»⁵.

Вторая половина года – это наименее освещённый период в жизни Лаврина: где он жил и чем занимался, кто его русские (или живущие в России словенцы?) молодые приятели, – не известно.

По данным Джоунса, покинув Австро-Венгрию, Лаврин путешествует по Европе, изучая языки и следуя литературным и художественным направлениям. Например, интересуясь творчеством Ибсена, Лаврин посещает Норвегию, некоторое время проводит в Париже, затем в Праге, где посещает курсы лекций в Пражском университете⁶. Возникает вопрос, как скрывающийся от воинской повинности Лаврин мог слушать лекции в Праге, входящей в состав Австро-Венгрии? Вместе с тем это вполне могло иметь место, ведь согласно австрийскому законодательству для Лаврина сроки добровольной явки для прохождения военной службы заканчивались 31 декабря 1909 г.

¹ «Срок явки к призыву начинается с 1 января того года, в котором подлежащий отбыванию воинской достигает 20 летнего возраста, и кончается 31 декабря того года, когда ему минет 22 года». – Энциклопедический словарь [Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон]. Т. 1. СПб., 1890. С. 105.

² Jones M. V. Славянский Мир ... Р. 23. (См. его же статью в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

³ См.: Slovenski biografski leksikon. Ljubljana, 1932. S. 624; Žitnik J. Janko Lavrin ... Р. 4.

⁴ В то время ещё Санкт-Петербург. См. письмо Р. Ленчеку от 27 января 1985 г.

⁵ Pleterski J. Op. cit. S. 185.

⁶ Подробнее об этом см. статью М. В. Джоунса в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

Примечателен тот факт, что в 1907 г. в Пензе была напечатана пьеса в 4-х действиях «Осенние листья» некоего Лаврина (Пенза: Типолитография Е. М. Грушецкой, 1907. 53 с.), однако имя автора не было указано, найти же какие-либо доказательства, что это сочинение принадлежит именно Янко Лаврину, нам не удалось. В последующие годы Я. Лаврин не публиковал драматических произведений в российских изданиях. Однако в письме к М. Ле-Дантю от 15 мая 1912 г.¹ он упоминает, что зарабатывает на жизнь писанием пьес под чужим именем по заказу для желающих представить себя литераторами, следовательно, творчество такого рода не было ему чуждо. Существует вероятность того, что, приехав в Россию летом или осенью 1907 г., Лаврин мог начать свою деятельность в провинции.

1908

В большинстве исследований именно 1908 г. определяется как год приезда Лаврина в Россию.

Известно, что в начальный период своего пребывания в России Лаврин занимался репетиторством в семьях как учитель иностранных языков (немецкого и французского) и как воспитатель (гувернер)².

Хотя во многих работах о Лаврине указано, что он прибыл в Россию для получения высшего образования, упоминается даже, что в Петербурге он «окончил курс славяноведения»³, вопрос о том, где в действительности Лаврин учился и получил ли он формально высшее образование, остается открытым.

Касательно возможной учебы Лаврина в Петербургском университете выяснено следующее. В Архиве Санкт-Петербургского университета, находящемся ныне в Центральном Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, нам не удалось найти ни личного дела Янко Лаврина, ни упоминаний о нём в период с 1908 по 1916 гг. как в «Общих списках студентов, сторонних слушателей и вольнослушательниц СПб университета», так и в документах испытательных комиссий всех факультетов университета⁴. Вполне возможно, что он мог посещать различные лекционные курсы, но официальных прошений о зачислении в число

¹ См. публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

² См.: *Lavrin J. Med osem in osemdeset ... S. 79; Pleterski J. Op. cit. S. 185.*

³ *Žitnik J. Janko Lavrin ... P. 4.*

⁴ ЦГИА (Центральный гос. ист. арх.) СПб. Ф. 14.

студентов или сторонних слушателей Лаврин не подавал, как и не сдавал экзаменов. Вероятность утери его документов сомнительна, так как при утере личного дела, оставались бы упоминания о нём в вышеназванных списках, прошения о допуске к экзаменам, экзаменационные листы или свидетельства испытательных комиссий. Следовательно, предположение, что Лаврин защитил диплом, прослушал курс в Петербургском университете или же был его студентом, не подтверждается архивными документами.

По данным Джоунса, после путешествия по Европе Лаврин в 1908 г. приезжает в Россию и в Петербурге поступает в Археологический институт. Эти данные базируются на словах Лаврина из его заявления в Университетский колледж от 6 сентября 1918 г., где указано, что высшее образование он получал в Петрограде, в Археологическом институте¹.

Археологический институт в Санкт-Петербурге был создан по инициативе сенатора, историка-юриста, профессора Московского университета Н. В. Калачёва (1819–1885) на частные средства, что было официально подтверждено кабинетом министров 23 июля 1877 г., с 1882 г. (по другим данным с 1886 г.) субсидировался правительством и находился в ведении министерства народного просвещения, с 1899 г. стал государственным учреждением, а с 1905 г. ему было присвоено звание «Императорский» (в 1922 г. был преобразован в археологическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета). Целью этого института была подготовка специалистов по русской истории для работы в архивах. В Археологическом институте преподавались следующие дисциплины: архивоведение, палеография (общая и русская), нумизматика, метрология, археология общая – древневосточная, юридические древности, церковные древности. В Археологический институт по данным 1890 г. принимались «только лица, окончившие курс наук в высших учебных заведениях; не имеющие таких дипломов допускаются в качестве вольнослушателей или посторонних слушателей». Курс обучения был бесплатный, длился два года. По окончании были предусмотрены экзамены, при успешной сдаче которых постоянные слушатели получали аттестат и становились действительными членами Археологического института, «а посторонние слушатели, по выдержании испытания, получают свидетельства и делаются членами-корреспондентами»².

¹ См.: Jones M. V. Славянский Мир ... Р. 23, 29.

² Энциклопедический словарь [Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон]. Т 3. 1890. С. 228.

Лаврин, не имевший высшего образования, мог учиться в Археологическом институте только как вольнослушатель. Действительно, в 2009 г. в архивах Археологического института¹ обнаружено прошение Лаврина о зачислении его в институт, датированное 18 сентября 1914 г.²

Тем не менее, документов, подтверждающих получение Лавриным высшего образования в России, не обнаружено. Возможностей получения Лавриным высшего образования в других странах нами не изучалось. Однако Джоунс утверждает, что «хотя, по-видимому, он прослушивал различные курсы лекций в европейских университетах, Лаврин никогда, насколько нам известно, не дошёл их до конца, до получения академической квалификации»³.

Сентябрь. Пражский журнал «Домачи приятель» публикует стихотворение Лаврина «Вздох» («Vzdih»).

Осень. Лаврин, по его признанию, в Петербурге «устанавливает контакты с кругами русской интеллигенции, которые, особенно после австрийской аннексии Боснии и Герцеговины, стали более внимательно относиться к южным славянам»⁴.

«В Петербурге он быстро получил доступ к интеллектуальной и культурной жизни российской столицы. Та скорость и лёгкость, с которой он, несомненно, стал активной частью этой жизни до сих пор вызывает изумление. Он должен был быть представлен»⁵. Однако кем именно Лаврин был представлен и через кого так быстро установил эти контакты, пока неизвестно. Несомненным представляется лишь то, что впоследствии Лаврин имел самые широкие связи в различных кругах петербургского общества: он с лёгкостью и удовольствием вращался среди литераторов и художников (как традиционалистов, так и авангардистов), журналистов, политиков, учёных, аристократов и т. д.

Декабрь. В Петербурге выходит первый номер журнала «Славянский мир» с подзаголовком «Ежемесячный журнал литературы, искусства, критики и идейного общения». Янко Лаврин указан как издатель, в качестве редактора указана М. Шильдер.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 415. Л. 69; Д. 411. Л. 7, 8, 8 об.

² Подробнее об этом см. далее: 18 сентября 1914 г.

³ См.: Jones M. V. Славянский Мир ... Р. 23.

⁴ См.: Pleterski J. Op. cit. S. 185.

⁵ Jones M. V. Славянский Мир ... Р. 23.

В № 1 Лаврин печатает начало своей статьи «Иван Цанкар»¹ под псевдонимом Лев Савин, перевод романа этого словенского писателя «В доме Марии Заступницы» и статью «Русский язык и славяне» под псевдонимом «Л.». Вероятно, ему принадлежит и передовица «От редакции». Обложка к первому номеру выполнена Б. М. Кустодиевым².

1909

Б. М. Кустодиев пишет «Портрет Я. И. Лаврина»³.

Начиная с 1960 г., неоднократно появляются упоминания о том, что в 1909 г. Кустодиевым была сделана «обложка к книге Янко Лаврина “Хаос”. Б., тушь, перо»⁴, однако без указания её местонахождения. Обложку, как и саму книгу, нам пока не удалось найти, также библиографические поиски факта их существования не дали результатов. В. Ф. Круглов – автор вступительной статьи и летописи жизни и творчества Кустодиева в каталоге юбилейной выставки художника⁵, упоминающий об обложке к «Хаосу», – сообщил, что этой работы лично он не видел. В настоящее время нам не известно местонахождение этой работы.

Январь. Выходит второй номер журнала «Славянский мир». Здесь опубликовано продолжение статьи Лаврина «Иван Цанкар» под псевдонимом Лев Савин, продолжение перевода повести Цанкара «В доме Марии Заступницы». Скорее всего, перу Лаврина принадлежит и передовая статья «От редакции»⁶.

Воспоминания Лаврина об этом периоде сохранились в письмах к О. В. Мудровой от 17 октября 1980 г. и 4 января 1981 г.⁷ Стиль жизни и характер Матроны Шильдер замечательно описаны в мемуарах Я. Д. Минченкова «Воспоминания о передвижниках»⁸.

¹ Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

² См. рис. 1. – *Примеч. ред.*

³ Холст, масло, 64 x 59 см. Подпись и дата справа вверху: Б. Кустодиев – 1909. – Хранится в ГРМ (Гос. Русский музей; Ж-11871), куда поступил в 1995 г. по завещанию А. И. Клибанова. (См. на обложке. – *Примеч. ред.*)

⁴ См.: *Эткинд М. Г.* Борис Михайлович Кустодиев. Л.–М., 1960. С. 194.

⁵ Борис Михайлович Кустодиев. К 125-летию со дня рождения // Альманах. Вып. 59. СПб, 2003.

⁶ Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

⁷ Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

⁸ *Минченков Я. Д.* Воспоминания о передвижниках. Л., 1959. С. 95–96, 100–103.

Февраль. «Домачи приятель» публикует стихотворение Лаврина «Похороны» («Pogreb»).

Март. В том же журнале опубликован его «Сонет»¹.

Не ранее 1909, но и не позднее конца 1911 г. Лаврин знакомится с художником Михаилом Васильевичем Ле-Дантю, студентом Петербургской Академии художеств².

1910

Январь. После годичного перерыва в январе 1910 г. журнал «Славянский мир» начинает выходить снова. Ответственным редактором значится М. Хруцкая, И. Лаврин назван издателем. Рисунок для обложки³ журнала выполнил С. Ф. Плошинский, известный по иллюстрациям к произведениям А. С. Пушкина и как автор большого числа почтовых открыток.

Лаврин в своих воспоминаниях⁴ постоянно говорит о себе как соредакторе, хотя в журнале он указан как издатель. В действительности он совмещал эти две функции, и основная редакторская работа лежала на нём, а М. Шильдер и позднее М. Хруцкая были лишь спонсорами издания.

1910 г. был самым плодотворным в истории журнала «Славянский мир». Вышли 9 выпусков: № 1, январь; № 2, февраль; № 3, март; № 4, апрель; № 5–6, май–июнь; № 7–8, июль–август; № 9, сентябрь; № 10–11, октябрь–ноябрь; № 12, декабрь. На обложке в подзаголовке подчёркивалась славянская направленность журнала: «Ежемесячный журнал славянской литературы, искусства и критики», но уже без «идейного общения». Лаврин публикует здесь переводы. В трёх первых номерах выходит его большая проблемная статья «Культурное движение южных славян в XIX веке», напечатанная под псевдонимом Л. С.⁵

В качестве приложения к журналу была выпущена «Библиотека избранных славянских писателей. Книга первая» (обложка Б. Кустодиева⁶), где были опубликованы произведения И. Цанкара

¹ *Lavrin J. Sonet // Domači prijatelj. 1909. Marec. S. 60.*

² Подробнее об этом в нашей статье о группе «Безкровное убийство» в настоящем изд.

³ См. рис. 2. – *Примеч. ред.*

⁴ См. письма к Мудровой.

⁵ Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

⁶ См. рис. 3. – *Примеч. ред.*

«В доме Марии Заступницы» и чеха С. Махара «На Голгофе» – оба в переводе Лаврина (второе – под псевдонимом Лев Савин), а также произведения хорвата Сильвие Краньевича, польки М. Копницкой, серба М. Ускоковича.

Можно утверждать, что журнал «Славянский мир» получил достаточно большую аудиторию в России и славянских странах.

1911

Январь–май. Продолжает выходить «Славянский мир»: № 1, январь; № 2–3, февраль–март; № 4–5, март–апрель. (Подзаголовков не меняется.) В № 1 (с. 12–17) и в № 2–3 (с. 19–26) повторно публикуется статья Лаврина «Иван Цанкар» (из серии «Портреты славянских писателей») под псевдонимом Лев Савин. После выхода № 4–5 из-за недостатка средств журнал прекратил своё существование.

Поздняя весна–лето. Лаврин уезжает в Христианию (Осло), стремясь познакомиться с родиной и изучить язык своего любимого писателя Г. Ибсена, чтобы читать его произведения в оригинале. Он посещает лекции в университете Христиании.

Возрастание интереса к славянскому вопросу в русском обществе приводит Лаврина к новому проекту, связанному с поставленной им ранее целью своей деятельности в России – популяризацией славянских литератур. Лаврин и Сергей Городецкий решают издать альманах славянских писателей.

Осень. Лаврин возвращается из Норвегии и живёт в Петербурге. Об этом свидетельствуют дневниковые записи его нового приятеля молодого поэта Н. Н. Белоцветова (1892–1950), предположительно датируемые 1911 г.: «12 ноября был в первый раз у Янко Ивановича Лаврина. Тут же решил ровно через год поехать с ним в Тибет и в Индию. Я обещал. Он будет ждать меня до осени... Лаврин послан мне как помощь свыше»; «Вчера (26 ноября) началась моя дружба с Янко. Наконец-то я нашел себе спутника»; «Янко говорит, что знает и любит меня. Я его тоже знаю и люблю. Он спутник надёжный. Он наставит меня на первых порах моей самостоятельной жизни»¹.

¹ РГБ (Рос. гос. б-ка). НПО (Науч.-исслед. отд.) рукописей. Ф. 24 (Белоцветов Н. Н.). Ед. хр. 7. С. 25 об., 37, 37 об.

1912

Январь. Лаврин гостит в Гельсингфорсе (Хельсинки) у проф. Микколы и его супруги Маилы Талвио, переводчицы Ивана Цанкара¹.

Февраль. Лаврин из Финляндии переезжает в Норвегию, где живёт в Христиании (Осло), что можно заключить из его письма И. Цанкару от 21 января 1912 г. из Гельсингфорса (Хельсинки). В письме Лаврин просит написать ему в Христианию до востребования о том, какие свои новеллы И. Цанкар желал бы поместить в первую книгу его произведений, планируемых к изданию в России².

Весна. Лаврин возвращается в Петербург. Живёт на даче в окрестностях города, о чём он пишет в письме к Ле-Дантю от 15 мая 1912 г.³.

13 июня. Министерством внутренних дел России утверждается Устав «Общества славянского научного единения», соучредителем которого становится Лаврин наряду с В. М. Бехтеревым, М. М. Ковалевским, П. А. Лавровым, Д. И. Семизом, М. П. Чубинским и членом Государственной Думы А. М. Александровым.

В первом параграфе Устава Общества записано: «Общество славянского научного единения ставит себе целью: а) способствовать знакомству между собою славянских учёных различных специальностей и взаимному ознакомлению с их трудами; б) содействовать их общению для совместной научной работы и в) распространению в обществе сведений о научно-культурной и художественной жизни славянства»⁴.

Июнь. В ежемесячном иллюстрированном художественно-литературном журнале «Баян» опубликована статья Я. Лаврина «Антон Ашкерц»⁵.

Июнь – первая половина июля. Лаврин путешествует по Дании.

¹ См.: *Lavrin J. Pisma v domovino*. S. 9.

² Ibid.

³ Письмо публикуется впервые в настоящем изд.

⁴ См. Устав Общества в Приложении к сб. «Славянский вопрос в его современном значении» (СПб, 1913).

⁵ Публ. в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

Июль. «Баян» публикует обширную статью Я. Лаврина «Чешская литература»¹.

Лето. По пути из Минска в Москву Лаврин в поезде знакомится с Владимиром Маяковским и Давидом Бурлюком, которые подсади к нему в купе, возвращаясь после очередной пропагандистской поездки или посещения имения Чернянка Херсонской губернии, где отец последнего, Давид Фёдорович Бурлюк, был управляющим у графа Мордвинова. Бурлюк и Маяковский дали Лаврину рекомендательное письмо к Велимиру Хлебникову, живущему в Москве².

Середина июля. Лаврин находится в Москве, откуда 15 июля 1912 г. пишет письмо М. Ле-Дантю на адрес И. Зданевича в Боржоме (Тифлисская губерния, Боржом, Параллельная улица, Дача Термикелева, И. А. Зданевичу для М. Ле-Дантю):

Дорогой Михаил Васильевич. Пишу из Москвы. Я только что приехал из Дании (много интересного), а теперь спущусь по матушке Волге до Петровска. В Тифлисе буду недели через две. До тех пор – до свидания. Приветы Вам, Зданевичам и вообще всему художественному каравану, если он ещё кочует в Тифлисе. Янко Лаврин³.

Август. Лаврин совершает путешествие на Кавказ (вероятно, по приглашению Ле-Дантю или совместно Ле-Дантю и Ильи Зданевича). В письме к О. Лешковой (без даты), написанном после смерти Ле-Дантю, его мать, Зинаида Самойловна, в ответ на просьбу уточнить некоторые биографические данные о сыне пишет: «В это же лето 1912 г. Миша поехал на Кавказ, прожил у Зданевича месяцы, затем с Илюшей Зданевичем путешествовал по Осетии и после путешествия Миша поселился с Фабри в маленьком кавказском городке Сурам, куда к ним приезжал Янко Лаврин»⁴. Подтверждение этому есть и в рукописном фрагменте воспоминаний Ильи Зданевича:

Август 1912 выдался жарким <...>, но мы увлечённые новым небывалым событием «открытием Пиросмани» не замечали жары.

¹ Баян. 1912. № 7. С. 416–438.

² См.: *Ljunggren M.* Op. cit. S. 10. – Об этом упомянул и А. Е. Парнис в докладе «В. Хлебников и возрождение славянской идеи (по переписке с профессором Я. Лавриным)» на круглом столе «Янко Лаврин и Россия» в ноябре 2008 г.

³ ГРМ. Отдел рукописей. Ф. 135. О. И. Лешкова. Ед. хр. 6. – Публ. впервые.

⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 2. Ед. хр. 5. С. 14.

Коллау Чернявский, Зига Валишевский с блокнотами и рулеткой помогали нам записать назв. картин.

Уезжая из Тбилиси Мих. Вас. сказал: «В Грузию мы ещё приедем, но то, что здесь испытали» открытие Нико – самое яркое в моей жизни! <...> Затем мы переехали в Сурам, нагрянули в гости к «африканскому» доктору Г. В. Соболевскому, пешком прошедшему от Каира до Конго. У доктора Ле-Дантю, Фабри, Лаврин и я отдыхали, а Соболевский с увлечением рассказывал нам о разных скульптурах, бронзовых статуэтках негров и графике бушменов»¹.

Судя по всему Лаврин был знаком и с картинами Нико Пирсманншвили, открытого в тот период И. Зданевичем и Ле-Дантю, поскольку это было одним из главных событий, которое занимало его друзей. Возможно, что именно во время этого путешествия на Кавказ Лаврин вместе с Ле-Дантю и Зданевичем посещает Осетию, эпизод из путешествия по которой он позднее описал в очерке «Из путевых записок» в словенском журнале «Модра птица»².

Осень. Лаврин встречается в Москве с В. Хлебниковым, приглашает его к себе в Петербург.

Ноябрь. В журнале «Баян» опубликован рассказ Ивана Цанкара «Синьор Антонио» в переводе Лаврина, подписавшегося инициалами Я. Л.³.

Поздняя осень (ноябрь). По возвращении в Петербург Лаврин продолжает активно заниматься подготовкой материалов для начала издания осенью следующего, 1913, года нового журнала, о котором он упоминал в письме к Ле-Дантю от 15 мая 1912 г. Направленность журнала можно определить на основании письма Лаврина к Сергею Боброву от 04 ноября 1912 г.⁴.

На рубеже 1912–1913 гг. выходит в свет «Велес. Первый альманах русских и инославянских писателей» под редакцией Сергея Городецкого и Янко Лаврина. Иван Цанкар представлен новеллой «Jadas»⁵.

¹ ГРМ. Отдел рукописей. Ф. 177. Ед. хр. 102.

² *Lavrin J. Iz popotnikovih zapiskov ... // Modra ptica. 1938 / 1939. S. 318–320.*

³ Баян. 1912. № 11. С. 734–737.

⁴ Письмо публикуется в первый раз в настоящем изд.

⁵ Новелла вошла в сб. новелл «Виньетки», 1899. – *Примеч. ред.*

1913

Выходит в свет сборник «Общества Славянского Научного Единения» под названием «Славянский вопрос в его современном значении». Здесь Лаврин публикует статью «Славянский вопрос и художественно-литературное сближение»¹, где формулирует свои взгляды «на вопросы славянского культурного единения на художественно-литературной почве», которые достаточно далеки от традиционно понимаемого панславизма. Определённо выразив отрицательное отношение к возможности политического объединения всех славян, он поставил перед каждым славянским народом задачу «полного культурного и национального самоопределения как один из лозунгов славянского сближения». Искусство представлялось Лаврину именно той почвой, «на которой должны быть сделаны первые шаги к взаимному ознакомлению, пониманию и примирению» между различными славянскими народами. Примечательны рассуждения Лаврина о роли славянских народов и их наследия в культурном развитии Европы.

В Петербург, в первую очередь с целью установления контактов с Лавриным, из Словении приезжает Ловро Клеменчич (1891–1928), один из руководителей молодёжного движения «Препород» (от словен. «возрождение»), распространившегося в 1912–1913 гг. в основном среди словенских студентов и учащихся. Он уговаривает Лаврина писать для их одноименного печатного органа и просит Лаврина приехать в Люблянну для непосредственного контакта с членами общества. Также Клеменчич убеждает Лаврина выступить в роли авторитетного автора в какой-нибудь русской ежедневной газете, пишущего «о югославянском объединении в соответствии с идеями “Препорода”»².

Январь–февраль. К Лаврину в Петербург приезжает Велимир Хлебников и живёт у него в квартире около двух месяцев до повторного отъезда Лаврина в Норвегию. С помощью Лаврина Хлебников печатает в газете «Славянин» свои знаменитые статьи: «О расширении пределов русской словесности», «Кто такие угрососы?», «Западный друг» и рассказ «Закалённое сердце» (под псевдонимом). Считается, что встреча Хлебникова с Лавриным стала «переломной в биографии поэта (он впервые вышел к широкому

¹ Публ. в настоящем издании. – *Примеч. ред.*

² *Pleterski J. Op. cit. S. 185.*

читателю). <...> Сформулированная Лавриным славянская программа во многом совпадала с тогдашней лингвистической и культурологической программой Хлебникова. Он не только получил от Лаврина новый заряд энергии в поисках “сюжетов”, но и в дальнейшей своей творческой практике как бы следовал этим призывам и пытался их реализовать¹.

Лаврин вводит Хлебникова в круг группы «Безкровное убийство»².

Февраль-июль. Лаврин активно сотрудничает с «политической беспартийно-прогрессивной» газетой «Славянин», выходившей в Петербурге в течение полугода с 14 февраля 1913 г. по 21 июля 1913 г. Газета позиционировала себя как «первая в России всеславянская газета». Несмотря на популярность, издание её было прекращено как жест протеста издателя А. Ф. Олешинского против начавшейся «пагубной для славянства войны, расколовшей наладившееся славянское единение»³.

В 17-ом номере «Славянина» Лаврин публикует рассказ «На горных высотах. Из путевых заметок»⁴.

Надо сказать, что его сотрудничество характеризовалось не только личным участием, но и тем, что к работе в газете он привлекал своих друзей, как российских (например, В. Хлебникова), так и зарубежных славян, в том числе и со своей родины. Например, в № 6 была дана информация «Словенская печать», в № 7 помещена заметка об учреждении в Любляне Славянского клуба, в № 11 была опубликована статья редактора словенской газеты «Дан» Ивана Лаха «Из Словении. Любляна» и в № 31 его же «Юго-славянская идея среди словинцев».

Март. Лаврин едет в Норвегию и учится в университете Христиании (Осло)⁵.

Июнь. Лаврин посещает Гельсингфорс (Хельсинки), где в университете слушает лекции Рудольфа Штейнера⁶.

¹ См.: Парнис А. Е. Хлебников: в поисках нового пространства ... С. 138–139. – Статья посвящена памяти проф. Я. Лаврина.

² Более подробно о взаимоотношениях Хлебникова и Лаврина см. воспоминания Лаврина, опубликованные А. Е. Парнисом в «Литературном обозрении» (1985, № 12, с. 97–98).

³ «Славянин». 1913. № 36 (Приложение).

⁴ «Славянин». 1913. № 17. С. 3–4.

⁵ См.: Ljunggren M. Op. cit. S. 11.

⁶ Ibid. S. 13.

Лето. Лаврин путешествует по Европе (в том числе посещает Прагу и Флоренцию) и по французской Северной Африке (Марокко). В Марокко совершает достаточно длительное путешествие в глубь страны, достигнув Тугурта¹, о чём впоследствии написал путевой очерк².

Осень. Возвращаясь в Россию после путешествия по Европе, Лаврин с риском быть арестованным австрийскими властями за уклонение от воинской повинности нелегально переходит итало-австрийскую границу: он появляется в Триесте, затем приезжает в Люблян. Здесь он встречается с И. Лахом по вопросу распространения русских книг в Словении; на люблянском Рожнике встречается с И. Цанкаром и в течение целого полудня и вечера обсуждает с ним свою переводческую деятельность в России. Вполне вероятно, они обсуждали детали переводов произведений Цанкара на русский язык. В Любляне Лаврин ведёт переговоры с «препородовцами», ратующими за разрушение Австро-Венгерской империи и создание самостоятельного государства южных славян. На тот момент Лаврин уже представлял их интересы в Петербурге, написал по их просьбе несколько заметок для публикации в Словении. Лаврин пытается глубже понять программные установки «препородовцев»³. Три дня он тайно живет в Стичне у известного словенского художника Фердо Весела, также сторонника этого движения.

Препородовцы организуют ему австрийский паспорт на имя Михи Чопа для путешествия в Стамбул «по научным делам», хотя турецкой визы им достать не удаётся. Благодаря своему обаянию и таланту коммуникации Лаврин смог на пограничном пункте в Земуне убедить офицера пропустить его и сесть в Восточный экспресс. Он оказывается в Белграде, где тоже встречается с представителями «Препороды», а также сходных с ним по устремлениям хорватских и сербских молодёжных организаций. После этого с новым, на этот раз сербским, паспортом, добытым через друзей-препородовцев, Лаврин посещает Македонию и возвращается в Россию⁴.

Письма-отчеты⁵ Михаилу Васильевичу Аверьянову (1867–1941), известному как первый издатель Сергея Есенина и с 1912 г.

¹ См.: *Ljunggren M. Op. cit. S. 13.*

² См.: *Lavrin J. Iz popotnikovih zapiskov ... // Modra ptica. 1937 / 1938. S. 242–245.*

³ См. письмо Б. Борко от 2 августа 1976 г.: *Lavrin J. Pisma v domovino. S. 65.*

⁴ См.: *Pleterski J. Op. cit. S. 185–186.*

⁵ Сохранилось два письма от 28 сентября и 7 октября соответственно из Белграда и Загреба. Письма публикуются в первые в настоящем изд.

заведовавшему книжным складом «Книгоиздательства писателей в Москве», показывают, что, активно сотрудничая с книгоиздателем, Лаврин использовал свою поездку на Балканы в том числе и для наведения контактов с книготорговыми организациями в Словении, Хорватии и Сербии с целью продажи через них русских книг.

1914

Весна. Лаврин в Париже. Он возвращается в обществе литераторов и художников, представителей различных национальностей, собиравшихся в кафе «Ротонда» и «Клозери де Лила»¹.

По инициативе Лаврина, выступавшего в роли переводчика, Аверьянов планирует издание собрания сочинений Цанкара. Сохранилась рукописная записка Лаврина Аверьянову (архивная дата – 29 мая 1914 г.), где предлагается содержание и определяются сроки выхода в печать отдельных томов:

Собрание сочинений Ивана Цанкара!

пока намечены следующие выпуски.

I. В доме Марии заступницы. (135 стр. + 25 стр. крит. очерки) = 160 стр.

II. Рассказы и новеллы. 160 стр.

III. Сатирические и философские рассказы под общим заглавием: «Книга для легкомысленных людей». 160 стр.

IV. Три повести под общим названием «Воля и мощь». 160 стр.

I–IV до августа 1914.

V. Роман «Мартын Качура». 200 стр. – до ноября 1914.

VI. Роман «Госпожа Јудифь». 150 стр.

VII. «Яков Руда» драма. 130 стр.

VIII. «Для блага народа» комедия. 150 стр.

IX. «Бродяга Марко и Король Матјаж» роман. 200 стр.

X. «Крест на горе» роман. 160 стр.

XI. Книга бытовых рассказов. 160 стр.

XII. «Слуга Ерней и его право». Сатирический роман. 160 стр.

VI–XII до марта 1915².

По прошествии 60 лет Лаврин вспоминал о том, что: Аверьянов попросил его о

¹ См.: *Ljunggren M. Op. cit. S. 13.*

² ИРЛИ (Ин-т русской лит.) РАН (Пушкинский дом). Ф. 428. Оп. 1. Ед. хр. 54. – Публикуется впервые.

...подготовке двух книг переводов Ивана Цанкара. Я сразу же отправился на Кавказ, где я изо всех сил трудился, чтобы закончить эти переводы до осени. Когда я возвратился с переводами в Петроград, первая мировая война уже началась. Рукописи я отдал Аверьянову, но что с ними случилось дальше, мне не известно¹.

Вместе с тем гораздо раньше Лаврин писал об этих событиях:

...в 1914 г. я подготовил материал минимально для трёх томов избранных произведений Цанкара для русского издания, которое издатель Аверьянов собирался публиковать в Петрограде (приблизительно в 10 книгах). Вследствие войны, и особенно революции, это дело не удалось. Судьба рукописей, которые я передал издателю, мне абсолютно не известна².

Июнь. Лаврин, по всей вероятности, уезжает на Кавказ, о чём пишет в упомянутом письме к Аверьянову от 29 мая 1914 г.: «...через 10 дней я уеду на Кавказ»³.

Середина июня. Лаврин путешествует по испанским Пиренеям. В Испании он узнает об убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве. Известие о начале Первой мировой войны застает его в Италии, откуда он через Париж возвращается в Россию⁴.

18 сентября. Лаврин подает прошение о зачислении его вольнослушателем в Петроградский археологический институт. Архивная справка № 128/т от 28 июля 2009 г. из ЦГИА СПб. гласит:

В документах архивного фонда Петроградского археологического института в делах со списками лиц, окончивших средние учебные заведения, и о зачислении их вольнослушателями в институт за 1914 г. имеются следующие сведения:

Янко Иванович Лаврин (дата рождения не указана), сербский подданный. Окончил сербо-кroatскую гимназию (название гимназии, даты поступления и окончания не указаны).

18 сентября 1914 г. Я. И. Лаврин, слушатель Норвежского университета в Христиании, подал прошение в Петроградский археологический институт о зачислении его слушателем в институт на 1914–1915 учебный год и был принят в этом же году (число и месяц не указаны).

¹ См. письмо Я. Лаврина А. Слюдняку от 21 января 1974 г.: *Korespondenca med Jankom Lavrinom in Antonom Slodnjakom ...* S. 151.

² Письмо Изидору Цанкару из Камника от 24 августа 1928 г.: *Lavrin J. Pisma y domovino*. S. 27.

³ ИРЛИ РАН. Ф. 428. Оп. 1. Ед. хр. 54.

⁴ См.: *Ljunggren M. Op. cit.* S. 13.

Основание: ф. 119, оп. 1, д. 415, л. 69; д. 411, л. 7, 8, 8об.
Других сведений о нём в документах архива не обнаружено.

Вторая половина сентября. Лаврин по поручению российского Генштаба отправляется в Европу с политическими целями¹.

Октябрь. Лаврин приезжает в Италию, Рим, где налаживает контакты с Анте Трумбичем, Иваном Мештровичем, Нико Жупаничем – будущими представителями Югославянского комитета², руководившими во время Первой мировой войны движением за освобождение южнославянских территорий Австро-Венгрии и их объединение с Сербией и Черногорией.

Затем Лаврин едет в Венецию для поисков контрабандных путей распространения привезённых им с собой прокламаций Верховного главнокомандующего Российской армии Великого князя Николая Николаевича среди славянских народов Австро-Венгерской империи. С этой целью он встречается с Любо Леонтичем и Алачевичем. Путь для контрабанды прокламаций ими вскоре был найден: «сначала в вагонах с зерном, позднее в пассажирских вагонах, вперемешку с туалетной бумагой»³.

Конец года. Установив контакты с рядом представителей движения за независимость южнославянских народов Австро-Венгерской империи, Лаврин возвращается в Петроград и передаёт в Генштаб составленный при его участии меморандум на имя Великого князя Николая Николаевича, в котором как воля всех южнославянских народов Австро-Венгрии выражается их стремление к свободе, а также говорится о том, что России и Антанте ни в коем случае не следует идти на какой бы то ни было компромисс с Австро-Венгрией⁴.

1915

В Петрограде выходит сборник «Перун. Первый литературный сборник при участии южно-славянских писателей» с тремя рассказами Лаврина под единым заголовком «Из серии “Умирающие души”. Три эскиза». В сборнике, доход от которого направлялся на нужды

¹ См.: Pleterski J. Op. cit. S. 186.

² Югославянский комитет – политическая организация сербских, хорватских и словенских эмигрантов из Австро-Венгрии в Лондоне.

³ Pleterski J. Op. cit. S. 186.

⁴ Ibid.

сербского Красного Креста, также приняли участие Н. Бруни, Н. Белоцветов, С. Городецкий, Б. Нушич, И. Цанкар и др.

Январь-февраль. Издатель и один из владельцев «Нового времени» Михаил Суворин предлагает Лаврину на выгодных условиях должность военного корреспондента газеты на Балканах.

Конец февраля. Лаврин прибывает в Ниш (Сербия), куда с началом войны переведены из Белграда сербские правительственные учреждения.

3 марта. «Новое время» публикует первое интервью, которое Лаврин проводит с премьер-министром Сербии Николой Пашичем¹, встреча положила начало их доверительным отношениям.

В интервью, опубликованном среди других телеграмм от собственных корреспондентов под заголовком «Беседа с Н. Пашичем», была представлена позиция сербского правительства относительно существующей военной и политической ситуации в Юго-Восточной Европе, а также видение сербским руководством перспектив её развития в смысле сутерирования принятия нейтральными пока государствами выгодных для Антанты решений.

Весна-лето. В Сербии Лаврин встречается с некоторыми словенскими, хорватскими и сербскими националистически настроенными молодыми людьми из Австро-Венгрии (среди них С. Галогаж, М. Бартулица, И. Ерас, Н. Жупанич). Лаврин наиболее тесно сближается со словенским инженером Драгоотином Густиничем (1882–1974), с которым постоянно спорит, поскольку не разделяет политических воззрений этого «социалистического догматика»². Летом 1915 г. в Сербии появляется также и Л. Клеменчич.

16 июня. «Новое время» публикует корреспонденцию Лаврина под заголовком: «Беседа нашего корреспондента с сербским престолонаследником и Пашичем».

Осень. Не позднее октября в Петрограде группа художников и литераторов «Безкровное убийство», участником которой был Я. Лаврин, начинает издавать рукописный (тектографированный) одноименный нецензурируемый журнал. Выходит «Военный выпуск».

¹ Я. Плетерски ошибочно указывает дату 16 мая: *Pleterski J. Op. cit. S. 186.*

² См.: *Pleterski J. Op. cit. S. 186,* – а также письмо Ф. Филиппичу от 6 октября 1975 г.: *Lavrin J. Pisma v domovino. S. 172.*

Между 15 августа и 20 сентября. Судя по перерыву в корреспонденциях «Новому времени», Лаврин вместе с Д. Густиничем именно в это время отправляется в поездку по Старой Сербии, Черногории и Албании. В период временного затишья на Балканских фронтах они побывали в Приштине, на Косовом поле, в Косовской Митровице, Газиместане, Грачанице, Дечанах, Скадаре, Дураццо (где состоялось интервью Лаврина с Эссад-пашой), Тиране, Эльбасане, а также с черногорским отрядом генерала Р. Вешовича в албанской глубинке в долинах рек Вальбона и Дрим. Свои наблюдения Лаврин использовал в первых девяти главах своей книги «В стране вечной войны. Албанские эскизы»¹, опубликованной в следующем году. Однако в книгу не было включено описание его пребывания в Черногории, в частности, в Цетинье, где Лаврин «вступил в контакт с оппозицией, с А. Радовичем»².

Ситуация вокруг Черногории действительно была щекотливая. Как пишет об этом времени Ю. А. Писарев: «Летом и осенью 1915 г. состоялся ряд неофициальных встреч австро-венгерских чиновников с представителями черногорского двора». В одной из этих встреч (11 июля) участвовал сын черногорского короля Николя – Петар. В России были озабочены сложившейся ситуацией настолько, что «осенью 1915 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов дал указание представителям России в Нише и Цетинье “внимательно относиться к действиям черногорского правительства”»³.

Представители оппозиции, встречавшиеся с Лавриным в Цетинье, пояснили ему ситуацию вокруг этих черногорско-австрийских контактов и даже показали ему документы по этому вопросу⁴.

Вторая половина сентября. Лаврин возвращается в Ниш.

23 сентября. «Новое время» публикует телеграмму Лаврина от 22 сентября под заголовком «Беседа с сербским министром внутренних дел Л. Йовановичем».

В день публикации интервью с Л. Йовановичем началось массированное наступление на Сербию германских и австро-венгерских войск.

¹ Лаврин Я. В стране вечной войны. С. 88–125. (См. также работу Т. И. Чепелевской в настоящем изд. – *Примеч. ред.*)

² См.: *Pleterski J. Op. cit. S. 187.*

³ Писарев Ю. А. Капитуляция Черногории // За Балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 193–194.

⁴ См.: *Pleterski J. Op. cit. S. 187.*

1 октября. К австрийским и германским войскам присоединяются две болгарские армии. Положение Сербии становится критическим.

9 октября. В «Новом времени» опубликована телеграмма Лаврина из Ниша от 8 октября под заголовком «Беседа с Н. Пашичем».

Октябрь. Под воздействием превосходящих сил противника сербская армия вынуждена отступать. Для Лаврина начинается «шестинедельное бегство вместе с длинной процессией беженцев из всей Сербии», описанное им впоследствии в книге «В стране вечной войны».

16 ноября. В «Новом времени» под заголовком «Беседа с Пашичем» опубликовано короткое интервью, которое Никола Пашич дал Лаврину в Рашке, куда во время отступления переместилось правительство.

Октябрь–декабрь. Лаврин вместе с отступающими преодолевает путь Ниш–Кральево–Рашка–Митровица–Приштина–Митровица–Призрен. Далее потоки людей разделились. Одна часть войск и беженцев (вместе с правительством и двором) отправилась через Джяковицу и Черногорию к Адриатическому морю с последующей эвакуацией на Корфу. Другие, с ними Лаврин и тысячи пленных, направились в «дикие горы албанской Люмы, чтобы после неимоверных лишений попасть в Дебар и Стругу, откуда можно было опять бежать <...> в греческий Эпир»¹. Целью был город Лерин (Флорина), откуда в Солун (Салоники) уже можно было добраться по железной дороге.

Лаврин прибывает в Салоники.

1916

В приложении к журналу «Внешние Воды», студенческом сборнике «Молодая Русь», опубликован рассказ Лаврина «Косово поле. (Путевая арабеска)»², перекликающийся с первой главой его книги «В стране вечной войны».

Январь. Лаврин из Салоник с транспортным пароходом через Корсику прибывает во Францию, где останавливается на некоторое

¹ Лаврин Я. В стране вечной войны. С. 102.

² Молодая Русь. Студенческий сборник. Петроград, 1916. С. 117–123.

время; в Париже встречается с Эдуардом Бенешем, который, однако, не произвёл на него большого впечатления, а также с чешским художником Франтишеком Купкой (1871–1957). Э. Бенеш дарит ему книгу Т. Масарика «Россия и Европа».

Затем Лаврин направляется в Лондон, где встречается с членами Югославянского комитета Анте Трумбичем, Иваном Мештровичем, Франко Поточняком, Иваном Гмайнером, Богумилом Вошняком (представлявшим Словению при подписании Корфской декларации 1916 г.), – они производят на него впечатление «провинциальных адвокатов». В Лондоне Лаврин встречается также с влиятельным в британских околоправительственных кругах журналистом Генри Уикемом Стидом (1871–1956), которого интересовала прежде всего информация по Черногории¹.

Февраль. Лаврин появляется в Петрограде, о чём свидетельствует фраза из «Албанского» выпуска журнала «Безкровное убийство»: «Его Ех-Величество попало наконец <...> в Россию. В феврале месяца этого года на улицах Петрограда обратила на себя внимание <...> странная фигура...»².

Весна. По предложению М. Суворина Лаврин пишет книгу «В стране вечной войны».

Лето–осень. Лаврин живёт в Петрограде, в квартире на Невском проспекте, о чём пишет Лешкова в письме к Ле-Дантю от 28 ноября 1916 г.: «А ещё недавно приходили к нам представители властей предержащих, разыскивали Янку, чтобы не то призвать его на военную службу, не то выяснить вопрос “об отношении к воинской повинности”. Почему его искали у нас, когда он жил самым прописанным образом 3 месяца на Невском, – не могу понять»³.

Вероятно, что в этот период Лаврин готовит к печати ещё две книги: «Бродячая жизнь. Арабески» и «По Испании. Путевые заметки», на внутренней стороне обложки книги «В стране вечной войны» они были обозначены как готовящиеся к печати.

25 августа. Военная цензура наконец-то дает разрешение на публикацию книги Лаврина «В стране вечной войны». На обратной стороне обложки надпись:

Дозволено военною цензурою 25 Августа, 1916 г.
Типография Ивановскаго. Пгт., Ср. Подъяческая, 5

¹ См.: *Pleterski J.* Op. cit. S. 187.

² См. «Албанский» выпуск «Безкровного убийства» в настоящем изд.

³ РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 16. Письмо № 8. С. 13.

Между 25 августа и серединой октября. Книга Лаврина была напечатана. Автор, вероятно, получил от издательства как минимум один экземпляр, поскольку, уезжая из Петрограда на Балканский театр военных действий, приятелям по «Безкровному убийству» подарил книгу с автографом. В «Перечне материалов» по «Безкровному убийству», составленном О. Лешковой, под номером 12 указано: «Книга “В стране вечной войны” Янко Лаврина с автографом»¹.

Осень. Выходит «Албанский» выпуск «Безкровного убийства», посвящённый жизнеописанию Янко Лаврина. Сведений о том, держал ли его в руках сам Лаврин, нет.

Вторая половина октября. Лаврин вновь уезжает в качестве корреспондента газеты «Новое время» на Корфу (где в то время находилось сербское правительство и военное руководство). О времени отъезда Лешкова пишет Ле-Дантю 10 ноября 1916 г. и шутливо негодует:

Придя со службы домой, я застала у нас Илюшу Зданевича <...> он утверждает, что не более трёх недель тому назад он встретил в Петрограде Янку, этого Фантомаса, этого радио-человека, радио-дрянь, вот номер-то... Эта радио-дрянь под отъезд получила несколько незаконных поцелуев в счёт дальнего путешествия и долгого отсутствия и потом или совсем не уехала или уехала гораздо позже, чем следовало².

6 ноября. Первая телеграфная корреспонденция Лаврина с Корфу под заголовком «Австрийское хозяйничанье в Сербии».

13 ноября. «Новое время» публикует обширное интервью Лаврина под заголовком «Беседа с сербским премьер-министром Н. Пашичем».

18 ноября. В «Новом времени» напечатана краткая телеграмма Лаврина о предполагаемых изменениях в составе греческого правительства «Новый греческий военный министр».

30 ноября, среда. Лешкова показывает выпуски журнала «Безкровное убийство» приехавшему в Петроград И. Зданевичу, который видит их впервые. Особенно ему понравился «Албанский» выпуск, посвященный Лаврину³.

¹ РГАЛИ. Ф. 794. Оп. 1. Ед. хр. 182.

² Там же. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 16(1).

³ См. письмо Лешковой к Ле-Дантю от 8 декабря 1916 г. в настоящем изд.

3 декабря, суббота. Премьера заумной драмы И. Зданевича «Янко круль албанскай» на вечере в мастерской М. Д. Бернштейна. Декорации и костюмы работы Н. Лапшина, В. Ермолаевой, И. Зданевича¹.

1917

16 января. «Новое время» объявляет широкую продажу книги Лаврина. Текст объявления следующий:

Вышла новая книга:
Я. Лаврин.
В стране вечной войны.
Албанские эскизы.
Цена 1 руб. 80 коп.

Продаётся в книжных магазинах «Нового времени» и друг., на станциях жел. дор.²

Об этом Лешкова пишет Ле-Дантю 24 января 1917 г.: «на ... странице Нов. Вр. бросилось мне в глаза довольно большое объявление об Янкиной книге «В стране вечной войны», — рекламируют нашего паршивца вовсю... Не помню, сообщила ли я о том, что написала Янке на остр. Корфу чистосердечно, как мы с Ильей рекламируем его и насаждаем его популярность»³.

Январь—февраль. И. Зданевич старается напечатать в Петрограде свою заумную драму «Янко круль албанскай». Лешкова помогает ему выбрать для печати рисунки из «Албанского» выпуска и извещает об этом автора рисунка Ле-Дантю в письме от 20 января 1916 г. с некоторым беспокойством относительно возможной реакции Лаврина:

Илья выбрал тот рисунок из Яночнаго номера, — композиция на третьей странице <...> Уничтожены будут в напсиях только куски его фамилии... Иначе с Янкой сделается удар... И то уж не знаем, переживёт ли он это издание»⁴. В письме от 23 февраля 1917 г. Лешкова сообщает Ле-Дантю: «Янко» пошёл в печать наконец. Набирают его в типографии «Печатный труд» Перельмана. Шрифт пришлось выбрать мелкий, английского стиля, четкий, но Илья всё-таки огорчён невозможностью достать крупный... Клише с Вашего рисунка делается у Голике, — одно из лучших мест для таких заказов...⁵

¹ См. письма Лешковой к Ле-Дантю от 8 и 13 декабря 1916 г. в настоящем изд.

² Новое время. 1917. № 14679. 16 января; № 14681. 18 января.

³ РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 16(2). Письмо № 27.

⁴ Там же. Письмо № 25. — См. рис. 9 в настоящем изд.

⁵ Там же. Письмо № 33.

Однако в Петрограде «заумную драму» Зданевича так и не удалось напечатать.

Лаврин находится в Париже, о чём свидетельствует письмо Лешковой к Ле-Дантю от 18–19 апреля 1917 г.:

На днях получила открытку от Янки, которую оно послало из Парижа, где жило и куда просило писать. Я ответила, что, принимая во внимание, что письмо шло больше полутора месяца, сомневаюсь, что оно его застанет там. Оно собиралось в Россию «в конце весны». Я боюсь, не попало бы оно на «Зару», потопленную немцами перед Пасхой или другие многочисленные потопленные суда...¹

В 1917 г. Лаврин публикует два сонета на тему войны в журнале «Час» (Чикаго) под названием «Из “Балканских Сонетов” (посвящается памяти покойного приятеля Матие Зупанича)». Автор указан так: «Янко Лаврин, Париж»². Возможно, что сонеты были написаны Лавриным во время пребывания в Париже в январе–феврале или июле–августе 1917 г.

Весна–лето. Лаврин находится на Корфу, продолжая освещать происходящие события для «Нового времени».

Необычайно сильное впечатление, которое произвела на Н. Пашича Февральская революция, приводит его к ряду действий, связанных с дальнейшей судьбой Янко Лаврина. Поздней весной или в начале лета 1917 г. Пашич обратился к Лаврину с вопросом о том, что можно было бы сделать в Петрограде в связи с ускорением решения югославянского вопроса. Лаврин выдвигает идею и предлагает начать издание в Петрограде газеты в духе М. А. Бакунина, т. е. революционном, и одновременно прославянской ориентации, о чём по просьбе Пашича даже пишет меморандум. Идея настолько воодушевила Пашича, что он предлагает Лаврину найти себе соответствующего сотрудника, а когда Лаврин называет имя Ловро Клеменича, Пашич в течение 2–3 дней в июле 1917 г. отзывает того с фронта³.

В это же время Лаврин налаживает хорошие отношения с новым русским посланником в Сербии Б. П. Пелехиным (1883–1943), комментирует ему текущие события на Балканах, в частности – разъясняет закулисные Салоникского процесса над Драгутином Дмитриевичем-Аписом и др. Лаврин позднее отмечает, что

¹ РГАЛИ. Ф. 792. Оп. 3. Ед. хр. 17.

² См.: *Žitnik J. Janko Lavrin ...* P. 9.

³ См.: *Pleterski J. Op. cit.* S. 188.

«с Д. Дмитриевичем знаком не был и не встречался ни тогда, ни прежде, но был хорошо знаком с друзьями Аписа»¹.

Июль. Лаврин присутствует на Корфской конференции, на которой 7 (20) июля была подписана декларация между правительством Сербии и Югославянским комитетом о принципах создания будущей Югославии. Однако он начинает терять интерес к югославской проблематике, не контактирует со знакомыми ему югославскими политиками, начинает отходить от политики вообще².

Август–сентябрь. Лаврин в сопровождении Л. Клеменчича отправляется в Россию. Они останавливаются в Париже на довольно длительное время, а затем прибывают в Лондон, по всей вероятности, в сентябре 1917 г. Там из-за известий о создавшейся в России чрезвычайной обстановки Лаврин, несмотря на то, что его спутник Клеменчич едет в Россию, принимает решение подождать. В Россию Лаврин больше не вернется³.

Осень. Причины своего решения о невозвращении в Россию осенью 1917 г. Лаврин впоследствии описывал неоднократно, как в публикациях, так и в частной переписке:

Я был обеспокоен возвращением в Петроград, который по-прежнему был в тисках революции. Время шло, дезинтеграция царской армии и ранние симптомы возможной гражданской войны заставили меня прервать мою поездку и остановиться в Лондоне с тем, чтобы подождать и посмотреть, что будет происходить.

Вскоре я пришёл к выводу, что моё расстроенное здоровье не сможет выдержать послереволюционный беспорядок.

В то время как ситуация в России менялась от плохой к худшей (становилась всё хуже и хуже), я вынужден был остаться в Лондоне, моя газета также была приостановлена, и я был таким образом в одночасье лишён средств к существованию⁴.

...сначала я направился в Италию, потом в Париж, откуда я собирался вернуться в Петроград (путь Лондон–Берген–Стокгольм). В Лондоне я должен был ожидать возможности для возвращения. Но, к сожалению, положение в России в 1917 г. настолько ухудшилось, что я принял решение

¹ См.: *Pleterski J.* Op. cit. S. 187–188.

² См.: *Ibid.* S. 188.

³ Т. е. после отъезда из Петрограда в качестве военного корреспондента «Нового времени» на Корфу во второй половине октября 1916 г. Лаврин больше в Россию не возвращался. Любые другие даты его отъезда из России ошибочны.

⁴ *Lavrin J.* *Difficult Beginnings.* P. 12.

остаться в Англии и ждать возможного исправления ситуации. <...> «Новое Время» тоже пришло в упадок, как говорится, я оказался одновременно и без службы, и без заработка¹.

Революция устроила такой хаос во всей русской культуре, что не было такой метлы, которой было бы можно хоть чуть-чуть прибраться. Всё было унесено водой, в которой всё и потонуло...²

Принятое Лавриным решение подождать и посмотреть, что получится, упоминается и в письме О. Лешковой к И. Зданевичу, написанном, по всей видимости, осенью 1917 г. в связи с подготовкой посмертной выставки М. Ле-Дантю:

Большую загвоздку представляло из себя то обстоятельство, что довольно значительная часть новейших работ Мих. Вас. принадлежит паршивцу Янке Лаврину и спрятана им у каких-то неизвестных нам знакомых. К счастью, на днях объявился Янкин друг Клеменчик с сообщением, что Янко решил приехать, что оно уже находится в Лондоне и ждёт телеграммы Клеменчика, чтобы выехать в Петроград. Конечно, Янке написали самое ласковое приглашение поторопиться. <...> В Петрограде вообще, конечно, мало хорошего, что Вы легко можете увидеть из газет, и намерение Янки выждать за границей «пока идеалы вздоржают, а хлеб подешевеет» – не лишено смысла³.

На основании этого можно предположить, что Лаврин с Клеменчиком передал в Россию для Лешковой письмо⁴.

Более чётко выраженное скептическое отношение Лаврина к русской революции можно проследить по его публикациям в журнале «Нью Эйдж», по прошествии нескольких месяцев после Октябрьской революции. Характерно, что в период, когда большинство европейских интеллектуалов воспринимало эту революцию как многообещающий социальный эксперимент, Лаврин придерживался другого мнения. Это мнение он сформулировал в полемике с испанским журналистом, литературным критиком и политологом Рамиро де Маэсту (1875–1936), также бывшим автором

¹ См. письмо Р. Ленчеку от 27 января 1985 г.: *Lavrin J. Pisma v domovino*. S. 270.

² Письмо Я. Лаврина А. Слодняку от 21 января 1974 г.: *Korespondenca med Jankom Lavrinom in Antonom Slodnjakom ...* S. 151.

³ Письмо О. Лешковой к И. Зданевичу: ГРМ. Отдел рукописей. Ф. 177 (Лешковой О. И.). Ед.хр. 90.

⁴ Сравни также объяснения Лаврина, данные в беседе с И. В. Чуркиной, о чём та пишет в начале статьи, опубликованной в настоящем изд. – *Примеч. ред.*

в «Нью Эйдж», относительно трактовки Достоевского. Лаврин, в частности, пишет:

В настоящее время мы все являемся свидетелями полного провала основ нашей прежней жизни. Мы жаждем новых ценностей значительно больше, чем до войны. В этом причина того, почему Русская революция приветствуется как новая надежда почти всем человечеством.

К сожалению, вместо ожидаемых «новых слов» лидеры Русской революции повторили затёртые материалистические утилитарные принципы, заимствованные у Запада; они повторили их частично в более детской, частично в более вульгарной форме. Поэтому фиаско Русской революции – это трагическая иллюстрация предельно возможных (крайних) логических последствий, вытекающих из европейских ценностей, но не из Достоевского¹.

Подобное объяснение своего неприятия русской революции Лаврин дал и в своём интервью шведскому исследователю Магнусу Юнгтрену незадолго до своей смерти в 1986 г.²

Осень–зима. Решив остаться в Англии, Лаврин ищет работу в Лондоне. Он преподаёт старославянский язык в православной семинарии в Дорчестере³. Одновременно учит английский язык. Заметим, что впоследствии англоязычные литературные критики признавали за Лавриным «отличное знание английского, которое не вызывает у читателя ни малейшего подозрения по поводу его иностранного происхождения»⁴.

Начавшийся ещё в июле отход Лаврина от политики вообще и от югославянского вопроса в частности завершается в Лондоне довольно неприятно. Лаврин «разошёлся с кругами Югославянского комитета, которые начали распространять слухи, что он является австрийским агентом». Однако появившаяся информация, что в «Австрии Лаврин был объявлен в розыск»⁵ и что за его голову Австро-Венгрия «предлагала по-настоящему высокую награду»⁶, позволило Лаврину опровергнуть эти обвинения.

¹ См.: *Lavrin J. Two Path // The New Age. 1918. May 2. P. 7.*

² См.: *Ljunggren M. Op. cit. S. 15.*

³ См.: *Pleterski J. Op. cit. S. 188.*

⁴ G. K. Janko Lavrin v ameriški kritiki // *Ljubljanski zvon. 1932. Št. 1. S. 63.*

⁵ См.: *Pleterski J. Op. cit. S. 188.*

⁶ Письмо К. Бренк от 9 июля 1984 г.: *Lavrin J. Pisma v domovino. S. 234.*

Именной указатель*

- А. Ш. – см. С. В. фон Штейн
А. Я.: 41
Аверьянов Михаил Васильевич: 58, 251, 253, 321–323
Аглоу Марион (урождённая Хопкинс): 111
Адлер Альфред: 123
Аксаков Иван Сергеевич: 203
Аксаков Константин Сергеевич: 203
Аксаков Сергей Тимофеевич: 150, 254
Алачевич: 324
Александр I Романов: 34
Александр I Карагеоргиевич: 203, 240, 325
Александр II Романов: 170
Александров Александр Михайлович: 55, 187, 316
Альбрехт Вера: 146
Альбрехт Фран: 140, 141, 146, 148, 152, 160, 171
Амфитеатров Александр Валентинович: 4, 70–72
Андреев Леонид Николаевич: 41
Апис – см. Д. Дмитриевич
Аринштейн Леонид Матвеевич: 10
Арнад: 247–249
Арш Григорий Львович: 73, 74
Асник Адам: 17
Ахматова (псевд.; Горенко) Анна Андреевна: 57
Ашкерц Антон: 14–17, 30, 36, 41, 139, 170, 187, 219, 234–238, 267, 316
Байрон Джордж Ноэл Гордон: 162, 214, 303
Бакст Лев Самойлович (псевд.; Розенберг Лейб-Хаим Израилевич): 21
Бакунин Михаил Александрович: 161, 331
Бальдансперже Фернан: 147
Бальзак Оноре де: 145, 162
Бан Матия: 210
Баран Хенрик: 9
Барановский Виктор Иосифович: 3, 6, 8, 23, 44, 177, 239, 246, 288, 308
Баррингтон Эрнест Джеймс Уильям: 111
Бартол Владимир: 139, 151
Бартулица М.: 325
Бархатный Коля – см. Н. Н. Белоцветов
Баумбах Рудольф: 238
Бах Александр фон: 209
Бахтин Николай Николаевич (псевд.: Н. Нович): 30, 173, 236, 266, 269
Башмаков Александр Александрович (псевд.: Вещий Олег): 70

---

* Некоторые имена, приводимые в указателе, не удалось расшифровать, поэтому они даны не полностью.

- Бей Риза: 74
- Белинский Виссарион Григорьевич: 132
- Белоцветов Николай Николаевич (псевд.: Коля Бархотный): 17, 22, 23, 47, 303, 315, 325
- Белый Андрей (псевд.; Бугаев Борис Николаевич): 21, 22, 26, 57, 266, 274, 304
- Беляева Юлия Дмитриевна: 11, 37, 174
- Бенеш Эдуард: 56, 59, 109, 328
- Беран З.: 166
- Бердяев Николай Александрович: 304
- Беркопец Отон: 139
- Бернштейн Михаил Давидович: 8, 46, 258, 263, 289, 330
- Бернштейн Давид Калмонович: 47
- Бершадская Марианна Леонидовна: 11
- Бехтерев Владимир Михайлович: 14, 16, 30, 37–39, 55, 173, 187, 266, 269, 316
- Бизьяк Д.: 166
- Биньон Нэнси: 107, 108
- Бисли Ина: 106
- Блаватская Елена Петровна: 25
- Блок Александр Александрович: 100, 106, 148, 155
- Бобров Сергей Павлович: 57, 250, 318
- Богданович Максим Адамович: 16
- Бодлер Шарль: 141, 144, 153, 162
- Бодрова Анна Геннадьевна: 11
- Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (Ян Мецислав): 14
- Болдырев Николай Фёдорович: 134, 135
- Болеслав Храбрый: 238
- Болетини Иса: 74
- Бондар Д.: 96
- Бор Матей: 270
- Борко Божидар: 72, 157, 162, 163, 165, 167, 170, 270, 321
- Бочковский Ольгерд-Ипполит: 41, 265
- Бопнякович: 265
- Боянус Семён Карлович: 108
- Браун: 94
- Бренк Кристина: 58, 165, 168, 334
- Бритовшек Марьян: 28
- Брокгауз Фридрих Арнольд: 309, 311
- Брукс Герберт: 111
- Бруни Николай Александрович: 325
- Брусилов Алексей Алексеевич: 94
- Будагова Людмила Норайровна: 3, 6, 235
- Бунин Иван Алексеевич: 102, 134
- Бурже Поль Шарль Жозеф: 100
- Бурлюк Давид Давидович: 18, 19, 57, 317
- Бурлюк Давид Фёдорович: 317
- Бьёрнсон Бьёрнстjerne Марти-ниус: 214

- Вагай Урош: 160
 Вазов Иван: 15
 Валишевский Зигмунт (Зига): 318
 Варсонофий о.: 76, 170
 Васильев Дмитрий Андреевич: 53
 Вейнингер Отто: 100, 102, 151
 Вергун Дмитрий Николаевич: 271
 Весел Иван: 238, 267
 Весел Фердо: 321
 Вецера (Ветсера) Мари Алексан-
 сандрин Фаин фон: 21
 Вешович Радомир: 78, 86, 89, 326
 Вещий Олег – см. А. А. Башмаков
 Вик Вера фон: 50
 Вильгельм I Гогенцоллерн: 215
 Вильгельм I (Фридрих Генрих
 фон Вид): 84, 294, 295
 Вильгельм II Гогенцоллерн: 294
 Вирк Яни: 178
 Витте Елизавета Ивановна: 4, 70
 Вогел Херман: 165
 Водник Валентин: 208
 Вольтер (псевд.; Мари Франсуа
 Аруэ): 102, 153
 Воля, сын Е. И. Туровой: 261, 263
 Вордсворт Уильям: 102
 Вортен Джон: 97
 Вошняк Богумил (Богомил): 42,
 43, 328
 Враз Станко (псевд.; Фрас / Фрасс
 Якоб): 205, 208
 Врхлицкий Ярослав: 30, 192
 Вулф (Вульф) Вирджиния: 27,
 102, 307
 Вулф Леонард: 102, 307
 Габричек Андрей: 38
 Гавличек-Боровский Карел: 195
 Гай Людевит: 35, 205, 207–210
 Гайдн Йозеф: 194
 Гайшек Владимир: 168
 Галогаж С.: 325
 Гамсун Кнут: 99, 146, 152, 160, 162
 Гауптман Герхард: 100
 Гвездослав (псевд.; Орсаг) Па-
 вол: 16
 Гейне Генрих: 162
 Гейро Режиc: 8, 49, 51, 53, 67
 Геллер Сервац: 192
 Георг V Виндзорский: 90, 98
 Гердер Иоганн Готфрид: 34, 203
 Герчикова Ирина Александров-
 на: 2, 307
 Гёте Иоганн Вольфганг: 102,
 192, 214, 303
 Гитлер (псевд.; Шикльгрубер)
 Адольф: 109
 Гладстон Уильям Юарт: 79
 Глебовицкий Николай Павло-
 вич: 172
 Глушков Василий: 263
 Гмайнер Иван: 328
 Гоголь Николай Васильевич: 2,
 7, 10, 43, 97, 102, 115, 140,
 150, 151, 164, 165, 193, 254
 Голечек Йозеф: 192
 Голике Р.: 330

- Голсуорси Джон: 93
 Гомер: 154
 Гончаров Иван Александрович: 10, 43, 164, 165
 Гончарова Наталья Сергеевна: 18, 45, 48
 Городецкий Сергей Митрофанович: 8, 17, 21, 23, 42, 55, 176, 266, 269, 315, 318, 325
 Горький Максим (псевд.; Пешков Алексей Максимович): 102, 132
 Гофман фон Фаллерслебен Август Генрих: 194
 Гошек И.: 200
 Градишник Янез: 127, 163
 Градник Алойз: 171
 Гранжер Франк: 92
 Графенауер Бого: 28
 Грегорчич Симон: 219, 236, 237
 Грей (Грей оф Фаллодон) Эдуард: 295
 Гржибовский Мечислав: 30, 40
 Грибоедов Александр Сергеевич: 151, 167
 Григорьев Алексей Львович: 9, 10
 Грум Славко: 139, 160
 Грушецкая Е. М.: 310
 Грэнджер Фрэнк: 107
 Грэхэм Стивен: 94, 95, 103
 Гудзий Николай Калининвич: 10
 Гумилёв Николай Степанович: 57
 Гундулич Иван: 204
 Гура Александр Викторович: 82
 Гурджиев Георгий Иванович: 27, 117
 Гуржиенко Е. И.: 46
 Гурьянова Нина Альбертовна: 45, 46, 50, 51, 67
 Гус Ян: 41
 Гусев Николай Николаевич: 16
 Густинчич Драготин: 325, 326
 Гучков Александр Иванович: 30
 Гюго Виктор Мари: 153
 Гюисманс Шарль Мари Жорж: 144
 Д'Аннунцио Габриеле: 100, 153, 156, 159, 162
 Данилевский Николай Яковлевич: 173
 Данченко Светлана Ивановна: 6
 Дафф Джеймс Данлоп: 107
 Де-Воллан Григорий Александрович: 69
 Демьянов: 263
 Державин Гаврила Романович: 167
 Джерхарди Уильям: 102
 Джил Ричард: 106
 Джонс (Джоунс) Эрнест: 100
 Джонсон Бен: 102
 Джоунс Малькольм В.: 5, 57, 87, 88, 96, 180, 183, 288, 291, 309, 311, 312
 Дилянов Минчо: 30, 265
 Дмитриевич Драгутин (псевд.: Апис): 331, 332

- Добровольц Франце: 28
 Добровский Йосеф: 34, 202, 203
 Добролюбов Николай Александрович: 254
 Доманович Радослав: 30
 Донат Петер: 127, 146, 151, 152, 156
 Достоевский Фёдор Михайлович: 2, 7, 10, 14, 17, 26, 31, 43, 88, 91, 99–101, 103, 116–129, 136, 140, 143, 145, 153, 154, 156, 157, 162, 163, 165–167, 175, 193, 201, 235, 272, 334
 Доусон-Скотт Кэтрин Эми: 93
 Драган Ана Нуша: 4, 178
 Драшкович Янко: 207, 208
 Душан Иванович: 253
 Душан Сильный – см. Стефан Урош IV Душан Неманич
 Евзлин Михаил: 25
 Еглич Антон Бонавентура: 219
 Еж Теодор Томаш – см. З. Милковский
 Елачич Йосип: 207
 Елизавета фон Вид: 294
 Еловшек Софья – см. З. Кведер
 Ерас И.: 325
 Ермолаева Вера Михайловна: 45, 46, 48, 51, 58, 68, 256, 258, 259, 262, 263, 286, 288, 289, 330
 Есенин Сергей Александрович: 100, 102, 155, 159, 321
 Есин Борис Иванович: 11
 Ефрон Илья Абрамович: 309, 311
 Жагар Янез: 149, 151
 Жид Андре Поль Гийом: 100, 153
 Житник(-Серафин) Яня: 115, 137, 138, 309, 310, 331
 Жугра Альвина Венедиктовна: 70, 78
 Жупанич Нико: 324, 325
 Жупанчич Отон: 219, 238
 Зайц Иван: 146
 Зданевич Илья Михайлович (псевд.: Ильязд): 8, 18, 22, 24, 25, 46–50, 53, 57, 61, 66–68, 96, 176, 177, 248, 250, 255–257, 259–264, 268, 270, 271, 289, 317, 318, 329–331
 Зданевич Кирилл Михайлович: 18, 22, 47, 57, 268, 317
 Зейер Юлиус: 21, 30, 192
 Зупанич Матие: 331
 И. Г. Л. – см. Я. Лаврин
 Ибсен Генрик: 22, 27, 99, 101, 128, 140, 143–145, 154, 162, 254, 290, 306, 309, 315
 Иван III Васильевич Рюрикович: 215
 Иванов: 256
 Иванов Вячеслав Иванович: 21, 118, 266
 Иванов Н. А.: 46
 Иванов Николай: 262
 Иванова Юлия Владимировна: 81, 82
 Ивановский: 71, 328

- Ильязд – см. И. М. Зданевич
 Иосиф II Габсбург: 202, 204
 Ирасек Алоис: 16
 Ирби (Эрби) Аделина Паулина: 79
 Иречек Герменгильд: 200
 Искендеров Пётр Ахметович: 74, 84
 Йованович Любомир: 241, 326
 Кайе Франсуа Луи: 296
 Калачёв Николай Васильевич: 311
 Каравелов Любен: 17
 Караджич Вук Стефанович: 35, 176, 204, 205, 208, 210
 Каракозов Дмитрий Владимирович: 89
 Карамзин Николай Михайлович: 167
 Карелин: 249
 Карлова М. Ф.: 70, 78
 Карпинский: 248
 Каспрович Ян: 15, 17, 21
 Каталинич-Еретов Рикард: 16, 30, 36
 Кафка Франц: 100, 101, 162
 Кацис Леонид Фридович: 9
 Кведер Зофка (в замужестве – Еловшек, Деметрович): 16, 137, 219
 Кемали Исмаил: 73
 Кеннард Г. П.: 19
 Кермавнер Душан: 28
 Керсник Янко: 42, 236
 Кетте Драготин: 219
 Киреевский Иван Васильевич: 203
 Киреевский Пётр Васильевич: 203
 Киркегор – см. С. О. Кьеркегор
 Клабус В.: 163
 Клеменчик Ловро: 319, 325, 331–333
 Клибанов А. И.: 313
 Клопчич Франце (Владимир Павлович): 28
 Ключев Николай Алексеевич: 21
 Ковалевский Максим Максимович: 55, 187, 294, 316
 Коллар Ян: 34, 35, 40, 203, 205, 207
 Конопницкая Мария: 15, 41, 315
 Конрад Джозеф (псевд.; Коженёвский Юзеф Теодор Конрад): 101
 Копитар Ерней: 210
 Кораблёв Василий Николаевич: 30, 269
 Коритник Гриша: 143, 146, 150, 157
 Корнель Пьер: 151
 Корон Алска: 6
 Корш Фёдор Евгеньевич: 236, 267
 Косик Андрей Викторович: 272
 Косик Виктор Иванович: 172, 272
 Косик (урождённая Мудрова) Ольга Владимировна: 3, 11, 30, 37, 45, 55, 66, 71, 172, 175, 246, 265, 267, 268, 270–275, 313, 314

- Костеж Ник. – 30, 41
 Котельянский Самуил Соломонович: 102
 Кошар Йоже: 163, 165
 Крагель Миха: 6
 Крайгер Лойз: 139
 Крамарж Карел: 40, 172
 Краньчевич Сильвие Страхомир: 16, 36, 315
 Красиньский Зыгмунт: 21, 203
 Круглов Владимир Фёдорович: 313
 Крупка Франтишек: 328
 Крусанов Андрей Васильевич: 45, 51
 Кручёных Алексей Елисеевич: 45, 176, 268, 270, 271
 Кудрявцев С.: 8
 Кузнецов В. А.: 46
 Кузнецова М. А.: 46
 Кукульевич-Сакцинский Иван: 206
 Кулаковский Платон Андреевич: 69
 Купер Валери: 103
 Кустодиев Борис Михайлович: 4, 8, 15, 56, 274, 276, 278, 313, 314
 Кьеркегор (Киркегор) Сёрен Обю: 101, 153, 160, 161
 Кэмпбелл: 107
 Л. – см. Я. Лаврин
 Л. П.: 41
 Л. С. – см. Я. Лаврин
 Лаврин Джон: 88, 93, 95, 97, 98, 103, 105, 109, 179–181
 Лаврин Дэвид: 88, 89, 105, 109, 110, 115, 179, 181
 Лаврин Иван – см. Я. Лаврин
 Лаврин (урождённая Фрай) Нора: 87, 88, 93, 94, 98, 103–105, 115, 179–181, 270, 272, 273, 275, 307
 Лаврин Янко (Иванович; псевд.: И. Г. Л., Иван Лаврин, Л., Л. С., Лев Савин, Миха Чоп, Я. Л.): 1–37, 39, 41–44, 51–69, 71–73, 76–79, 81, 85–187, 201, 202, 218, 234, 236, 238, 239, 246, 250, 251, 253–255, 265–267, 269, 271–275, 288–294, 296–303, 307–334
 Лаврины: 87, 97, 98, 104, 110, 111, 181
 Лавров Пётр Алексеевич: 30, 55, 187, 269, 316
 Лазарь Сербский (Хребельянович) св.: 74
 Ламанский Владимир Иванович: 31, 32
 Ландовская Ванда: 269
 Лапшин Николай Фёдорович: 46, 51, 58, 68, 177, 255–258, 260, 263, 289, 330
 Ларионов Михаил Фёдорович: 18, 45, 48, 57, 251
 Лах Иван: 320, 321
 Лебедев Владимир Васильевич: 48, 280
 Лебен Станко: 147–149

- Левин Юрий Давидович: 10
 Левинсон Ольга Григорьевна: 46, 47, 66
 Левстик Владимир: 139
 Левстик Фран: 41, 236
 Ле-Дантю (Ледантю; урождённая Севастьянова) Зинаида Самойловна: 248, 317
 Ле-Дантю (Ледантю) Михаил Васильевич: 18, 23–26, 45–47, 49, 51–54, 57, 59, 61, 62, 65–68, 176, 177, 246, 251, 255, 260, 264, 268, 274, 279, 281–285, 288, 289, 291, 292, 295, 297, 299, 310, 314, 316–318, 328–331, 333
 Ленчек Радо: 308, 333
 Леонов Иван Сергеевич: 2, 6
 Леонтич Любо: 324
 Леонтьев Константин Николаевич: 173
 Леопольд Саксен-Кобург-Готский: 90
 Лермонтов Михаил Юрьевич: 10, 41, 43, 164, 165, 267, 303
 Лесковец Л.: 17, 30, 265, 267
 Лешков Денис Иванович: 256, 263
 Лешкова, мать Д. И. и О. И. Лешковых: 263
 Лешкова Ольга Ивановна: 8, 23–25, 45–54, 61, 62, 65, 67, 176, 177, 255, 263, 268, 288, 289, 291–294, 297, 299, 317, 328–331, 333
 Лиддл Петер: 88
 Лидтке В. Ф.: 46
 Лика Къясим: 74
 Лиминг Гарри: 106, 181
 Лиминг Моника: 181
 Лишневская Вера Александровна (возможное прозвище: Прониха): 264
 Ломоносов Михаил Васильевич: 35, 167, 204
 Лоуренс Дэвид Герберт: 27, 88, 97, 101, 102, 166, 304, 305
 Мавер Маница: 140, 180
 Мажуранич Иван: 205
 Маймин Евгений Александрович: 10
 Маккензи Джорджина Муир: 79
 Макл Джеймс: 91
 Максимов Николай Васильевич: 69
 Малый Л.: 265
 Мандельштам Осип Эмильевич: 57
 Маринетти Филиппо Томазо: 159
 Мария Нидерландская: 294
 Мария-Антуанетта Габсбург: 306
 Мария Фёдоровна Романова: 262
 Марков Владимир Фёдорович: 25
 Марков Евгений Львович: 4, 70
 Марковы: 214
 Марочкина Антонина Николаевна (в замужестве: Заинчковская): 45, 51
 Марри Джон Миддлтон: 26
 Мартич Грга: 210

- Марцадури Марцио: 25, 45–47, 49, 53, 56, 61, 62, 67, 68, 96
- Масарик Томаш Гарриг: 14, 16–18, 27, 56, 109, 173, 265, 269, 294, 306, 328
- Масарик Ян: 306
- Махар Йозеф Сватоплук: 16, 173, 234, 235, 269, 315
- Маэсту Рамиро де: 117, 118, 333
- Маяковский Владимир Владимирович: 9, 18, 43, 45, 57, 100, 155, 159, 167, 268, 270, 317
- Мелик Василий: 28
- Мережковский Дмитрий Сергеевич: 119, 129
- Мершол Митя: 178
- Мершолы: 179
- Метерлинк Морис Полидор Мари Бернар: 254
- Мешко Франц Ксавер: 219
- Мештрович Иван: 59, 193, 324, 328
- Меяк Митя: 160, 161
- Миккола Иосиф Юлиус: 316
- Милковский Зыгмунд: 192
- Миллер Артур: 93
- Миллер Генри: 93, 104
- Миллер Реймонд Гарри: 3, 6
- Милутинович: 208
- Милуков Павел Николаевич: 30
- Минченков Яков Данилович: 175, 313
- Мирский Д. С. – см. Д. П. Святополк-Мирский
- Митринович Дмитрие: 103
- Мицкевич Адам: 193, 203
- Мичковский Олег Борисович: 10, 130
- Младенович А.: 30
- Мод Эйльмер: 101, 104
- Мольер (псевд.; Поклен Жан Батист): 151
- Монна Роза (Левинсонда) – см. О. Г. Левинсон
- Монтень Мишель Эйкем де: 153
- Мопассан Ги де: 128, 142
- Моравец Душан: 5, 55, 57, 93, 106, 128, 136, 137, 182
- Мордвинов Александр Александрович: 317
- Мохоx св.: 218
- Мохоxич Милена: 156
- Мудрова – см. О. В. Косик
- Мунте Аксель: 306
- Муравьевы-Виленские: 214
- Мурат (Мурад) I Богоподобный: 75
- Мурн Йосип (псевд.: Александров): 219
- Мысльбек Йосеф Вацлав: 193
- Мэнсфилд Кэтрин: 27, 101
- Мэттьюс Уильям Клисман: 106, 140
- Мюир Эдвин: 92, 101, 305
- Мюрри Миддлтон: 102
- Неруда Ян: 16, 17, 41
- Нестор Летописец: 167
- Никитин Сергей Александрович: 28

- Никифоров Константин Влади-
мирович: 6
 Никола I Петрович Негош: 23,
304
 Николай Николаевич Романов
(младший): 59, 324
 Никольская Татьяна Львовна: 62
 Ницше Фридрих Вильгельм: 99,
101, 106, 116, 119, 123, 124,
127–129, 136, 141, 142, 152,
156–158, 161, 162, 164, 166, 235
 Нович Н. – см. Н. Н. Бахтин
 Нушич Бранислав (Бронислав):
23, 30, 266, 325
 Обрадович Доситей: 35, 41, 204,
208
 Обренович Михаил: 214
 Обреновичи: 214
 Одесский Михаил Павлович: 9, 25
 Олешинский А. Ф.: 320
 Ольденбургский Александр
Фридрих Константин (Алек-
сандр Петрович): 56, 249
 Оридж Альфред Ричард: 25–27,
89, 100, 117
 Оруэлл Джордж: 93
 Островский Александр Нико-
лаевич: 159
 Оукшот Майкл: 106
 Оуэн Алекс: 26
 Оцвирк Антон: 147
 Палацкий Франтишек: 34, 203
 Папини Джованни: 141
 Парес Бернард: 89, 92
 Парнис Александр Ефимович: 3,
6, 9–11, 13, 20, 25, 57, 127, 174,
176, 177, 266, 275, 317, 320
 Партридж Моника: 88, 106, 108,
111, 112, 114
 Паскаль Блез: 153
 Паскевичи: 214
 Пастернак Борис Леонидович:
159, 167
 Пауль Ганс: 306
 Паунд Эзра Лумис: 26, 101
 Пашич Никола: 42, 43, 59, 89,
140, 239, 240, 242–244, 325,
327, 329, 331
 Пашков Александр: 107
 Пашков Василий: 107
 Пашковы: 107
 Пелехин Борис Павлович: 294,
331
 Перельман: 330
 Петар (Пётр) I Карагеоргиевич:
109
 Петар, сын Николы I Петровича
Негоша: 326
 Петар (Пётр) II Петрович Не-
гош: 208, 209, 244
 Петерлин-Петрушка Радивой: 148
 Пётр I Великий: 164
 Пиранделло Луиджи: 99, 100,
152, 156, 162, 306
 Пиросманашвили (Пиросмани-
швили; псевд.: Пиросмани)
Николай Асланович: 18, 57,
317, 318

- Пиросмани – см. Н. А. Пироманапшвили
 Пирьевец Йоже: 180
 Писарев Юрий Алексеевич: 72, 326
 Пиштелич Лука: 30, 269
 Плелетерски Янко: 58–60, 140, 294, 309, 310, 312, 319, 321, 324–326, 328, 331, 332, 334
 Плошинский Сергей Фёдорович: 277, 314
 Погачар Тимоти: 3, 6
 Погачник Йоже: 166
 Погодин Александр Львович: 30, 37, 39, 40, 266
 Пониж Денис: 166
 Поточняк Франко: 328
 Презель Йошко: 148
 Прейссова Габриэль: 192
 Прерадович Петар (Пётр): 192, 203, 205, 206
 Прешерн Франце: 17, 170, 192, 208, 219, 220, 236, 267
 Принцип Гаврило: 24, 89, 307
 Приятель Иван: 158, 267
 Пронин Борис Константинович: 264
 Прониha – см. В. А. Лишневская
 Пруст Марсель: 99, 102, 122, 128, 143, 153, 160, 162
 Пул А. Д.: 105
 Пуришкевичи: 214
 Пуцич Медо: 210
 Пушкин Александр Сергеевич: 2, 7, 43, 76, 102, 151, 164, 167, 192, 193, 254, 303, 314
 Пшибышевский Станислав: 223, 254
 Радич Степан: 253
 Радович А.: 326
 Раич Йован: 210
 Раковац Драгутин: 210
 Рассел Бертран: 102
 Рауз Альфред Лесли: 93
 Раффи А.: 90
 Регинин Василий Александрович: 19
 Реймонт Владислав: 254
 Рембо Жан Николя Артюр: 100, 153, 162
 Ремизов Алексей Михайлович: 21, 57, 266
 Репин Илья Ефимович: 15
 Рид Герберт: 93, 101, 104
 Рильке Райнер Мария: 100, 155, 162
 Римский-Корсаков Андрей: 24
 Рихтхофен Фрида фон: 97, 304
 Рицци Д.: 25
 Ричмонд Кеннет: 117
 Робертс Йен В.: 90
 Ровинский Павел Аполлонович: 20
 Розанов Василий Васильевич: 57, 100, 102, 119, 151
 Романова П.: 137
 Рославлев: 259

- Роуз Уильям: 103
 Рудольф Габсбург: 21
 Русс Йоже: 146
 Руссо Жан Жак: 152, 160
 Рыжкова Любовь Николаевна: 248
 Рыжова Майя Ильинична: 37
 Рэндолл Альфред И.: 100
 Рябова Евгения Ивановна: 230
 Савин Лев – см. Я. Лаврин
 Садлейр Майкл: 305
 Сазонов Сергей Дмитриевич: 326
 Сарабянов Андрей Дмитриевич: 45
 Сартр Жан Поль: 160–163
 Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (псевд.: Д. С. Мирский): 92, 103, 104
 Севастьянов Самуил Михайлович: 248
 Севастьянова – см. З. С. Ле-Дантю
 Сеймур: 307
 Семиз Д. И.: 55, 187, 316
 Серков Андрей Иванович: 294
 Сигал Льюис: 96
 Сигей Сергей Всеволодович: 25
 Силкин Александр Александрович: 69
 Сиротинин Андрей Николаевич: 30
 Ситвелл Осберт: 93, 105
 Ситвелл Сачеверелл: 93, 105
 Ситвелл Эдит: 93, 105
 Сказа Александер: 3, 6, 167, 168
 Скальковский Константин Аполлонович: 69
 Скитник Сирак (псевд.; Тодоров Христов Панайот): 21
 Славейков Пенчо: 16, 192
 Слепченко Василий (Базил): 90, 96
 Словацкий Юлиуш: 41, 192, 193, 203
 Слодняк Антон: 93, 108, 115, 160, 167, 168, 170, 171, 182, 267, 269, 271, 323, 333
 Смит Джеральд: 92, 103, 104
 Соболевский Г. В.: 318
 Созина Юлия Анатольевна: 1, 2, 4, 7, 115, 127, 171, 177, 186, 187
 Сола Пинто Вивиан де: 106, 107, 110, 111
 Соловьёв Владимир Сергеевич: 119
 Сологуб Фёдор Кузьмич: 21, 266
 Спиридов А. М.: 78
 Спротт Уолтер Джон Герберт: 111
 Сталин (псевд.; Джугашвили) Иосиф Виссарионович: 28
 Становник Майда: 182
 Старикова Надежда Николаевна: 2, 6
 Стаханова Ирина Генриховна: 4, 116
 Степович Андроник Иоаникиевич: 69
 Стефан Урош III (Дечанский) Неманич: 76
 Стефан Урош IV Душан (Душан Сильный) Неманич: 76

- Стид Генри Уикем: 328
Стригалёв Анатолий Анатольевич: 57
Стриндберг Юхан Август: 144, 162, 306
Стритар Йосип (Иосиф): 42, 236
Студин Марин: 95
Стюарт Хью: 107
Суворин Алексей Сергеевич: 21, 299
Суворин Михаил Алексеевич: 21, 23, 24, 60, 325, 328
Сытин Иван Дмитриевич: 253
Таборский Франтишек: 39, 173, 265, 269
Тавчар Иван: 42, 236
Талбот: 19
Талвио (псевд.; Миккола) Майла: 316
Текели Савва: 209
Темпл Юнис – см. Джесси Чемберс
Термикелев: 317
Терри Гарт М.: 88
Тимофеев Алексей Юрьевич: 73
Толстой Лев Николаевич: 4, 7, 9, 10, 13, 14, 16, 27, 31, 41, 43, 56, 97, 99, 101, 102, 104, 112, 126–136, 140–142, 152, 155–157, 164–167, 175, 177, 193, 201, 254, 266, 272, 305
Томас Дилан: 93
Топтани Эссад – см. Эссад-паша
Трофимов М. В.: 90
Трумбич Анте: 43, 59, 324, 328
Тургенев Иван Сергеевич: 31, 102, 164, 165, 175, 201
Турова Екатерина Ивановна: 46, 47, 68, 261, 262
Уайльд Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллис: 99, 100, 151–153, 162
Уикли Эрнест: 92, 97, 99, 304
Уитмен Уолт: 141
Уоллес Мартин: 100
Уолпол Хью: 101
Урусов: 56, 249
Ускокович Милутин: 16, 266, 315
Успенский Пётр Демьянович: 117
Уэллс Герберт Джордж: 102
Фаберже Петер Карл Густавович: 258, 264
Фабри: 317, 318
Файон Бронислав: 163
Ферзен Ханс Аксель фон: 306
Ферзен фон: 306
Филипич Франце: 325
Флобер Гюстав: 102
Флоринский Тимофей Дмитриевич: 198
Фонвизин Денис Иванович: 167
Фрай – см. Н. Лаврин
Фрай Роджер: 307
Франс Анатолий (псевд.; Жак Анатоль Франсуа Тибо): 100, 145, 153, 162
Франц Фердинанд Габсбург: 323
Фрейд Зигмунд: 25, 113, 116, 119–121, 123, 124
Фридрих К. Н.: 46

- Ханжонков Александр Алексеевич: 300
- Хвостов А. Н.: 69
- Хейманс Герардус: 306
- Хилл Элизабет: 103
- Хиндл Уилфред: 93
- Хирш-Хоултон Лиза: 109, 110, 178
- Хлебников Велимир (псевд.; Виктор Владимирович): 3, 9, 13, 18–22, 45, 47, 53, 174, 176, 268–271, 274, 317–320
- Хлебникова Ирина Борисовна: 4, 6, 8, 23, 44, 176, 239, 246, 288, 308
- Хоар Питер: 180
- Хомяков Алексей Степанович: 203
- Хопкинс – см. М. Аглоу
- Хостник Даворин Мартин Матвеевич: 267
- Хрибар Иван: 172
- Хруцкая Мария: 175, 265, 268, 314
- Хьюит Реджинальд Мейнво-ринг: 107, 110
- Цанкар Иван: 11, 14–16, 18, 21–23, 30, 36, 37, 42, 100, 136, 139, 141, 148, 160, 161, 166, 170, 218–233, 238, 266, 313–316, 318, 321–323, 325
- Цанкар Изидор: 171, 323
- Цветко Драготин: 71, 170
- Цвиттер Фран: 28
- Цесар Э.: 168
- Циганович Милан: 24, 89, 307
- Цонев: 215
- Цорович Сима: 23
- Цурри Байрам: 74
- Челаковский Франтишек Лади-слав: 34, 203
- Чемберс Джонатан Дэвид: 111
- Чемберс Джесси (псевд.: Юнис Темпс, Е. Т.): 97, 101, 304, 305
- Чепелевская Татьяна Ивановна: 2, 4, 8, 11, 60, 63, 64, 69, 71, 72, 88, 187, 326
- Чернявский Коллау: 318
- Чех Святоплук: 41
- Чехов Антон Павлович: 21, 27, 102, 115, 128, 142, 154, 159, 162, 165, 167, 171, 182
- Чмак Мария: 181
- Чоп Миха – см. Я. Лаврин
- Чубинский Михаил Павлович: 55, 187, 294, 316
- Чуркина Искра Васильевна: 2, 4, 11, 12, 15, 28, 56, 183, 187, 333
- Шаляпин Фёдор Иванович: 259
- Шафарик Павел Йозеф: 34, 203, 205
- Шекспир Уильям: 102, 119, 214
- Шемякин Андрей Леонидович: 6, 69
- Шеноа Август: 30
- Шестов (псевд.; Шварцман) Лев Исаакович: 27, 102, 129
- Шиллер Иоганн Кристоф Фрид-рих: 214
- Шильдер Андрей Николаевич: 265, 268

- Шильдер Матрона В.: 173, 175, 265, 268, 312–314
- Шиманек: 201
- Шимунович Динко: 21
- Шифрер Йоже: 163
- Шлейер Иоганн Мартин: 200
- Шорли Иво: 219
- Шоу Джордж Бернард: 100, 102, 128, 143, 144, 156, 162
- Шпенглер Освальд Арнольд Готтфрид: 101
- Шруба Манфред: 45, 47, 49, 51, 54, 62, 67
- Штейн Сергей Владимирович фон (псевд.: А. Ш.): 30, 236, 266
- Штейнер Рудольф: 22, 304, 320
- Штирнер Макс (псевд.; Шмидт Каспар): 226
- Штурса Ян: 193
- Шукле Рапа: 127, 140, 160, 161, 165, 166, 168, 170, 171, 182
- Эдинбург: 257
- Элиот Томас Стернз: 101
- Эмпсон Уильям: 93
- Эрби – см. А. П. Ирби
- Эссад-паша Топтани: 24, 63, 74, 84, 85, 89, 302, 326
- Эссен: 258
- Эсхил: 154
- Эткинд Марк Григорьевич: 313
- Юкич Иван Франьо: 210
- Юнг Карл Густав: 116, 119, 120, 124, 125
- Юнгтрен Магнус: 5, 9, 13, 303, 307, 317, 320–323, 334
- Юнгманн (Юнгман) Йозеф: 34, 203
- Юраевич Тина: 181
- Юрчич Йосип: 42, 236
- Юсуф Элез: 74
- Я. Л. – см. Я. Лаврин
- Яковлев Александр Евгеньевич: 264
- Янкин Николай Петрович: 46
- Яцимирский Александр Иванович: 30, 269
- A. D.: 147
- Allain Louis: 88
- Aškerc Anton – см. А. Ашкерц
- Balzac – см. О. де Бальзак
- Baranovskiy V. – см. В. И. Барановский
- Baudelaire Charles – см. Ш. Бодлер
- Bizjak D. – см. Д. Бизьяк
- Bor M. – см. М. Бор
- Borko B. – см. Б. Борко
- Cankar Ivan – см. Иван Цанкар
- Chekhov Anton – см. А. П. Чехов
- Chlebnikov – см. В. Хлебников
- Čehov Anton – см. А. П. Чехов
- D'Annunzio Gabriele – см. Г. Д'Аннунцио
- Dawson Scott C. A.: 93
- Donat Peter – см. П. Донат

- Dostoevsky – см. Ф. М. Достоевский
- Dostojevski – см. Ф. М. Достоевский
- Dostoyevsky – см. Ф. М. Достоевский
- E. T. – см. Джесси Чемберс
- Fougeron Irina: 88
- France Anatole – см. А. Франс
- Gerhardie William – см. У. Джерхарди
- Geyraud R. – см. Р. Гейро
- Gogolj – см. Н. В. Гоголь
- Gradišnik Janez – см. Я. Градишник
- Graham S. – см. С. Грэхэм
- Hamsun – см. К. Гамсун
- Herrity Peter: 108
- Hewitt Reginald Mainwaring – см. Р. М. Хьюит
- Hill Elizabeth: 103
- Horst-Jürgen Gerigk: 88
- Hostnik – см. Д. М. М. Хостник
- Huysmans – см. Ш. М. Ж. Гюисманс
- Ibsen – см. Г. Ибсен
- Iliazd – см. Ильязд (И. М. Зданевич)
- Irby Adeline Paulina – см. А. П. Ирби
- Jesenin Sergej – см. С. А. Есенин
- Jones M. V. – см. М. В. Джоунс
- Keil Rolf-Dietrich: 127
- Khlebnikova I. – см. И. Б. Хлебникова
- Kierkegaard Soeren – см. С. О. Кьеркегор
- Laffrée M. B. A.: 127
- Lah Ivan: 253
- Lavrin Janko – см. Я. Лаврин
- Lavrin N. – см. Н. Лаврин
- Lawrence D. H. – см. Д. Г. Лоуренс
- Ledentu – см. М. В. Ле-Дантю
- Leskovec – см. Л. Лесковец
- Ljunggren Magnus – см. М. Юнгрен
- MacKenzie Georgina Muir – см. Дж. М. Маккензи
- Maetz R. de – см. Р. Де Маэсту
- Magarotto Luigi: 96
- Markov V. – см. В. Ф. Марков
- Marsh Cynthia: 106
- Marzaduri M. – см. М. Марцадур
- Masaryk – см. Т. Г. Масарик
- Maupassant – см. Г. де Мопассан
- Maver M.: 140
- Methuen: 106
- Moravec D. – см. Д. Моравец
- Neuhäuser Rudolf: 88
- Nietzsche – см. Ф. В. Ницше
- Nušić – см. Б. Нушич
- Oakeshott M. – см. М. Оукшот
- Ocvirk A. – см. А. Оцвирк
- Orage – см. А. Р. Оридж
- Ostrovski – см. А. Н. Островский

- Owen A.: 26
 Parnis A. – см. А. Е. Парнис
 Partridge Monica – см. М. Парtridge
 Pirandello – см. Л. Пиранделло
 Pleterski J. – см. Я. Плелетерски
 Prezelj J. – см. Й. Презель
 Prijatelj Ivan – см. И. Приятель
 Proust – см. М. Пруст
 Ravrin Y. – см. Я. Лаврин
 Richmond K. – см. К. Ричмонд
 Richthofens the von: 97 (также см. Ф. фон Рихтхофен)
 Rilke Rainer Maria – см. Р. М. Рильке
 Rimbaud – см. Ж. Н. А. Рембо
 Roberts I. W.: 90
 Rosslyn Wendy: 106
 Rousseau – см. Ж. Ж. Руссо
 Sartr – см. Ж. П. Сартр
 Show – см. Дж. Б. Шоу
 Skaza A. – см. А. Сказа
 Slodnjak Anton – см. А. Слодняк
 Smith J. S.: 103
 Sola Pinto V. de – см. В. де Сола Пинто
 Stein – см. С. В. фон Штейн
 Stewart John Massey: 107
 Strindberg – см. Ю. А. Стриндберг
 Sugiura Tadao: 127
 Šifrer J. – см. Й. Шифрер
 Terry G. M. – см. Г. М. Терри
 Tolstoj Leo – см. Л. Н. Толстой
 Tolstoj Lev – см. Л. Н. Толстой
 Tolstoy – см. Л. Н. Толстой
 Torusutoi – см. Л. Н. Толстой
 Vošnjak B. – см. Б. Вошняк
 Wallace Martin: 100
 Watts Marjorie: 93
 Weekleys the: 97 (также см. Э. Уикли)
 Wilde Oskar – см. О. Ф. О'Ф. Уайльд
 Woolf V. – см. В. Вулф
 Worthen John: 97
 Zdanevic I. M. – см. И. М. Зданевич
 Žitnik J. – см. Я. Житник

Summary

This book is devoted to questions of Janko Lavrin's (1887–1986) life and works. A Slovene, Lavrin spent ten exciting and productive years in Russia, taking active part in the cultural life of prerevolutionary Petersburg, and accomplishing much for the development of Slovene literature and its connections with other Slavs. His creative and scholarly bequeathal is varied: he published the journal *Slavianskii mir*, the almanac *Veles*, and translations. Lavrin travelled as a war correspondent and, in 1916, published the book *V strane vechnoi voiny. Albanskie eskizy* (In the land of eternal war. Albanian sketches), and did much more during his years in Russia.

The forthcoming proceedings present the breadth of Lavrin's cultural and literary activities. Scholars from Russia, Slovenia, Great Britain, the U.S., and Switzerland contributed to it. Their articles treat Lavrin's activities in different periods, including after the Russian Revolution, when, living in Great Britain, he taught Russian literature and wrote books on Pushkin, Gogol, Dostoevsky and others, which were translated into many different languages. Several generations of Western Russianists grew up on them. Besides scholarly articles, the proceedings contain rare correspondence, memoirs, and some works by Lavrin of cultural and historical value.

Izvilleček

Knjiga je posvečena življenju in delu J. Lavrina (1887–1986), Slovenca, ki je v Rusiji preživel deset aktivnih in plodnih leh. Na široko je bil vpet v kulturno življenje predrevolucijskega Sankt Peterburga in je v veliki meri pripomogel k ustvarjanju trdnjših povezav med Slovani. Njegova ustvarjalna dediščina je raznovrstna: izdajal je revijo *Slovanski mir* in almanah *Veles*, ukvarjal se je s prevajanjem, bil je vojni dopisnik, napisal pa je tudi več avtorskih del, med katerimi naj omenimo knjigo *V deželi večne vojne. Albanske skice* (1916).

V objavljenih člankih, ki so jih prispevali znanstveniki iz Rusije, Slovenije, Velike Britanije, ZDA in Švedske, so predstavljene različne kulturne in literarne dejavnosti Lavrina. Raziskave se ne osredotočajo le na rusko obdobje, temveč osvetljujejo tudi njegovo kasnejše delovanje v Angliji, kjer je predaval rusko književnost in pisal knjige o Puškinu, Gogolju, Dostojevskem ter mnogih drugih. Ob teh delih, ki so prevedena v različne jezike in mnogokrat ponatisnjena, so zrasle generacije tujih rusistov. Pričujočo izdajo zaokrožajo prvič izdana pisma in spomini ter nekatera zgodnja Lavrinova dela, ki so zanimiva tako s kulturnega kot tudi z zgodovinskega vidika.

Содержание

От редколлегии	3
<i>I. О жизни и творчестве Янко Лаврина</i>	
Созина Ю. А. Восприятие работ Янко Лаврина в современной России	7
Юнгрен М. Янко Лаврин и «славянская идея»: воспоминания о России	13
Чуркина И. В. Журнал «Славянский мир» Янко Лаврина	28
Барановский В. И., Хлебникова И. Б. Художественно-литературная группа «Безкровное убийство» и Янко Лаврин как основной персонаж одноимённого журнала	44
Чепелевская Т. И. Албанцы в «Албанских эскизах» Я. Лаврина (по материалам книги «В стране вечной войны», 1916)	69
Джоунс М. В. Лаврин в Британии (1917–1986)	87
Стаханова И. Г. Ф. М. Достоевский как реалист и психолог в работах Янко Лаврина	116
Созина Ю. А. Образ писателя в книге Я. Лаврина «Лев Толстой сам о себе»	127
Моравец Д. Словенские журнальные и книжные публикации работ Янко Лаврина	136
Косик О. В. Воспоминания о знакомстве с Лавриным (к публикации писем Я. Лаврина к автору)	172
Драган А. Н. Кинопортрет профессора Янко Лаврина: от идеи до реализации	178
<i>II. Работы Янко Лаврина российского периода</i>	
Славянский вопрос и художественно-литературное сближение (статья в сборнике Общества славянского научного единения «Славянский вопрос в его современном значении», 1913)	187
От редакции (вступительные статьи к двум первым номерам журнала «Славянский мир», декабрь 1908, январь 1909, без подписи)	194
Русский язык и славяне (статья в журнале «Славянский мир», 1908, № 1, под псевдонимом Л.)	198

Культурное движение южных славян в XIX веке (статья в журнале «Славянский мир», 1910, № 1–3, под псевдонимом Л. С.)	202
Славянская идея и мы (статья в журнале «Славянский мир», 1911, № 1, без подписи)	212
Портреты славянских писателей: Иван Цанкар (статья в журнале «Славянский мир», 1911, № 1–5, под псевдонимом Л. Савин) ...	218
Anton Aškerc. Akropolis in piramide (рецензия в журнале «Славянский мир», 1910, № 1, под псевдонимом Л. Савин) ..	234
Антон Ашкерц (некролог в журнале «Баян», 1912, № 6, под псевдонимом Я. Л.)	236
Сообщения военного корреспондента на Балканах Я. Лаврина в газете «Новое время» (1915–1916)	239

III. Письма

Я. Лаврин к М. В. Ле-Дантю: 15 мая 1912 г	246
Я. Лаврин к С. П. Боброву: 4 ноября 1912 г.	250
Я. Лаврин к М. В. Аверьянову: 28 сентября, 7 октября 1913 г. ..	251
О. И. Лешкова к М. В. Ле-Дантю: 8 и 13 декабря 1916 г.	255
Я. Лаврин к О. В. Мудровой: с 17 октября 1980 г. по 10 декабря 1984 г.	265

IV. Приложения

Иллюстрации	276
Албанский выпуск «Безкровного Убийства»	288
Янко Лаврин рассказывает... (записано М. Юнггеном)	303
Хронология жизни Янко Лаврина в России: 1907–1917 (составители Барановский В. И., Хлебникова И. Б.)	308
Именной указатель (составители Герчикова И. А., Созина Ю. А.)	335
Summary	352
Izveček	352

**В серии «Slavica et Rossica»
вышли следующие издания:**

*Поэтический мир славянства:
общие тенденции и творческие индивидуальности
(Исследования по славянской поэзии)*

Редколлегия: С. В. Никольский (отв. ред.), Г. Ф. Доронина,
Ю. А. Созина, Н. В. Шведова.

М.: ИСл РАН, 2006.

Россия в глазах славянского мира

Редколлегия: А.В. Липатов (отв. ред.), Н. С. Осипова,
Ю. А. Созина.

М.: ИСл РАН, 2007.

*Славянский мир в глазах России.
Динамика восприятия и отражения в творчестве,
документальной и научной литературе*

Редколлегия: Л. Н. Будагова (отв. ред.), И. И. Калиганов,
Н. С. Осипова, Ю. А. Созина,
Н. В. Шведова.

М.: ИСл РАН, 2011.

Научное издание

**ЯНКО ЛАВРИН
И
РОССИЯ**

*Ответственный редактор
Ю. А. Созина*

На первой странице обложки:
Б. М. Кустодиев. Портрет Я. И. Лаврина, 1909

Подписано в печать 12 апреля 2011 г. Объем 22,25 п. л.
Тираж 300 экз. Формат 60х88/16.

ISBN 978-5-7576-0227-1

Отпечатано в типографии «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-0619 e-mail: probel-2000@mail.ru

Янко Лаврин и РОССИЯ